

Литературно-педагогический конкурс «Добрая лира»
ПРЕМИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПРИЗНАНИЯ

УЧРЕДИТЕЛИ:

Жолован Степан Васильевич,
Санкт-Петербургская академия постдипломного
педагогического образования,

Каменский Алексей Михайлович,
ГБОУ «Лицей информационно-коммуникативных технологий
№ 590» Санкт-Петербурга

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПРИ ПОДДЕРЖКЕ:

издательская фирма «Сентябрь», Москва,
Союз писателей России (Санкт-Петербургское отделение),
Союз писателей Санкт-Петербурга,
Школьная библиотечная ассоциация Санкт-Петербурга

А. М. Каменский,
Б. А. Орлов,
Т. И. Полякова,
Т. И. Смородкина,
А. Н. Петрова,
Ю. В. Гурин,
В. Н. Зайцев,
Е. А. Хозяинова, председатель жюри

Редакционно-издательский совет выражает глубокую благодарность за всестороннюю поддержку проекта «Добрая лира» и материально-техническое обеспечение Премии педагогического признания Фонду поддержки образования и лично Татьяне Ивановне Голубевой и Алексею Константиновичу Фёдорову.

Оргкомитет благодарит за эффективную организационную работу по подготовке и проведению конкурса Елену Богданову, Илью Васильева, Елизавету Губанову и Александра Эйнгорна.

Жюри:

Григорин Борис Эммануилович, член Союза писателей Санкт-Петербурга,

Гурин Юрий Владимирович, педагог, методист по игровым методам обучения лицеза информациоанно-коммуникативных технологий № 590 Санкт-Петербурга, автор книг по игровой тематике,

Капустина Вероника Леонидовна, член Союза писателей Санкт-Петербурга,

Лелина Валентина Ивановна, член Союза писателей Санкт-Петербурга, член Союза архитекторов России, автор книг по истории Санкт-Петербурга,

Махотин Сергей Анатольевич, член Союза писателей Санкт-Петербурга,

Мухина Людмила Алексеевна, педагог, учитель русского языка и литературы, Заслуженный учитель Российской Федерации,

Орлов Борис Александрович, председатель Правления Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России; секретарь Союза писателей России; секретарь Исполкома международного Сообщества писательских Союзов; лауреат литературных премий им. К. Симонова, В. Пикуля, «Золотой кортик»,

Перевезенцева Наталия Анатольевна, член Союза писателей Санкт-Петербурга, автор книг по истории Санкт-Петербурга, дипломант премии «Золотое перо»,

Полякова Татьяна Ивановна, заведующая информационно-библиотечным центром Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования, кандидат педагогических наук,

Старовойтова Ольга Рафаэлевна, президент Школьной библиотечной ассоциации Санкт-Петербурга,

Хозяинова Елена Алексеевна (председатель жюри), член Союза писателей Санкт-Петербурга, член Союза российских писателей

В обсуждении представленных на конкурс работ приняли участие ученики санкт-петербургских школ (детское жюри) и читательское Интернет-жюри.

НАСТЯ, ВОВЧИК, БАФ, ШИШУНЯ
И БОЛЬШОЙ ПЁС С ВОРОБЬЁМ
МЕЖДУ УШАМИ

Санкт-Петербург
Издательство «Лема»
2014

ББК 83.3(2Рос)

*«Добрая лира» благодарит всех авторов,
приславших на конкурс свои произведения.*

Все произведения опубликованы с согласия авторов.

Собрание произведений лауреатов и дипломантов литературно-педагогического конкурса «Добрая лира» / Составитель Е. Хозяинова. СПб., 2014. — 292 с., илл.

В настоящее Собрание включены произведения лауреатов и дипломантов литературно-педагогического конкурса «Добрая лира» (Премия педагогического признания) 2013–2014 гг. в номинациях «Художественная литература для детей», «Художественная литература без ограничения возраста», а также рисунки учеников санкт-петербургского художника-педагога Татьяны Анатольевны Беляевой.

© Е. Хозяинова, составление, подготовка текстов, подбор рисунков, 2014

© Издательство «Лема», 2014

Николай Зайцев

КАРА-ВАЛУН

Этот валун находился здесь всегда, наверное, ещё со времён всемирного потопа потому, что только могучие волны, того давнего Божьего гнева, могли вынести этот огромный камень из горного ущелья и уложить на берегу нашей реки. Он выделялся среди своих гранитных собратьев, вольно разбросанных по обоим берегам реки, величиною размера, плоской гладью спины и дикой чернотой цвета. Все другие камни рядом с ним казались серенькими мышками в подножии горы.

Родная земля, она объединена во всё — отеческим домом, деревом, речкой и родным... камнем. Даже зимой мы ходили к нему посмотреть на его широкую спину, чернеющую среди синего ледяного покрова реки и белизны снега на берегу. На самом камне снег не держался, а таял сразу же после выпадения. Вероятно, за лето он накапливал в себе солнечную энергию тепла, и ему хватало этого внутреннего жара, чтобы в трескучие морозы растапливать вокруг лёд и падающий снег. Кругом камня и в зимнюю стужу плескалась голубая вода, хотя река от берега и до узкой протоки в середине покрывалась льдом. И для нас это тоже казалось чудом — наш камень не поддавался холоду, и мы, сбросив варежки, касались ладошками его поверхности, и он отзывался, не поверите, — летним теплом, сказочно-необычным чувством среди снега и льда.

Тогда, в то замечательное время нашего детства, все мы верили в чудеса и потому они происходили — мы согревались и росли под добрыми взглядами наших родителей, соседей и просто незнакомых людей, а вокруг нашего камня не замерзала вода.

Деды и отцы наши тоже знали о чёрном камне и приходили сюда, кто погреть старые кости, а кто-то вспомнить былое молодое время, сокровенные тайны, связанные жизнью с этим местом. А место это замечательное: чистейшая вода горной реки — цвета утреннего неба, а среди этой красоты чёрный камень, омываемый всплесками течения, одним краем выдавшийся к берегу, как бы приглашая взойти на свою широкую, гладкую спину и, оглядевшись вокруг, вспомнить прошлое и, может быть, прозреть будущее.

Конечно же, мы тогда об этом не думали — просто купались до синевы на губах и лезли на камень греться, а он большой и горячий встречал нас теплом и каким-то особенным запахом необъятного простора свободы — запахом родины.

И ещё во время купания на реке мы изучали языки. Не верите? Но это правда. Наша многонациональная голопузая орда отличалась не только нерушимой дружбой народов, но и любопытным желанием проникнуть в глубину культуры соседей — казахов, немцев, турков,

греков, украинцев. Как с причины возникновения любой этнокультуры мы начали с языка. Переводили слова языков на русский, как общеродной для всех наций и народов, проживающих в нашем горном крае, но, запоминая цепким детским разумом слова и целые предложения первоисточника, пытались употребить иноязычные названия предметов и действий, как синонимы русских названий и учились разговаривать на этой вавилонской смеси языков и наречий. Получалось такое столпотворение слов, что понять наши разговоры даже искушённому в языках полиглоту было невозможно. Но мы-то понимали и разговаривали на своём тарабарском наречии между собой, считая этот язык совершенным для сокрытия наших детских тайн. Наш язык шлифовался временем и выросстал в необходимую величину межнационального общения. Тёплый друг нашего детства, чёрный камень, тоже величался на смеси языков — Кара-Валун.

Но вот, однажды, среди лета, когда вся детвора только что не ночевала на реке, в её обширной пойме появились люди с тяжёлыми молотками и зубилами и принялись колоть и тесать камни, которые потом увозила машина. Нам жаль было расставаться с каждым из наших друзей, но мы мирились с этими утратами — взрослые люди работают, значит, так надо. Но когда эти пришлые люди подобрались к «горячему» камню и стали его измерять, о чём-то весело переговариваясь, мы все, как один, по команде, высыпали на спину Кара-Валуна и улеглись, сплошь покрыв своими телами всю его каменную ширь. Мужики, озадаченные нашей смелостью, пытались нас увещевать, убеждали нас в чем-то, но мы молчали, не поддаваясь на уговоры, а позже мужественно, не двигаясь, и всё так же бесшумно переносили их угрозы и ругательства... и невыносимый летний зной.

Однако каменотёсы тоже не сдались в желании раскромсать наш камень, сели на соседние камушки, разделись, стали купаться, ожидая, когда жара сгонит нас с камня. Так, наверное, и случилось, если бы... но, вдруг, каждый из нас почувствовал всем своим маленьким телом, что камень начал излучать прохладу, настолько живительную, что наша решимость защищать родную территорию обратилась нерушимой крепостью. Мы как бы срослись с каменным братом нашим и поверили, что сможем его отстоять потому, что он призывает нас к стойкости, отдавая свои силы нам, чудесным образом даря прохладу в летнюю жару.

Мы так и не подвинулись с места и дождались, покуда терпение каменотёсов лопнуло и они, ещё немного поворчав на нашу, с их точки зрения, безумную храбрость, но уже беззлобно и без ругани, а так для порядка, ушли вниз по течению реки, где она растекалась широко и вольно, и её русло было усеяно камнями разной величины. Мы же сразу бросились в воду, шумно и радостно празднуя победу.

Когда, накупавшись до «гусиной кожи», снова влезли на спасённый камень — он был горячим и как всегда старался обогреть наши дрожашие от долгого купания тела.

Прошло много времени — на этом камне выросли наши дети, но мы не забыли о нём, и часто кто-нибудь из нашего поколения приходит сюда, подолгу сидит на тёплой гранитной глади, вспоминая детство и, конечно же, тот случай борьбы и победы за малый кусочек территории нашей милой родины, наш Кара-Валун.

Талгар, Казахстан

Анна Виноградова

ПАШКИНЫ ДОРОГИ

На Покров

— Эх, жалко, опять зима наступила, — сказал Пашка младшему брату Димке, и великодушно протянул свои сапоги.

— Бери, чего уж, тебе в школу пора, а мне безграмотному они не нужны.

Димка в полумраке блеснул глазёнками.

— Неохота в школу-то, опять нищим обзывать будут. — И тихо-тихо добавил: — Может, я не пойду.

Пашка соскочил с кровати и повелительно топнул босой ногой.

— Немедленно одевайся. Если бы мамка работала, разве ж я дома бы торчал. Знаешь, как я учиться хочу. Да денег нет на тетрадки, одежду, а вам с Машкой надо ходить в школу. Я помогать буду, чем смогу. Вот только мама не пила бы, может, нам полегче жилось бы.

Димка оделся, хлебнул кипятку, заварка кончилась ещё два дня назад, съел краюшку хлеба и убежал в школу, а Паша заботливо поправил сползающее латаное одеяльце у Маши на кровати и собрался на рыбалку...

Он шёл по небольшому перелеску и любовался маленькими тоненькими берёзками, которые качались от налетающего ветра. Воздух был свежий, и, когда появлялось солнце, Пашка жмурился и говорил про себя: «Солнце, солнце посвети. Солнце, солнце не уйди».

Этот год был каким-то неудачным, неурожайным. Грибов в лесу было мало, а ягоду выбрали городские, пока она была зелёная. И дома сейчас нечего было есть.

Пашка любил наблюдать за городскими жителями, когда они выходили из электрички с ведрами, сумками, в которых виднелись

термосы и разнообразная еда. Ему особенно нравилось смотреть, когда дачники выводили из вагонов собак. Мальчик даже завистливо ухмылялся и думал: «Будто детей на прогулку ведут». Собаки обнюхивали его, приветливо виляли хвостами, а один кудрявый пёс однажды его лизнул. Электричка же закрывала все свои двери и стремительно уносилась в сторону Байкала, а Пашка шёл к реке-кормилице.

Обычно он пристраивался у большого камня, там всегда было глубоко, и ему казалось, что вот здесь, совсем рядом гуляет жирный косяк омуля. Но в основном ему попадалась сорога или окуньки. Паренёк сосредоточенно смотрел на мутноватую воду, а волна, подчиняясь ветру, набегала на берег, незаметно его убаюкивала.

Однажды он задремал и чуть не упал с камня, но вдруг услышал тонкий голосок.

— Паша, пойдём домой, мама зовёт.

Мальчишка обернулся и увидел пятилетнюю Машу, которая стояла и прижимала к груди плюшевого мишку, из которого уже вылезал поролон.

Пашка сделал страшные глаза и закричал:

— Ты что, с ума сошла! Зачем ты пришла сюда, а вдруг под поезд попала бы.

Сестрёнка показала на пригорок, и Паша увидел мать. Мать была одета в своё нарядное единственное платье, а сверху накинула тёплую бежевую кофту. Она серьёзно смотрела на сына. Пашка недовольно поднялся и подошел к Татьяне.

Та только сказала:

— Приезжали с города, хотят меня лишить родительских прав, вас отправить в интернат. Сейчас поеду в город искать работу, ты уж посмотри за ребятами.

Пашка сердито кивнул и буркнул:

— Посмотри, посмотри. Только и делаю, что за ними смотрю.

В тот день он поймал пять окуньков и три крупных сорожки. Дети были довольны и, поев вкусной ухи, сваренной старшим братом, уснули спокойные и умиротворённые. Вечером Пашка пошёл к электричке, встречать мать, но её не было. Не приехала она и на следующий день.

А в субботу он решил пойти порыбачить пораньше. Все ещё спали, когда Паша стал собираться. Выходя из дома, он вспомнил давние материны слова: «На Покров снег землю покрывает».

На улице летали большие белые мухи. Пашка зябко повёл плечами, лёгкая куртка совсем не грела, а кроссовки давно «просили каши», и было противно и слякотно. Он прошёл своей обычной дорогой, там, где ещё стояли нарядные в жёлто-красной одежде берёзки. Ветер вдруг сильно задул, и берёзки, словно спасаясь от холода, сплелись кронами, прижимаясь друг к другу.

Пашка посмотрел на них и участливо зашептал:

— Вот вам холодно, и мне тоже холодновато.

Там у камня было ещё морознее, и мальчик, забросив блесну, стал пристально смотреть в чёрную воду. Внезапно его правая нога стала скользить, и он, покачнувшись, хотел за что-нибудь зацепиться, но неожиданно быстро скатился в мутную воду Селенги. Течение подхватило парнишку и понесло от камня, одежда, намокнув, стала тянуть его на глубину. Побарахтавшись, Павел смирился, и в замутненном мозгу его стали проплывать яркие картинки. Вот с мамой они пошли в магазин покупать ему куртку, и он радовался своей покупке и громко пел. Появилась картинка, где сестрёнка и братишка в гостях у бабушки Стёпы, едят вкусные булочки и пьют чай с малиной.

И тут Пашка явственно увидел чудесную женщину. Она, словно парила в воздухе, и синяя, даже голубоватая, одежда её светилась. Она ласково смотрела на мальчика и словно звала к себе. Пашка понял, кто перед ним. Он громко, хотя уже совершенно обессилел и не мог говорить, зашептал:

— Богородица, Дева пресвятая, спаси меня.

Эти слова он слышал от своей бабушки, когда та ещё была живая и брала мальчика с собой на службу в церковь.

Чудесное видение приблизилось к нему, и мальчик почувствовал прилив сил, как вдруг об него что-то ударило. Судорожно схватившись за предмет, парнишка понял, что спасён. Он держался за короткое бревно, которое уже почернело в воде, но все ещё оставалось на плаву. Мальчик взобрался на него и судорожно стал грести к берегу. Ледяная вода плескалась прямо в лицо, отступала нехотя, но впереди был желанный берег.

Спрыгнув с бревна на землю, Пашка упал и, всхлипывая, долго не мог отдышаться. После он схватил удочку и банку с червями и бегом побежал домой. Вода стекала с его одежды, руки и ноги деревенели и почти не сгибались, но он бежал и бежал, зная, что его ждут сестрёнка с братишкой.

Маша и Димка сидели у окна и ждали, когда он придёт.

Увидев старшего брата, Маша от испуга заплакала, а Димка только слегка попятился, сделал удивлённые глаза и спросил:

— Ты, что в воду упал?

Пашка погладил сестрёнку по голове, а братишке ответил:

— Как видишь, не утонул. Но вода сейчас ужасно холодная. Как выбрался, сам не знаю. Хорошо хоть бревно подвернулось.

А про себя он подумал: «Богородица помогла мне, надо обязательно сходить в церковь, поставить ей свечку за моё спасение».

В тот день они грызли старые сухари. А в воскресенье у Пашки начался сильный жар. Он лежал горячий, с красным лицом и стонал. Маша протирала его старым грязным полотенцем, намоченным

в воде, и когда капли воды попадали мальчугану на потрескавшиеся губы, он стонал:

— Пить... пить...

И что-то говорил, говорил в бреду. Димка решил сбегать к соседке тётё Вале. Она пришла, принесла таблетки, но, увидев размятавшего Пашку, лежавшего без сознания, испуганно охнула и побежала звонить в «скорую помощь». Когда приехала машина, и врачи занесли носилки, младшая сестрёнка тихо, почти беззвучно, заплакала, так жалко было ей старшего братишку и он, о чудо, открыл глаза. Пашка ласково улыбнулся сестрёнке и, с большим трудом приподнявшись, посмотрел на окружающих его людей.

— Не бросайте Машу и Димку. Без людей они пропадут.

Тётя Валя погладила его тёмно-русые вихры.

— Не беспокойся Паша. Главное, чтоб ты выздоровел.

Пашку машина увезла в Республиканскую больницу, а матери так и не было. Детей через неделю забрали в детский реабилитационный Центр в район. И Маша каждый день сквозь морозные узоры смотрела в окно. Она ждала брата.

Невезучий

Пашка лежал в больнице уже больше недели. Сначала он был в реанимации, постоянно бредил и звал мать. Медсестра Лидия Ивановна, ходившая по палатам и ставящая уколы и капельницы, с жалостью смотрела на его тонкие, но уже жилистые руки, которыми Пашка в беспмятстве сжимал холодную простынь.

Когда он очнулся, она сделала ему очередной укол и положила на тумбочку пакетик с пирожками.

Пашка недоумённо уставился на неё, немного помолчал, и, только когда она уходила, тихо её окликнул.

— Тетёнька, вы забыли кулёк.

Медсестра стремительно обернулась и быстро подошла к нему.

— Давай знакомиться. Меня зовут Лидия Ивановна, буду тебе ставить уколы.

Пашка стеснительно улыбнулся и почти прошептал.

— А я из деревни. Зовут меня Пашкой. Мать моя пьёт, и мне приходится следить за Димкой и Машей. У меня ведь есть младшие братик и сестра.

Лидия Ивановна села на кровать.

— Слушай, а как же школы? Ты много пропустишь. Знаешь, чем ты болен? Врачи сказали, что у тебя крупозное воспаление лёгких.

Пашка покраснел и опустил глаза.

— Лидия Ивановна, я ведь в школу не хожу. Уже год, как в шестом классе сижу. Просто обуви нет нормальной, чтоб в школу ходить.

Медсестра всплеснула руками:

— И из-за этого ты пропускаешь занятия?!

Пашка нахмурился и недовольно пробурчал.

— А кто кормить ребят будет?

Но эти слова Лидия Ивановна не слышала, мальчик не хотел, чтобы она узнала, что они голодали.

Когда медсестра ушла, Пашка приподнялся на кровати и увидел, что недалеко от него лежит толстый парень. Он спал и даже похрапывал. Толстые ноги его свисали с матраса, полосатые носки сползли на пятки.

А у окна лежал мальчик, завернувшись в одеяло, а у самой двери сидел с книжкой юноша. Он сосредоточенно перелистывал страницы, потом бросил её на постель и встал.

Юноша презрительно глянул на Пашку, на его тонкую фигуру и, не сказав ни слова, вышел в коридор.

Пашка обессилено откинулся на подушку и уставился на кулёк с пирожками. Ему так захотелось чего-нибудь поесть.

Но как только он протянул руку за пирожком, толстяк, что лежал рядом, громко сказал:

— Слышь, делиться надо. Ты же из деревни, поди, мяса у всех полно. Но что-то я не вижу у тебя передач, поди, ты из неблагополучных.

И парень заржал на всю палату.

Мальчик у окна пронзительно, почти повелительно, закричал:

— Перестань смеяться, у меня уши болят от твоего хохота.

Толстяк произнёс:

— Изнеженные вы, богатеи. Ты-то, наверное, из семейки, где кофей в постельку дают, да сосиски лопают...

Мальчик подскочил на кровати, лицо его побагровело.

— Замолчи немедленно, я не хочу слушать твой противный голос.

Толстяк невозмутимо ответил:

— Ну и псих, тебе не здесь надо лечиться. Больницу перепутал.

Мальчик подошёл к Пашке и протянул тонкую руку.

— Привет! Я Эдик. Не обращай внимания на Жору. Он ко всем цепляется, надеется, что его подкармливать будут. Хочешь хот-дог? У меня их полно. Папа целую сумку приносит.

Пашка неуверенно ответил:

— Если у тебя лишние, конечно, я попробую.

Эдик из большого полиэтиленового пакета вытащил разнообразную снедь, и ребята быстро наелись.

Толстый Жора удалился в коридор, чтоб не видеть, как стремительно исчезает еда, и там, в дальнем углу коридора, слышался его раскатистый смех.

Когда Пашка и Эдиком собрали остатки еды, в палату вернулся юноша.

Эдик показал на него пальцем и своим пронзительным голосом произнёс:

— А это наш гений, Склифосовский!

Юноша презрительно посмотрел на них.

— Шпана ещё, чтоб рассуждать о таких великих людях. И не Склифосовский я, а Пиотровский.

И губы его скептически дёрнулись.

Эдик уже завёлся.

— Ты, наверное, сильно умный, да?

Тут в палату вошла Лидия Ивановна и, сердито поглядев на ребят, прижав пальцы к губам, приказала:

— Ребята, потише, у нас нового парнишку увезли в реанимацию.

Эдик заинтересованно спросил:

— Колото-резаная рана?

— Да нет, — уклончиво произнесла Лидия Ивановна, — проблемы у него были дома. Как у нашего Пашки, проблемы-то.

Пашка отвернулся, чтобы не заметили, его слёз. Вспомнились Димка и Маша. «Как они без меня», — прошептал он...

Вскоре дела пошли на поправку, и его решили выписать. Но мать так и не появилась в больнице, а теплых вещей у Пашки не было.

Лидия Ивановна успокоила парнишку, что раздетым из больницы он не уйдёт и, позвонив куда-то, окрыленная, она быстро, почти бегом, пошла на первый этаж в приёмную.

Вскоре Лидия Ивановна принесла большую сумку и вытащила чёрный добротный пуховик, вязаную шапочку и настоящие кожаные сапоги.

— Это тебе, Паша, от моих соседей. У них ребята подросли, а вещи остались.

Пашка покраснел и хотел отказаться, но, взяв в руки кожаные сапоги, он вдруг подумал о Димке, что ему бы в школу такие. И в замешательстве, некоторое время помолчав, он тихо поблагодарил участливую медсестру.

Та только погладила его по взъерошенным волосам.

— В больницу Паша больше не попадай.

На улице уже была настоящая зима, и парнишка, вдохнув морозного воздуха, побежал на трамвай. Как назло, трамвая долго не было, и Пашка опоздал на электричку. До следующей электрички было много времени, и он пошёл на Элеваторский рынок, где можно было поглазеть или же попросту «убить» время. Недалеко от рынка группа пацанов, они кому-то свистнули, окружила Пашку, и один из них, приставив ему в бок маленький ножик-складешок, скомандовал:

— Слышь, буржуй, скидывай сапоги, да покажи, что у тебя в пакете.

Пашка хотел вырваться и убежать, но цепкие пацаны крепко держали его. От обиды Пашка чуть не заплакал. Но кто-то оттолкнул маленьких бандитов.

— Да это же Пашка Жарков, с нашей деревни. Ну, ты даешь, одет, как фраер.

Пашка поднял глаза и увидел Сашку Кривого из их деревни. Тот жил в дальнем околотке, но года два назад его отправили в детскую колонию за драку.

— Ты где такие классные шмотки стибрил? — изумился Сашка. — Как помню, твой дом самый бедный был в нашей деревне. А если хочешь, можешь с нами промышлять. Хорошие башки бывают. Недавно одного лоха поймали, все денежки у него забрали. Да вон смотри, идёт чувак, сейчас мы его обрабатываем.

И вся ватага ринулась догонять невысокого молодого человека в дублёнке. Вскоре молодой человек, окружённый малолетними бандитами и прижатый к зелёному забору, снимал коричневую дублёнку.

Сашка Кривой, ухмыляясь, говорил:

— Да не бойсь, не замёрзнешь. Мы тебе сейчас пуховик дадим. Мы не жадные.

И он посмотрел на Пашку.

— Хочешь дублёнку задаром.

Пашка отрицательно покачал головой. А Сашка уже протягивал добротную одежду.

— Бери, у вас же дома ничего нет.

Словно намагнитизированный, Пашка снял пуховик и надел дублёнку. Та была приятной и мягкой на ощупь, и Пашка невольно заулыбался.

Молодой человек, всхлипывая, забрал его пуховик, и Сашка Кривой его подтолкнул.

— Если кому скажешь, найду и зарежу.

А через несколько минут у Пашки от стыда нестерпимо заалели щёки, и он схватил Сашку за рукав.

— Не могу я так, в чужой вещи ходить.

Тот громко засмеялся.

— А ты разве в своей одежке был? Поди, украл у кого. Держись нас, сытым будешь и богатым. Я как с колонии вышел, дома и не показывался, здесь в городе живу.

Пашка упрямо повторял:

— Не могу я так, не могу.

Сашке это надоело:

— Да иди ты подальше. Может, ещё в милицию заявишь? Только смотри, мы тебя найдём...

И вдруг пронзительно завылла милицейская машина, и трое дюжих милиционеров стали хватать разбегавшихся пацанов. Пашка убежал

дворами, за ним сразу кинулись два милиционера и, схватив его за рукав дублёнки, запихнули в машину. Там сидел торжествующий молодой человек в его пуховике.

— Это он забрал мою дублёнку. Он дружен с главарём банды, я все слышал, — радостно закричал он.

Милиционер равнодушно зевнул и буркнул.

— В отделении разберёмся.

Машина, набрав скорость, рванула с «Элеватора» к милиции.

Новая дорога

В милиции Пашку сразу отправили к дознавателю. А молодой человек, которого раздела уличная шпана, стал свидетелем.

Дознаватель, женщина средних лет, равнодушно посмотрела на мальчугана и спросила:

— Что, страшно небось теперь-то? А брать чужую одежду не стыдно было?

Паша хотел открыть рот, чтобы оправдаться, как свидетель выпалил:

— Других надо брать. А этот мальчишка простая пешка.

Дознаватель:

— А разве их много было? Действительно, что с одного-то мы будем иметь.

В это время зашёл милиционер, доставивший Пашку в отделение, и дознаватель у него спросила:

— Слушай, Сергеич, их что много было, грабителей-то?

— А я почём знаю, — лениво процедил тот в ответ. — Вы и разбирайтесь, сколько их было. На-то и дознаватель.

— Ничего себе, на меня всё свалили, — обиделась женщина и пристально посмотрела на Пашку. — Давай рассказывай, как всё это происходило.

Пашка рассказывал медленно. Он совсем не хотел подставлять пацанов. Но всё же под давлением он рассказал и о них.

Когда вся эта история прояснилась, женщина спросила парнишку:

— И что ты сейчас будешь делать?

— Я? — растерялся Пашка. — Наверное, домой поеду. Там меня сестрёнка и братишка ждут. Мне их кормить надо.

— Подожди, — продолжала спрашивать дознаватель, — у вас что, матери нет?

— Да есть, — ответил Пашка. — Только она не живёт с нами, пьёт и немного гуляет.

— Так уже вечер на улице. И где ты ночевать будешь?

На очередной вопрос дознавателя мальчик пожал плечами.

— Наверное, на вокзале буду сидеть, если, конечно, не выгонят. А завтра на электричке поеду домой.

Дознаватель внимательно посмотрела на парнишку, и у неё появилась жалость к этому деревенскому мальчику.

— Слушай, может, тебя в приют определить на некоторое время? Тем более, я расследование веду, сейчас тебе смысла нет домой возвращаться. Сколько тебе лет исполнилось. Тринадцать есть?

Пашка отрицательно мотнул головой.

— Нет, тётенька не надо, меня же ждут Маша и Димка. Как они там без меня?

— Хорошо, тогда я тебе дам денег на дорогу, но только обещай, что больше не будешь слушать таких горе-товарищей и надевать чужие вещи. Иначе тебе не миновать колонии, — сказала напоследок дознаватель и ушла в соседнюю комнату, чтобы забрать пуховик мальчишки, который являлся уликой.

Паша благодарно улыбнулся, надел свою одежду и вышел из милиции.

Уже темнело, красные и синие неоновые огни освещали центральные улицы города и, казалось, что сейчас где-то проходит большой яркий праздник.

В их деревне не то, что фонарей, света из окон домов не было видно, так как у всех соседей были ставни.

А в Пашкином доме не было ставень, и даже шторы были короткие и белёсые, от того что старые и застиранные.

Пашка шёл и улыбался, представляя, как обрадуются и удивятся сестрёнка и братишка, увидев его, и как Маша будет сидеть на подоконнике и радостно постукивать маленьким пальчиком в потрескавшееся стекло окна.

Неожиданно он услышал колокольный звон, который все нарастал, и, казалось, что там, в высоком небе, звенит и играет какой-то таинственный инструмент.

Пашка пошёл на звуки колокола, и у него даже закружилась голова, так хотелось посмотреть, где это звонит.

Он повернул влево и увидел белую церковь, похожую на птицу, на огромную белую птицу, почему-то напоминающую гусыню, но очень величественную.

Парнишка зашёл в ограду и открыл тяжелую дверь. Запахло ладаном, и он увидел, что в большом зале идет служба. Священник ходил с крестом, что-то говорил, и верующие сразу крестились, кто-то быстро, а некоторые плавно закидывая руку ко лбу, спуская её до живота, а потом справа и налево. Пашка тоже так попробовал и стал чувствовать, что он тоже, как и все, крестится, и даже стало как-то легко.

А когда он посмотрел по сторонам, увидел Богородицу, точнее, её лик на старинной иконе, висевшей на стене.

Она смотрела на него, чуть улыбаясь, и её строгие нарисованные глаза неожиданно потептели. У Пашки от волнения закружилась голова, и он упал.

Мальчик очнулся и увидел, что рядом с ним стоит священник, он наклонился и потрогал его лоб, а потом сказал недалеко стоящему мужчине, чтобы мальчика посадили на скамейку.

— Мы с тобой после поговорим, — добавил он, и служба вновь продолжилась.

Когда всё закончилось, священник сел рядом с Пашкой и спросил, откуда он.

— Меня сегодня из больницы выписали, простудился я, когда рыбу ловил...

— И что теперь делать будешь? Куда отправишься? — участливо спросил священник. — Оставайся сегодня ночевать при церкви, у нас есть несколько комнат для ребят, попавших в трудную ситуацию.

Пашка, немного подумав, согласился. Утром он проснулся рано и отправился с товарищами, с которыми ночевал в комнате, на утреннюю службу. Ему очень понравилось пение дьякона, глубокий бас которого доносился до самых дальних уголков церкви. Женщины, работавшие в церкви, разговаривали тихими голосами, и самая старенькая тетьа Маша погладила мальчика по голове, что-то про себя приговаривая.

— Что вы тетьа сказали? — полюбопытствовал Паша.

— Беспokoюсь за тебя, вот и молитву прочитала, чтобы хорошо в твоей жизни всё сложилось, — ответила бабушка.

Ему нравилось всё, хотелось помочь убрать территорию при церкви, принести дров для растопки печи, но надо было собираться в дорогу. Отец Михаил положил ему в сумку несколько бутербродов и дал пятьдесят рублей.

Когда Пашка приехал в деревню, увидел, что дом их закрыт.

Тетьа Валя, их соседка, сказала, что Димку и Машу увезли в район, там есть реабилитационный Центр, а мать так и не появлялась.

— Тебе, Пашенька, тоже надо бы в этот Центр определиться, — участливо сказала тетьа Валя, — одному как-то несподручно жить.

Пашка открыл дом и затопил печь. В комнате стало тепло, но так необычно тихо и только шумно трещали сосновые поленья. Он убрал серебристую паутину в комнате, подмёл пол и сел пить чай с купленными булочками с повидлом.

На следующий день мальчик отправился в районный центр, чтобы узнать, как живут братишка и сестрёнка. Дети очень обрадовались, узнав, что их брат выздоровел. Но директор реабилитационного Центра Нина Сергеевна ни в какую не хотела отпускать их домой.

— Паша, тебе исполнилось только двенадцать лет, значит, ты ещё несовершеннолетний. Питаться дома вам будет нечем, одежды также нет. Вот когда мать объявится, тогда и посмотрим, что делать. Может быть, ты у нас поживешь некоторое время, ребятам всё веселее будет.

Пашка посмотрел на Диму и Машу, и у него навернулись слёзы на глаза, так жалко их было.

— Нет, спасибо, Нина Сергеевна, не буду я у вас жить, — сказал он. — Я в город поеду, мать надо разыскать нашу непутёвую. Может, ей помощь нужна?

— Где ты её искать будешь? Да и сам где остановишься? — спросила директор дома.

Пашка рассказал про церковь, про отца Михаила.

— Там при церкви и жить буду. Хорошо там мне, спокойно. Мать обязательно найду. Тётя Валя, соседка наша, сказала, что она где-то по городским дачам скитается. Знает, что ребята здесь, и теперь не беспокоится ни о чём. Надо нашу мамку к жизни вернуть, работу ей найти. И мне тоже надо трудиться, чтобы брат и сестрёнка жили хорошо. Такая у меня теперь жизненная задача. А вообще есть у меня мечта... — и Пашка даже замолчал от волнения.

Нина Сергеевна заметила, как мальчик покраснел от смущения.

— Чего молчишь, Паша? Что за мечта у тебя? — затормошила она мальчика.

— Страшно мне говорить, но мечта хорошая, — медленно сказал Пашка. — Хочу быть таким, как отец Михаил. — Как вы думаете, можно мне учиться на священника?

— Конечно, — облегчённо вздохнула директор Центра. — Ты сможешь это сделать, и Бог тебе поможет, и будешь людям помогать.

Улан-Удэ, Бурятия

Дарья Караулова

МАМА

Однажды ко мне приехала мама. Я её никогда раньше не видел. Только на фотографии.

В жизни она показалась мне ещё красивее. Она сидела на старой скрипучей тахте, на веранде, положив ногу на ногу, и смотрела на меня.

Я только пришел с гулянки, запыхавшийся, весь в дорожной пыли, прилипшей к загорелой коже. Взбежав по лестнице на веранду, я увидел её. И почему-то сразу понял, что это она, моя мама. Я не узнал её, нет. Просто почувствовал.

На ней было надето красное платье, а на плечи был накинут черный пиджак. Так у нас никто не одевался.

Волосы у неё были светлые, они тяжелыми кудрями лежали на её плечах.

Она смотрела на меня немного удивлённо, ресницы её слегка подрагивали, а голубые глаза, будто дрожали.

Я не знал, что нужно делать в таких случаях, и поэтому простоя стоял в дверях, засунув руки в карманы.

— Вот он, сыночек твой! — на веранду вышла бабушка, вытирая о передник пухлые красные руки. — Полюбуйся, какой вымахал!

Я посмотрел на бабушку и снова на женщину, в которой рассмотрел свою мать.

— Костик... — произнесла она тонким голоском и встала.

В этот момент во мне что-то взорвалось. И взрыв был такой страшной, оглушающей силы, что я испугался. И убежал. Просто сорвался с места и убежал.

Я слышал, как вслед мне кричала бабушка: «Стой, дурной! Куда ты ломанулся?».

Но я не мог остановиться.

Добежав до самой реки, я съехал на ногах по мокрой траве, что росла на склоне, к берегу и сел. В моей голове роились мысли, и я не могу поймать ни одной, чтобы основательно над ней подумать.

Бабушка рассказывала мне про маму с неохотой. Она говорила, что моя мама безответственная, что она меня бросила на неё, а сама уехала в город. С тех пор она больше ни разу не приезжала. Бабушка отдала мне её фотографию. На ней моя мама была совсем девчонкой.

Сначала она казалась мне взрослой, потом молодой, а когда я вырос, то уже видел на этом снимке свою ровесницу и не могу представить, как эта девушка может быть моей мамой? Когда пришло это ощущение, я перестал воспринимать её изображение, как ангела, как свою мать, которая где-то есть.

Раньше я часто представлял, как она ходит по улице, что покупает в магазине, во сколько ложится спать, с чем любит пить чай. А потом мне стало все равно. Мне не было дела до девчонки на фотографии. Я не думал, что она меняется вместе со мной. И увидев её сегодня, взрослой женщиной...

Маленьким я спрашивал у бабушки, почему она так поступила. Бабушка отмахивалась, а я, перед сном, представлял себе свою версию событий.

Моей любимой была версия, что мама могла быть разведчицей, и когда моей жизни стала угрожать опасность, она, скрепя сердце, спрятала меня в этой деревне от врагов. И запретила бабушке выдавать эту тайну.

Но увидев её сегодня, я понял, что она не была никакой разведчицей. Это была обычная женщина. Красивая, молодая, но не разведчица.

Обида за жестокий обман переполняла меня, подгоняя влагу к глазам. Но я крепко стиснул зубы. Глупо было обижаться на то, что я сам себе придумал.

Никогда не задумываясь об этом ранее, я сейчас с пугающей четкостью понял, что причина ясна и в ней нет никаких тайн — я был ей не нужен.

Она меня бросила, потому что я был ей не нужен. Вот и всё. Я был для неё обузой. Она же была тогда моего теперешнего возраста! Юность... Столько всего хочется успеть, уж это я знаю наверняка. Мне самому мало каждого дня, каждого глотка воздуха. Ей не хотелось тратить бесценное время на кого-то другого.

Но вслед за этим меня начал мучить другой вопрос. Зачем она вернулась?

И на этот вопрос ответов у меня не было. Как я ни старался, я не мог понять, что нужно от меня этой незнакомой женщине?

Она не знает меня, она не может меня любить, она жила без меня все эти годы. Зачем?

Устав от этих мыслей, я решил, что оставаться в одиночестве мне сейчас совершенно не хочется.

Я нашел своего друга Мотю. Он всегда был опорой для меня в трудные моменты. Ему не нужно было ничего объяснять, он всё понимал без слов. Я тогда ещё не умел бороться со стрессом никак, кроме алкоголя. А у Моти дома всегда была водка — его отец бороться со стрессом по-другому тоже не умел. Сидя на кухне, в пустом доме, мы, молча, пили. Каждый думал о своём, но в тоже время я ощущал, что я не одинок. Достаточно было пересечься с ним взглядом.

Не помню, как я дошёл до дома. Ноги сами несли меня знакомой дорогой. Во всём доме был выключен свет. Я старался ступать как можно тише, но всё равно сшибал все углы. Поднявшись наверх, в свою комнату, я, не раздеваясь, упал на кровать.

Я ещё не спал, когда услышал осторожные шаги. Дверь в комнату скрипнула, и кто-то вошёл. Я не стал открывать глаза и поворачивать голову — не хотел, да и был не в силах. Но и без этого я понял, что это была она. Ещё на веранде я уловил тонкий запах её духов.

Она подошла совсем близко и села на мою кровать. Я замер, стараясь не шевелиться, будто боялся её спугнуть.

Её ладонь мягко легла на мой затылок.

Ветер шумел за окном и не давал покоя занавескам, где-то вдалеке завывала собака. Моя мама плакала.

Москва, Россия

Алла Бойцова

БЕСТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ МОЕЙ ЖИЗНИ

Это произведение — попытка систематизировать обрывки жизненных воспоминаний, осмыслить своё предназначение. Я посвящаю её своим родителям, бабушкам и дедушкам, мужу и сыновьям, родственникам и друзьям, всем тем, кто шёл и идёт со мной рядом по жизни, ныне живущим и ушедшим в иные миры.

Музыка жизни умолкнет, если
оборвать струны воспоминаний.
Джером К. Джером

Словарь. Это, прежде всего, порядок. А как можно упорядочить беспорядочные будни? Они ведь только в недели и складываются. Но недели в месяцы, месяцы в годы, годы в жизнь. Вот и упорядочили. Вечный порядок.

БЕСТОЛКОВЫЙ словарь моей жизни. Хочется, чтобы был толковым, хочется, чтобы жизнь была разложена по полочкам, хотя у каждого свой путь, петляющий, словно лесная тропинка, неизвестно куда приводящая своего путника. Так пусть же моё отношение к слову, изложенное здесь, освежит в памяти годы жизни.

На каждом отрезке пути свой словарь, своя азбука. Кажется, всего 33 буквы. А так много слов, и из этих слов складывается книга нашей жизни, для каждого своя, со своим текстом, своими главами. В каждом возрасте своя азбука: азбука детства — любознательная, азбука юности — удивительная, азбука зрелости — философская. Годы пролетают, достаточно обширным становится кругозор, появляются новые слова, но некоторые слова — родом оттуда, из детства. Из этих слов, как из мозаики, складываются картинки беззаботного детства, очаровательной, буйной, как стихия, юности и картинки дней сегодняшних.

Жизнь наматывает год за годом, как будто километры пути на спидометр. Новые знакомства, новые ощущения, новые идеи, мысли, желания, всё вновь с каждым новым днём. Самолёт летит вперед, как и жизнь, а на чистом небе исчезающая сразу полоска. Вот и от прошедших дней остаются только воспоминания.

Мемуары принято писать, находясь на заслуженном отдыхе. Я ещё в середине жизненного пути, поэтому облекать воспоминания в какую-то форму сложно, но почему-то очень хочется. Вот поэтому я решила: пусть мои воспоминания и мироощущение будут облечены в форму словаря. Кроме того, словарь можно бесконечно дополнять,

перерабатывать, домысливать. Значит, он будет идти со мной по жизни, пройдёт время, будет «новое издание» словаря, дополненное и переработанное.

«Вначале было слово...» Когда нас одолевают воспоминания, то наводят нас на них именно слова, потому что любое знакомое слово связано с ощущениями. Вот, например, вспомнишь слово, и столько сразу завертится вокруг него: мыслей, чувств, эмоций, нервная система каждой клеточкой тут же откликнется перезвоном звуков, калейдоскопом запахов. Не верите, попробуйте оживить воспоминания. Кажется, чем старше становишься, тем больше должно быть воспоминаний, но мозг человеческий имеет свойство проводить уборку без ведома хозяев и стирать лишнее. Что-то исчезает из памяти навсегда, что-то скоротечно, как время, некоторые слова остаются в памяти на всю жизнь, некоторые сопровождают по жизни, какие-то теряют с годами актуальность, какие-то меняют смысл, поэтому очень хочется вернуться назад в прошлое, и описать те ощущения, которые связаны с некоторыми словами, а значит и с прошлым. Я намеренно опускаю в словаре некоторые моменты, выбирая из мозаики воспоминаний только яркие кусочки, возможно, через какое-то время я вернусь и к остальному, а пока надо начать...

Три слова, определяющие порядок этого словаря, а, значит, жизни, стоят, что удивительно, в словаре в обратном алфавиту порядке: прошлое, настоящее, будущее. Но жизнь — не страницы словаря, и листать в обратном порядке не получается, поэтому начнем с прошлого. В прошлом остались четыре десятка лет, а именно детство и юность. Наступила пора осмысления под названием «зрелость». Хорошо будет, если эта пора продлится, как можно дольше. Хорошо, если у этой поры будет долгое и, главное, волнующее кровью будущее, потому что без душевных волнений жизнь скучна и неинтересна. Но не будем ждать будущего, будем жить настоящим.

Автобиография. Теряюсь перед этим словом. От него мне достался только корень «граф», не по сословию, а по духу и образу жизни. Совершенно не умею рисовать красками, но изобразить картину словами, пожалуй, могу. Хотя, что писать о себе, откровенно не знаю, а, может быть, не умею.

Дочь хороших людей, выпускница хороших учителей, житель хорошего времени... вот и всё!

Я! Странно как-то звучит... Ведь вокруг столько близких людей. Наверное, Я — это МЫ! А что такое Мы? Мы — это мои родители, которые меня создали такой, какая я есть. Это мой муж и сыновья, которые любят меня такой, и без которых я просто не существую. Это все окружающие меня близкие люди, которые знают и терпят меня такой. Я смотрю на жизнь глазами, полными эмоций радости и гордости.

Всем скептикам отвечу: возможно, всё, что я делаю, кому-то не нравится, но «я не огорчаюсь мнением людей, судящих меня, не зная». В наше «выгодно-денежное» время ушли эмоции, мы теряем себя в погоне за капиталом, но ведь подумайте: живём, пока живы. А жить — это, значит, иметь дело и радоваться результату!

Буду рада, если оживлю в вашей душе воспоминания о том времени, когда было трудно, но весело, когда люди были полны жизни, несмотря на трудности.

Если эмоции в душе те же самые, то почему же время другое? Над этими вопросами я и предлагаю поразмышлять.

Искренне советую: не читать на бегу, не осуждать эпоху. Это эпоха, в которой мы жили, которая ближе всего к нам по временным рамкам, но самая «невыходящая», так что будем лояльны к судьбе страны, а посмотрим на эпоху.

Если эта страница вам понравилась, можете читать дальше!

Я вспоминаю детство, и у меня
заболевает нежностью сердце.

А. Мариенгоф

Беззаботное детство

Азбука. Книга попадает в руки. Я разглядываю непонятные значки, мама говорит: «Давай читаем». Почему-то во множественном числе, хотя, что это такое читать, я-то пока себе ещё не представляю, но безумно интересно. Таково моё первое знакомство с азбукой. В школу я пошла уже читающей. Букварь, по которому мы учились, был значительно проще, чем современные, я до сих пор помню картинку с изображением важного аиста с невероятно вкусным грузом и строки: «Аист вёз из магазина на своей коляске груз: ананасы, апельсины, абрикосы и арбуз». Или другие нехитрые строчки, сопровождавшие букву «Х»: «Хмурый, хмурый хнычет хорь, на хоря напала хворь, чахнуть стал да сохнуть, ни вздохнуть, ни охнуть», — врезавшиеся в память на всю жизнь. Сейчас есть говорящие азбуки, есть электронные, множество всяких вариантов, одного нет: интереса к чтению и очень мало читающих людей.

Алла. Самое первое слово детства, которое принадлежит только мне — это моё имя. Имена суждено выбирать родителям. Почему так меня называли, я не знаю, но мне, с моим мягким характером, своё имя всегда казалось сильным и жёстким. Младший сын задаёт вопрос: «Почему меня называли Женей, я, может, хотел быть Константином?». Я задаю себе такой же внутренний вопрос: а какое я хотела бы себе имя? Ответ повисает в воздухе. Наверное, мне слишком хорошо со своим. Спасибо родителям! Угадали!

Бабушка. Сейчас многие бабушки работают, а раньше бабушки были домохозяйками. Мне повезло! У меня было две бабушки. Они варили кашу, растили поросят, солили грибы, топили печку, пили чай вприкуску с наколотым специальными щипчиками сахаром, рассказывали сказки, вытирали слёзки. И всегда были рядом! А это так важно, чтобы именно с тобой кто-то был рядом. Родителей видели только по вечерам, многие дети ходили в детский сад. По рассказам, там было хорошо, но надо рано встать, в любую погоду выйти из дома, да и взрослый в садике — один на всех. Успеет он оказаться рядом в нужную тебе минуту, неизвестно, его внимание распределяется на всех, а бабушка — она принадлежит безраздельно тебе. Заколотые шпилькой наспех волосы, платочек, мягкие тёплые морщинистые руки, светящиеся теплом глаза... и уверенность, она защитит!

Библиотека. Библиотек в нашем городке было три: детская, взрослая и школьная. Нас, детей, всегда там ждали. Это важно. Запомнилось, что здание взрослой библиотеки отапливалось дровами (как на это смотрели пожарные, нам неведомо), но уютно там было по-домашнему. Хорошо помню первый поход в библиотеку. Как только научились читать, пошла с сестрой в библиотеку записываться. Удивительным было всё: огромное количество книг, журналов, формуляры, которые стояли в ящичках на столе, большие толстые книги, которые библиотекарь называла «инвентарными», но записывала туда не инвентарь в нашем понимании, а книги, которые, по нашему разумению, в отличие от швабры, инвентарем не являлись. В углу стоял каталожный ящик, мы не понимали, как им пользоваться, но интерес он вызывал. Узнали слова «абонемент» и «читальный зал». С того первого дня и на долгие годы библиотека станет вторым домом. Наспех побросав портфели, после школы мы сразу спешили туда. Поход в библиотеку был многочасовым. Подолгу мы рассматривали книги из читального зала. Чем могли, помогали библиотекарю. Очень важными становились, если разрешали сесть за стол библиотекаря. Очень гордились тем, что на руки всем выдавали не больше пяти книг, а нас не ограничивали, то есть доверяли. Книги читали быстро, многие перечитывали по несколько раз, «читали наперегонки», читали «под одеялом», в общем, читали, читали, читали.

Варенье. Нынешние дети привыкли к тому, что ягоды и фрукты есть в магазинах, причём круглый год. А для нас это слово пахнет летом! Вообще процесс варки варенья и заготовок на зиму — одно из самых ярких впечатлений детства. Варенье из лесных ягод... Идём в лес всей гурьбой, женщины собирают ягоды, мужчины в поисках грибов бродят по лесу. Назойливые комары не дают покоя, ягоды почему-то просятся в рот, но нужно непременно набрать хотя бы

маленький бидончик. В ожидании мужчин садишься на влажную кочку, мох мягко обнимает тебя, взрослые достают из рюкзака помятый кусочек чёрного хлеба с маслом, огурец, бутылочку с водой, шумят макушки деревьев, еда пахнет хвоей, хочется зарыться с головой в опавшие листья и увидеть сладкий бесконечный сон. А дома ждёт второй этап, который приближает нас к банке с вареньем — переборка ягод. На крылечке, под негромкие разговоры взрослых, неторопливо перебираются ягоды, попавшие листики и хвоя летят под ноги, а ягоды опять просятся в рот. Наконец, всё перебрано, вымыто, бабушка достаёт старинный медный таз, ложку с длинной ручкой и начинается процесс варки. Варенье будем есть зимой, а сейчас мы с нетерпением ждём... Вскипает в тазу варенье, и вот она — долгожданная пенка. Аппетитный батон с румяной корочкой, чашка молока и... пенка!

А воспоминания о сборе ягод в саду! Подвязываешь на кушачок маленькую корзиночку, берёшь маленькую скамеечку, садишься у кустика, собирать, конечно, не хочется, светит солнышко, запах чёрной смородины или крыжовника обволакивает тебя. А вообще-то, хорошо, что не знали мы в детстве, что такое киви и манго, зато у нас было настоящее ягодное лето, наполнявшее долгую зиму ароматом варенья.

Велосипед. Чисто летний транспорт. Удобный, практичный, не требующий многого от хозяина и так много отдающий взамен, а именно скорость передвижения. Что можно было сделать с помощью велосипеда? Легко и быстро добраться из точки А в точку Б, то есть туда, куда посылала с поручениями бабушка: на другой конец деревни за молоком к хозяйке (главное, не упасть с молоком в канаву), в магазин, занять очередь за хлебом (главное, чтобы не увели велосипед), на станцию, встретить родственников (главное, не провалиться в речку на старом «висячем» мосту), да и просто отвезти кому-нибудь что-нибудь. Это по необходимости. А для души... Для души — гонки на велосипедах по пересеченной местности, катание друг друга на «раме» или «багажнике», катание «без рук», проверка тормозов, возможность лихо пересечь обмелевшую речку, поднимая брызги, и ещё много интересного, что могут придумать себе дети яркими волшебными летними днями.

Гости. Слово это ассоциируется с праздником, весельем, сюрпризами, да и просто с чем-то необычным, нарушающим привычный ритм жизни. Можно было ходить в гости или принимать у себя дома гостей, но всегда для ребятни это было событием. На праздник собиралось много гостей. Шумная компания взрослых шутила, пела песни, слова которых знали все от мала до велика, и дом наполнялся радостью. Часто приезжали родственники, оставались на ночлег,

из кладовки доставались одеяла, подушки, и шумно, с шутками и прибаутками все укладывались спать, кто где, сплошное единение.

Горе. Казалось бы, какое горе может быть у ребёнка, когда в семье благополучно, когда рядом близкие люди, когда все здоровы? Оказывается, может! Да ещё какое! Детское горе безгранично. Ушла мама — горе, обижает, дразнит детвора — горе, плохая оценка — горе, сломалась любимая вещь — горе, не говоря уже о синяках, ушибах, ранах, болезнях и другом. Вспомните, из-за чего приходилось плакать? Сейчас на лице улыбка, а тогда! То-то же! Поэтому сейчас, будучи взрослыми, относитесь серьёзно к детскому горю.

Дед. Дедов было двое! Один, Григорий, вернувшийся с войны без ноги, с множеством медалей и орденов, работал сторожем. Некоторые его словечки запомнились на всю жизнь: «подлянки», что означало «хулиганки», «скопырзнётесь», что означало «упадёте», и «опрочапитесь», то есть, качаясь на стуле, упадёте назад себя. Он часто сидел у окна, вглядывался вдаль, сейчас уже и не скажешь, что за думы его одолевали. Он мало общался с нами, но его присутствие в нашей жизни незаменимо. Сейчас я очень жалею, что не расспрашивали мы его о жизни, вернуть бы всё назад, но, увы.

Второй дед, Николай, всю свою жизнь проработал мелиоратором. Он рано вставал, завтракал, топил печки, потом, положив в карман горбушку хлеба, уходил на работу. Вспоминается, что на лето деду давали бригаду усарых мужиков в помощь с ленинградских заводов на покос. Они, никогда не бравшие в руки косу, совершенно не умели косить. Каждый вечер, возвращаясь с работы, дед на лошади привозил огромное количество кос, садился на пенёк и, не спеша, тихо ругая городских помощников, приводил эти косы в порядок, отбивал, точил, на следующий день всё повторялось сначала, и так... каждый день. Это летом! А зимой... Зимой он приносил с собой в дом запах зимнего леса, отряхивая с валенок снег, снимая тёплые рукавицы и пофыркивая, обнимал меня крепкими холодными жилистыми руками, доставал из кармана горбушку хлеба «от зайчика», потом шёл чистить снег и, захватив с собой со двора охапку дров, возвращался уже затемно, а после ужина непременно садился смотреть новости, называя их «последние известия». Я долго не могла понять смысл названия, ведь если известия последние, то больше их уже не должно быть. Но они повторялись снова. Эх, непросто понять ребёнку смысл взрослой жизни.

Деревня. В деревне прошло всё детство. Да и город-то мой родной с типично деревенским укладом. Наши внуки, наверное, уже не будут знать, что такое деревня. Чем запомнилась нам деревенская жизнь? Про неё можно говорить бесконечно. Но как уместить

в краткой статье ворох воспоминаний? А давайте освежим в памяти деревенские картинки. Вот, например, деревенский дом. Входим в сени: лестница на чердак, скамейка, на ней вёдра с водой, коромысло, под потолком на натянутой веревочке ароматные пучки сушёных трав. У двери веник — голик. Отряхиваем валенки, снимаем шапку и заходим в дом. В красном углу икона, перекрестись всяк входящий. В комнате темно. Пламя, облизывающее поленья в печи, освещает комнату. А на другой печи, «щите», к которой так здорово прикоснуться озябшими руками, сверху, рядом с пыхтящим тестом, выползающим из-под белоснежного полотенца, накрывшего кастрюлю, свернулась калачиком кошка. Пахнет кашей, дровами и неповторимым деревенским уютom. Или другая картинка. Весна. С крыши сползает шумными пластами последний снег, в ушах отзывается перезвонами капель, в воздухе — особый весенний запах, а под окном машут желтыми и белыми шапками красавцы-нарциссы. А лето... Босиком, по тропке, петляющей среди высокой (в полный рост) густой травы, бегу к речке или идём с дедом на конюшню кормить лошадей. А хрустящий огурец с грядки, а помидор, ещё зеленоватый с боку? А яблоки в осеннем саду? Пытаешься снять прямо с дерева яблочко, так тут же на тебя, больно колотя по макушке, падают сотни других. И снова волшебный, ни с чем несравнимый запах — запах родной деревни, запах родины.

Ералаш. Слово это чисто детское, во взрослой жизни употребляемое только по отношению к детям. Ералаш — это игры на переменках и множество вещей и вещичек в школьном ранце, это искрящийся белый снежок, летящий в лицо, и брызги воды, весело и озорно выпрыгивающие из-под босых пяток в тёплой маленькой деревенской речке, это разбросанные по дому вещи и звон разбитой маминной чашки, да и вообще множество того, что можно позволить только в детстве. У взрослых есть суровое слово «бардак», но «ералаш» мягче, застенчивее, а, главное, веселее. В нём смешение стилей, мыслей, чувств, эмоций, одним словом, ералаш.

Ерунда. Не все слова и выражения, употребляемые взрослыми, понятны для детского уха. Вот, например: «Не мели ерунду!», «Что за ерунду ты несешь?» или «Что там у тебя? А, это ерунда!». Были и другие вариации. Что такое «ерунда»? Нынешние дети запросто пользуются так называемыми «идиоматическими» выражениями или попросту ругаются матом, а нам трудно было осилить какую-то «ерунду». Видимо, языковой процесс пошёл не в ту сторону.

Ёлка. С этим словом связаны и запах январского снега, и аромат мандаринов, и шуршание обёрток от новогоднего подарка, и румянец подмороженных щёк. А ещё... ожидание праздника. Дед

обязательно принесёт из леса самую красивую, с мохнатыми, покрытыми паутинкой серебристого инея лапами ёлку, оставит её до праздника во дворе, а мы, с замиранием сердца, в нетерпении, вдыхая запах зимнего леса, ждём. Наступит день, с чердака, который всегда для нас был тайной, взрослые достанут старую, потрёпанную коробку с игрушками, и мы, разглядывая диковинных зверюшек на ниточках, морковку на прищепке, разноцветные шары, с усердием будем развешивать их на колючих лапах лесной красавицы. Но вот ёлка наряжена, украшена мишурой, вечером мигает самодельная гирлянда, отблески огня, облизывающего поленья в печке, освещают комнату, и мы прикасаемся к волшебству. Волшебством казалось всё: и мишура, развешенная по магазину со странным названием «Культтовары», я до сих пор не понимаю этого названия, и поход на новогодний утренник в школу (не заболеть бы перед праздником), и новогодние поездки с мамой в Ленинград, и, конечно, бой курантов в полночь. Но самым удивительным было то, что именно в эту ночь разрешалось не ложиться в девять часов по режиму, а ждать праздника. Что интересно, отношение ко многим праздникам с годами менялось, сменились приоритеты, День рождения уже не так ждётся, как в детстве, Женский день уже не так пахнет мимозой, как раньше, но новогодний праздник был и остаётся для меня волшебством, несмотря на то, что ёлки стали искусственными.

Жалоба. На жалобы детство реагировало остро. Если кто-то жаловался, это всегда вызывало протест в неокрепшей детской душе. Жалобщиков не любили во все времена. Нас всегда учили разбираться самих. Поэтому во взрослой жизни слово «жалоба» (не важно, как она называется) имеет крайне негативный оттенок.

Жизнь. «Что за жизнь такая пошла!» — восклицала бабушка, вызывая недоумение у слушателей. Слушатели — это я с сестрой, семи лет от роду. Куда пошла эта жизнь, какая она такая, этого маленькому ребёнку понять было не дано, как непонятно было и то, что бабушка говорила эту фразу в разных ситуациях, например: когда не уродилась картошка, когда поросёнок, отчаянно пытаюсь пробраться к миске с едой, переворачивал её, когда старательно замазывала зелёнкой и йодом наши синяки и ссадины, и во многих других, казалось бы, никак не связанных друг с другом ситуациях. «Куда пошла эта жизнь...», равно как и то «Куда мы катимся...» я начинаю понимать только сейчас, когда эта самая жизнь пошла на вторую половину. Но всегда помню слова Альберта Эйнштейна: «Есть только два способа прожить жизнь. Первый — будто чудес не существует. Второй — будто кругом одни чудеса!». Согласно этому девизу и живу!

«Запорожец». «Ух, ты, раритет!» — говорит мальчишка, разглядывая «ушастый» запорожец. Сам он, опустив стеклоподъёмник, выглядывает из окна новенькой иномарки. А всего-то минуло двадцать лет. А для нас этот самый «ушастый» «запорожец», прозванный так за выпирающие с боков воздухозаборники, напоминающие уши, был гордостью и легендой. Когда все в округе ездили на велосипедах и общественном транспорте, мы могли сесть на личный автомобиль и поехать, куда угодно. Автомобиль всегда плохо заводился, рокот мотора заглушал разговоры сидящих пассажиров, но сладостное чувство поездки осталось до сегодняшнего дня.

Особо запомнился отъезд в Ригу, к родственникам. Отец, мама, дед, бабушка и я с сестрой должны были поместиться в маленькое пространство «запорожца». И поместились же! Потому что все хотели ехать. Не казалась утомительной дорога, не было тесно, было занято, увлекательно и весело.

Позже уже во взрослой жизни я ещё раз столкнусь с этой по нынешним меркам «русской иномаркой». После появления на свет первого ребёнка я и муж впервые переседем с любимого мотоцикла на свой собственный, купленный на родительские «ваучеры» и накопленные на шкаф деньги автомобиль, тоже «запорожец». Ветер странствий гонял нас на этом автомобиле по просторам страны, мы были легки на подъём, молоды, счастливы.

Игра. Мы привыкли в жизни играть разные роли, а основы этой большой игры закладываются в детстве. Разные времена — разные игры. Мы не могли в детстве без большой и дружной компании. Было всякое: ссоры, слёзы, ябедничество, драки тоже случались, но не было разобщённости, поэтому и игры были командными. Летом играли в салки, прятки, лапту, «казаки-разбойники». Надоедало бегать, садились на скамейку играть в «колечко», «испорченный телефон», строили дома из песка, прятали секреты в виде стёклышка от цветной бутылки и выглядывающего из-под него засушенного цветка ромашки. Если на улице шёл дождь, то игры продолжались на старой веранде. На стене висела репродукция картины К. Маковского « Дети, бегущие от грозы», и казалось, что это мы спаслись от грозы, а дома тепло и уютно. За круглым старым столом, покрытым запылившейся, повывавшей виды скатертью, мы с радостью кидали кубик и делали незамысловатые ходы по игровому полю, спасая Буратино, или переворачивали карточки лото, открывая для себя новые страны, вершины, моря и океаны. Зима несла приключения в виде лыж, коньков, горок и боёв за снежную крепость. Весной ловили тритонов, плели венки из одуванчиков, разбивали лёд на лужах и пускали ручейки, осенью играли в «дочки-матери», кроме того, в «школу», «больницу», в «библиотеку», получая навыки взрослой жизни. Дни рождения были особыми днями. С книжкой или

каким-нибудь пустяшным сувениром мы спешили друг к другу в гости, чтобы насладиться атмосферой праздника. Так что в отличие от нынешних детей, посвятивших свою жизнь компьютеру и постоянно проводящих время в социальных сетях, наша жизнь была интереснее тем, что была разнообразна.

Йод. Без этой бутылочки с едкой коричневой жидкостью, а также зелёного раствора с надписью «раствор бриллиантового зелёного», в народе прозванного «зелёнкой», наше детство обойтись не могло никак. Уличные забавы сопровождались синяками и ссадинами, содранные колени были атрибутом нашего детства. Стоило появиться домой с кровоточащим локтем, как тут же мамой или бабушкой доставался пузырьрёк, говорились непонятные слова «до свадьбы заживёт» — и вперёд, снова на улицу, снова в игру. Мы не знали слова «антисептик», лекарства в детстве выглядели волшебством.

Каникулы. Это слово для детей особенное. Что такое каникулы? Это свобода, свобода поглощающая, свобода бескрайняя, с утра и до вечера. Процесс учения, делившийся на четверти, был утомителен, и мы с нетерпением ждали каникул. Первая четверть пролетала быстро. В сентябре работали на полях, помогая родному совхозу, проскакивал октябрь, и вот они осенние каникулы, запомнившиеся ноябрьской демонстрацией. Наши дети не знают, что это такое, а мы, вдохновлённые идеей, ждали праздника. С утра играла музыка, надували шарики, собирались в колонны и под оркестровый марш, с транспарантами шли по главным улицам города. Всеобщее ликование. Вторая четверть нравилась тем, что была короткой. Предновогодняя суeta затягивала, до каникул оставались считанные дни. Зимние каникулы — это новогодний праздник, огромные сугробы (не то, что сейчас), морозы, горка, санки, коньки, лыжи, снеговики, снежки и снежные крепости. Как же долго тянулась третья четверть! Но тем долгожданнее были весенние каникулы. Заморозки по утрам и корочка наста, ласковое солнышко и особый весенний запах талого снега, смешивающийся с запахом привезённых из леса дров, ручейки и проталинки, первые букеты из мать-и-мачехи и первые, поражающие своей профессорской важностью грачи. Весенние каникулы запомнились «Книжкиной неделей». Нам, не расстававшимся с книгой, очень нравилось принимать участие в конкурсах и викторинах, писать сочинения о любимых литературных героях. Незабываемы поездки в Ленинград на встречи с писателями. И ещё: оставалось совсем чуть-чуть до лета. Промелькнул апрель, за ним май с первомайской демонстрацией, отличающейся от ноябрьской распустившимися веточками тополя в руках и весенним настроением; отгремели торжества по случаю Дня победы, праздника великого,

как и подвиг народа; вот уже звенит последний звонок для выпускников. И... долгожданное лето, три месяца свободы, которой мы успевали насладиться по максимуму.

Картошка. Почему суровое серьёзное слово мужского рода «картофель» мы переделали в мягкое и ласковое слово женского рода «картошка»? Почему мы её так любим? Нас приучили к ней с детства. Я не помню детства без картошки. У нас даже игра с мячом называлась «картошка». Как больно было, когда тебя «окучивали мячиком». Кто играл, тот сразу вспомнил. На печке или плите всегда стояла кастрюля или чугунок с картошкой «в мундире», можно было есть её холодной или горячей, с солью и подсолнечным маслом, с хрустящим огурцом или квашеной капустой. Конечно, чтобы она выросла, необходимо было затратить много усилий. Многое делать очень не хотелось: нужно было копать, сажать, окучивать, полоть и многое другое. Но результат. Каков был результат! Чтобы кто ни говорил, а я до сих пор всем деликатесам предпочитаю рассыпчатую картошечку с кусочком селедочки.

Книга. Любовь к ней родом из детства. Не было интернета, компьютера, по телевизору показывали совсем немного для детского восприятия, а книга была источником информации, мироощущений. В ней было всё: путешествия и приключения, любовь и ненависть, волшебство и фантазии, — и этот мир так захватывал, что ты проживал с героем всю его жизнь. Иногда даже казалось, что это ты настоящий герой, иногда было обидно, что ты можешь лучше, но про тебя никто не написал, а иногда сам брал в руки карандаш, бумагу и выкладывал все свои ощущения на чистый белый лист. Вот с этого детского опыта всё и началось. К чему всё и привело, с чем себя и поздравляю!

Лето. Все мы, и взрослые, и дети любим лето. Лето — это день, который длится практически сутки, лето — это солнце, лето — это радость, лето — это праздник! Летний день начинается и заканчивается на улице, он очень долгий, но так незаметно пролетающий. Раннее летнее утро хитрым солнечным лучиком, заглядывающим в окно, прикрытое белоснежной расшитой занавесочкой, заставляет открыть глаза. Скрыться от него невозможно, если только на сеновале, но там комары, да и звуки всё равно не дадут покоя. По дому разносится запах каши, на дворе поют петухи, гремят об коромысло ведра. Начинается новый день. Он, как и любой другой летний день, будет богат на события. Нужно помочь взрослым, сходить в магазин за хлебом, а уже потом наслаждаться в полной мере гонками на велосипедах, купанием в речке, качанием на качелях и «тарзанке», играми с утра и до вечера или беспечным лежанием с книжкой. В этой

суете день незаметно пролетает, и вот уже солнышко, вставшее раньше всех и будившее нас с утра, снова отправляется спать, напоследок показав нам румяный бок заката. На целых три месяца можно убрать тёплую одежду, целых три месяца можно бегать босиком, позднее ложиться спать. Всё-таки лето — это жизнь!

Любань — город на географической карте родной страны, один из десятков тысяч, город, навсегда прославившийся единственной в России железнодорожной церковью, город, который я никогда не покидала надолго. Это город, каждое утро умывающий деревенское лицо в речке Тигода, в разные моменты напоминающий о себе картинками из жизни: то зайчиком в школьном окне, то школьным звонком, то перезвоном колоколов, то олимпийским пробегом мира, то митингом на Берёзовой аллее.

Я сроднилась с его обликом, я обожаю скромную красоту петляющей в лугах речки, люблю застенчивость старых улочек, очарована звенящей тишиной росистого туманного утра. Я люблю плывущие по реке льдины и разливы весной, распахнутые настежь окна и «классики» на асфальте летом, шуршащие под ногами листья и трель школьного звонка, собирающего детей в школу, осенью, и, конечно же, горку, снежную крепость и лыжню зимой.

Это город моих родителей! Это мой город с очень нежным и красивым именем! Это город моих детей, надеюсь, он тоже будет для них частичкой души!

Мама. Разве можно в словаре жизни обойтись без этого слова, разве можно что-либо сказать? В этом слове всё. Мама — это бесконечная забота, не зависящая от возраста ребёнка, постепенно перерастающего все мыслимые возрасты, забота, иногда чрезмерная, иногда суетливая, но всегда своевременная. Мама — это МАМА! Низкий ей поклон!

Мир. Слово это имеет несколько смысловых значений, но в каждом из своих значений оно глобально.

Мир — это планета. Огромная, густонаселенная планета, которую мы в детстве так любили рассматривать на глобусе. Раскрутишь глобус и пытаешься с закрытыми глазами угадать, в какой точке мира ты сейчас находишься. Мы очень любили географию. Не было возможности путешествовать по миру, но была передача «Клуб кинопутешествий», где бессменный ведущий Юрий Сенкевич открывал для нас новые страны и континенты. Мы знали об экспедициях Тура Хейердала, Фёдора Конюхова, нам были интересны исследования Жака Ива Кусто. А ещё мы много читали: о географических открытиях, о странах и материках, о морях и океанах, об устройстве нашей планеты Земля.

Мир — это единение, это согласие. Наша мирная жизнь, не опалённая войнами, дорогого стоит. Осталось нам только прийти к согласию с самими собой и удержать тонкую ниточку мироздания. Есть такое прекрасное слово «миролюбие». Любите мир со всеми его достоинствами и недостатками, любите, несмотря ни на что, оставайтесь в стороне от политики, споры о власти и деньгах, и тогда этот мир обретет гармонию.

Наказание. Про него только две строчки. Без него нельзя, иначе детские шалости перерастут в беспредел. Но наказание бывает разным. Уже по голосу мы чётко в детстве понимали: виноваты. Хмурый взгляд взрослых, недоверие — это и было для нас наказанием.

Нельзя. В нашем детстве отношение к этому слову было более чем принципиальное. То, что было нельзя делать сегодня, нельзя было всегда. То, что было можно сегодня, можно было всегда. Лояльности не было. Благодаря ответственности взрослых в этом вопросе, мы выросли людьми, чётко понимающими грань между правильными и неправильными поступками, то есть, как принято теперь говорить, людьми морально устойчивыми.

Одежда. Каким было наше отношение к одежде в детстве, не помню. Хорошо запомнились поездки на школьный базар за школьной формой, одинаковой у всех, отличающейся, пожалуй, только рюшечками на переднике да кружевным воротничком. Помню настоящую тельняшку, привезённую дядюшкой, ходившим в плаванье, индийскую кофту с вышивкой, а остальное... остальное было, как у всех.

Октябрята. Наше детство было организованным, то есть упорядоченным. Существовавшие организации, совсем неважно, как они назывались, со всеми их плюсами и минусами, были объединяющими. Кроме того, они развивали в нас то хорошее, что было заложено нашими родителями, делали самостоятельными. Помните, как нас принимали в октябрята, как прикалывали на школьный передник звездочку, как объединялись мы в пятерки — «звездочки», как каждая такая пятерка отвечала за какое-то направление работы? Вспомнили? А потом все дружно ждали того момента, когда исполнится определённое количество лет, нас примут в пионеры, а это уже совершенно другая жизнь!

Папа. Он вместе с мамой дал мне самое дорогое — жизнь, коей я сейчас в полной мере и наслаждаюсь. Его давно уже нет на свете, но думаю, он бы остался доволен своим творением. Жалко, что у моих детей нет дедушек ни по маминой, ни по папиной линии. Как грустно, что они так рано ушли.

Пионеры. В пионеры принимали не всех и не сразу. Нужно было заслужить. Ритуал посвящения в пионеры был настолько торжественным, что запомнился на всю жизнь. Пионерская жизнь была насыщенной, скучать было некогда. Пионерские слёты, сбор металлолома и макулатуры, субботники, турпоходы, выступления агитбригад, помощь ветеранам и многое другое. Было уважение к старшим, потому не было брошенных стариков, всегда присутствовал дух соревнования, и это подтягивало, было мало свободного времени, потому было мало вредных привычек.

Праздник. Как же мы их ждали! Какими же они были веселыми! Семейные и домашние, государственные и церковные — для детей различий не существовало. 1 мая и 7 ноября ходили на демонстрацию, поддерживая общий дух единения, в День победы всем миром выходили на улицы и шли к обелискам для того, чтобы поклониться памяти павших, обнять и поблагодарить живых, вместе встретить праздник «со слезами на глазах» и восхититься мощью родной страны на параде. Женский день запомнился ярким мартовским солнышком, улыбками и запахом приближающейся весны. На масленицу пекли блины и жгли чучело и, хотя в деревне часто ездили на лошадях, но катание в масленицу было праздничным. В Пасху красили яйца и пекли куличи, рецепт которых я не забыла до сих пор, в Троицу поминали усопших родственников, а уж как ждали Рождества и дней рождения близких, и говорить нечего! Люди умели наслаждаться праздником. Жили скромно, много и тяжело работали, но праздника ждали не как очередного выходного, а как возможности общения. На любой праздник за столом собиралось огромное количество народа: родственники, друзья, соседи, коллеги, знакомые. На столе нехитрое угощение: картошка, рыба, студень, пироги. Никаких деликатесов. Но душа радовалась! Пели песни, под гармошку и без сопровождения. Песни знали наизусть, узнавали мелодию и тут же подхватывали, без песенников и караоке. Люди пускались в пляс, звучали озорные частушки. И не так много надо было для того, чтобы собраться вместе. Мы живём сейчас очень замкнуто, имея очень узкий круг общения, не знаем даже самой близкой родни, а наши бабушки и дедушки помнили и навещали своих очень дальних по нашим меркам родственников.

Речка. Речка Тигода... на ней проходило всё наше лето. Каким сладким казалось это слово «купаться»! Можно было целый день проводить на речке, подставляя бока жгучему солнцу и окунаясь в тёплую, как парное молоко, воду. Вода в речке коричневого цвета, речушка узкая и мелкая. Такой она была для нас каждый летний день. Каково же было наше удивление, когда однажды по дороге

в Кириши нам путь преградила река, и мы увидели, что наша речка имеет совершенно другую ширину, гигантскую по меркам ребёнка.

Самостоятельность. Нас с детства приучали к самостоятельности. Мы сами ходили в школу и магазин, на кружки и секции, в кино и библиотеку, к друзьям и знакомым. У нас была свобода передвижения. Родители были на работе, не было не только мобильной связи, но и телефонов стационарных. Было невозможно докладывать взрослым о каждом своём шаге. Но это не означало, что мы были предоставлены сами себе. Родители были в курсе наших дел, знали наших друзей и подружек. А нас приучали к тому, чтобы свобода внутренняя совпадала со свободой внешней. А если что, то любая бабушка на улице расскажет родителям о его ребёнке больше, чем они знают о нём сами. Но всё же мы были самостоятельными.

Сны. Это сейчас я знаю, что сны бывают разные: страшные и мистические, беспокойные и прерывистые. А наш сон в детстве тщательно оберегали родители. Они укладывали нас в кровать в девять часов вечера. Сон наш мог быть нарушен только украдкой просмотренным в кинотеатре кинофильмом о страшных динозаврах или инопланетянах. А в остальном мозг наш не был загружен компьютерами, смартфонами, проблемами, поэтому сны были добрые и ласковые.

Труд. Что такое труд, мы знали не понаслышке, как нынешние дети. Кто скажет, что хотелось, например, сажать картошку или полоть и поливать грядки? Но труд был обязанностью. И это не обсуждалось. Хотя сильно мы не напрягались, но нужно было рано встать, да и работать по жаре не хотелось, ведь манила речка, хотелось просто бездельничать, качаться в гамаке, валяться в траве, просто играть. Это было лето в деревне. А ещё было другое лето, в трудовых лагерях, с бесконечной грядкой до обеда, отвальной едой, весёлыми приколами в тихий час и бессонными ночами. Да и осень начиналась сентябрём на поле, бесконечными гектарами полей с турнепсом, который чистился тут же на поле грязным ножиком и съедался нами тут же (вкусно!!!), маленькими тракторами-«шасиками», измазанными в грязи, соревнованием классов, мокрой одеждой и морсом из бутылки.

Улица. Мы выросли на улице. У нас не было компьютеров, интернета. У нас была улица. Домой мы бежали по зову родителей, или резво откликаясь на ласковый голос бабушки, зовущей из окна кушать. Осенью мы могли часами бродить по старому парку, собирая разноцветные листья и жёлуди, чтобы в дождливые дни делать из них незамысловатые поделки. Зимой лепили снеговиков и снежные

крепости, забрасывали друг друга снежками и катались с горок. Родителям, правда, потом приходилось лечить наши бронхиты, но и нам тоже было несладко: нужно было пить горячее молоко с маслом и мёдом или, того хуже, с салом, терпеть на спине щиплющие горчичники или прилипающие намертво банки. Но игра того стоила! Приходила весна, и мы с удовольствием ловили в ледяной воде ручьёв тритонов, плели венки из одуванчиков, опять же доставляя неудобства взрослым, вынужденным отстирывать пятна с нашей одежды и лечить всё те же бронхиты. Летом мы качались на качелях и «тарзанках», валялись в гамаках с книжкой и строили замки из песка, гоняли на велосипедах и купались в реке. В целом, улица поглощала всё наше свободное время.

Уроки. Вообще, когда говорят, что детство — самая счастливая пора, спешу не согласиться. Самая счастливая пора — это возраст от нуля до трёх, а потом от восемнадцати до двадцати пяти. От нуля до трёх — тебе максимум внимания, любви и никаких требований, в восемнадцать — открываются все перспективы жизни, а за спиной — ещё поддержка и защита. А в детстве слишком многое требует подчинения. Вот, например, уроки. Как же не хотелось это слово слышать! Нужно было на них ходить, их учить, их любить. Ты должен сидеть на всех уроках без исключения, хотя многие из них тебе не нравятся: не нравится предмет, не нравится учитель, тебе просто лень, всегда есть другие, конечно, более важные дела, да и мало ли всяких других причин может придумать себе школьник. На некоторых уроках откровенно скучали, на некоторых было безумно интересно, иногда боязно, но сам процесс утомлял всех во все времена.

Фильм. С этим словом связаны самые разнообразные воспоминания. Например, с каким нетерпением мы ждали воскресенья, когда по телевизору шла детская передача «В гостях у сказки». Добрая улыбка Валентины Леонтьевой завораживала. Без всякой рекламы, сказки Роу уводили на полтора часа в мир волшебства. Не мигая, замороженные игрой великолепных актёров, мы абсолютно искренне переживали за героев, боялись неземных чудовищ, смеялись над глупостью, радовались победам. Это были полтора часа праздника, дарованных нам каждое воскресенье. Незатейливая мелодия заставки к передаче осталась в памяти на всю жизнь.

Издредка нам разрешали смотреть фильмы вечером. Особенно запомнились «Белое солнце пустыни» и «Семнадцать мгновений весны», а ещё «Дело было в Пенькове», «Любовь земная», «Свадьба в Малиновке» да и многие другие. Очень хотелось подрасти, потому что после девяти вечера смотреть телевизор не разрешали.

Самые яркие впечатления связаны с кинотеатром. Тем, кто занимался в кружках, разрешали ходить в кино без билетов, это

придавало особый статус. А так билет стоил десять копеек, по средам и воскресеньям в два часа дня — детский сеанс, вечерами — взрослый. На вечерний сеанс пускали не всегда, как говорится «детям до шестнадцати». Показывали и страшилки, например, «Легенда о динозавре» или «Вожди Атлантиды», после просмотра которых ночь казалась жуткой и бесконечной.

Страсть к просмотру фильмов помогла организовать и мой первый бизнес. В один из периодов моего ничем не примечательного детства пришлось жить у одной старушки на квартире. Бабушка Люба подрабатывала себе на жизнь и скрашивала будни вязкой носков для солдат. Был такой вид надомной работы в Любани. Желающим выдавали бобины с шерстью, нужно было смотать пряжу и из неё связать носки определённого размера. Свяжешь двадцать пар, получишь за каждую пару рубль семьдесят, а если больше двадцати — то уже два рубля. В нашей комнате не было телевизора, и бабушка Люба приглашала меня смотреть телевизор. Научила меня вязать и, сидя у телевизора, я вязала носки в счёт квартирной платы. Такой маленький заработок, который приносил небольшой, но доход. Сколько сразу воспоминаний от одного слова.

Хлеб. Наши детские годы — это послевоенные голодные годы наших родителей, это война, пройденная нашими бабушками и дедушками, поэтому отношение к хлебу у нас особое. Я помню отломанный кусок чёрного хлеба с чашкой молока, румяную горбушку батона с душистым вареньем. Я помню, как, нарезав на доске хлеб, бабушка собирала крошки и высыпала их в суп, как из высушенного хлеба она сушила сухарики, как дед носил горбушку хлеба в кармане. Я помню запах булочной в Ленинграде, помню очередь за хлебом в деревенском магазине, когда все ждали машину с хлебозавода. Железным крюком водитель в белом переднике доставал промасленные лотки, разгружая батоны, буханки, и аппетитный дух разливался по округе. А ещё я помню священное действие: бабушка печёт пироги. С утра на печке томилось и пытело тесто. Бабушка колдовала над начинкой. Жарилась капуста, перемешивался с яйцом рис, растирался творог. Были и самые любимые пироги: с крошками (растёртая смесь масла, муки и сахара), крендель с румяным, посыпанным маком боком и волшебные витушки, просто скрученные булочки, но какими вкусными они казались! Сейчас в редком доме пахнет пирогами, отношение к хлебу стало иным, поэтому наши дети швыряются хлебом. Вернуть бы святое отношение к хлебу.

Чудо. Чудо — это то, что вызывает удивление. А нас в детстве удивляло многое. Но самым большим чудом считались поездки за пределы своего города. И совершенно неважно, куда и на какое расстояние. Прогулки с родителями по Ленинграду или поездка

к родственникам, семейная поездка в Ригу или с дедушкой в Чудово в магазин, а ещё зоопарк, аттракционы, одним словом, чудо — это то, что может принести ребёнку радость.

Шалости. Сейчас шалости считать почему-то принято синонимом хулиганства. А на самом деле всё совсем не так. Наши детские шалости были совсем безобидными, добрыми и никогда никого не огорчали. Что могло считаться шалостью в детстве? Помню, как вытаскивали из кармана у спящего деда ключ, которым была заперта дверь, открывали её, ключ клали обратно и уходили во двор. Он вставал, к этому времени мы всегда были уже дома. Помню, как мазали друг друга зубной пастой по ночам в лагере, как привязали полотенцем спящего одноклассника к полке плацкартного вагона, увозившего нас на экскурсию в Киев. Вот это я и называю шалостями. Это когда весело, но без последствий.

Эскимо нашего детства... С ним у меня ассоциируется любое мороженое. А каким оно было мороженое, вкус которого я помню до сих пор и выбираю даже при сегодняшнем изобилии? Мороженое в детстве было излюбленным лакомством. Хорошо помню стоящий у кулинарии около вокзала лоток, из которого шёл дымок от сухого льда, и румяная продавщица из недр лотка доставала нам бумажный (с деревянной палочкой) или вафельный стаканчик и брикет с вафлями. Мороженое было сливочным, молочным или фруктовым. Но особенно запомнилось мороженое, которое редко удавалось попробовать: эскимо с шоколадной хрустящей корочкой или вафельная трубочка. А поход в настоящую мороженицу, где разноцветные шарики мороженого, щедро политые сиропом, запивались молочным коктейлем, был настоящим событием. Сладкие воспоминания!

Юг. С этим словом я познакомилась только в 7 классе. Тогда мы впервые с мамой поехали на море, в неведомый мне тогда город Новоазовск. Всё было вновь. Сначала двое суток в поезде. Мерный стук колёс, остановки на незнакомых станциях, на перронах продают мороженое, семечки, пирожки, раков, и, что удивительно, варёную картошку с малосольными огурцами. По мере приближения к южным краям среднерусский пейзаж сменяется на бескрайние жёлтые моря пшеницы, огромные просторы маленьких солнышек (головок подсолнухов), хатки-мазанки. И вот пункт назначения. Ночной вокзал города Жданов (ныне Мариуполь). На нём проводим часы ожидания автобуса до неведомого Новоазовска. Приезжаем на автостанцию Новоазовска. Впечатления врезались в память. Город разделён улицами на ровные квадраты двести на двести метров (бывшие помещичьи усадьбы). Длинные ровные улицы, укутанные виноградником дома, похожие, как две капли воды друг на друга,

разноголосые «звонки» маленьких собачонок из глубины дворов, а под ногами усеянная абрикосами, персиками, сливой пыльная дорога. Оставив чемодан, поев холодного, с погреба вынесенного «кавунчика» или по-нашему арбуза, с нетерпением идём на море. Морской дух издалека манит. И вот оно, бескрайнее синее пространство с белыми завитушками волн, шум облизывающей камни воды, нервные крики чаек и жёлтый песок, сплошь усеянный телами. Таким я впервые увидела юг. После этого я уже не раз бывала на море. Оно каждый раз было разным. Но детские ощущения самые сильные.

Я — Алла... вот удивительно... с меня, то есть с имени, всё началось, мной же всё и заканчивается. Но впереди ещё словарь юности, словарь зрелости, поэтому чуть позже мы вернёмся к последней букве алфавита.

Азартная юность

Молодость — это мечта. Это — вера.

Это — тяготение к подвигу.

Это — лирика и романтика.

Это — большие планы на будущее.

Это — начало всех перспектив.

Хикмет Р. Назым

Азбука сопровождает нас на протяжении всей жизни. Вот и в юности всё те же буквы, складывающиеся в слова, только слова другие.

Азарт — это блеск глаз, это звонкий смех, это хорошая компания, это то состояние души, что заставляло нас, двадцатилетних, стащив из мороженицы (кафе, где мы с удовольствием уплетали шарики мороженого, запивая молочным коктейлем) старые потрескавшиеся подносы, со свистом скатываться с горки прямо в Неву, это то состояние, которое двигало нами, когда навстречу ветру на мотоциклах мы ехали просто так кататься, это то состояние, которое тянуло нас на общегородскую ёлку. Нам не нужен был допинг, не нужны были энергетики, мы были молоды, энергичны, а значит, азартны.

Бодрость — это состояние, когда ты, встав в шесть утра, весь день отсидел на лекциях, затем на очередном собрании, потом наскоро заскочил домой, бросил вещи, помчался на очередной концерт или спектакль, приехал за полночь, сготовил что-то поесть, перекусил на скорую руку, выполнил всё то, что необходимо для лекций завтрашнего дня и, часа в три ночи улёгшись в постель, снова в шесть проснулся по звонку будильника, который своим звоном будил всю округу, или под звуки гимна страны, доносившиеся из старенького

радиоприёмника. Проснулся, заметьте, в хорошем настроении. Вот это и есть бодрость! Сейчас уже так не могу, а жаль.

Будущее. Время проходит, прошлое растёт, будущее сокращается. Всё меньше шансов успеть, это обидно. В юности же будущее бескрайнее, как океан. Почему? Потому что у юности нет страхов и сомнений. Небо кажется безоблачным, солнце ярче, трава зеленее. Разве задумывались мы в юности, что будет завтра. Конечно, нет! Мы мыслили образами. Мы жили мечтой. А у мечты, как известно, нет чётких границ. У неё только ореол. И он манит всех молодых, увлекает за собой. Как же это здорово!

Встречи. Их много, они разные. Бывают нужные, бывают важные, бывают весёлые, бывают печальные, бывают неожиданные, бывают долгожданные. Не каждая из них остаётся в памяти, не каждая заканчивается знакомством или дружбой на всю жизнь, но любая встреча приносит в нашу жизнь радость общения.

Время. Ни для кого не секрет, что время может тянуться, может остановиться, может спешить, может бежать. Время в юности было без планов и ежедневников расписано по минутам. Хотелось столько успеть! И ведь успевали!

Гордость. Нас с детства воспитывали в тех традициях, когда гордиться нужно было не столько своими, сколько коллективными успехами. Мы воспитывались в духе постоянного соревнования, и слово «победа» всегда звучало гордо. Потом, впоследствии, тот соревновательный дух в нас остался. Это постоянная борьба с самим собой, это стремление к совершенству, это постоянное развитие, энергия, интерес, азарт. Как вершина подводного айсберга — гордость!

Деньги. Чем позже человек сталкивается с этим словом, тем его психика более уравновешена. Нынешние дети (увы) чуть ли не с пелёнок знакомятся с этим словом. Они быстро чувствуют вкус денег, но совершенно не чувствуют тяжести труда, их приносящего. Нет, нам, конечно, тоже давали родители по двадцать копеек на завтраки, а мы в соседнем ларьке покупали жареный пирожок с творогом, фруктовое мороженое за семь копеек, можно было купить ещё ирисок по копейке за штуку, но товарно-денежные отношения выстраивали только в юности. И повышенная стипендия — тридцать семь рублей пятьдесят копеек вместо обычных тридцати рублей казалась несметным богатством. А сколько радости было в день первой зарплаты. Первые честно заработанные сто сорок рублей... Была практичность, но расчётливости, как у нынешних детей, не было.

Доверие. Всё строилось на доверии. Мы безгранично доверяли всем, кто нас окружает. Как мы жили без металлических дверей и видеорекамер, без охранных систем и звукозаписывающих устройств, без домофонов и сейфов? В деревенских домах замки навешивали, не закрывая, чтобы видели проходящие, что хозяева отлучились ненадолго. Однажды оставленный в электричке пакет со студенческим завтраком (бутылкой кефира и батоном) и кошельком с тремя рублями нашёлся на вокзале в бюро находок, потерянный шарфик или варежки висели на заборе или вешалке, пока не спросит хозяин, деньги в деревенском доме можно было найти под салфеткой, а ключ от квартиры под ковриком у входной двери. Удивительно, не правда ли? А ведь так было.

Единение — общие взгляды, общие мысли, общее желание. Ощущение, что ты не один — это не единение. Это просто рядом есть близкие люди, в нужную минуту готовые прийти на помощь, это когда одним курсом, но в разных самолётах, а единый (в одном самолёте) полёт мыслей и чувств бывает только в юности. Когда сборы недолгие, когда нет опасных размышлений, когда возникает общее желание, и это решает всё! Единение...

Желание жить, творить, любить возникает в юности, как случайный порыв ветра, и если ты удержишь его, то жизнь расцветёт красками. Эмоции захлёстывали нас в юности, как волна на море, хотелось всё успеть, всё узнать. Мы спешили жить. Желания возникали мгновенно, спонтанно, решения принимались сразу же, без раздумий, на то она и молодость.

Затея. А затеи вырастали из желаний молниеносно. Их было много, мы за ними порой не успевали, и 24 часа в сутки казалось так мало.

Интерес. А всё почему? Потому что был в жизни интерес. Классное слово «двигатель прогресса», именно он побуждает нас к деятельности, к познанию нового, неизведанного. Начинаясь с детского любопытства, хорошо, когда интерес сохраняется на всю жизнь. Когда даже в более зрелом возрасте блестят глаза, когда желание может позвать в дорогу, когда радуешься каждому новому дню.

Комсомол. «Не расстанусь с комсомолом, буду вечно молодым!» — слова из этой известной моему поколению песни были нашим девизом. Комсомольцы. Это их руками поднята целина, их руками построены крупнейшие объекты нашей необъятной страны. Это на их энтузиазме строился БАМ, это они уходили в экспедиции, меняя уют на запах костра. Комсомольцы работали на полях,

в стройотрядах, организовывали шефские бригады, помимо этого учились, влюблялись, укрепляли семейный быт, растили детей.

Красота. Тоненькие колготочки и игривые шарфики, мини-юбочки и широкие пояса, джинсовые платья и итальянские сапожки. Как же хотелось чем-то выделиться из толпы, как же хотелось быть красивыми! Для этого мы обрезали косы, делаем модные стрижки, для этого выстаивали огромные очереди в магазинах за парфюмерией, для этого шили себе сами «эксклюзивные наряды». Как хотелось, чтобы все ахнули, увидев твою юбку, блузку или шляпку. А платье иногда было одно на всех. Например, свадебное платье перешивалось под разную фигуру несколько раз. Все же, как хотелось быть красивыми!

Любовь. Прекрасное, всеобъемлющее чувство. Одно из самых ярких чувств на планете Земля. Это чувство, не зависящее от возраста, сословий, обстоятельств. Это чувство мгновенное, необыкновенное.

Правильно говорят: «Вспыхнула». Любовь — это действительно вспышка. Может загореться чувство и гореть долго неторопливо, равномерно, создавая вокруг каминный уют и согревая теплом долгие годы. Может вспыхнуть и обжечь всё вокруг, оставив после себя глубокие ожоги. Может гореть, как костер: ярко и быстро, а потом тлеть, медленно угасая, не давая уйти в надежде согреться и понимании того, что разгореться костёр уже не сможет.

И не только любовь мужчины и женщины сопровождает нас, а, прежде всего, любовь к жизни. Любите жизнь во всех её проявлениях, любите себя в этой жизни, и тогда прекрасное чувство любовь будет сопровождать вас, на каком бы жизненном отрезке вы не находились.

Муж. Муж появился в двадцать три года. Столько же уже вместе, рядом. С этим словом связано ещё одно слово, яркое, волшебное и белоснежное слово свадьба. Один из самых запоминающихся дней в жизни. День, когда твоя жизнь начинает процесс деления: сначала на двоих, потом на троих, ну, и так далее. Если повезёт, то вместе со словом «муж» в твою жизнь придёт ощущение любви, надёжности, уверенности, взаимопонимания. Главное, чтобы всегда вместе, всегда рядом.

Мнение. У каждого из нас было своё собственное мнение, всегда. Мы очень им дорожили, расстраивались, если к нашему мнению никто не прислушивался, радовались, если все получалось так, как хотелось. Собственное мнение могло совпадать с мнением других, могло отличаться, но это было своё, собственное мнение.

Надежда. Все мы на что-то надеемся. На то, что кто-то поможет, на то, что вдруг повезёт: сначала на экзамене, потом в лотерею, потом в жизни. А ведь часто наши мысли облакают форму. Преподаватель хоровой деятельности, женщина более чем просто женщина, учила нас, молодых девчат, надеяться. «Каждый день вы должны начинать так, как будто этот день — самый главный в вашей жизни, — говорила она нам. — Любая встреча может изменить вашу жизнь». И этими словами задала тон всей нашей сумбурной жизни, научила жить надеждой.

Надо. Есть такое слово. Мы это уяснили с детства. И всё.

Обида. Слово это всплыло в памяти, но было нам совсем несвойственно. Может быть, в раннем детстве, но в юности мы были очень дружны. Дружили только с тем, с кем хотели, с теми, кто был близок по духу, поэтому на обиды времени не оставалось. А если и случалось обидеться, долго с этим чувством оставаться не приходилось.

Ошибка. Кто не совершал ошибок? Таких просто нет! Ошибаться свойственно каждому, но ошибки можно простить, можно исправить, а вот за поступки, вызванные ошибками, приходится платить. Ошибки бывают глупыми, бывают роковыми. Ошибки делаются по незнанию и от волнения, от упрямства и от невежества, от безответственности и от чрезмерного усердия. Научиться просчитывать каждый шаг очень сложно, спонтанность мыслей зависит от характера и от обстоятельств, часто вместо вопроса «Надо ли это делать?», такого нужного и важного, мы задаём вопрос «Зачем я это сделал?», хотя изменить уже ничего не в силах. «Знал бы, где упасть, соломки подстелил» — гласит народная мудрость. И как всегда народ прав.

Перекрёсток. Молодость. Время выбора пути. А выбрать свой путь можно только из нескольких. И вот он перекрёсток. Какой путь ты выберешь, зависит от тебя, от интуиции и от множества обстоятельств. А вот будет ли этот путь счастливым, не знает никто.

Профессия. Процесс поиска профессии достаточно труден. Трудно искать даже вещь, не говоря уже о чём-то более серьёзном. Процесс поиска своего места в этом мире труден особенно. Выпускник школы вряд ли до конца осознает свой выбор, но у него должна быть мечта. Наше поколение было в более выгодном положении, чем нынешнее. У нас у каждого была мечта, и воплощение её в жизнь зависело не от количества денег в кошельках родителей, не от востребованности профессий, а только от наших способностей и желаний. Мы знали, что, получив ту или иную профессию, мы найдём себе применение. У нас перед глазами были примеры трудовых

династий. Листы трудовой книжки тратились на благодарности и поощрения, а не на переименования предприятия. У нас у каждого был наставник. Сейчас всё изменилось. Наши дети с высшим образованием работают продавцами и торговыми представителями вместо того, чтобы приносить пользу той отрасли, специальность по которой они получили, впитывать в себя опыт предыдущих поколений. Наши дети тратят лучшие годы своей жизни на бесцельные скитания. Жаль.

Работа. Четверть века трудовой деятельности. Уже четверть века. А тогда, двадцать пять лет назад, совсем молоденькой, я переступила порог родной школы не в качестве ученицы, а в качестве педагога. Получила от директора педагогический наказ, личные дела учеников и девятнадцать пар смыслённых испуганных глазёнок. Целое богатство. А богатство, как известно, нужно беречь, холить и лелеять. А такое богатство и тем более!

Какой же взрослой я сама себе казалась в свои девятнадцать лет! А ведь разница в возрасте между первоклашками и таким учителем была всего двенадцать лет, а между старшеклассниками и учителем и того меньше. Каким большим и далеким казался стаж в десять, пятнадцать, двадцать лет... Сейчас уже сменила работу, но по школе все так же грущу.

Риск. Как часто мы привыкли употреблять это слово. «Риск — дело благородное», «Кто не рискует, тот не пьёт шампанское», «Рисковые люди» и множество других оборотов, употребляемых нами. А ведь на самом деле рискуем мы практически всегда. Только риск этот бывает оправданным и неоправданным.

Страх. Слово, знакомое каждому не понаслышке. Бесстрашных нет, как бы нас не убеждали в обратном.

Сын. Маленький свёрточек новой жизни, дар судьбы, счастье до конца дней матери, проблемы до конца дней матери, тревога и гордость вперемешку с радостью и бедами до конца дней матери. И сколько бы лет ни пролетело, переросший маму на голову, а то и на две, сын в глазах матери всё тот же маленький свёрточек. Теперь я могу сказать это слово во множественном числе. А те моменты, когда сыновья появились в моей жизни, я буду хранить в памяти до конца. Себя в жизни не замечаешь и, только отражаясь в детях, видишь, как быстро летит время.

Терпение. Терпению меня научила работа в школе. В школе без него нельзя. Что поможет объяснять ежедневно одни и те же прописные истины, исправлять одни и те же ошибки, что поможет

справиться с проделками, большими и маленькими, что сдержит гнев в ответ на откровенное хамство и подлость, что позволит сконцентрироваться в экстренных ситуациях, коих в школе безмерное количество? Только терпение. Это одно из многих обязательных качеств учителя. Научить терпению невозможно. Мне так хочется, чтобы все учителя, работающие в современной школе, были терпеливы. Трудно идёт процесс взросления. Мир соблазнов окутывает наших детей. Спасение — только в терпении.

Трудности. Известная фраза: «Сами создаем трудности, сами же их и преодолеваем». Трудности возникают на жизненном пути с завидным постоянством. Стараемся избежать и постоянно с ними сталкиваемся. Преодолеваем и идём дальше. Процесс преодоления затягивается на долгие годы. Почему так? Философия жизни.

А ведь не надо пытаться решать все проблемы мира в одиночку, не надо стараться понравиться всем, не надо постоянно спешить и закичиваться на чём-то. Нужно просто начать жить, помня, что жизнь — это бесценный подарок, подаренный вам не к празднику, а просто так!

Успех. Все мы в разных ситуациях надеемся на успех. Чутьочку везения, чутьочку терпения, и он обязательно придёт! Как же нам этого хочется! Мы станем успешными дома, на работе, мы сможем похвастаться! Поставлю многоточие... Пусть мы все будем успешны!

Учитель. Учителей на жизненном пути было много. Помнишь всех, а вспоминаешь немногих. Какими они были, учителя нашей юности? Человечными, увлечёнными, порядочными, ответственными, знающими и умеющими ценить знания других, открытыми для диалога. Учителя были близкими, но без панибратства. Они умели держать дистанцию. В них были смешаны немного философии, немного фантазии, немного романтики, немного идеологии. И этот коктейль дал нам заряд жизненной энергии, которой наше поколение подпитывается до сих пор.

Фантазия. Это игра воображения. А воображение у каждого своё. Мы выдумывали сами себе развлечения, наряды, любопытство уносило нас в мир фантазий постоянно: мир сказок, чудес и приключений. В основном, эти фантазии были взяты из книг, прочитано которых было бесчисленное множество. Было безумно интересно. А главное, никто нам фантазировать не мешал.

Характер. Я даже не знаю, как определить, что это такое характер. Почему все люди разные? На каком генном уровне формируется то, что принято называть характером? Что такое идеальный характер

и для кого он является таковым? «Прояви характер». Как это? Одни вопросы, ответов найти не могу. Только точно знаю: мы повторяемся в потомках. Иногда с поразительной схожестью. Мы прививаем детям те черты, которые есть в нас. Очень хочется, чтобы у нынешнего поколения «некст» из всех качеств сохранились любовь, сострадание и порядочность. А характеры пусть будут свои.

Цель. Цель жизни или цель года, цель месяца или цель дня, цель часа или цель мгновения. Это неважно. Главное, чтобы она обязательно была. К ней нужно обязательно стремиться, её нужно обязательно достигать и ставить новые цели. Человек целеустремлённый — человек несломленный. Дорога спешит за горизонт, за ним новые цели, новые возможности, значит, жизнь.

Чувство. Как раз переполняющие меня чувства и побуждают выкладывать на бумаге свои более чем сумбурные мысли. Чувства, как джин из кувшина: их нельзя спрятать, их можно только замаскировать, а спрятать... нет, нельзя. Человек живёт, пока он чувствует. Пока есть чувства, человеческая душа не в одиночестве.

Школа. Юность — это такая пора жизни, когда у многих о школе остаются только воспоминания. Но для меня школа в юности — это первые шаги на работе. Девятнадцатилетняя девушка с широко распахнутыми глазами, множеством идей и желаний, твёрдым уверенным шагом переступила порог школы, из которой сама вышла два года назад. Взволнованные лица родителей, вспотевшие ладошки первоклассников-шестилеток, едва удерживающие тяжёлые букеты и одобряющий взгляд директора школы. Первый рабочий день — 1 сентября 1987 года! Боже, как давно и как недавно это было.

Щедрость. Щедрость — это когда в общежитии делишь привезённое из дома на всех, нисколько не сомневаясь в правильности действий, когда в День рождения ведёшь всех в мороженицу, зная, что в кармане последние, оставшиеся от стипендии деньги, когда отдаёшь самую любимую кофточку подруге, идущей на свидание. Щедрость — это готовность делиться не только тем, что необходимо другим, но и тем, что необходимо тебе самому. Щедрость — это богатство души. Только тот, кто богат душой, способен делиться с другими.

Экзамен. Очень трудное для меня слово. Почему? Да потому, что очень трудно быть испытуемым. Материал я знала всегда, экзамен же всегда приводил меня в ступор. Я безумно любила и люблю учиться, потому что процесс учения предполагает познание нового, но всегда панически боялась любых экзаменов. Кто-то чётко и уверенно

может изложить свои знания, я же предпочитаю беседу между людьми, а экзамен не зря называют испытанием, особенно в части противостояния между людьми. Я не раз была и по ту сторону баррикады, когда сидела в школьной экзаменационной комиссии, предпочитая не задавать вопросов, потому что абсолютно уверена, что учить, проверять знания и прививать любовь к предмету нужно в процессе познания истины, а экзамены вообще необходимо отменить. К постижению нового должен быть интерес. Можно сдать все экзамены на «отлично», а знаний как не было, так и не будет.

Юность — пора надежд, мечтаний, эмоций, радости, впечатлений. Вспоминаю слова Тургенева: «О молодость! Молодость!.. Может быть, вся тайна твоей прелести состоит не в возможности всё сделать, а в возможности думать, что всё сделаешь». В этих словах вся правда о юности. Юность — это мироощущение человека. До тех пор, пока вас переполняет надежда, смелость, честность, пока вы вкладываете все свои силы в дело, которым занимаетесь, вы будете молоды душой и телом.

Ярость. Это слово пришло на ум спонтанно. Ярость редко приуща людям с таким характером, как у меня. Что может ввергнуть меня в пучину ярости? Предательство, лицемерие, откровенное хамство, то есть то, что может унижить и растоптать во мне человека. В остальном же всё решается.

Поздняя зрелость

Днём полёт птиц всегда кажется бесцельным, но к вечеру движения их становятся целенаправленными. Они летят к чему-то. Так же, может быть, с людьми, достигшими вечера жизни... Бывает ли у жизни вечер?

А. Камю

Третий раздел моего словаря — это слова того возраста, когда часть жизни осталась за спиной, а часть ещё впереди. Возраста, с одной стороны благодатного, а с другой стороны... а впрочем, пусть будет только благодатного.

Ангел. Вот и переступили черту жизни, от которой начинается дорога к вере. Я намеренно не говорю к богу, а именно к вере. Ангел-хранитель оберегает крылом от множества бед. Я верю в его существование. Не хочется только остаться непонятой. Твои мысли наедине, твои чувства, твои желанья. Наедине с бедой, с радостью, с духом и жаждой жить. Как донести это до ангела? Как дать ему понять, что

тебе нужна не помощь, а, прежде всего, понимание? Сейчас понимаю: не надо просить избавления от проблем, надо отпустить все проблемы, как шарик в небо и, растворившись в облаках, они покажутся такими маленькими и несущественными, что и не нужно будет просить помощи, нужно просто обрести веру в себя и ангела.

Атмосфера. В житейском понимании — воздух. Без воздуха жизни нет. Как, впрочем, нет жизни и без того микроклимата, который мы тоже привыкли называть атмосферой, в котором мы все привыкли существовать — дома, на работе, среди множества людей. Эта атмосфера особенно важна, ведь если вокруг тебя кипит жизнь со всеми победами и поражениями, горестями и радостями, в которой нет места унынию и безысходности, и ты себя комфортно ощущаешь частицей этой жизни, то жизнь твоя продолжается, несмотря на экологию атмосферы земной.

Быт. Трудно описать одним словом нашу жизнь? Нет! Это быт! За этим всё: и твоё детское упрямство и юношеский максимализм, и первые семейные будни, и упрямство твоих детей, и всё тот же юношеский максимализм, но уже в голове сына, а кроме этого, бесконечная рутинная работа и борьба. Но как же сладостно осознавать, что тебя ждут дома. И уходит на второй план невымытая посуда, разбросанные вещи, остаётся ощущение крепости, когда закрыв за собой дверь, ты окунаешься во всё тот же быт. Быт — жизнь!

Возраст. Спешим. Торопимся. Дни жизни мелькают, как путевые столбы. В определённые моменты жизни отношение к возрасту разное.

В детстве понятия «возраст» вообще не существует. Есть только дни рождения, которых ждёшь, затаив дыхание, нетерпеливо считая дни. Праздник радостный, прежде всего, потому что твой собственный. С волнением ждёшь незатейливо накрытого праздничного стола, прихода подружек, с радостью спешишь на День рождения к другим. Не нужно ничего, кроме праздника.

В юности тоже не смотришь на годы, смотришь на дни своего появления на свет. Всё вокруг весело, празднично, азартно. Зачем считать количество лет, если впереди вся жизнь? Пришёл очередной День рождения, принёс с собой праздник. И это главное.

И только после определённой метки на жизненном пути (для каждого своей) начинаешь осмысливать возраст. Но, что удивительно, только осмысливать, себя в возрасте не ощущаешь. Поэтому, когда встречаешь давних друзей, жизнь наполняется молодостью. Вспомните, какими старыми нам казались родители, учителя, когда нам было по десять-пятнадцать лет? А им было всего-то по тридцать-сорок. А теперь оцените свой возраст сейчас! Вот оно, чувство невесомости возраста.

Воспоминания. Когда-то один мудрец сказал, что на каждом отрезке пути, остановившись, нужно поблагодарить судьбу за всё и идти дальше, не оглядываясь. Наверное, в этом есть смысл. Но жизнь устроена иначе. Возникает необходимость оглянуться, но не в двадцать и не в тридцать лет, а минимум в сорок. Почему? Да потому, что лишь к середине жизненного пути ты уже кого-то потерял, что-то нажил, и хочется, как туристу на привале, скинуть рюкзак под названием «жизнь», покопаться в нём, выудить с самого дна какие-то вещи и окунуться в воспоминания.

Откуда бы взялся этот текст, если бы не воспоминания? Они волной накатывают на тебя, и ты не в состоянии им противостоять. То ты вдруг вспоминаешь себя маленькой девочкой, то вдруг приходит в голову момент рождения ребёнка, то становится грустно, то вдруг смешно. Воспоминания приходят в голову от одиночества и от единения, от радости и от неприятностей, от желания понять и от нежелания понимать. Особые чувства возникают тогда, когда, увидев на фотографии лицо молодого человека, ты вдруг осознаешь: как же он похож на своих родителей, которых нет на свете, но ты их помнишь. Они, точнее, их лица, остались в закромах памяти.

Отдельная история — коллективные воспоминания. В зависимости от характера люди вспоминают разное: сентиментальные вспоминают детство, злопамятные — обиды, гордецы — подвиги, весельчаки хохочут над собой и другими. Неизменным остаётся одно: воспоминания делают нашу жизнь содержательнее. А ещё у воспоминаний есть одно достоинство: можно забыть неприятности и помнить только хорошее.

Грусть. Говорят, жизнерадостным людям это чувство не свойственно. Неправда. Грусть появляется, когда ты совсем один, тебя никто не видит. Отчего? Каждый для себя определяет сам. От невозможности помочь другому, от жалости к себе, от отчаяния, одиночества, от несбывшихся надежд и желаний. Что помогает справиться с ней? Радость! Радость и ещё раз радость!

Доброта. Доброта — неподдельное чувство. Оно либо есть в человеческой душе, либо нет. Третьего не дано. «Добрый быть совсем совсем непросто, не зависит доброта от роста...» — вспомнились слова детской песенки. Это действительно трудно, особенно сейчас в нашем жестоком мире. Но давайте будем самокритичными: чего нам не хватает для того, чтобы быть добрыми? Живём под мирным небом, достаток и уют можем создать сами, новые технологии смело входят в нашу жизнь. В таких условиях чего же недостаёт нашей душе? Нужно принять всё таким, как оно есть, любить природу, окружающий мир, и тогда наступит оттепель в наших сердцах,

растает лёд и подобрёют наши души. Откликнитесь на плач ребёнка, вздох больного, просьбу ближнего, простите обиды, заставьте себя по-иному смотреть вокруг, и уйдёт из сердца тоска, а доброта займёт свое место.

Дом. С этим словом связано множество воспоминаний. Вспоминаю разные дома, где пришлось жить в детстве и юности. Хотя вспоминаешь не жилище, а именно дом. Хорошо помню дом, в котором прошло детство: толпы подружек, никогда не закрывающаяся дверь, маленькую дворняжку со смешной кличкой Дозорка; помню дом у бабушки в деревне: деревенскую печку — «шит», к которой так приятно было прислониться спиной, палисадник с огромным кустом пионов, гамак на улице; помню домик бабушки Любы, где пришлось снимать временное жильё: маленькую, всего метров пять, но такую уютную комнатушку. Кто-то всю жизнь кочует, кто-то стремится к роскоши, я же люблю дом. Детство прошло в деревенских домах. Большие многоквартирные дома казались огромным муравейником, там было многолюдно, до шестнадцати лет я не знала, что такое жить в квартире, хотелось, бывая у родственников, благ цивилизации, но в целом жизнь в своём доме устраивала. Квартира — это тоже дом, но тот, кто жил в своём доме, поймёт меня лучше. Дом — это не только комнаты и кухня, этим он отличается от квартиры. Дом — это ещё веранда, крылечко, чердак. На веранде хорошо летним душным днём поваляться с книжкой, на крылечке переждать крупные тяжелые капли дождя в ожидании грозы, зная, что в любой момент дом спрячет тебя за своей дверью, а чердак — это вообще особая тема. Сколько интересного он таит, сколько может рассказать историй о жильцах, сколько страхов и любопытства вызывает чердак у детей. Лестница на чердак — это лестница в прошлое. А ещё дом — это вода из колодца, это печка, это сад с наливными боками яблок, согнутыми от тяжести ягод кустами крыжовника и смородины, скамейка под деревом, баня и скрип калитки. И тропинка, расчищенная от снега, и будка у забора, и виляющая хвостом дворняга, и кошка, растянувшаяся на печке. Это всё дом! «Мой дом — моя крепость»!

Дружба. Возраст мой перескочил тот рубеж, когда я могу что-то сказать о дружбе. Не о привязанности, не о приятельстве, а о самой настоящей дружбе, дружбе без взаимных обязательств, без обид и упрёков, дружбе, с годами ещё больше укрепившейся. Четыре десятка лет крепких надёжных отношений — это дружба. Телефонный звонок, откликнувшийся на твою беду вниманием и заботой — это дружба. Мысль о том, что в этом доме можно остановиться на ночлег, подкреплённая ответом: «Конечно, в чём вопрос!» — вот это дружба. А ещё дружба — это когда можно без повода собраться,

когда есть, кому навестить, когда болеешь, есть кому рассказать о червоточине в душе, надеясь на понимание. Слава богу, что у моей семьи это всё есть.

Если. На переломе лет это слово приобретает особое значение. Замечаю: после сорока начала просчитывать варианты. Жизнь стала похожа на игру в шахматы. А вот если... За этим словом и несбывшиеся мечты, и часы ожиданий, и упрямство, и желание побыть в одиночестве.

Жалость. Говорят, поколение нынешней молодежи растёт безжалостным. Возможно, мы сами в этом виноваты. Ведь именно мы отдаляемся от своих детей, когда они больше всего нуждаются в нас. Жалость появляется только тогда, когда сердце доброе, когда ты кому-то нужен. Жалость рождает сострадание, а это, в свою очередь, помогает быть человеком.

Здоровье. Как стало его не хватать. Как это слово перекликается со словом «здорово». Здорово, если есть здоровье. Здоровье — это самое ценное, что есть, но вот парадокс: это самое ценное мы как раз и не бережём. Меньше всего времени мы уделяем именно себе. А ведь от здоровья жизненная энергия и сила духа, желание и энтузиазм, и ещё многое, что делает нашу жизнь интереснее и продолжительнее.

Истоки. Вот и опять возвращаемся к истокам. Только теперь, на этом этапе, приходит понимание того, что ты в мире не один, только теперь появляется желание перелистать семейные альбомы, вот только спросить чаще всего уже не у кого. Только сейчас мне стало интересно читать архивные материалы. Недавно нашла материал о подвиге деда, сразу вспомнила лежащие в ящике серванта ордена и медали. Их было много, но мы не интересовались тем, за что эти медали и ордена получены. А сейчас, прочитав сухие строчки архивного дела, вздрогнула, ведь всё детство рядом была легенда. Но назад не возвратишься.

Итог. Часто ищу ответ на вопрос: «Нужно ли вообще подводить итоги?». Ответа не нахожу. С одной стороны, необходимо. Какой-либо шаг вперёд возможен только тогда, когда под предыдущим этапом жизни подвёл черту, оценил то, что сделал. Не для кого-то, а для себя самого. Поэтому чем дольше живёшь, тем больше подитога в твоей жизни, но и тем больше зарубок на твоей душе. С другой стороны, главный итог нашего существования подводит сама жизнь. Тогда какой смысл в бесконечном подведении итогов? Круговорот.

Календарь. Висел у бабушки на стене отрывной календарь. Каждое утро, надев очки, она отрывала листок, читала обратную сторону, на которой были советы по дому, описание цветов, статьи о праздниках и многое другое. Календарь худел с каждым новым утром, наконец, к нашей радости, заканчивался Новым годом. Как мы его торопили, заглядывая вперёд, стараясь приблизить то свой День рождения, то какие-то праздники, то окончание учебного года. Теперь календари торопятся без нашего участия. И заглядываем мы вперёд только для того, чтобы спланировать какие-то дела. Но, кем-то сказанные мудрые слова: «Хочешь рассмешить Бога, расскажи ему о своих планах», — как никогда лучше подчеркивают абсурдность наших намерений.

Лица. Калейдоскоп лиц! Помните, была раньше такая детская игрушка: подзорная труба, внутри которой плескались цветные осколки, создавая причудливые картинки, каждый раз разные. Вот также и мир лиц, тоже всё время меняющийся. Сотни человеческих лиц встречаются нам в течение дня. Вглядитесь в них. Вот люди, суетливо спешащие по утрам на работу. Кто-то угрюмо садится в машину, кто-то, усевшись в автобус, чему-то улыбаясь, читает книгу. Вот мама ведёт полусонного малыша в садик, вот бабушка провожает внучку в школу, ловко подцепив её ранец себе на плечо и попутно поправляя ей косички. Стайка щебечущих старшеклассниц звонким смехом разбавляет утренний пейзаж. Студент, уткнувшийся в ноутбук, отдалившийся от мира наушниками. Вот дворник, размахивая метлой, ругает погоду. Это утро. День тоже приносит множество лиц. Это и лица сослуживцев, мысли которых далеки от рабочих файлов компьютера, это и лица женщин, заплутавших в потоке магазинной обеденной суеты. И, наконец, вечер. И всё в обратном порядке. Обратный отсчёт, только уже картинка другая. Вот уже кто-то с облегчением садится в машину, малыш бодро делится с мамой впечатлениями, полученными в садике, девочка, размахивая ранцем, с косичками, съехавшими на бок, ведёт бабушку в магазин, студент, спрятав в сумку ноутбук, уютно спит в транспорте. На лавочке делятся новостями старушки, гуляют мамы с колясками, из которых выглядывают озорные лица малышей. Жизнь идёт. Калейдоскоп лиц крутится.

Люди. Человеку необходимо общение. Есть разные категории людей, с которыми приходится общаться. Одни, общение с которыми доставляет истинное удовольствие, другие — общение с которыми необходимо. Некоторых нечасто встречаешь, но спросить можешь только формально: «Как дела?» — и, не очень интересуясь ответом, охотно прощаешься. Некоторых, наоборот, встречаешь каждый день, например, едущих с тобой каждое утро в транспорте, с ними ты даже

начинаешь, сам того не замечая, здороваться, но общения с ними нет и быть не может. Дружба с единицами остаётся на всю жизнь, знакомство со многими бывает периодическим. По некоторым откровенно скучаешь, некоторых предпочитаешь забыть. Живёшь в мире человеческих лиц.

Мудрость. Вы думаете, что мы с годами становимся мудрее? Ничего подобного. Мы только накапливаем опыт, иногда плохой, иногда хороший, анализируем его и в силу возраста можем сделать выводы. А мудрость... Мудрость — это умение жить независимо, не утомляя других нравоучениями, ненавязчиво передавая им свой опыт. Мудрость — это желание жить, жить счастливо, независимо от количества прожитых лет и вороха приобретённых болезней. Мудрость — это радость созерцания.

Мысли. Они ежеминутно, иногда ежесекундно сменяют друг друга. Они роятся в нашей голове, неизвестно откуда появляясь, подпитываясь нашими эмоциями. Поток их чрезвычайно разный у мужчин и у женщин, но и тех, и других он захлёстывает волной, заставляя подчиняться себе, решать всплывающие проблемы, находить решения, а то и просто радоваться, грустить, мечтать. Плохие и хорошие, глупые и умные, своевременные и запоздалые, но пока они в нашей голове, пока работает наш мозг, мы живём.

Надёжность. Это одно из немногих качеств, которые я очень ценю в людях. Надёжные люди — это те люди, которые разделят с тобой и радость рождения, и горечь утраты, серые будни больничных палат и яркое торжество праздников. Плохо на душе, снимаешь трубку телефона, на том конце провода слышишь знакомый голос. На предложение встретиться на том конце провода не придумывают повода отказать, не раздумывая, соглашаются. Вот это и есть высшая степень надёжности.

Отдых. С годами всё больше нуждаешься в отдыхе. Не в отдыхе как в смене деятельности, а в отдыхе для души. Для всех понятие разное, но для меня отдых для души — это когда рядом семья, впереди бескрайний простор, море впечатлений и безграничная радость.

Проблемы. Кто придумал это слово? Откуда берутся эти самые проблемы? Мы живём в мире, полном проблем. Каждый час драгоценной жизни мы тратим на их преодоление. Снова и снова впрягая себя в очередной круговорот событий, мы так спешим жить, что проблемы накручиваются на ось нашей жизни, как на колесо велосипеда трава, с молниеносной скоростью. Распутать этот клубок практически невозможно. Но выход есть. Нужно очень любить

жизнь. А ещё: относиться к проблемам по-другому. И тогда у каждой проблемы будет решение.

Решения. Решения принимаешь всю сознательную жизнь. Решение — это итог работы мозга. Оно бывает трудным, бывает лёгким, бывает обдуманым, бывает спонтанным. В молодости решения принимались быстро, чаще, не раздумывая. Чем старше становишься, тем больше времени надо на принятие решения, а потом столько же времени на обдумывание, правильное ли оно.

Результат. Результат — итог принятия решения. Хорошо, когда он есть и служит на пользу делу. Результатами своего труда мы гордимся всегда. Мы готовы работать на результат!

Родина. Слово святое. Многие из нас уезжают далеко от родного дома, но в ответ на слово «родина» сердце всегда отзывается воспоминаниями далёкого детства.

Судьба. Про судьбу можно говорить бесконечно. Она и «злодейка», и подарок. Её не выбирают, она даёт шанс, её не обманешь, не проведёшь. Действительно, у каждого своя судьба, иногда преподносящая нам сюрпризы. Я никогда никому не завидую и мечтаю вообще о мире без зависти. Скольких бы мы избежали бед! Моя судьба меня полностью устраивает. Однажды прочитала: «На судьбу ссылаются тогда, когда речь идёт о плохом выборе». Прямо в точку.

Суета. Мы так от нее устаём. Как же стал суетлив наш мир! Сколько раз ловила себя на мысли, что суета бесполезна. Наши деды и прадеды везде и всюду успевали. Не торопясь, размеренно, они делали за день сотню разных дел. Работа была сделана всегда вовремя, несмотря на обстоятельства, а ведь и семьи были большими, и хозяйство немаленькое. А мы всё время спешим, чтобы опоздать. Суета!

Тревога. Всё чаще в моей душе стало возникать это непонятное чувство тревоги за близкого человека. Оно возникает «ниоткуда», также уходит «вникуда». Оно украдкой проникает в душу, точит её, как червяк, мелкими иголками страха колет сердце. Вот уже тревога смешивается с тоской, тоска с сомнениями, и... дурные мысли на пороге. Гоните прочь тревогу, она отравляет жизнь.

Удача. Удача — нечастая гостья в наших домах, считают многие. Я не согласна. Каждый рассвет — это удача! Каждая улыбка — это удача! Каждое мгновение — это удача! Удача — это состояние души.

Если ты сам веришь в себя, если у тебя есть цель — удача рядом с тобой всегда!

Улыбка. А если удача рядом — улыбайтесь! Прочитали и мысленно представили человека улыбающегося. Образ вызвал ответную улыбку. А если наяву? Сплошной позитив, не правда ли? Я тоже люблю это слово — улыбка! Говорят, слова и вещи обладают энергией. Так вот у слова «улыбка» фонтан нерастраченной энергии. Она ничего не стоит, но стоит слишком многого. Удивительно! Не люблю давать советы, но берите пример с улыбающихся людей. Случайно подаренная улыбка — лучший подарок суетному хмурому миру.

Фотографии. Всё чаще обращаюсь к памяти предков, чаще разглядываю фотографии прежних лет. Те, что годами поближе, наводят на воспоминания, те, что годами подальше, заставляют думать о вечном.

Старые запылывшиеся альбомы — совсем не то, что файлы компьютера. Да, компьютерные фото, конечно, в отличие от фото в альбомах, качественнее, но альбомные как-то по-домашнему уютней. Листаешь альбом и вспоминаешь, как раньше ходили всей семьёй в фотоателье, чтобы сделать семейный снимок, или занимались фотопечатью сами. Красный фонарь, запахи реактивов, глянецатель, фотографии, приколотые прищепками к верёвкам для белья.

Разглядываю старые фотографии и замечаю: невзирая на трудности бытия, лица-то счастливые. Сейчас на фото люди позируют, на старых же запечатлены мгновения жизни. Не верите? Загляните в семейный альбом.

Хамство. Считается, что слово это имеет библейские корни (Хам — библейский персонаж, один из трёх сыновей Ноя). Нам же в жизни с этим неприятным сочетанием звуков, обозначающим в русском языке это слово, приходится сталкиваться постоянно, каждодневно. Причина? А причина — на поверхности. Наше общество рассыпалось, потеряло цель самосовершенствования. Мы идеализируем не те качества, подпитываемся не теми идеями, утрачиваем культурные корни. И вот результат.

Храм. Сейчас людские пути всё чаще тянутся к храмам. Я не люблю помпезные храмы. На них можно только любоваться. Мне ближе тихая печаль деревянных часовен. Здесь в уютной тиши я могу почувствовать себя частичкой мироздания, могу проводить время наедине с собой, своими мыслями. Я не устаю от жизни, я устаю от скоростей. Жизнь стала настолько стремительной, что даже дорога

к храму, как скоростная магистраль. Мы стали заложниками той жизни, к которой стремились. Но пока есть возможность дойти до церкви узкой деревенской тропкой, ещё не всё потеряно.

Цветы. Обожаю цветы, в них радость, красота, удовольствие! Но не мёртвые, срезанные, не искусственно выращенные в горшках на окне, терпеливо ожидающие солнца, а настоящие, в саду, с росой на листиках, я обожаю огненные пионы, люблю застенчивую красоту ромашек, восхищаюсь стойкостью вылезавших из-под ледяной корки гиацинтов. Обожаю цветы, в них радость, красота, удовольствие!

Честь. Я не представляю жизни без этого слова. Принципиальное, чёткое, жёсткое, оно должно быть у каждого в запасе. С ним заодно порядочность и профессионализм.

Шанс. Благоприятное стечение обстоятельств, которому мы все радуемся, как дети. Мы очень верим в возможность схватить удачу за хвост. Иногда принимаем для этого какие-то меры, иногда ленимся и просто ждём. Но в глубине души всегда надеемся на волшебство и везение. Как распознать, что судьба даёт нам шанс, как не упустить его? В поисках ответа на этот вопрос проходят дни, месяцы, годы, жизнь. Но самый главный шанс мы получили — шанс жить на земле и творить свою судьбу так, как сами этого захотим.

Шум. Мы, воспринимающие себя частью Вселенной, заполнили шумом всё пространство вокруг себя. Тишины нам катастрофически не хватает.

Энергия. Наше поколение ещё в молодости запаслось энергией. Она бьёт ключом прямо из недр нашей души, заряжает нас, подпитывает, дай бог, чтобы этот источник не иссяк, и на склоне наших лет в глазах наших был живой блеск.

Юмор. Юмор — это то, что позволяет людям жить с удовольствием. Нужно только научиться не позволять себе тревожиться по мелочам и вместе с тем ценить те маленькие радости, которые выпадают на нашу долю. И тогда мир расцветет яркими красками.

Я. Вот и заканчивается словарь моих воспоминаний. Снова Я. Как просто писать обо всём и как трудно писать о себе. Море сомнений, его всё время штормит. Штиль бывает так редко, что в суете о нём забываешь. Мне очень хочется, чтобы этот словарь дышал жизнью, постоянно пополнялся, и каждый новый виток орбиты под названием ЖИЗНЬ был отражён в этом бесТолковом словаре.

Я не откажусь снова прожить свою жизнь от начала до конца. Я только попрошу права, которым пользуются авторы, исправить во втором издании ошибки первого.

Б. Франклин

Пришло время ставить многоточие... Почему не точку? Потому что так много недосказанного. Слова, что в этом словаре, приходили в голову спонтанно. В нём не нашлось места таким словам, как алчность, жадность, зависть, предательство, потому как этому не учили меня родители, а, значит, в моей душе и словаре моей жизни нет места для этих слов.

Я рада, что частицу моих мыслей удалось воспроизвести на бумаге. Я рада, что я смогла рассказать вам не столько о своей жизни, сколько о жизни моего поколения, поколения, выросшего без войны, поколения, умевшего жить и радоваться без алкоголя и наркотиков, поколения, умевшего общаться без интернета. Получилось то, что получилось. Судить не мне. До новых встреч.

Любань, Ленинградская область, Россия

Светлана Шушкевич

ЧЁРНОЕ МОРЕ

Вот и сбылась мечта идиота, я на море, на Чёрном море. Хотя всё время задаю себе вопрос: кто мог назвать это море чёрным? Только слепой или ненормальный. Сколько смотрю на море, оно, то лазурное, то тёмно-зеленое, то небесно-голубое. Но чёрным, оно никогда не бывает. Море очень изменчиво. Вроде бы вот только оно спало спокойным безмятежным сном, греясь на солнышке, и вдруг, откуда ни возьмись, появилась рябь, потом волна, ещё волна. И море ожило, задвигалось.

Мне предстоит пробыть на море три долгих месяца. Это ведь целая жизнь. Какой будет эта жизнь? Хочется, чтобы она была насыщена событиями, яркими впечатлениями. Как говорится, каждый кузнец своего счастья. Я бы перефразировала немного: каждый кузнец своего яркого незабываемого отдыха. Только кузнец я никому дышный. Если меня не расшевелить, так все три месяца пролежу в номере или на море, нет, не на берегу, а именно на море, или в море. Бог его знает, как правильно сказать. Дело в том, что я не загораю

никогда. Вообще не понимаю людей, которые часами греют свои, порой могучие тела, на солнце, особенно когда рядом вода. Я в прошлой жизни была водоплавающей, это точно, потому что вода для меня важнее, чем земля. В море могу находиться часами, уплывая подальше от людей, наслаждаясь панорамой, да и водой тоже.

В детстве мне так нравилось плавать, что когда начинали предательски стучать зубы, я сцепляла их и терпела холод, в результате перестала реагировать на него, чем выработала повышенную температуру тела. От многих мужчин я слышала, что очень горячая женщина, в прямом и переносном смысле. В переносном смысле — это мой сильный темперамент. О, есть о чём вспомнить. Но речь пока не об этом.

Так вот, возвращаясь к морю, могу сказать, что я гуляю по морю. Не понимаю тех, кто бултыхается дни напролёт у берега или наоборот делает стремительные заплывы, как на соревнованиях. Как можно быть такими примитивными. Ведь морем надо дышать, наслаждаться, с морем можно говорить. Когда на море большая волна, можно стоя в воде отдаться движению волны, она, то поднимет тебя на самую свою вершину, то так же нежно опустит и так до бесконечности. Но бывает и такое, что с морем договорится невозможно, оно неуправляемо в своем гневе, волны достигают огромной высоты, выкидывая на берег гальку, песок и мусор, и снова уносят всё это за собой. Именно в эти минуты понимаешь, какой огромной силой обладает эта водная стихия, и насколько ты беспомощен против нее. Именно она решает, жить тебе или нет. Мне доводилось видеть последствия шторма, вывороченные глыбы, разбитая набережная, огромные деревья на берегу.

Минуло полтора месяца моего пребывания на Чёрном море в Абхазии. Ещё в прошлом году в Сочи мне доводилось слышать о неземных красотах Абхазии, о чистоте моря. Могу сразу разочаровать. Дикая природа Абхазии меня ни чем особо не поразила, обычные заросли, много ежевики. Конечно, есть в этих зарослях и что-то необычное, это дикий гранат, величественный платан. Остальные экзотические деревья, такие, как пальма, олеандр, банан разведены на юге «насильственным» путём, для нас уважаемых туристов. Хотя какой из меня турист, искатель приключений.

Всю жизнь мечтала путешествовать, повидать мир. Но тяжким грузом грянула перестройка, потом переезд из Казахстана в Сибирь, развод с мужем и снова переезд на Урал. Разумеется, за эти годы побывала в различных городах Сибири, Алтая и Урала. Но душа требовала чего-то нового. Когда меня спрашивают, откуда я родом, обычно отшучиваюсь, что всю жизнь хожу по этапу: Казахстан, Сибирь,

Урал. А мысленно задаю себе вопрос: где же моя пристань? Оторвавшись от родины, я так ни к какому месту не приросла, не создала семьи, правда, детей вырастила.

Это всё лирические отступления. Перехожу к главному, без чего не могу уже существовать — это МОРЕ. Расскажу о своих ночных заплывах, на них я подседа, как на наркотик, основательно и надолго. Первый заплыв был незабываем: хмурое небо, тёплая вода и отблески фонарей от пансионата. Плавала без одежды, если уж совсем честно, то голой. Вода завораживает, она тёмная в ночи, но прозрачная. Волн практически нет, вода нежно ласкает тело, ты понимаешь, что в эти моменты полностью сливаешься с морем, становишься частью этой водной стихии. Короче, пропала я, совсем пропала. Где бы я ни была, несусь к морю, чтобы в полночь полностью ему отдаться.

Хочется рассказать предысторию моего второго путешествия к Чёрному морю. В прошлом году состоялось моё первое знакомство с Кавказом. Три месяца я прожила в Сочи. Так как нынешнее путешествие по Кавказу уже по счёту второе, то решено было назвать его «Последний герой — 2».

Итак, начну с тех времен, когда мне было чуть за двадцать, сил и энергии было много, а возможностей мало. Моя душа жаждала путешествий, новых впечатлений. А в реальности это заканчивалось походом за грибами в лес.

Сколько бессонных ночей провела я в мечтах о чём-то новом, неизведанном. Мне казалось, что вот наступит время, когда можно будет себе позволить исколесить весь мир вдоль и поперёк, прикоснуться к мировым святыням, своими глазами увидеть старинные замки, пирамиды, греческие развалины. Но моим мечтам не суждено было осуществиться, в девятнадцать лет я вышла неудачно замуж, и вся моя жизнь замкнулась на доме, огороде, хозяйстве. Через год родился сын, который, в принципе, нужен был только мне. Жизнь превратилась в бесконечно чёрную полосу. С ужасом и содроганием вспоминаю годы замужества. До сих пор не могу себе объяснить такое терпение, такое самоотречение, не могу ответить на вопрос: для чего и кому нужен был этот подвиг длиной в одиннадцать лет? Жизнь одна, и никто не вправе превращать её в ад — это моя позиция, возможно, кто-то будет со мной не согласен. Никогда не смогу принять позицию русских женщин, которые годами терпят мужей тиранов, в надежде, что они с годами изменяться, а потом понимают, что жизнь прошла, а тиран стал ещё хуже.

Вот и я терпела, ломала себя. А зачем? Для чего? В угоду семейных традиций? В нашей семье, как сказала моя мама, никто не разводился, все несли свой крест до конца. На что я ответила, что буду

первой и что не хочу носить на себе кресты, что моя душа полёта требует.

Короче, когда мною было принято решение уйти с двумя детьми вникуда, против меня ополчился весь мир: мои родители и родные, мой бывший муж, свекровь. Не пишу бывшая свекровь, потому что с годами сделала для себя такой вывод, что свекровей бывших не бывает. Свекровь — это как хроническая болезнь, и жить с ней тяжело и избавиться невозможно.

Часто в этом противостоянии чувствовала себя этаким Мальчишом-Кибальчишом, мысленно повторяя: «Мне бы ещё день простоять и ночь продержаться». Читатель может неверно истолковать мою жизнь, представляя её, как одно большое испытание. Да, испытание было, но было много интересного. Я тихий авантюрист по натуре и не могу жить без ярких красок, и этих красок было в моей жизни предостаточно. Почему тихий? Потому что о моих похождениях знали немногие, большая часть людей считала меня серьёзной, разумной женщиной. Этот огонь жизни я глубоко прятала, оберегала его, но в какие-то моменты он разгорался, и меня неотвратимо тянуло на подвиги. И, только получив хорошую дозу адреналина, на какое-то время я обретала равновесие.

Да что там говорить, вся моя жизнь — это одно большое приключение. Удивляюсь людям, которые всегда чем-то недовольны, которые проклянут судьбу, которым вечно чего-то не хватает. Они же утверждают, что Бог послал нас на Землю мучиться. Может, их и послал, но я с этой трактовкой полностью не согласна. Просто эти люди не могут радоваться малому, негатив переводить в позитив. Моя подруга, приехав на море, сразу стала выдвигать свои условия. Все ей не нравилось, мне это напоминает «Сказку о рыбаке и рыбке». Чего только стоит то обстоятельство, что море находится в двух метрах от пансионата и у нас есть возможность плавать на море и рано утром и днём, и ночью. Всегда можно позитивно всё объяснить. Нет в номере туалета, он на третьем этаже, а ты живешь на пятом, но ведь душ рядом, есть возможность, в жару охладиться, а в холод согреться.

Мой опыт говорит о том, что жизнь будет такой, какой вы её сами воспринимаете, в какие краски её раскрасите. А для этого надо немного потрудиться, пошевелить мозгами, подвигать телом. Многие люди годами ждут, что придёт добрый волшебник, взмахнет палочкой и им станет весело, они почувствуют вкус жизни. Нет, мои милые, каждый сам кузнец своего счастья. Поэтому, чтобы счастье получилось, необходимо браться за молот. Тут тоже свои заморочки. Кто-то берёт молот и куёт так, как будто его всю жизнь в руках держал, а кто-то робко, несмело куёт, сначала у него ничего не выходит, но он настойчиво и упорно это делает. И вот постепенно получается то, чего он так хотел, здесь прибавляется ещё и радость преодоления

себя, радость победы над собой. А иной два раза стукнет молотом, поймёт, что это труд, бросит и начинает ныть, есть и такие, кто вроде бы и куёт упорно, а всё неказисто получается.

Так что в жизни, как и в любой работе, необходимо трудолюбие и талант. Именно талант жить, а не прожигать жизнь.

Нашему поколению досталось: перестройка, потеря исторической родины (переезд из Казахстана в Россию). В России я живу с 1995 года, но назвать себя русской, язык не поворачивается. Хотя по паспорту русская и гражданство российское у меня. Как я его делала лучше не вспоминать, все муки ада прошла. Вы, скорее всего, подумаете: «Зачем вы уезжали из Казахстана?». У меня нет ответа на этот вопрос. Сама часто задаю его. Страшно просто было, непонятно и страшно. Всё вокруг разваливалось, всё что жило, дышало и цвело. Не было электричества, отопления. Выехали учителя, врачи. Я бы никогда не уехала из Казахстана. Но мой бывший муж хорошо меня знал и надавил на мою больную кнопку под названием «родительский долг», и она сработала. Он просто сказал, что у детей в Казахстане нет будущего. Потом я поняла, что надо было просто переждать. Но отступать было некуда, пришлось закрепляться на сибирской земле, куда нас занесло, можно сказать, случайно. Вот и закреплялись, как могли.

Только сейчас понимаю, что в Казахстане на целине произошёл естественный человеческий отбор, потому что в тех сложных условиях подъёма целины выживали самые сильные, самые целеустремлённые. Мы жили, как написала мне одна знакомая, большой и дружной семьёй. Все вместе радовались и горевали. За детей можно было не бояться, если ребёнок ушёл далеко от дома, его обязательно кто-то остановит и вернёт домой, а если ребёнок нашкодит, то и пожурят по-отечески.

Я выросла в среде, где дух коллективизма был на высшем уровне, Макаренко бы позавидовал. На целине без этого духа люди были обречены. Вспоминаю, как мои родители зимой ездили в райцентр, который находился в сорока пяти километрах от нашего совхоза. Зимняя дорога была в ту пору «дорогой смерти». Сколько людей замёрзло на этой дороге. Однажды мои родители тоже чуть не погибли, автобус попал в метель, видимость нулевая, ехали по грейдеру, других дорог не было, везде снежные барханы. Люди стали замерзать, у кого-то нашлась бутылка водки, собрали кое-что перекусить. Автобус встал, дождались трактор «Кировец», но видимость-то была нулевая, стемнело. Мой отец в лёгких туфлях с белой тряпкой шёл впереди, показывал дорогу, для того чтобы трактор и автобус не съехали

в кювет. Трактор тащил на буксире автобус. Вот так всю дорогу мужчины бежали впереди, показывая дорогу.

Кто жил в Казахстане, тот знает, какие бураны бушевали в те годы. Дома заносило с крышами, люди рыли траншеи, накрывали их шифером или досками. Короче, мои родители домой вернулись под утро. Нас, троих детей, дома не было, нас из садика к себе домой забрала нянечка. И это всего один эпизод без преувеличения «героической» жизни моих земляков и моих родителей.

Хочется рассказать всему миру, в какой среде мы росли, чем жили. Вспоминаю праздники, в Доме культуры собирались все: и стар, и млад. Ставили стулья в проходах, потому что мест в кинозале не хватало. Мой папа всегда хорошо пел, он обладал прекрасным басом. До сих пор вспоминаю, вечера, которые организовывала моя мама. Мои родители были настоящими коммунистами, жили и работали, полностью отдавая себя работе, и нас научили.

Ярким воспоминанием остался в моей памяти один из концертов, посвященных первоцелинникам. Мама проводила его, как Валентина Леонтьева передачу «От всей души». Люди плакали, возвращаясь в молодость, понимая, какой сложный и славный путь они прошли. Мама рассказывала про одну первоцелинницу, Гецман тётю Лиду. Она хорошо пела, и вот выходит мой папа, высокий красивый и начинает ей подпевать: «Шумит, шумит пшеница золотая...». До сих пор с дрожью вспоминаю этот момент, все плакали в зале. Сколько искренности было во всех этих концертах. Не профессионализма, а душевности и искренности.

Родители мои были заядлыми спортсменами, особенно папа, и нас научил, и спорт поднял в совхозе на должный уровень. В школу пришли физруки энтузиасты, спортзал не закрывался, народу было много, и мы дети там же. Уже в шестом классе я впервые поехала на соревнования по волейболу, сначала «на район», потом «на область». Спорт занял одно из главных мест в моей жизни, у нас был хороший тренер, Сивагин Владимир Анатольевич, он тоже отдавался работе полностью. Спасибо ему за нас непутёвых детей. Наш физрук Скрипник Сергей Павлович был очень строгим и требовательным, мы умели все: и по канату лазать, и через планку прыгать. Потом, работая в российских городских школах и наблюдая за тем, как проводятся уроки физкультуры, я понимала, что наши уроки проводились на уровне, что современные дети совсем не владеют элементарными спортивными навыками, если только они не спортсмены.

Практически каждые выходные устраивались спортивные мероприятия. Сейчас трудно в это поверить, но назову волейбольные команды: ЦК (центральная котельная), бригада № 1, бригада № 2, животноводство. Спортсмены с животиками — это, конечно же, управление. Люди не только работали, но и занимались спортом, пели в хоре, активно посещали библиотеку.

Как я любила свою родную землю! Каждую весну я вспоминаю наши бескрайние степи, ни с чем несравнимый запах степных трав и цветов. В начале мая в степи зацвели тюльпаны, они меньше садовых по размеру, но как они прекрасны, сколько оттенков красного, розового цветов, не передать. Давно загадала, что придёт время, и я вернусь домой, уйду, как когда-то далеко в степь, лягу на землю и буду слушать ветер, пение жаворонков высоко в небе, вдохну аромат цветов, полюбуюсь степными тюльпанами и мысленно поговорю с матушкой-степью. Расскажу ей о том, где была, как жила. Мне есть, что ей рассказать. Но самое главное то, что я всегда мысленно была с ней рядом, ведь она меня взрастила и вскормила на своей груди.

Ещё в далёком детстве я часто уходила в степь и мечтала, мечтала. Будучи ребёнком, я могла часами наблюдать за облаками и представлять сказочный мир, который, как мне казалось, находился на облаках, мне представлялись огромные, красивые замки, интересные необычные люди.

Часто увидев красивый пейзаж, я плакала, что не могу его нарисовать или как-то запечатлеть. Нет, фотография не передаёт всей живой красоты, и сейчас нет той совершенной техники, которая могла бы передать всю ту внутреннюю красоту живой природы, душевную красоту человека. Хотя душа человека в его глазах, во взгляде.

Какую-никакую, а тихую гавань себе и детям я обеспечила в виде двухкомнатной квартиры в небольшом уральском городке под названием Миасс, куда меня с детьми занесло после десяти лет проживания в Сибири.

Вообще интересная штука — жизнь, я определила жизнь как вечную борьбу с самим собой, со своими страхами и сомнениями. Столько лет чего-то хотелось, а сделать шаг к своей мечте было страшно, сколько за эти годы было придумано отговорок для себя любимой. В то время я искренне считала, что это не отговорки, а не преодолимые препятствия.

Не помню точно, когда это началось, наверное, когда закончились все отговорки, и действительность реально показала, кто есть кто. И меня прорвало, я начала форсировать жизнь. Во-первых, мне необходимо было разобраться в себе, понять кто я, на что способна. Следующий этап — разобраться в жизни, понять её закономерности. С этим проще, поступив в аспирантуру, я стала активно познавать мир. Вскоре я совместила зарабатывание денег с познанием, стала делать контрольные, курсовые, дипломные работы по разным предметам. И последним шагом была смена работы. Школу я сменила на вуз.

К сожалению, смена работы не решила финансовых проблем, денег на отдых не было. И вот в один прекрасный день меня так всё достало, наконец-то я вспомнила, что являюсь обладателем головы, умеющей думать. Стала думать и придумала. План был таков: совместить полезное с приятным, то есть отдых с работой. Кавказ для меня был незнаком, было принято решение рисковать и ехать на «русский авось». Так я и сделала в прошлом году. После долгих поисков работы (всё-таки мне удалось найти её в детском саду в центре Сочи с проживанием и питанием). Моя основная работа «сидячая», и мне хотелось активного отдыха. Детский сад мне обеспечил такую активность, что к вечеру валилась с ног от усталости. Садик находился на вершине горы с видом на море. Иногда ветер приносит запахи моря. Вечерами после работы я с коллегой и такой же мореплавательницей, как и я, уставшие, спускались к морю, и плавали, плавали... Затем сидели на набережной, пили кофе, ели мороженное. В такие минуты я испытывала чувство умиротворенности, усталость как рукой снимало.

Я не раскаиваюсь в том, что получила бесценный опыт работы в детском саду с четырехлётними детьми. Всю жизнь я учусь многому у детей, а вот у взрослых давно уже не учусь. Дети дают те знания, тот бесценный опыт, которые мне очень помогают в моей основной работе, дети очень ярко отражают мир взрослых, с его проблемами и недостатками.

Работа с детьми в этом году заметно пополнила мой словарный запас, чего стоят такие слова и словосочетания, как «мерзкие дети», «убийца тётъ», «грёбла» (вёсла).

Как можно не любить детей, они столько дают нам взрослым, просто это надо осознавать и принимать и отвечать тем же. Когда я ехала в Абхазию, была вся разбалансирована, артроз, позвоночник, остеохондроз, давление, весь этот букет сопровождался дикими головными болями. И что, домой еду похудевшая, постройневшая, ноги в отличной форме, спина и позвоночник тоже. А в чём секрет? Да, море — природный целитель, это бесспорно. Но есть ещё один природный целитель — дети. Какие заплывы мы устраивали, не просто заплывы, мы ныряли, прыгали с вышки, играли в воде. С детьми просто так не поплаваешь, всё время максимум затрат энергии, вот отсюда хорошая физическая форма. Дальше, легла позагорать, а тут снова дети, они прыгают на тебе, складывают на спину горячие камни, растирают песком. Кажется, что надо их отругать. Зачем? Вот вам бесплатно массаж, прогревание, растяжки. И позитив, огромный позитив, когда дети к тебе тянутся. Они ведь и заботиться могут, иногда удивляешься, когда ребёнок семи лет проявляет взрослую заботу о тебе, стареющей тётеньке. Да просто надо тоже иногда впадать в детство, становиться детьми, а не сидеть и часами обсуждать всех знакомых и незнакомых.

Заканчивается третий месяц пребывания на Чёрном море, это время проведено мною с огромной пользой. Огромный заряд бодрости привезу я домой, в голове за это время созрело много планов, проектов. Дай бог мне удачи.

Предыстория моего путешествия на Чёрное море получилась длинной, но содержательной. Долгими зимними ночами я буду вспоминать ласковые морские волны.

Как прекрасно море в полнолуние, я плавала по лунной дорожке. В этот момент чувствуешь себя необыкновенно красивой русалкой с серебристыми волосами. Так и хочется сесть на камень и запеть прекрасную песню, понятную только нам, русалкам. Петь так, чтобы песня лилась, как музыка души, чтобы её звуки отражали красоту моря, шум волн и умиротворение. Море даёт ощущение бесконечности, это ощущение не покидает, когда заплываешь далеко за горизонт, всё время хочется плыть всё дальше и дальше.

В Чёрном море господствуют дельфины, и грех не написать немного о них. Дельфины дефилируют вдоль берега. Величественно, не спеша, периодически исчезая в морских глубинах. Такое чувство, что они догадываются, что в это время тысячи человеческих глаз внимательно за ними наблюдают. Такое чувство, что они специально не спеша проплывают вдоль берега, подставляя солнцу то один бок, то другой. Таким образом, они дают людям возможность любоваться собой.

Заканчивается моё путешествие и заканчивается моя история длиною в девяносто три дня, и я подумываю, куда бы рвануть в следующее лето.

Миасс, Челябинская область, Россия

Татьяна Сенчищева

НОВОГОДНЯЯ ИСТОРИЯ, ИЛИ СЧАСТЬЕ ДЛЯ СНЕГУРОЧКИ

Алина в душе оставалась ребёнком, вечным ребёнком, несмотря на свой уже «преклонный» возраст. «Да, тридцать пять лет — это уже старость», — любила поговаривать её подруга, которой было всего двадцать пять, но, несмотря на столь юный возраст, она уже успела три раза «сходить замуж» и подумывала о ребёнке. Но почему-то ребёнок и муж стали для неё понятием несовместимым. «Ребёнка рожу, — часто говорила она, — а мужей с меня хватит».

Алина, хоть ей и было уже тридцать пять, замужем никогда не была. Почему? Она и сама не могла объяснить этого. Ну, не сложилось

как-то. Она вечно влюблялась не в тех, и в неё почему-то всегда влюблялись не те. Как в известной песне, симпатии всё время не совпадали, те, кому нравилась она, не нравились ей, и наоборот, те, кто нравился ей, тому не нравилась она. Однажды ей это надоело, и она решила, что мужчин для неё не существует, ну, вот просто нет их в жизни и всё... И жить стало как-то легче. Нет встреч, зато нет и разочарований.

Алина с детства любила Новый год, больше всех праздников, больше Дня рождения. Даже не сам праздник, а его ожидание, когда целый месяц во всех магазинах продают ёлочные игрушки, гирлянды, везде горят разноцветные лампочки. И базары, ёлочные базары, пьянящий запах сосны и ели. Что может быть чудесней. Но самое главное — это ожидание чуда: каждый год с детской непосредственностью и упорством она ждала волшебства, чего-то чудесного и замечательного, нет не подарка в коробке, а подарка судьбы, и однажды в далёкой юности она такой подарок дождалась.

Алина после школы поступила на механико-математический факультет университета. Почему? Просто математика давалась ей лучше, чем все другие предметы, вот и поступила. Но уже вскоре поняла, что не хочет всю жизнь решать примеры или кого-то учить их решать. А чего она хочет, она и сама не знала. Так и страдала три года в институте, не зная, как поступить. Пока не случилось чудо. Да, именно чудо, именно на Новый год. В тот год ей было двадцать, и она мучилась, не училась, а именно мучилась на третьем курсе. В то новогоднее утро на улице было морозно и холодно, а в квартире тепло и уютно.

Алина устроилась удобно в кресле поближе к ароматной хвойной красавице, украшенной игрушками и гирляндами. Она смотрела на ёлку, вдыхала аромат и разглядывала флажки с изображением зверюшек, птиц, сказочных персонажей. Рука сама потянулась за альбомом и карандашами. Она никогда в жизни не умела рисовать, в школе рисование был самый ненавистный ей урок, а тут вдруг... Она взяла альбом и стала с упоением рисовать, рисовала до вечера без остановки...

В этот Новый год жизнь её перевернулась, она ушла из института, а живопись стала делом её жизни, её призванием, её профессиональным счастьем.

Вот и сейчас она брела по освещенным цветными гирляндами улицам, любовалась витринами магазинов, в которых красовались ёлки, Деда Морозы и Снегурочки, и мечтала, мечтала о чуде...

«31 декабря, вечер, все готовятся к встрече Нового года, а я тут опять одна, одна, как всегда!» Слёзы предательски подступили к горлу. «Только не реви, не реви. Есть примета: как Новый год встретишь, так его и проведешь. Пусть одна, но весёлая».

Она достала флакон с валерьянкой. «Выпить, что ли? Может, успокоюсь». Она уже потянулась за стаканом, когда в дверь настойчиво позвонили. От неожиданности стакан выпал из рук, а слёзы брызнули из глаз, она села над осколками. «Ну, вот хорошее начало праздника». В дверь снова позвонили. Алина быстро вытерла глаза и пошла открывать. На пороге стоял Дед Мороз с мешком и радостно улыбался. Дед Мороз отодвинул женщину в сторону и по-хозяйски зашёл в прихожую.

— А вот и Дедушка Мороз, он подарки вам принес!

Он раскрыл мешок и приготовился поздравлять детей. Детей не было. Никто не выскочил с радостными криками, и Дедушка растерянно замер в неудобной позе с раскрытым мешком.

Алина, наконец, обрела дар речи и тихо произнесла:

— Вы, наверно, ошиблись, здесь нет детей, и Деда Мороза я не заказывала.

— То есть как? — дедушка полез в карман и достал квитанцию. — Вот же написано: дом 25 «В», квартира 80.

— Это дом 25 «А», а «В» через два дома.

Дед Мороз с досады выругался, глянул на часы и достал пачку сигарет.

Не спросив разрешения, он закурил, Алина вскрикнула:

— Ой, у вас борода горит.

Из бороды и усов Деда Мороза уже клубами шёл дым. Он опять выругался, бросил непогашенную сигарету на пол, угодив как раз на маленький мохнатый коврик, гордость Алины. От коврика тоже потянулся дымок. Алина заметалась по прихожей, не зная, кого спасать: не то непрошенного новогоднего гостя с мешком, не то свой любимый, привезенный из Африки коврик. Когда, наконец, все были спасены, расстроенный Дед Мороз бессильно опустился на стул.

— Что же мне теперь делать? Не могу же я с такой бородой и усами идти к детям.

— А заменить их нельзя? — участливо спросила Алина.

— Где же я в такое время, перед самым Новым годом, найду себе новые бороду и усы? А меня дома семья ждёт.

Дед Мороз тяжело вздохнул, и Алине почему-то стало его жаль, и так захотелось ему помочь.

— Давайте сюда Ваш мешок и квитанцию.

Дед Мороз перепугано прижал к себе подарки.

— Это детям, я должен их сегодня отдать.

Алина глянула на него и засмеялась, уж очень он был жалкий и несчастный в эту минуту. Девушка кинулась в комнату и вышла оттуда, держа в руках костюм Снегурочки. Она примерила его у зеркала.

— Надо же, ещё в пору. Я в нём в выпускном классе на новогодний вечер пришла и приз получила за лучший маскарадный костюм.

Дед Мороз растерялся.

— Они же Деда Мороза ждут?..

— Ничего, — Алина уже взяла инициативу в свои руки, — ждут Деда Мороза, а придёт Снегурочка. Скажу: Дедушка простудился в дороге, меня, внучку, прислал.

А Дедушка всё никак не мог решиться и продолжал крепко прижимать к груди мешок и лишь молча на неё смотрел.

— Вы к своей семье опоздаете, и они Новый год без Вас встретят.

Последний аргумент произвёл нужный эффект. Дед Мороз отдал Алине мешок и квитанцию, поблагодарил и бросился к дверям. По ночным улицам бегом бежал Дед Мороз с обожженной бородой, не замечая никого вокруг.

Алина надела костюм, взяла мешок и пошла в соседний дом. Уже подходя к дверям, она услышала громкие разговоры, весёлый смех.

Она позвонила:

— Дед Мороз! Дед Мороз пришёл!

Услышала она громкие и счастливые крики детей. Дверь широко распахнулась, пропуская гостью вперёд.

Алина шагнула на порог и весело сказала:

— А вот и не угадали. Снегурочка пришла с подарками.

Дальше все было, как во сне, она даже не подозревала в себе такие способности.

Алина читала детям стихи, водила хоровод, пела песни, время пролетело незаметно. Когда до встречи Нового года оставалось чуть больше часа, Алина засобиралась домой. Мама малышей стала уговаривать её остаться встречать Новый год с ними. Алина уже была готова отказаться, но тут из соседней комнаты вышел молодой, лет тридцати, красивый мужчина и сказал так просто и обыденно.

— Оставайтесь. Останетесь?

И Алина вместо того, чтобы сказать «нет», тихо сказала «да».

Ночь пролетела незаметно. Этот чужой незнакомый дом как-то сразу стал близким и родным, а Алексей, так звали мужчину, покориł её с первого взгляда.

Рано утром Алина собралась домой. Алексей вызвался её проводить.

— Не надо, не надо... — она испуганно отшатнулась. «Не хватало ещё мужа у хорошего человека отбить. Докатилась ты, старуха...»

Но Нина, мать малышей, сказала:

— Никаких «нет» мы не принимаем. Не стоит среди ночи вам одной идти домой. Алексей, до самой квартиры проводи, ты за неё головой отвечаешь. И она подтолкнула его к двери.

На улице было тихо, под ногами скрипел снежок.

— Хорошие у Вас дети и жена замечательная.

Алексей улыбнулся.

— Это жена и дети моего родного брата, он сейчас в командировке. А я не женат, и детей у меня нет. Знаете, — он неожиданно взял её за руку, — плохо дома одному, особенно в праздник. Не хватает второй половинки, любимого и любящего сердца, просто человеческого тепла.

— Мне тоже.

Алина даже сама не заметила, как у неё это вырвалось.

— Ну, вот мы и пришли, это мой дом.

Алексей засмеялся:

— Нина просила до самых дверей проводить, а просьба женщины — приказ для мужчины.

Они поднялись на второй этаж.

— Ну, вот и моя дверь.

— Тогда я могу спокойно уходить.

Алексей поцеловал Алине руку и быстро пошёл вниз по лестнице. Алина ещё долго с тоской смотрела вслед удаляющемуся мужчине, мужчине, в которого она влюбилась с первого взгляда. «Всё, как всегда, — промелькнуло у нее в голове, — раз он мне понравился, значит, я ему — нет». Она тяжело вздохнула и нехотя открывала свою холодную одинокую квартиру.

Следующим вечером в квартире Алины раздался звонок. На пороге стоял огромный букет алых роз, да именно букет, он был такой огромный, что за ним не было видно того, кто его принёс.

«Опять дверью ошиблись», — промелькнуло в голове Алины. И в этот момент под розами появилось довольное лицо Алексея.

— Выходи за меня замуж.

Он протянул ошарашенной Алине букет и достал из кармана маленькую коробочку со сверкающим колечком.

— Я полюбил тебя сразу, как только ты переступила порог.

— Я тоже.

Алина прижалась к Алексею и почувствовала такой прилив счастья, нежности и любви, которые она не испытывала ещё никогда в жизни. Новогоднее чудо свершилось.

Наутро в дверь позвонили. Алина тихо вылезла из-под одеяла, стараясь не разбудить Алексея.

На пороге стоял незнакомый мужчина с букетом цветов. Он протянул букет.

— Это Вам.

— Мне...?

Она непонимающе на него смотрела.

— А вы кто?

— Я Дед Мороз.
Он увидел округлившиеся глаза Алины и засмеялся.
— Вы не поняли, я Дед Мороз, который сжёг у Вас свою бороду.
Я пришёл сказать Вам «спасибо» за помощь.
Алина прижала к груди букет и счастливо ответила:
— Это я Вам должна сказать «спасибо», вы подарили мне любовь.
Вы настоящий Дед Мороз, хоть и без бороды.
В ту Новогоднюю ночь Снегурочка нашла свою судьбу, свое счастье...

Ростов-на-Дону, Россия

Елена

ПАРИ

— Давай поспорим, она не вернётся. — Так как в ответ Костя услышал только угрюмое молчание, то продолжил: — Почему молчишь? Что думаешь? Ну, давай поспорим, хоть на бутылку шампанского.

— Почему ты считаешь, что не вернётся? Она вроде говорила, ей там не понравилось первый раз, — без особого энтузиазма возразил Вадик.

— Оттуда никто не возвращается. Ты хоть одного такого знаешь, кто уехал бы и вернулся? Ну, вот, и я не знаю. Потому что нет таких.

Вадик решительно не находил, что ответить на такие веские доводы друга. Поэтому вяло возразил:

— Давай заключим пари.

Она была странная. Вернее, она была необычная, не такая, как все. Одни её не любили и отвергали, другие восхищались и боготворили. Она могла работать двое суток подряд, если дала слово, что работа будет сделана к определенному сроку. Она могла станцевать на столе на вечеринке, причем, не выпив ни капли алкоголя. Она могла быть серьёзной, даже занудливой, она могла быть бесшабашной, отчаянной, полной огня и задора. В её глазах прыгали бесята. Иногда в её взгляде читалось: я сделаю это, даже если весь мир будет считать, что это неправильно. Такой была Тося.

Вы знаете, что такое Сретенье? Правильно, это встреча зимы с весной. Её оценки в школе напоминали перепады погоды на Сретенье. Пятерки чередовались с двойками, разбавляемые тройками и четверками. Особенно часто проскакивало «неудовлетворительно» по поведению.

«Когда я вырасту, буду очень знаменитой и не менее богатой, и в журналах про меня напишут, что я была нестандартным ребёнком», — думала Тося, отбывая наказание в углу за очередной неуд.

Закончилась школа, которую она не очень любила. Прошли годы университета, которые были слегка лучше. И началась свобода. Многие не любят ту пору, когда бесшабашная юность сменяется сознательной жизнью, но для неё это была желанная свобода.

Всё получилось случайно. Она устроилась на свою первую работу после университета. Работа стала для неё всем: профессией, увлечением, отдыхом, часами урочными и внеурочными. Всё это было хорошо заметно и коллегам, и начальству. Поэтому когда оказалось, что заказчики из Америки хотят видеть человека у себя, то выбор пал на Тосю. Знал бы Вадик, что командировкой всё не закончится, не стал бы четыре часа ждать её у дверей консульства, когда Тося проходила своё интервью на получение визы. Вадик ждал потому, что знал, что Тося волнуется, что для неё это важно. Ему хотелось всегда встречать её после её уроков танцев, после учёбы, после работы. Это так приятно, когда после целого дня разлуки, видишь её, бегущую навстречу. Тося все время была в движении. Она никогда не спускалась с лестницы иначе, как вприпрыжку. Любила кружиться, когда они гуляли в их любимом парке возле университета. И в этом была жизнь: ждать, видеть, слушать Тосю. А теперь оказывается, что Тося не просто великолепно выполнила свою работу в командировке, но получила приглашение от американской компании.

— Тося, зачем тебе эта Америка? Тут же тоже очень хорошо. Ты сама говорила, что уровень твоих коллег тебя восхищает, что тебе есть чему учиться, куда расти. Ты же знаешь, что в США ни математику, ни физику не преподают так же глубоко, как у нас.

Тося отмахивалась:

— Я съезжу просто ради интереса, приобрести опыт работы. Я вернусь. Мне там, действительно, делать нечего.

И Вадик верил ей. Потому что Тося для него была тем, чьи слова сомнению не подвергаются, чьи поступки кажутся всегда правильными, а мысли светлыми. Наверное, на таком доверии строится семья. Но Вадик пока об этом не думал. Он понял почти с первого дня их знакомства, что Тося, как птица в небе: ни поймать, ни удержать.

Да и по темпераменту Тося и Вадик скорее напоминали две крайности — спокойствие и уравновешенность Вадика были также монументальны, как импульсивность и непредсказуемость Тоси. Это только теория гласит, что противоположности притягиваются, а в жизни как раз чаще притягиваются люди похожие. Ведь человеку проще видеть рядом с собой того, кто напоминает отражение в зеркале, кто, как близнец, ответит также, сделает тот же выбор, подберёт те же слова.

Но было несколько случаев, которые остались в памяти Вадика навсегда.

— Вадик, только обещай, что никому не скажешь.

Вадик, как всегда, на такие вопросы не отвечал. Тося привыкла к этому и ответа не ждала. Молчание Вадика было весомее всяких слов.

— Вадик, только это, действительно, очень важно для меня. Я не могу это доверить никому, даже друзьям и родителям.

Вадик чуть приподнял брови. В его голове пронеслось: «Интересно, к какой категории отношусь я?».

— Ты понимаешь, я давно что-то чувствовала, но объяснить никогда не могла. Да и доказательств чётких не было. А сегодня произошло то, что меня саму напугало и удивило. Я села в автобус после работы и, как обычно, смотрела в окно, отдыхая после многих часов, проведённых перед компьютером. Вдруг мне пришла мысль, что в доме бабушки сейчас что-то неладное происходит. Потом представила её квартиру, бабушку, которая плачет, какой-то беспорядок в её доме. Потом стали прорезаться и другие детали. Мысленно стали появляться картинки: воры, которые забрались в квартиру и перевернули всё вверх дном. Я не могла понять, откуда эти мысли, к чему они, ведь поводов никаких не было.

Я решила, не заходя домой к родителям, навестить бабушку, она жила в нескольких кварталах от нас. Я поднялась на её эта и не успела подойти к квартире, как услышала чужие голоса, а дверь квартиры оказалась открытой. Я прошла в коридор, увидела милиционеров, которые что-то осматривали и записывали, увидела бабушку, которая была крайне взволнована и расстроена.

Вадик, расскажи, как я могла по дороге домой почувствовать. Нет, это даже не то слово — узнать, увидеть, что бабушку пытались обворовать. Вадик, даже само это неприятное событие ушло на второй план. Конечно, я провела весь вечер с бабушкой, пытаюсь её успокоить, пытаюсь помочь ей всё расставить по местам. Но из головы не шло: откуда это видение в автобусе, откуда это знание?

И тогда Вадик понял, к какой категории он относится. Он был тем человеком, который мог выслушать эту небывалую историю и ни на минуту не усомниться, что это была правда. Что Тося, действительно, обладает даром провидения, что она может почувствовать что-то на расстоянии, услышать какую-то информацию по нестандартным каналам или получить её посредством невидимых мысленных полей. И он не подвергнет ни единому сомнению, что всё, рассказанное Тосей, правда от начала и до конца. Да, он не принадлежал ни к друзьям, ни к родственникам, он был Вадиком, который жил для Тоси.

Вадик смотрел в её глаза, и это тоже была магия. Потому что только в её глазах он не видел своего отражения. В её глазах он тонул,

а иногда проваливался в бездну. Тося, казалось, никогда не флиртовала, не кокетничала, не проявляла каких-то особых чувств к Вадику. Но в общении с ним она вела себя так, как будто Вадик давно стал ею самою, и она просто рассказывала своей второй половине про то, что первая половина делала в её отсутствие.

Так они и жили несколько лет, удивляя знакомых тем, как могут существовать те, кто противоречит всем социологическим тестам, всем психологическим исследованиям. Пока на пути не появилась эта далекая чужая холодная и беспощадная Америка. Она открыла свою пасть и проглотила Тосю, как чёрная дыра, пролетающую мимо маленькую галактику. А Вадик остался ждать, опустошённый, как человек, которому вырезали сердце, но обеспечили искусственное кровоснабжение.

Тося подписала контракт на год. Этот первый год был самым тяжелым для неё. Всё оказалось совсем иным в США: и стиль жизни, и культура, и люди, и работа. Тося чувствовала себя, как отрезанный ломоть. Бежать обратно было стыдно, а терпеть подчас невыносимо. Она приезжала домой дважды за первый год, не смотря на дороговизну авиа- билетов и дальний многочасовой перелёт.

Каждый приезд Тоси домой Вадик ждал, что она распакует свои чемоданы, положит их обратно на антресоли и скажет свою любимую фразу:

— Ну, что ж, пора переходить от кочевого образа жизни к оседлому, как подсказывает история эволюции.

Тося прилетала, и видно было невооруженным глазом, что она уставшая и измученная. Но что-то непонятное тянуло её обратно. Скорее всего, ей не хотелось так легко сдаваться. Она была борцом по природе, и трудностями её было не испугать.

Почему Вадик верил, что Тося вернётся? Точнее, верил первый год или два. По очень простой причине. Тося не любила высокопарных слов о любви. Да и вообще никаких словесных объяснений она не любила. Друзья Вадика и Тоси считали, что они не пара, а просто близкие знакомые. Но Тося не считала нужным кому-то что-то доказывать и рассказывать. Она была загадкой для многих, если не для всех. Когда они оставались с Вадиком одни, она просто обнимала его за шею, притягивала к себе и говорила: «Ты самый лучший человек на земле». Тося и Вадик целовались, и в эти минуты они, действительно, становились одним целым, одним существом, одной Вселенной. Поцелуй — это самое прекрасное, что дарено людям. Только в поцелуе правда, полное доверие и любовь. Зная это, не надо никаких слов, клятв и обещаний.

Тося стояла на берегу озера. Вроде озеро как озеро, даже со стайкой диких гусей. А всё равно что-то в этом озере было чужое.

Наконец, Тося сообразила, что было не так с озером. Где вы увидите в России или на Украине озеро с ровно постриженной травой вокруг? Разве что возле какой-нибудь правительственной дачи или возле исторического памятника типа дворца времен Петра I. Для Тоси озеро в парке или в лесу всегда ассоциировалось с ивами, зарослями камыша. Тосе всё казалось чужим в Америке. Даже, идя по обычной американской улице, она подмечала отличия. Ей ужасно хотелось закрыть глаза, а открыв их, оказаться в своём родном городе, в привычной обстановке. Вот по улице идёт семья индусов — они всегда ходят большими семьями — старые родители, их дети, сёстры и братья, их маленькие дети. Начинаешь понимать, почему цыгане исторически связаны корнями с Индией.

Тося закрыла глаза и стала представлять, какая сейчас осень в её родном городе. Она произнесла про себя: «Облака, отнесите мои мысли Вадик, передайте ему, как сильно я скучаю, как я люблю, как я жду встречи». И облака понеслись по небесной глади вокруг всего земного шарика на другую сторону сферы. Она вспомнила их первую осень. То время, когда они, ещё не совсем осознав случившееся, уже начали догадываться, что их накрыла волна-цунами. Они смотрели друг на друга, и внутри начиналось полное смятение чувств.

Вадик и Тося учились в одном университете, но на разных факультетах. Вадик учился на физическом, а Тося на факультете кибернетики. У них было много общих друзей. Дружба началась ещё с первой поездки в колхоз. Песни у костра по вечерам после трудового дня на «полях родины», поедание всего, что можно было найти по причине совершенно сиротских обедов и ужинов в столовой — всё это сплотило их компанию на многие годы. Стояла золотая осень. Ребята выбежали после пар на свободу и задумали поехать гулять к Мариинскому дворцу. Пряные запахи осени, разноцветная листва и опавшие каштаны под ногами — всё это сводило с ума, будоражило молодую кровь. Ребята гуляли по старым улицам своего великолепного города, смотрели на купола церквей, на красивые здания, и казалось, что это лучший день в году. Вадик и Тося в тот день первый раз почувствовали что-то необычное между ними. Раньше они шли в своей компании, наперебой разговаривая, отпуская шутки, показывая на что-то привлёкшее внимание. Но в тот день Вадик и Тося, как будто забыли о других. Они старались идти рядом, они замечали каждое движение друг друга, каждый поворот головы, каждый взгляд. Их руки иногда слегка касались. Наступило какое-то помрачение сознания, когда самые обычные слова и поступки приобретают новый смысл и значение. Этот день Тося запомнила навсегда и теперь вдали от дома, вдали от Вадика она вспоминала каждую минуту этой городской прогулки.

Однажды осенью Вадик с самого утра почувствовал себя плохо. Но дома он оставаться не любил, даже когда серьёзно болел. Во-первых, дома было скучно. Во-вторых, в университете был самый разгар:

важные лекции, семинары и множество лабораторных работ. Лабораторные работы вёл его любимый преподаватель Сергей Юрьевич. В общем, не смотря на все признаки недуга, Вадик отправился в университет. Тося была индикатором болезней близких людей. Она в то утро спасалась от головной боли таблетками анальгина. Чтобы понять, кто заболел, она позвонила родителям и бабушке. Узнав, что у них всё в порядке, она догадалась, что это Вадик. Пары у Тоси заканчивались ровно в два часа. Она поспешила на физический факультет к Вадику. Увидев его, она уже не сомневалась, что Вадик сильно заболел: глаза у него воспаленно блестели, щёки впали, а цвет кожи был мертвенно бледным. Тося потрогала рукой лоб — он был, как печка.

— Вадик, тебе надо срочно идти домой. Отлѣживаться и лечиться.

— Не понимаешь, я сегодня не могу дома быть. Лабораторные, которые если пропустить, потом будет трудно сделать.

Тося подошла к столу Сергея Юрьевича.

— Здравствуйте. Не могли бы вы мне помочь? Один из ваших студентов нарушает законы физики. Все системы стремятся прийти в стабильное и уравновешенное состояние. Но вот одна система совсем разбалансировалась: температура под сорок, кровообращение на нуле. Пожалуйста, помогите эту ошибку природы отправить домой лечиться.

Сергей Юрьевич подошел к Вадику и тоже оценил его болезненный вид.

— Вадик, идите домой. Если вы захотите сделать эту лабораторную позже, я приду в лабораторию, и у вас будет достаточно времени, чтобы всё наверстать.

— Сергей Юрьевич, но может...

— Вадик, я вас очень прошу послушать меня, а также эту молодую леди. Идите, идите, идите.

По дороге домой они сначала молчали. И вдруг Тося закричала.

— Я знаю. Я точно знаю. Это клещ. Тебя вчера, когда мы ездили загород, укусил клещ.

Вадик усталыми больными глазами посмотрел на Тосю.

— Это может быть клещ, а может быть аппендицит, а может, воспаление лёгких. Твои догадки ничем не обоснованы.

Тося настояла на своём, и они пришли в поликлинику. Тося так же настырно уверила врача, что надо искать клеща.

Измученный врач, действительно, нашёл на шее у Вадика клеща. Вытащил его, сделал укол от инфекции. Когда всё было позади, врач, сказал Тосе:

— Если вы ещё не определились с вузом, то очень советую вам, барышня, подумать о медицинском институте.

Вадик, которому стало уже лучше, пробурчал:

— А вы не знаете, институт Белой и Чёрной магии у нас в городе есть? Я бы советовал барышне именно туда поступать.

Проснувшись и одевшись, Тося прошлепала на кухню и замерла возле настенного календаря.

— Один, два, три, четыре, — считала она, водя пальцем по квадратикам с датами.

«Вот это да, — подумала Тося. — Я уже четыре дня в родном городе, а Вадика так и не увидела».

Тося приехала в отпуск. Она не проводила свои отпуска нигде, кроме, как дома, с семьей, с друзьями. В первый же день позвонила Вадике, но его мобильный телефон не отвечал, домашний тоже. Тося написала Вадике несколько электронных писем, что приезжает, что хочет встретиться, но ответа не было ни на одно письмо. Она пыталась дозвониться родителям Вадика, и однажды это удалось. Родители сказали, что Вадик дома, никуда не уехал, и телефон его вроде бы работает исправно. Тося поняла, что Вадик избегает встречи с ней. Она знала, что есть все основания, чтобы обижаться, чтобы оттолкнуть её, чтобы разорвать все отношения. А может быть, он просто встретил другую девушку. Такое тоже могло случиться. Но Тося приняла важное для себя решение, и ей не терпелось поделиться этим с Вадиком.

Тося вошла в комнату Вадика. Он не обернулся, когда услышал шаги, так как думал, что это кто-то из родителей. В этой комнате было всё очень знакомо Тосе: макеты яхт, полка с книгами и картины Вадика на стенах. За последние несколько лет изменилось очень мало.

— Вадик, что ты делаешь? Почему ты не ответил ни на одно из моих писем, ни на один звонок? Что ты хочешь этим доказать? — Тося села перед ним, как террористка перед прыжком.

Отойдя после шока от неожиданного появления Тоси, Вадик стал разглядывать её. Тося изменилась, повзрослела. Стала ещё лучше, ещё красивее.

Вадик молчал, потому что не знал, хватит ли возраста Вселенной, чтобы рассказать Тосе, что он пережил за последние два года. Он умирал, надеялся и терял надежду, воскресал и жалел о воскрешении. Тося ничего не знает и никогда не поймёт. Поэтому пусть всё будет так, как это выглядит со стороны. Тося приехала в гости домой, а он не желает её видеть.

— Вадик, люди ошибаются и совершают глупые поступки. Они расплачиваются за это. Но каждый имеет право на попытку исправиться. Вадик, я пришла, чтобы сказать тебе: я очень виновата перед тобой. Я жалею о тех месяцах, которые сплелись в годы, когда я была далеко от тебя. Если можешь, прости меня. И я обещаю: я никуда и никогда не уеду. Я сяду в этой комнате. Я буду надоедать тебе своей бесконечной трескотнёй. Я буду сидеть и смотреть, как ты работаешь, рисуешь или спишь.

Вадик не ожидал Тосю. Но ещё более неожиданной была её речь. Что теперь делать? Как теперь отвечать на эти откровения и признания?

— Какое сегодня число? — вдруг спросил Вадик.

— Двадцать седьмое сентября.

Вадик выдвинул верхний ящик письменного стола. Достал толстый дневник и открыл его на какой-то странице посередине. Протянул Тосе:

— Тося, откуда ты узнала? Ты не могла знать. Что это: совпадение или опять твои непонятные способности?

Вадик показал Тосе запись от 27 сентября прошлого года.

«Раньше я никогда не знал, что такое встречи и расставания с любимым человеком. Теперь знаю. Тося приезжала в отпуск. Мы виделись каждый день, проводили время в кругу друзей и вдвоем. Тося совсем не изменилась, такая же близкая и родная, непосредственная и задорная. Я ждал, что она распакует свои чемоданы и никогда больше не покажет мне билеты на самолёт. Но этого не случилось и в этом году. Тося улетела в растреклятую Америку. Сказать, что я люблю её значит не сказать ничего. Я вспоминаю тот день, когда мы первый раз взяли за руки, и не знаю, был это самый счастливый день в моей жизни или самый роковой. Я не могу больше так жить. Я не могу больше кормить себя надеждами и сказками, что Тося останется со мной. Я и так уже не верю в наше с Тосей будущее. Я ждал её два года, считая дни, которые мы порознь. Я даю Тосе время, ещё один год. Это, конечно, условности, но мне будет легче знать, что эта мука не вечна. Если до 27 сентября следующего года ничего не изменится, я попытаюсь забыть её, стать свободным от неё, начать жизнь сначала и никогда не вспоминать прошлого».

Тося прочитала эту запись в дневнике. Ещё раз взглянула на дату на экране своего телефона. Лицо её не выразило какого-то удивления или каких-то других чувств. Она сказала:

— Помнишь, я говорила тебе раньше, есть вещи, которые я не могу сказать родным или друзьям, но могу сказать тебе? Только тебе.

Тут раздался громкий и настырный дверной звонок.

Дверь открыли родители, потому что они поняли: сегодня день непрошенных гостей и неожиданных визитов.

В комнату Вадика вошёл Димка. Он увидел Тосю. Ещё ничего не зная, он почувствовал, что между Тосей и Вадиком произошёл важный разговор. Димка несколько раз перевёл взгляд с Тоси на Вадика и обратно. А потом сказал:

— Ненавижу проигрывать пари. Странно, но на этот раз чертовски приятно осознавать себя проигравшим. Так что, бежать за шампанским?

Киев, Украина

Артём Межурецкий

ПОЛЮБИВШАЯСЯ ПЕСНЯ*

Мой двоюродный брат Антон недавно вернулся из армии. Именно там он увлёкся песнями Александра Башлачёва. И вот брат вёз меня в деревню к бабушке (точнее, к прабабушке) на весенние каникулы, а в динамиках «семёрки» звучали песни Башлачёва, которые я слышал в первый раз. Честно сказать, они мне не понравились. А привлекла меня песня «Выпадая из окна» группы «Зимовье зверей». Брат нашёл её во всезнающем Интернете. Антон хотел подробнее узнать о Башлачёве, поэтому полез в «мировую сеть» за информацией. Там он и увидел композицию, посвящённую погибшему исполнителю. И именно «Выпадая из окна» понравилась мне из всех тех песен, которые я услышал, когда ехал в деревню: приятный голос солиста, волшебная мелодия. А так как до деревни ехать достаточно далеко, то я несколько раз просил Антона включить эту песню. Слова и мотив запомнились быстро, и я иногда подпевал динамикам.

Когда брат привёз меня в деревню, мы поужинали вместе с радованным бабушкой, а потом Антон уехал в город. До позднего вечера (точнее, до ночи), пока мы не легли спать, я рассказывал, что интересного у нас произошло. Всё следующее утро и днём я помогал бабушке: расчистил заваленные снегом тропинки, принёс воды, наколот дров.

Вообще, в нашей деревне всего четыре местных жителя. Летом дачников тоже немного, а весной (тем более, ранней) и подавно никого нет. Поэтому гулять мне было не с кем.

Вечером после нашей совместной работы бабушка пошёл смотреть какую-то телевизионную программу к своему старому и старинному другу. А я решил обследовать ветхий дровяник, тропинку к которому сегодня расчистил. Найдя там несколько непонятных вещей, старые тряпки, потрёпанные книжки и много ещё чего, я наткнулся на лесные лыжи.

Вспомнил, как несколько лет назад, когда я ещё учился в начальной школе, бабушка впервые показал мне широкие деревянные лыжи. Он рассказал, как ходил на них на охоту и рыбалку. И через несколько лет, увидев эти лыжи вновь, я вытащил их из дровяника с улыбкой. Решил попробовать прокатиться с деревенской горы. Снег на этой горе лежит и в начале мая, а уж в конце марта он точно никуда не денется.

Солнце уже стало заходить, начинало темнеть. Но заснеженная деревенская гора в потёмках смотрелась прекрасно. Пока я, держа в руках лыжи, забирался наверх, снег забирался мне в валенки. Но вот

* В рассказе использована песня Константина Арбенина.

я на горе: надел лыжи и попытался съехать. Это у меня получилось, но что-то не слишком быстро. Тогда я вернулся в дом и намазал лыжи свечкой. Опять забрался на гору, на этот раз снега в валенках набралось меньше: тропинка начала проминаться. Я положил лыжи на снег, собираясь встать на них, но вдруг одна покатилась с горы. Мне пришлось кувыркаться боком — вниз за сбежавшей лыжей. Когда я вновь поднялся, то положил лыжи поперёк склона, чтобы они опять не съехали раньше времени. Вставив валенки в ремни лыж, я развернулся и быстро покатился вниз. Пока я спускался, внутри меня звучала какая-то мелодия. Уже забираясь на гору, я понял, что это за музыка: песня «Выпадая из окна». Поднявшись, я снова надел лыжи и покатился. Внутри опять зазвучала любимившаяся мелодия, и я начал петь:

*Выпадая из окна,
Оглядись по сторонам.
Если кто-нибудь внизу,
Есть опасность, что спасут.
Коль душа и тело врозь,
Оторви одно, да брось.
На дорожку посиди —
И лети, лети, лети...*

Когда я скатился, то успел напеть лишь первый куплет. Поэтому, поднимаясь на гору, допевал песню.

*... По прибытии души —
Всё подробно отпиши.
Буду нужен — позови
И живи. Живи. Живи...*

Пока я уже много раз успел спеть «Выпадая из окна», стало совсем темно. Свет деревенских фонарей не доставал до горы, поэтому мне пришлось идти домой.

А проснувшись на следующее утро, я понял, что охрип.

Бокситогорск, Ленинградская область, Россия

Мазут

БАРМЕН

Все мы с вами прекрасно знаем, что должно быть в каждом уважающем себя городе, чтобы он имел право называться таковым. В каждом, даже самом чахлам, второсортном, а то и третьесортном, но все же городишке, должны быть почта, полицейский участок

и бар. И если первые два пункта встречаются практически повсеместно, то третий зачастую становился проблемой. Но городок, о котором мы с вами будем говорить, решил эту проблему давным-давно. Так давно, что даже старожилы могли вспомнить со счастливой ностальгической улыбкой, как приходили в этот бар после тяжелой смены, в те незапамятные времена, когда их детишки были ещё в детском саду.

Городок был маленьким, уютным, домашним для своих обитателей. Это был один из тех городов, где если ты не знал кого-то лично, то твой ребёнок, если таковой имелся, точно знал ребёнка из той семьи. По школе, по двору — это не столь важно. Он чём-то напоминал небольшой муравейник, в котором туда-сюда сновали деловитые муравьи — солдаты и муравьи-рабочие. У каждого муравья был уютный уголок, у кого побогаче, у кого поскромнее, но от этого не менее свой и не менее родной. У каждого из муравьёв был круг друзей, родных, коллег. И если бы мы с вами взяли нашу планету, словно бильярдный шар, и, вытянув руку перед собой, посмотрели на него, вряд ли мы бы заметили особую разницу между муравейником и этим городком, разве что немного смущали бы не встречающиеся в природе муравьи — офисные клерки.

Давайте положим шар на место и вернёмся к нашему городку, а конкретнее, к бару.

Бар располагался в самом центре города, в двух шагах от испытанного временем здания мэрии. Снаружи бар представлял собой потрепанное, но всё же привлекательное деревянное здание в один этаж. Дошчатые стены с небольшими окошками колоритно смотрелись с окружавшими бар с двух сторон новыми, красивыми кирпичными домами. Жильцы этих домов очень гордились тем, что именно они первыми заселяются в новенькие дома. Правда, их немного смущал тот факт, что зачастую у бара обитают разномастные маргиналы, выпивохи, бездомные и прочие блудные сыны дорог и кабаков. Но, не смотря на то, что люди неодобрительно косились в сторону низкого и противного для них слоя общества, бедолаги не обижались, а уж тем более не злились и не безобразничали. Они уже привыкли к человеческой натуре, как только человек встанет хотя бы на ступень выше другого, пиши пропало, он этого другого и за человека то перестаёт считать.

Для того чтобы войти в бар, требовалось всего-то посильнее толкнуть массивную дубовую дверь под резной вывеской и сделать шаг через разбухший от влаги порог. Как только ты делал этот шаг, ты попадал с летнего зноя или же с зимней стужи в всегда достаточно тёплый, как для тела, так и для души, старый пыльный бар. В нос тут же били запахи, которые, казалось, никогда не покинут это место. Резкие запахи дешёвой, прогорклой водки и дорогого коньяка. Терпкие запахи сладкого, дорогого табака и кислого самосада. А так

же неприятный смрад, который остаётся после того, как разудалая толпа гуляк долгое время находится в небольшом замкнутом пространстве. Не смотря на это, горожане любили это заведение. Здесь можно было отдохнуть после тяжелого дня, утопить в вине горе или же наоборот обмыть в бокале новое счастье.

Единственные, кто недолюбливал этот бар, были жены, чьи супруги возвращались из него в ночь с пятницы на субботу изрядно навеселе.

Следует сказать пару слов об убранстве бара. В этом заведении преобладали тёплые тона, скромные окошки не давали достаточно света, а посему возле каждого из стоящих вдоль стен столика была повешена на потолок деревянная, но вполне яркая лампа. Возле столиков располагались скамьи и стулья, которые крепко упирались своими ножками в гладкий дощатый пол, хранивший на себе следы от пролитой выпивки, выблеванных излишков, а местами даже крови из разбитых носов. В дальнем углу располагалась импровизированная сцена. Пол был чуть приподнят, лампочек было несколько больше, а посередине этого пятачка стояла дешёвая ударная установка. Иногда в баре звучала живая музыка, когда гастролирующие артисты попадали в этот городок. Так же в центре был установлен весьма бюджетный бильярдный стол, на котором часто был слышен грохот раскатываемой партии. Особое внимание заслуживала барная стойка, незаменимый атрибут любого уважающего себя бара. Стойка была красивая, резная, из темных пород дерева, обитая по кромке листом металла и от этого ещё более внушительная. Над стойкой на креплениях висели рюмки, стаканы, бокалы, фужеры, графины и прочая утварь, необходимая для дружеских посиделок или же беспробудного запоя. Прямо за стойкой стена была завешана зеркальными панелями, а на надёжно прикрученных полках стояли целые батареи бутылок с пёстрыми и не очень этикетками. С жидкостями любых цветов, градуса, сладости, терпкости и букета. Так как особых разносолов посетители этого места не требовали, вся закуска сводилась к огромному мешку с чуть солоноватыми сухарями. В углу стояло потёртое двухствольное ружьишко, которое было веским напоминанием дебоширам и драчунам о том, что не нужно пересекать черту, за которой только что гостеприимный хозяин вышвырнет вас за порог и погрозит кулаком.

Хотя хозяин этого бара был человеком добродушным и редко когда прибегал к такому методу выпроваживания особенно буйных гостей. Как его звали, спросите вы? Никто в этом городке уж и не помнил или не знал вовсе, все звали его просто «бармен». Он был высокий, тучный, абсолютно лысый, со смешными щеками и морщинами, будто у бульдога. Некогда сломанный, горбатый нос был очень близок к полным, вечно иссушенным, потрескавшимся губам. Его добрый взгляд, который передавали радушные глаза непонятого

цвета, вызывал у людей даже в самом дурном расположении духа желание поговорить. Клетчатая, с закатанными рукавами, в красных тонах рубаха была измята. А белый фартук всегда был чист. Бармен большинство времени проводил за стойкой, то натирая до блеска посуду, то своими крепкими, покрытыми темными волосами руками, драя саму стойку, то просто стоял, о чем-то задумавшись, при этом нахмутив густые тёмные брови.

Бармена все уважали, хотя, откровенно говоря, он был настолько привычным для людей, что его как-то и не замечали особо в повседневной рутине. Посетители приходили, здоровались и делали заказ. Бармен ловко готовил своим гостям замысловатые и не очень коктейли и горячительные напитки, щедро зачерпывал стеклянной пиалой горсть сухарей из огромного мешка и оставлял на стойке. Посетители благодарно кивали, забирали свой заказ и двигались к столику, который им больше нравился. Как правило, всё было predetermined заранее. Случайные лица, прибывшие по делам или же просто так в этот городок, занимали средние столики возле окон. Матерые постояльцы, вроде заводских и полевых работяг, любили усаживаться за двумя большими столами, куда влезала вся их орава, и можно было с удобством отдохнуть после трудовой недели и сыграть партеечку-другую в преферанс или же покер. Молодые люди облюбовали себе места возле бильярдного стола, что позволяло пить пиво, не отрываясь от игры. А совсем одинокие или ищущие одиночества отправлялись за самый угловой столик, где можно было сидеть, схватившись за голову, и глушить спиртное, и никто тебе не мешал.

Бар жил по своим часам. С утра в нём было пусто. Лишь паратройка доходяг, невесть как набравших денег на бутылку дешёвого пойла, по чуть-чуть пила его, ведя свои тихие, заунывные беседы. После второй половины дня зал наполнялся молодыми парнями от девятнадцати до двадцати двух лет, студентами. Они громко и с характерными шелчками раскатывали партии в бильярд, в ходу был пул, но некоторые предпочитали более сложный, а от того затяжной, но интересный снукер. Студенты громко смеялись, обсуждали насущные проблемы, модные направления в музыке, а так же пили пиво на свой вкус и цвет. Иногда местная студенческая музыкальная группа давала небольшие концерты для своих же. А вот после окончания рабочего дня бар заплоняли работяги. Они были сдержанней пылких юношей. Заказывали напитки покрепче, играли в бильярд солиднее, шары стучались друг о друга реже, но зато каждый удар сопровождался одобрительным или не очень ропотом наблюдавших за игрой. Любили перекинуться в карты, пощёлкать об столы костяшками домино, а затем разойтись по домам, нередко помогая друг другу в этом трудном деле.

Бар жил своей обыденной, размеренной жизнью. Происшествия вроде драк случались редко и быстро забывались.

Вот так обстояли дела в этом чудном местечке, что-то менялось, что-то росло, но неизменным было одно: каждый, кому требовалось излить душу, садился на высокий стул возле стойки и, предварительно развязав язык горячительным, выкладывал бармену всё, что накопело, нагорело, не давало жить. И бармен слушал. Слушал внимательно, чутко, помогал добрыми советами, утешал и отправлял в добрый путь. Могу поспорить, что даже священник местной церквушки не слышал столько искренних исповедей, сколько их переслушал бармен.

Всё дело в том, что человеческая природа таит одно обидное, но всё же рабочее правило. У каждого свои заботы. Людям не то чтобы плевать на окружающих, но их радости и горести меньше цепляют за душу, чем свои. Есть определённый, очень узкий круг родных и близких, которые способны искренне, с чувством, разделить любое значимое для тебя событие, но что же делать, когда твой круг уже знает о случившемся или знать не должен? Выболтаться одному из коллег или приятелей? Это будет не интересно ему. Нет, он, конечно, послушает ради приличия, но не проникнется всей той глубиной, которую ты хотел донести. Но ведь желание облегчить душу не пропадало, и нужно было что-то решать! И тогда на выручку приходил бармен.

Ах, бармен мог составлять энциклопедию человеческих проблем, с которыми к нему приходили!

— Эй, бармен, налей мне ещё водки! Эта дешёвка Сьюзен всё-таки мне изменяла! А я знал, чувствовал!

— Бармен, плесни мне виски. Тяжелый денёк, представляешь, этот выскочка из второго отдела...

— Бармен, налей мне самого крепкого, что у тебя есть. Сегодня ровно год, как не стало моего лучшего друга.

— Слушай заказ, бармен! Мне, нет. Не мне. Всем. Всем за мой счёт по стакану пива! У меня родилась дочка, ребята!

И так далее и тому подобное. Каждая история был по своему уникальна, и к каждой бармен подходил со всей душой, искренне старался помочь, давал советы, большинством своим удачные, реже нет. Каждый человек в момент своей пьяной исповеди был ему близок и дорог, и провожал он его, как отец провожает сына, которому только что дал самое важное наставление. Независимо от возраста, социального статуса и достатка.

Бармену искренне нравилось помогать людям. Он уже и забыл, что пришёл в этот бар давным-давно лишь на время, чтобы подзаработать денег на обучение в художественном училище, а в будущем стать хорошим художником. Но мечте не суждено было сбыться, он привязался к этому месту и остался тут, кажется, навсегда. И в моменты, когда это вдруг вспоминалось, он не злился на судьбу, а лишь горько усмехался. Каждому своё, ведь, в конце концов, кто-то должен выслушивать самое сокровенное, помогать людям и при этом уметь качественно смешивать «красивую Мэри».

Вы спросите, но ведь у бармена были и свои беды, свои проблемы? Разве люди в благодарность ему не должны были помогать, поддерживать его? Увы, нет. Такого здесь не водилось. Выговорившись и облегчив душу, да ещё и получив полезные советы, люди просыпались на следующее утро с похмельем, приводили себя в норму и продолжали жить. Реализовывая советы, они ликовали, ведь дела шли на поправку. Только никто не вспоминал бармена, каждый искренне полагал, что он творец своего успеха.

— Да, какой я молодец, как быстро забыл об этой чертовой Сюзи. — Ликовал один.

— Хах, как я насолил этому выскочке! Ай, да я! — радовался второй.

— Какое удачно дельце я провернул, как хорошо, что я решился идти на риск! — ухмылялся третий.

Всё это, в большинстве своём, были добрые, порядочные, честные и светлые люди, просто у них были свои дела, заботы, радости и горести, и бармен как-то выпадал из этого обширного списка. А бармен, собственно, и не обижался. Ему хватало и того, что он мог помочь людям. А это было для него самое главное.

Но всё же находились те единицы, те крупницы, кто, вдоволь наговорившись, налакавшись спиртного, излив душу до дна и чувствуя легкость на сердце, искренне, а не потому, что так надо, находил в себе силы перевести захмелевший взгляд со дна стакана на лицо бармена и заплетающимся языком спросить. Спросить от всего сердца.

— А ты-то как, как твои дела, старина?

В такие моменты бармену становилось очень тепло на сердце, ему хотелось всё выговорить этому напившемуся с горя или с радости человеку, который отодвинул свой повод и хотел узнать о делах бармена. Но бармен сдерживал себя и, лишь широко улыбнувшись, отчего его глаза загорались мальчишеским огнём, а уголки губ доходили чуть ли не до ушей, хлопывал собеседника по плечу и басил:

— Всё хорошо, дружище, спасибо тебе, что поинтересовался.

И так шли годы, проходили сезоны, капали месяцы, лились весенними ручьями недели и полноводной горной рекой шумели дни. Всё было обыденно в этом городке, пару раз случились пожары, один раз ограбили старого ювелира, да и всё на этом, пожалуй. Люди работали, жили своей скромной жизнью, и всё было для всех стабильно. Событие, потрясшее город, случилось поздней осенью, когда дожди лили, не переставая, а морозы крепчали, и совсем скоро должен был начать сыпать снег.

Как-то утром два забулдыги, основательно вымокнув за ночь, направились по привычке в бар, согреться и выпить пару рюмок. Зайдя в бар, они не услышали вечного доброго бурчания бармена, приветствовавшего их. Они вообще ничего не услышали, даже настенные часы замерли, время остановило свой бег. Заглянув за стойку, они увидели страшное. Бармен сидел на полу, опершись о стену,

мертвенно бледный, язык был чуть высунут изо рта, глаза казались стеклянными, а широкая грудь не вздымалась от сиплого дыхания. Прибравший на их вызов врач констатировал смерть по естественным причинам. Весть быстро разнеслась по городу, весть страшным ударом задевала людей.

Никто не хотел верить. Бармена больше нет, он умер.

Потом были похороны. На похоронах собрался весь город. Абсолютно все в этом городке знали бармена. Но, как оказалось, никто не знал о нём практически ничего.

Несколько слов, захлебываясь горячими слезами, сказала жена покойного.

— Надо же, он был женат, — тихо перешептывались люди. Затем несколько слов сказал об отце сын, одетый по случаю траура в парадную форму.

— Надо же, его сын, оказывается, военный, — передавали люди друг другу весть.

Затем что-то силилась сказать дочка бармена, но так и не смогла, рыдания душили молодую женщину, муж увёл её к тому месту, где стояли дети, ещё совсем маленькие, но им тоже было грустно от того, что дедушки больше нет.

— Ничего себе, а дочка-то уже с детьми и замужем, — удивлялись люди.

— А у него была ещё и дочь? — удивлялись им в ответ.

Затем слово держал седой, одноногий мужчина преклонного возраста, который поведал, как усердно бармен, ещё будучи пацаном, трудился с ним на предприятии в годы войны.

— Так он оказывается был героем... — вздыхали стоящие в толпе.

Траурная церемония длилась очень долго, каждый желал сказать слово.

Большинство вспоминало его как радушного хозяина, доброго советчика. Лишь немногие вспоминали его как несостоявшегося художника и в прочих малоизвестных ролях его жизни. А затем тело погребли, люди направились в свои дома. И каждый из них долго не спал этой ночью. Многие сокрушались, какой хороший человек всё это время жил рядом, помогал им советом, словом, выслушивал их, а они вспомнили об этом только сейчас, только когда на твою тихую благодарность никто не ответит басом, мол, не стоит, приятель, главное, что у тебя всё хорошо. Людям было стыдно и тяжело. Многие в эту ночь не уснули до тех пор, пока не поклялись быть более чуткими к людям, которые помогали им словом или делом.

Так или иначе жизнь продолжалась. И уже на следующее утро после похорон на дверях старого бара пестрело объявление с крупным заголовком: «Требуется бармен».

Тосно, Ленинградская область, Россия

Ирина Василькина

ИСТОРИЯ ОДИНОКОГО ЧЕЛОВЕКА

Сестра! В тебе нашёл я свой оплот,
Как ты во мне. Мы были, есть и будем
Во всём едины. То, что в нас живёт,
Не умертвить ни времени, ни людям,
И вместе, врозь — в чаду моих забот
Не предадим друг друга, не забудем.
Союз, который первым был для нас,
Последним разорвётся в смертный час.
Дж. Г. Байрон. «Послание Августе», 1816 г.

Громкий лай разбудил Латинский квартал. Бродячие собаки, чьи впалые животы сводило судорогой утреннего голода, сцепились не на шутку: их худые тела, покрытые клоками грязной шерсти, пропадали в клубах поднимаемой пыли и тут же появлялись снова. Рабочие уже начинали снова туда-сюда, предусмотрительно обходя место потасовки, боясь быть искусанными. Высокий человек в плаще, однако, замедлил шаг, с мрачной задумчивостью глядя на остервеневших животных. Несомненно, он был поглощён своими мыслями: это было заметно и по сосредоточенному взгляду, устремленному вниз, и по морщинам, проступившим на лбу и даже по губам, плотно сжатым, как у того, кто внимательно за чем-то наблюдает. Пару раз собаки на него огрызались, но он отгонял их палкой, медленно продолжая свой путь. На лице этого прохожего не возникало и тени волнения; казалось, будто он и палкой машет лишь из врожденного инстинкта, а не из осознанной необходимости. Невозмутимый, он внезапно остановился посреди этой своры, с вызовом глядя на животных. Они, в свою очередь, тоже с вызовом уставились на него. Заметив, в какое опасное положение попал странный прохожий, молодой рабочий, шедший мимо, вытащил из кармана кусок хлеба и бросил его в сторону. Животные, почуяв запах еды, оставили в покое свою жертву, начав драться за новую добычу. Ничего не сказав, прохожий всё тем же медленным шагом скрылся в одном из переулков. Казалось, что он нарочно ищет безлюдные места, петляя по городу. Заложив руки за спину, глядя себе под ноги, слушая противное чваканье парижской грязи, он брёл, не разбирая дороги, временами что-то нашептывая под нос. Человек этот был писателем, и звали его Виктором.

Его душа не была грубой, однако была покрыта ожогами внутреннего тайного страдания, причину которого он сам не мог объяснить. Стремящийся скрыться от людей, он все же в тайне любил

их, хотя всякий раз и клеймил позором на своих страницах. Вся его душа была одной большой язвой, которую окружающие, словно палкой, тыкали своей пустотой и безразличием, заставляя Виктора страдать. Конечно, на заре своей юности он был другим, у него были друзья, но с тех пор прошло много времени, и знакомства, которые ещё остались живы, не приносили ему внутреннего успокоения. Ему казалось, что вся жизнь его теперь — это какая-то серая рутина. Даже работа, в которую он вкладывал столько душевных сил и любви, теперь не вызвала в нём радости. Он творил, но не из потребности, а, скорее, из привычки. Он и жил из привычки. Виктор попробовал однажды бросить своё дело, но, бессмысленно прощатавшись по городу неделю, он вновь вернулся в свою «исповедальню», где уже столько написал. Читал ли его кто-нибудь? О, да, в некоторых кругах его даже признавали, но нельзя сказать, что признавали его одни лишь ценители и философы: среди них были и абсолютные дураки, и люди, которых перевоспитать цивилизованным способом было невозможно. Он нередко забавлял свой циничный ум тем, что спрашивал, чем же понравилось его новое произведение. Ответы выдавали ему или глупца, или мудрого человека.

В этом и состояла суть его творческого страдания: он, обладающий ясным умом, понимал, что слово из его уст, уст того, кто на своём поприсе вряд ли когда-нибудь совершит революцию, не обладает силой. Его читают, его цитируют, им восторгаются. Но что же дальше? Ведь он так ждал, что его слова, высказанные правильным и простым языком, будут всеми услышаны! Пускай ему противостоят, ведь люди — живые существа, так, пожалуй, даже интереснее! Жить, не соглашаясь с ними, каждый день борясь за то, во что он сам верит! Однако им было всё равно, по крайней мере, возникало такое чувство, а омерзительно разнеженного, ко всему равнодушно-го человека не изменить ничем. От того, что его толкают в бок, он начинает лениво ворочаться, а затем, раздражённо что-то выкрикивая, снова поворачивается на другой бок и засыпает. Вот в такой человеческой пустыне жил Виктор. Не отличаясь верой в чудеса, он работал только потому, что знал, в чём его призвание.

Он любил бродить по улицам, не вглядываясь в человеческие лица. Теперь они его уже не интересовали. Описывая пороки современного общества, Виктор пользовался метафорами, а люди под его пером становились лишь пустыми и безликими словами. Но будучи художником, творцом с душой, восприимчивой к прекрасному, он всё же не упускал возможности полюбоваться честным лицом, хотя видел честные лица крайне редко. Виктора нельзя было обвинить в том, что он всех мерил одним аршином, однако измученный вечной внутренней борьбой, он верил, что истинную чистоту может излучать лишь детское лицо. Удивительно, но этот

циничный с виду человек чувствовал искренность всем своим существом, оставаясь при этом скупым на нежность и эмоции.

Он как раз проходил мимо церкви Святого Жюльена, когда увидел на ступенях девочку. Из года в год это существо приходило в одно и то же время на своё место, чтобы заняться чтением, шитьём или просто поглядеть на прохожих. Виктор относился к ней, как к чему-то неживому, как к статуе, которая вечно стоит на своём месте и дарит радость глазу. В ней, действительно, было нечто приятное, что редко можно было увидеть в бедных парижских оборванцах. Виктор никогда не пытался заговорить с ней, но, когда она попадалась ему на глаза, он с каким-то благоговейным удовольствием смотрел на этого херувима, чтобы хоть как-то отвлечь свой истерзанный разум от пороков человеческих.

Но сейчас взор писателя привлекла вовсе не эта девочка, а яркий, ослепляющий диск солнца, поднявшийся над городом. Глядя на него, Виктор вытащил платок, чтобы отереть лицо от дорожной пыли. Прикрывая рукой глаза, он бормотал обрывочные фразы нового очерка и, поглощенный собой, не почувствовал, как чья-то неловкая рука дотронулась до его локтя.

— Месье, — послышался тихий голос.

— Золото манит, оно подобно солнцу, однако когда его много, душа высыхает, как почва, а глаза слепнут, и перестаёшь видеть истину, — бессознательно произнёс он, всё ещё не обращая никакого внимания на оклик.

— Месье, — всё также настойчиво продолжал голос, — прошу вас.

Раздосадованный тем, что его отвлекают, он резко повернулся к нарушителю своего творческого забытья, но тут же остановился. Ослеплённый ярким светом, он сначала не разглядел, кто стоит подле него.

— Чего ещё? — крикнул он.

Когда чёрные пятна перед глазами немного рассеялись, он с удивлением узнал девочку со ступеней церкви. Она протягивала ему деньги, а он, ничего не понимая, смотрел на неё, впервые за все это время имея возможность разглядеть её, как следует. Такими лицами, должно быть, обладали монахини: строгое, аскетичное, бледное, но доброе, нежное, а в глазах — умиротворённая грусть и милосердие.

— Что это? — спросил он, указывая на деньги.

— Вы обронили, — опуская голову, ответила она.

Впервые в жизни он видел, чтобы дитя улицы не воспользовалось случаем и не украдо так удачно потерянные деньги. Он медленно перевёл взгляд с монет в протянутой руке на неё саму, будто ещё не понимая, что случилось. Опустив руку в карман, он понял, что потерял часть гонорара за последнюю книгу.

— Почему ты не взяла деньги себе? — спросил Виктор, пронизывая её недоверчивым взглядом.

— Я не беру чужого, — робко ответила она.

— У тебя так много «своего»?

— Я всего лишь вернула вам пропажу, заберите её, — пряча взгляд, ответила она, и в голосе её послышалась нотка не то уязвленного самолюбия, не то разочарования.

Эта странная, едва уловимая интонация в голосе заставила Виктора изменить обращение с ней. Немного подумав, он ответил:

— Оставь себе.

— Я не попрошайка, — твёрдо произнесла она. — Заберите монеты, месье, и позвольте мне уйти.

Этот странный полурассерженный вид, сдвинутые брови, категоричность ответов — всё было каким-то удивительно простым и искренним. Нередко он видел, как кокетливые барышни изображали оскорблённую невинность, лишь для того, чтобы добиться своего; но тут, несомненно, было что-то иное. Он некоторое время смотрел ей вслед, однако привычка и собственные принципы заставили его резко отвернуться и вновь созерцать солнце. Так он стоял и размышлял о чём-то, но вскоре ноги неосознанно понесли его по улицам, хотя взгляд всё ещё был устремлен в небо.

«Люди... люди — это луковичная шелуха, — думал он, — надутая, блестящая... сожмешь, а там пусто... лишь шуршит и все... однако среди этого мусора иногда попадаются фиалки. Они спрятаны от чужого глаза, и нужно быть очень умным и чутким, чтобы найти их, а если найдёшь, распознать и не поломать тонкий стебель...»

Резко мысли его прервались, и он воскликнул:

— Вздор, меня потянуло на приторную лирику! Подумаешь, вернула деньги! Вернуть-то вернула, но не украла ли чего-нибудь еще?

Прекрасно зная, что у него нечего было красть, он всё же ощупал карманы. Природная недоверчивость и жёлчность у Виктора были на уровне инстинкта. Прекратив свой торопливый обыск, он задумчиво оперся спиной о стену. Солнце уже наполовину скрылось из его глаз за уродливыми человеческими постройками, и он смотрел на эту серую глыбу камней, бессознательно покусывая губу. Из открытых окон слышалась ругань и крики, редкие прохожие подозрительно оглядывали этого хорошо одетого человека, вероятно, принимая его за полицейского; они ускоряли шаг, едва только Виктор бросал на них один из своих пронзительных взглядов.

— Стена. Грязная стена непонимания, с которой сталкивается каждый мыслящий человек, желающий привнести в этот мир что-то своё, выстраданное. Ты стоишь перед ней, пытаешься докричаться до тех, кто её выставил перед тобой, а всё впустую, — вновь вслух произнёс он.

Виктор стал прохаживаться взад-вперёд, заложив руки за спину, поджав губы.

— Всё-таки эти бедняки — довольно занятная категория людей. Внезапно осенённый какой-то мыслью, он порылся в кармане. Достав пригоршню монет, Виктор пробормотал:

— Хм... а вот возьму и проверю!

Сознательно забредая на самые грязные и мерзкие улочки, он выискивал своих «подопытных» и бросал монету им под ноги, делая вид, что не замечает пропажи. Растратив таким образом всё, что у него было, он наблюдал исподтишка, как эти люди с притворным безразличием прятали деньги в свои карманы. Надо признать, он испытывал какое-то мрачное удовольствие, видя доказательство собственного нелепного мнения о человеческой натуре. Виктор улыбался, его лицо выражало омерзение. Погрязнув в беспощадном цинизме, он ещё мог чувствовать. Довольные вороватые физиономии, крючковатые мозолистые пальцы, хватающие блестящие монеты вперемежку со зловонной кашей, — всё это заставляло его смеяться и страдать одновременно.

«Можно ли их винить в отсутствии честности? У бедняков есть своё оправдание, но, когда люди обеспеченные ведут себя подобным образом, как назвать их поведение? Процентщики, безжалостно обирающие своих клиентов, готовые удавить за недоплаченный су, правители... Но нет! Для бедного или богатого — для всех — должна быть единая мораль. Нужда или благополучие не должны делать из человека шакала. Нужда — это не оправдание, это обстоятельства, с которыми человек должен уметь сожительствовать. Нужда не должна порождать преступление и подлость. Да!» — с этой мыслью он бросился домой, чтобы написать «Нищие и Боги», идею которых он разрабатывал уже давно, но только сейчас почувствовавший себя готовым к этому новому шагу на пути обличения человеческих пороков.

Книга была издана, только, как и следовало ожидать, должного восторга не вызвала. Каждую неделю Виктор заглядывал в книжную лавку, но дело продвигалось очень плохо.

— Ну, как дела, Этьен? — спросил он, вяло опираясь локтями о прилавок.

— А ты как думаешь? Мой тебе совет, отдохни. Даже если твой последний опус и гениален, он не для этой эпохи. Впрочем, вчера купили твой очерк по истории Франции.

— Пришли и целенаправленно купили?

— Да, я тоже удивился. Хотя это и лучшая твоя работа, но сколько уже лет прошло со дня издания...

— Какой-нибудь студент?

— Нет, это была девчонка.

Брови Виктора взмыли вверх.

— Что ещё за новости! Ты не шутишь?

— Нет, я потому и запомнил, что это показалось мне удивительным. Сомневаюсь, что твои аллегории поддадутся её разуму. Они и взрослому не всегда ясны.

Виктор отошёл от прилавка и, проводя по лицу ладонями, словно человек, безумно от чего-то уставший, произнёс:

— Не знаю, не знаю... Иногда мне кажется, что я пишу настолько просто, а за моими сравнениями и метафорами скрываются настолько узнаваемые вещи, люди, поступки, что невозможно чего-то не понять. Хотя понимание — это не самое главное. Люди попросту не проникаются моими словами, тогда возникает вопрос: а зачем я вообще что-то делаю? Чтобы делать хоть что-то? Чтобы быть одним из тех, выпячивающих свои таланты на всеобщее обозрение бездарностей?

— Дружище, тебе точно нужен отдых. Ты начинаешь говорить глупости.

Минуло полмесяца с того дня, а Виктор всё ещё продолжал заглядывать к книготорговцу. Это был единственный человек, с которым он часто виделся в последнее время. Состоя с ним в товарищеских отношениях, он мог читать все книжные новинки, которые его интересовали, а заодно и наблюдать за посетителями, за их нравами и лицами, выявлять их интересы. Однажды, стоя у высоких книжных шкафов и разглядывая старинные фолианты, он стал свидетелем любопытной беседы, к которой поначалу не проявил должного внимания.

— Мадемуазель, рад вас снова видеть! Как вам понравилась книга, которую вы купили в последний раз? — спросил Этьен.

— Очень понравилась, месье, — был ответ.

— Что же вы хотели бы взять теперь? Вы читали «Нищие и Боги»?

Услышав название своего произведения, Виктор полуобернулся и заметил невысокую фигуру, облачённую в простое платье. Он бросил взгляд на Этьена: тот пристально смотрел на него с едва уловимой насмешкой. Виктор поставил фолиант и медленно приблизился к покупательнице, всё ещё не видя её лица.

— Именно поэтому я и пришла к вам, — ответила она.

— Неужели вы что-то поняли? — спросил Виктор, уже приготовившись услышать самодовольное «да» и пространные и весьма недалёкие и банальные размышления о судьбах мира.

Посетительница обернулась. Он остановился на месте. Взгляд его выражал высшую степень удивления, лицо так и застыло в недоверчивой гримасе. Это была та самая девочка! Она тоже его узнала, потому что на лице её отразилось смущение, и она поспешно повернулась к продавцу.

— Возможно, я поняла не всё, но мне очень нравится ход мыслей автора, — ответила она, не глядя на Виктора. А затем добавила: — Для меня он герой.

— Позвольте? — спросил он, всё ещё неподвижно стоя в нескольких шагах от неё. — В чём состоит его героизм? В том, что он прячет своё лицо за лабиринтом слов?

— А разве нет героизма в том, чтобы обнажать человеческие пороки и пытаться их врачевать? Простой жизненный героизм, который не нуждается в похвале.

— Вы так говорите, будто знаете автора? А вдруг это какой-то холёный богач, которому нечем заняться, и вот, он сидит в своих шикарных апартаментах и развлекается слаганием фраз?

— Холёный богач не сможет настолько ясно выражать мысли, потому что часто у такого сорта людей замыливается глаз, и они становятся не в силах различать плохое и хорошее. Эта работа — не простое слагание фраз, месье, — тут она повернулась к нему, — вы её читали?

Виктор, так любивший испытывать людей и наблюдать за их поведением, перекинулся многозначительным взглядом с приятелем, вытащил из кармана часы и начал их протирать платком со словами:

— Читал и не нахожу ничего особенного. Этот месье просто удачно жонглирует словами. Его нельзя уличить в невежестве, однако в его мыслях много жёлчи, он откровенно издевается над людьми, а между тем сам является одним из них. Но поразительно, мадемуазель так его защищает! Вы с ним знакомы? — с этими словами он поднял на неё пронизательный взгляд. Этот взгляд снова заставил её почувствовать себя неловко, и она отрицательно покачала головой.

— И что же вы поняли из его последней работы? — спросил он, кладя усердно начищенные часы обратно в карман.

Некоторое время она не решалась говорить. Когда пауза стала невыносимой, а лицо Виктора успело сменить несколько выражений (от разочарованного до язвительного), она произнесла:

— Это одинокий человек, чья душа безмолвно истекает кровью, видя несовершенства этого мира. Несмотря на категоричность заявлений, мне не кажется, что у него злое сердце, даже наоборот. Возможно, где-то он и сам ошибается, не все люди дурны, но осуждая, он прощает. И безнадежная ирония, скорее, просто ширма, за которой прячется этот несчастный, как раненый зверь, не желающий показывать боли своему сопернику, и потому рычащий ещё более грозно.

Вновь воцарилась тишина. Она подняла взгляд на Виктора и, тихо извинившись, вышла из магазина.

— Вздор! — только и смог сказать Виктор, медленно подходя к прилавку, на то самое место, где ещё несколько секунд назад стояло это удивительное создание. Даже на лбу его проступили вены, в которых заметно пульсировала кровь. Впервые за всё это время что-то взволновало его до такой степени. — Ну, и что ты на это скажешь? — растерянно спросил он.

— Что я могу сказать? Тут околачивается столько грамотеев из Сорбонны, — махнув рукой, ответил Этьен, — услышала их разговоры. Нашла тоже одинокого добряка! Ты и доброта — вещи несоместимые, дружище!

— Мне почему-то кажется, что её слова искренни. Простодушны, по-юношески отчаянны, чересчур возвышенны, но искренни, — всё тем же слабым голосом, задумчиво, словно не слыша циничных речей приятеля, произнёс Виктор.

— Ну, конечно, ведь это льстит твоему самолюбию!

Некоторое время он так и стоял, судорожно соображая, затем, присанившись, он решительно произнёс:

— Вот что, Этьен, дай-ка мне моё «Исцеление».

С книгой в руках он вышел из магазинчика. Лицо его стало взволнованным, внутри всё клокотало. Спрашивая себя, что происходит, тайно насмехаясь над своей доверчивостью, он всё-таки дошёл до церкви Святого Жюльена, отворил тяжёлую дверь и попал внутрь. Он не был набожен, хотя и верил в высшие силы, но приятная прохлада, исходящая от стен храма в знойный день, таинственная сумрачность и высота свода — всё это повергло Виктора в необъяснимый тихий восторг. Внутри у него что-то всколыхнулось и тут же улеглось. Живя в постоянном состоянии разочарования, духовного опустошения и пугающего реализма, он вдруг оказался в обители покоя и тишины. Здесь было как-то особенно чисто, а в воздухе не витало удушливого запаха столичного лицемерия. Сев на скамью, он застывшим взглядом наблюдал за тем, как мерцают летящие пылинки в тусклом свете узкого окна. Услышав шаркающие шаги за спиной, Виктор вскочил с места, будто опасаясь, что кто-то может увидеть его здесь и уличить в сентиментальности. Мимо него проковылял служка.

Виктор облегчённо расправил плечи и, едва слышно ступая по каменному полу, боясь потревожить это царство тишины, спросил:

— Скажите, вы знаете, что это за дитя обычно сидит на ступенях церкви?

— Это Анаис, девочка из приюта больницы Отель-Дьё.

— Возьмите, — произнёс он, протягивая книгу служке. — Она забыла её у входа в церковь.

Сказав это, Виктор незамедлительно скрылся за дверью, будто испугавшись, что ещё мгновение, и он может передумать. Зачем он пошёл туда? Была ли эта простая благодарность? А может, польщённое самолюбие? Он задавал себе эти вопросы всю дорогу, пытаясь понять, зачем он это сделал, и не находил ответа. До сих пор взволнованный, до сих пор перебирающий в голове всё, что он знал о ней, Виктор чувствовал, как сердце его становится большим; настолько большим и тяжелым, что ему казалось, будто вскоре оно перестанет помещаться внутри тела.

Его всегда раздражал назойливый интерес соседей: они, видимо, в чём-то его подозревали, а поэтому вели себя как-то подобострастно-насторожённо. Сегодня они его просто с ума сводили: ему казалось, что эти пронырливые физиономии, эти внимательные взгляды пытаются проникнуть в суть его мыслей, а потому Виктор бегом поднялся на свой этаж и поспешно запер дверь на два оборота, чего с ним никогда не бывало.

Уже месяц он ничего не писал, почти безвылазно сидя в своей квартире. У него началась своеобразная болезнь. В его сознании что-то перестраивалось, и всё это вызывало опустошение, слабость. Чувствуя отвращение к самому себе за бездействие, Виктор давал себе зарок вновь взяться за перо, но постоянно находил оправдания, почему не хочет этого делать именно сегодня. В его голове не было мыслей, по крайней мере, ему так казалось. Ночью его почему-то настигали странные сны. Впервые за всё это время он вспомнил свою мать, которая прижимала его к груди. От этих видений душа у него начинала болеть ещё сильнее, а одиночество безжалостно вгрызалось в мозг и сердце. В такие моменты он обыкновенно, движимый неестественной жадностью общения, бежал к своим знакомым, но эти встречи не приносили ему удовлетворения. Внутренне он искал чего-то и, не находя этого в обществе, ещё острее ощущал тоску и невыносимый вес одиночества.

Глядя, как солнце заполняет всегда тёмную часть его улицы, он внезапно отпрянул от окна. Он начал понимать, что с ним. Теперь в его душе пошёл обратный процесс: от полного затишья и пустоты — к лихорадочной деятельности. И без того чужающийся людей Виктор теперь и вовсе перестал показываться на улице, он снова работал. Он не мог понять, что движет им, всё то же ощущение привычки, удачно складывающегося дела или, действительно, внутри него рождалась какая-то большая мысль.

В декабре он, наконец, дописал ещё одну работу. Этьен, ознакомившись с ней, устремил задумчивый взгляд на приятеля:

— Стиль сильно изменился, боюсь, тебе это навредит. Куда пропал цинизм? Где едкая карикатура общества?

Виктор вздохнул.

— Ты правильно заметил, что-то изменилось, но разве это не естественно? Я переболел цинизмом и теперь, пожалуй, становлюсь здоровым человеком.

— О, да, серый цвет лица может иметь только человек пышущий здоровьем, — усмехнулся Этьен, — физически и морально.

— Что конкретно тебе не нравится?

— Ты писал ярко, остро, а теперь... как-то тоскливо и абсолютно безнадежно.

— Это всё потому, что ты видишь мою физиономию перед глазами.

— Да, ты прав, физиономия — не лучшая иллюстрация к твоему сочинению.

Виктор уже потянулся за рукописью, чтобы забрать её, но Этьен остановил его.

— В конце концов, в том же стиле творят современные лирики, и я не вижу ничего плохого, чтобы тебе подхватить общее течение. Видимо, это болезнь века. Зайдёшь через неделю, все будет готово.

Книгу издали. Добираясь до своего дома обычным путём, с книгой в руке, Виктор встретил Анаис. Она шла впереди, но даже со спины он сразу почувствовал, что это она. Он окликнул её. Девочка остановилась и посмотрела на него. Несомненно, она его узнала, потому что лицо её приняло смущенное выражение, а на губах появилась несмелая улыбка. Она опустила взгляд и поздоровалась с ним. На некоторое время повисла пауза, но Анаис прервала её словами:

— Я давно хотела вас поблагодарить. За книгу.

Виктора тяжело было вызвать на эмоции, но сейчас сердце его дёрнулось, и по нему разлилось нечто тёплое, давно забытое.

— Тогда возьми это, — он протянул экземпляр нового сочинения. — Издатель ругает меня за стиль, видит Бог, неоправданно. Ему следовало бы поругать за это тебя.

Она подняла на него глаза, полные искреннего недоумения и ответила:

— Простите, я плохо понимаю вас.

Виктор смотрел в её лицо. Оно было таким же свежим, честным и разумным, как в первый раз. Несмотря на природную нежность, на нём был явный отпечаток какого-то самовольного отчуждения, даже страха. Это лицо будто являло собой олицетворение его самого; той стороны души, которую он упорно прятал от чужих глаз.

— Последний год я и сам себя перестал понимать, — пробормотал он, чувствуя, как привычная натянутость невольно исчезает, а сердце, подобно цветку, всё сильнее раскрывается и тянется к источнику света.

— Значит, ты живешь в Отель-Дьё? — спросил Виктор. — С тобой там плохо обращаются?

— Вовсе нет.

— Тогда почему ты такая понурая?

— Не знаю, почему это удивляет именно вас. Разве вам никогда не бывает грустно?

— Когда я всем доволен — нет.

— Тогда вы сами ответили на свой вопрос.

— Тогда тебе чего-то не хватает?

— Чего может не хватать сироте? Родителей. Друзей. Заботы. Понимания. А вам?

Этот последний вопрос, заданный с особенной интонацией, приправленный мимолетным пронизательным взглядом, стал окончательным доказательством разумности Анаис. Как точно она (быть может, неосознанно) определила его недуг! Виктор покачал головой, улыбнулся, как человек, сражённый неожиданным явлением, и ответил:

— Мда... ты коварное создание. В юном возрасте это даже удивительно.

— Разве я сделала что-то плохое? — спросила она, и в голосе её послышалась непривычная для слуха Виктора интонация.

Повисла пауза. Виктор в силу своей аскетичной природы настойчиво пытался выискать в Анаис какой-нибудь страшный изъян, увидеть в ней неестественность, фальшь. Больше всего он ненавидел подобострашие и почему-то именно сейчас ему хотелось найти его в ней, доказать самому себе, что всё это время он был жертвой самообмана.

— Скажи, — продолжил он, оглядывая одежду Анаис, — на что ты живешь?

— У меня была возможность пойти работать на прядильную фабрику, но отец Пьер из церкви Святого Жюльена пообещал, что через год я смогу посвятить себя Господу. Сейчас я помогаю ухаживать за больными в Отель-Дьё.

— Неужели ты хочешь стать монахиней?

Она замолчала и стала ещё более грустной, чем обычно.

— Я так долго взращивала в себе эту мысль, что уже и сама не знаю, чего хочу. Это мой долг, — ответила Анаис, не поднимая головы.

— Прискорбно было бы узнать, что разумные люди пропадают в застенках монастырей, тогда как снаружи остаются одни невежи, равнодушные ко всему. Неужели у тебя нет своих желаний? Ты считаешь, что в монастыре ты будешь кому-то полезна? Обычно в монастырь идут от безысходности.

— А вы считаете, что я иду туда по какой-то другой причине? — спросила она, вдруг бросая на него мимолетный взгляд.

— Безысходность? В твоём-то возрасте? Даже я, склонный к крайностям, не могу этого понять. Должно быть, жизнь просто тебя испытывает, а ты боишься сражаться.

— Это жестокое испытание для человека, который только начинает жить. Я не хочу быть похожей на множество других сирот, лишённых надежды на непогрешимое будущее. Вы и сами пишете, что нужда наравне с богатством порождает порок.

Виктор немного помолчал, блуждая рассеянным взглядом.

— Я бы мог сказать, что тобой движет трусость, — вдруг произнёс он, — однако самовольное погребение в стенах, из которых нет обратной дороги... Знаешь, ты загадочное существо. Тебя сложно назвать взрослым человеком, но ты мыслишь.

— Что вас удивляет? Несчастье заставляет людей невольно раньше становиться взрослыми.

Этот диалог, который был практически лишён всякой интонации, был, скорее, обоюдной перепалкой, но перепалкой мирной. Они как будто «обстреливали» друг друга, пытаясь понять, не обмануло ли их первое впечатление.

— Значит, ты говоришь, что я герой, — произнёс Виктор, меняя тон на более ласковый.

— Вы всё ещё помните, — ответила Анаис, пряча взгляд.

— Не каждый день с такой самоотверженностью пытаются отстоять мои взгляды и меня самого. Конечно, я помню.

Она молчала, теребя в руках корешок книги. Некоторое время Виктор и сам не знал, что сказать. Он только смотрел на это странное создание, чувствуя примерно то же, что и тогда, в церкви.

— Ты серьёзно полагаешь, что Господь питается душами тех, кто добровольно отправил себя на заклятие?

Анаис замерла, лицо её стало серьёзным, чуть ли не хмурым. Но она не злилась, а, скорее, наоборот. Виктор заметил, как дрогнул её подбородок, как затруднилось дыхание.

— Что ты молчишь?

— Чего вы от меня хотите? — спросила она, поднимая на него строгий взгляд, в котором на секунду появилась недоверчивость дикого зверька.

— Мне показалось, что ты необычный человек. Наверное, я не ошибся.

— Вам же нет до меня никакого дела, — ответила она твёрдо. — Зачем вы пытаетесь посеять во мне сомнения?

— Зерно нельзя посадить туда, где для него нет почвы. И потом, если бы мне не было до тебя никакого дела, — всё так же пристально наблюдая за каждым проявлением эмоций на её лице, ответил Виктор, — я бы не стал с тобой разговаривать. Твоё решение привело меня в недоумение. Если ты каким-то странным образом появилась в моей жизни, я считаю своим долгом протянуть тебе руку.

— Что это значит?

— Я могу определить тебя в школу при монастыре, ты приглядишься, оценишь, насколько это тебе необходимо. Если твоё решение не изменится, я не стану тебя удерживать. Однако мне кажется, что разум должен оставаться здесь, в этом сером грязном городе именно для того, чтобы помогать очищать его и возвращать ему здоровые краски.

Анаис согласилась с его предложением, и Виктор определил её в женское аббатство на севере от Парижа.

Сначала довольно редко, а затем всё чаще он стал навещать её. Каждый раз, покидая Анаис, ему казалось, что он больше к ней не придёт. Едва переступив порог дома, он начинал ощущать внутри

себя необыкновенную легкость: так чувствует себя человек, сделавший доброе дело. Это приятное ощущение доброты, которое так долго было не свойственно ему, которое так долго дремало в его аскетичной душе, каждую неделю возвращало его за высокие стены монастыря.

Сначала ему тяжело давалась роль наставника и опекуна, но через некоторое время Виктор уже не представлял себе жизни без этих непродолжительных, но удивительных встреч.

С каждым разом Анаис завладевала его вниманием всё сильнее и сильнее. Иногда, слушая её с закрытыми глазами, он забывал, что рядом с ним сидит беззащитный человек, полуребёнок. Виктор уже не раз подмечал, что её улыбка, сдержанная, скромная, добрая, имела над ним неодолимую власть. В этой улыбке было что-то, что роднило её с ним. В ней было пережитое страдание, одиночество, недоверчивость, даже боязливость. Вместе с ней Виктор тоже улыбался. Он не смотрел на неё, как на будущую женщину, он видел в ней человека, душа которого была необыкновенно чиста. И это случилось как раз тогда, когда он уже перестал верить в добро!

— Вся моя жизнь представляет собой впитанное уродство человеческого нрава, выливающееся на страницах, — сказал как-то Виктор. — Меня хвалили за этот яд, восхищались даром слова, кто-то даже приписывал гениальность. Не спорю, что сперва я считал, что всё делаю правильно, что я правильный человек. Но время шло, а ничего не менялось. Знаешь ли ты, что самое главное для того, кто говорит? Быть услышанным. Меня слушали, но не слышали. Со мной соглашались, стоя ко мне спиной. Я к этому привык и до сих пор с трудом верю в то, что ты, ещё не испытавшая всех ужасов этой жизни, не видевшая пороков во плоти, можешь понять суть моего отчаянья...

Анаис бросила на него сосредоточенный взгляд и произнесла:

— Вы думаете, чтобы понимать, необходимо опустить руку в грязь? Что-то мне довелось видеть и самой, но что-то я увидела вашими глазами, и это стало претить мне так же, как и вам.

Виктор замер. Ему в голову пришла странная мысль. Впервые в жизни он испытал искреннюю, лишённую всякого самолюбия гордость. Он действительно стал невольным воспитателем этой юной души. «Обучая», он будто оберегал её от возможных опасностей.

— Вы зря думаете, что я ничего не смыслю в жизни, — продолжила она. — Конечно, потеряв маму и брата практически одновременно, я лишилась воспитания и заботливого поучения, но брошенный в городе на произвол судьбы ребёнок быстро учится всему сам. Признаться, первое время я искала друга, но потом смирилась. Очень больно искать и не находить, особенно, когда тебе это жизненно необходимо. Знаете, в каком-то смысле, я животное. Животные

чувствуют, от кого исходит опасность, а от кого — нет. От вас исходило что-то родственное.

— Повеяло знакомым холодом одиночества? — усмехнулся внимательно слушающий её Виктор.

Она покачала головой, опустила глаза и ответила:

— Могу сказать одно: впервые в жизни я действительно не испугалась человека.

Виктор встал и, пытаясь скрыть волнение, отошёл к окну. Глядя сквозь решётку, он думал о жестокости жизни, которая лишила эту чистую душу родных, причём в сознательном возрасте, что гораздо страшнее. Сломав её тогда, когда формировалось её сознание, жизнь навсегда обрекла это существо на муки. Доверчивая, она вынуждена бояться всех. Слабая, она вынуждена казаться сильной.

Он обернулся. Анаис сидела в той же позе, глядя перед собой.

— Если бы я был мистиком, — произнёс он, — я бы поверил, что ты моя некогда потерянная сестра.

Подходил срок определиться с выбором будущего, и Виктор стал сосредоточенным и нервным. По речам Анаис было трудно понять, изменила ли она своё решение. Когда он увидел её, лицо девочки было бледно, в глазах виднелись слёзы. Внутри у него что-то оборвалось, ему показалось, что он уже знает исход этого дела.

— Значит, ты всё решила? — спросил он, замирая на ступенях мрачной каменной темницы.

Она отвела взгляд.

— Странно, — продолжил он, — я думал, что мне удалось поколебать твою волю.

В его голосе слышалась горечь, граничащая с жесткостью.

— Почему ты молчишь? — спросил Виктор, приближаясь к ней и пытаясь заглянуть в лицо. — Неужели ты, действительно, хочешь остаться здесь?

Наконец, она подняла на него взгляд и дрожащим от сдерживаемых слёз голосом сказала:

— Аббатиса спросила меня, как я собираюсь жить в Париже, чем я буду себе зарабатывать. Когда я ответила, что вы мне поможете, у неё было такое лицо... словом, она осудила меня. И она права, это очень нехорошо. Я должна остаться, чтобы не быть вам каждый раз немим укором и обузой.

Виктору никогда не нравились настойчивые советчики-церковники, и даже тут им удалось влезть и извратить его помыслы. А были ли у него вообще какие-то намерения? Ведь до этого дня он даже не задумывался, что будет делать с этим существом, если она откажется от своего изначального решения. Он отвернулся от Анаис, пытаясь понять, как же ему быть дальше. Она, похожая на маленького ягнёнка, который жалобно и ласково жмётся к своей матери, подошла к Виктору и хотела положить голову ему на плечо, но в последний

момент остановилась, потупив взгляд. Она боялась показывать свою привязанность, потому что его молчание как будто доказывало, что Виктор принимает её решение.

— Вы правы, я больше не хочу быть монахиней, — произнесла шёпотом она, и в этом шёпоте было слышно отчаяние. — Я чувствую, что нужна вам. Но у меня нет выбора: ради вашего же спокойствия я должна остаться здесь.

— Уж не знаю, зачем ты появилась в моей жизни: спасёшь ты меня или погубишь, — ответил он сдавленным голосом и повернулся к ней.

Разве это безобидное создание, глядящее на него с таким доверием, может стать причиной его гибели? В ней он смутно ощущал нечто близкое, светлое, благородное. При этом лицо его не выразило нежного чувства, которое он испытывал.

— Мне кажется, я к тебе слишком привязался, — сказал Виктор серьезно.

Эта последняя фраза повисла в воздухе. Он замолчал. В каком-то смысле Анаис ему помешала, сбив привычный порядок мыслей в голове, но в этом вмешательстве было нечто особенное, приятное. Лицо её заметно изменилось. Девочка отошла на несколько шагов, старательно пряча от него взгляд. В этом действии было столько немногого страдания всеми покинутого существа, что Виктор не осмелился и дальше молчать, он понял, что необходимо сказать хоть что-то. В её осанке появилась какая-то обречённость, голова склонилась на грудь, пальцы сплелись в нервном ожидании. Она ничего у него не просила, не делала ничего, чтобы вызвать жалость, но ему стало её жаль. Совсем недавно он не знал, что такое жалость. Он не жалел себя, не жалел и окружающих, в его поведении всегда была непреклонность, категоричность, догматизм. Всем своим существом она просила его не покидать её, но губы были плотно сжаты, а лицо особенно серьёзно, даже строго.

— Скажи, я нужен тебе?

— Зачем вы спрашиваете? Всё уже решено.

— Да кем решено? — воскликнул Виктор. — Зачем ты так смотришь на меня? Ты думаешь, что я осмелюсь бросить тебя? Как ненужную вещь, как зонтик, которым пользовались, пока светило солнце, а ночью бросили в чулан? Хорош же я буду, если опущусь до тех, кого сам осуждаю! — С этими словами он подошёл к ней, грубовато взял за плечи, повернул к себе и продолжил: — Никакая аббатиса не может решить за тебя, слышишь ты меня? Я чувствую, что из тебя получится достойный человек, а потому и протягиваю тебе руку, потому и соглашаюсь вести тебя по жизни. Если ты не против, я сегодня же начну дело по опеке. И ни один представитель этого нарочито благочестивого снаружи и погрязшего в грехах изнутри общества не покажет на тебя пальцем.

Анаис подняла на него взгляд, в котором читалось недоверие и искренняя радость одновременно. Это был взгляд бездомного зверька, выросшего на улицах грязного города. Зверёк, наконец, обрёл своего хозяина.

— Я не знаю, перст ли судьбы свёл нас, но ты появилась в моей жизни как раз тогда, когда я сам дошёл до заветной грани, за которой уже нельзя жить, как прежде.

Он открыл глаза. Теперь в его жизни что-то изменилось, и он чувствовал это даже сейчас, когда чувства притуплены, а сознание ещё не до конца проснулось. В его доме, в этом прибежище звенящей пустоты, теперь появился новый звук: шорох живого существа, босыми ногами ступающего по деревянному полу. В этом едва уловимом звуке было что-то приятное, хотя Виктор и сам не понимал, что именно. Даже воздух здесь стал иным: ароматным, домашним.

Он отворил дверь и увидел то, чего не видел с самого детства: на столе стояли цветы, обычные полевые цветы, не источающие аромата, но такие живые и радующие глаз. В его доме никогда не было цветов, здесь никогда не было накрыто к завтраку, никогда не стояло кувшина свежего молока, а из тарелок никогда не доносилось такого аппетитного запаха домашней еды.

Анаис заметила его и, будто за что-то извиняясь, безмолвно опустила взгляд, немного краснея. Виктор не привык говорить тёплых слов, но сердце у него сжалось от давно забытого чувства. Ему наконец-то показалось, что он дома.

— Откуда здесь это всё? — спросил он, разглядывая столь неестественные для его одинокой кельи предметы.

— У меня были деньги, и я решила, что вам будет приятно, — всё ещё не поднимая глаз, ответила Анаис.

— Теперь ты живёшь под моей опекой, тебе не нужно тратить скопленные трудом крохи.

— Я так давно никому не делала подарков, не вините меня. Вы сказали, что теперь я ваша сестра. Так позвольте мне заботиться о вас, как о брате.

Впервые Виктор испытал это странное чувство. Заботиться! Каждой одинокой душе втайне хочется, чтобы о ней кто-то заботился! Он ощущал, что кто-то его любит, причём любит просто так, неосознанно, как любят родного человека. И сам он вдруг как-то особенно улыбнулся Анаис, а она, видя эту тёплую, ещё недавно абсолютно невозможную улыбку на устах того, кто назвал себя её «братом», доверчиво села подле него. Она всё ещё была немного смущена и ничего не ела, только наблюдала за тем, с каким удовольствием, с какой медлительностью Виктор наливает молоко, будто желая растянуть

это странное ощущение доброты внутри себя подольше. Он подо- двинул ей кружку, и между ними вновь возникло какое-то неловкое оцепенение. Он впервые в своей жизни за кем-то ухаживал.

Это был первый шаг в его становлении новым Виктором; для неё же, отвыкшей от доброты в свой адрес, это было возрождением. Она с искренним рвением помогала ему во всём, получая удовольствие даже от простейшей услуги. Наблюдая за тем, как она искренна с ним, он тоже постепенно стал всё более явно выражать свою благодарность и привязанность. Сначала это были односложные слова, а затем он впервые в жизни раскрыл ей свою душу. Что-то необъяснимое было в этом союзе. Он не был построен на кровном родстве, но степень привязанности их была едва ли не крепче. Это объяснялось не только родством их мировоззрения, но и жаждой, какую испытывает всякий одинокий человек в этом мире. Припадая к живительному источнику братской любви, он начинает с особой жадностью поглощать её, испытывая удовольствие от её прохлады, а погружая в неё своё тело, он излечивает нарывающие ожоги.

Наступила осень, Виктор заболел. Поначалу симптомы не вызывали никакой тревоги у Анаис, но когда её «брат» стал худеть, она встревожилась. Теперь уже она не разговаривала с ним по вечерам, а молчаливо ухаживала, то принося лекарство, то поправляя подушку. Лицо её вдруг стало взрослым, теперь в нём читалось нечто скорбное, испуганное. Так, верно, выглядит человек, внезапно столкнувшийся с призраком из прошлого. На её глазах умерла мать и младший брат, и вот теперь этот странный человек, назвавший её сестрой, в муках метается по подушке. Вихрь детских воспоминаний поднялся в её душе. Она отошла в угол и скрылась под пологом темноты. Из угла послышались сдавленные рыдания, которые Анаис всеми силами пыталась заглушить. Ей стало страшно потерять и его, внушившего ей надежду на то, что теперь она не будет одинока. Несмотря на то, что жизнь уже несколько раз лишила её близких или просто приятных сердцу людей, к таким потерям невозможно привыкнуть — они всегда будут оставлять неизлечимую рану в душе. Под влиянием времени она перестаёт наживать, кажется, что боль проходит, но стоит событиям повториться, она вновь раскрывается и кровоточит.

Виктор зашевелился: ему невыносимо было слышать эти звуки душевных мук, рвущихся наружу. Она стояла к нему спиной, обхватив голову обеими руками, будто пытаясь сдержать натиск мыслей. Он откинул одеяло и, медленно ступая слабыми ногами по полу, подошёл к ней. Сознание ещё не до конца вернулось к нему, поэтому впоследствии он не мог вспомнить, был ли это сон или все случилось на самом деле. Впервые за всё время он обнял её за плечи, будто говоря: «Не бойся, я не брошу тебя». Она неловко, но с каким-то невероятным вдохновением упала к нему на грудь.

Некоторое время они оба слушали тишину, нарушаемую приглушённым стуком сердец. В объятиях Анаис было что-то странное, даже пугающее. Она вцепилась в него мертвой хваткой, как человек, только что готовый броситься в бездну, но вовремя удержанный дружеской рукой. Надо признать, что и Виктор начал ощущать нечто схожее по силе. Это были его первые объятия за всю сознательную жизнь; кажется, у него даже закружилась голова.

Держа в руках это странное, непостижимое в своей доверчивости и доброте существо, ему показалось, что он взял на себя огромную ответственность, едва ли не большую, чем за собственного ребёнка. В этом случае родство становится причиной возникновения ответственности, но здесь, здесь было что-то особенное. Разве не было перста судьбы, в объединении двух страждущих от одиночества душ? Разве не было лишним доказательством этого скреплённого свыше союза их обоюдное и абсолютно чистое желание упасть друг другу в объятия: ему — укрыть на своём плече это слабое существо, а ей — спрятаться? И сколько счастья испытал этот непреклонный, истощённый одиночеством человек от простых, невинных радостей, о которых ещё недавно говорил с горькой усмешкой!

Виктор продолжал писать и теперь он обрёл смысл это делать. Пропала безысходность, пропала творческая неуверенность, зато появилась мужественная лиричность: серьёзность, наряду с добротой. Анаис открыла для него удовольствие творить добро.

Объединив усилия, они творили его едва ли не каждый день, держась за руки и удерживая, если кто-то из них оступался или уставал идти дальше.

Желая исцелять души изнутри, Виктор никогда не осмеливался предлагать фактическую помощь, потому что был уверен в человеческой неблагодарности. Теперь он поверил в то, что мир возможно излечить не критикой, которую понимают все, но никто не принимает близко к сердцу, а добротой. Перестав постоянно пребывать в застенках своего одиночества, питаясь от великодушного нежного сердца всёпоглощающей энергией созидания, Виктор стал лучше.

Следующая книга принесла ему успех. Сам он говорил, что на её написание ушёл не год, который так сильно изменил его самого, а вся жизнь. Он копил в себе что-то и вот теперь обрёл смелость высказать. Весь смысл произошедшего с ним был заключен в предисловии, которое по своей искренности и откровенности было равносильно самому произведению.

«Стремясь к справедливости, я очень часто бывал жесток, но сейчас я даже рад, что моя жизнь сложилась именно так, иначе я никогда бы не познал счастье открытия. Я был подобен отшельнику, живущему в своей пещере, каждое утро любующемуся природой,

окружающей его, но несколько не интересующемуся, что же находится за гранью того, что в данный момент видит его глаз. Не могу сказать, что я был особенно несчастен, живя в том мире. Я привык быть таким, каким меня знали, и сам уже не мыслил себя другим. Однако в моей жизни произошло одно незначительное событие, одна встреча, которая сделала из меня нового человека, с новым мышлением; со старыми убеждениями, но с новым взглядом на мир, на его недостатки, на себя самого. Кажется, я выпустил из себя давно спящего человека, и вот он перекраивает мою жизнь, меняя меня самого. Я не стал более чувствительным, но действия мои и слова с большей лёгкостью выходят из сердца, теперь уже их не сдерживают плотно сжатые губы. Я познал всю прелесть этого вечного слова «доброта»! За всю свою творческую жизнь я придумывал немало путей излечения человеческих душ, однако только сейчас понял, что на самом деле является лекарством. Да, моё поведение изменилось, но цели всё те же. Если только Вы искренне радуете за то же, за что радею и я, Вы простите мне эту перемену и будете расти и меняться вслед за мной, вместе с собою меняя Ваших окружающих.

Когда-то я говорил о фиалках. Берегите их сердца, заклиная Вас. Мы должны спасти их, ибо, если не останется их, погибнет наша духовность. Заключенным в каменные лабиринты нам останется только иссыхать под знойным солнцем, выжигающим нас из собственной телесной оболочки».

Реутов, Московская область, Россия

Надежда Кутуева

ВЫСЛУШАТЬ ЧЕЛОВЕКА

На городском рынке, за длинным прилавком, среди бойких девиц и деловитых старушек, торгующих цветами, одиноко сидел старик. Глаза его, когда-то голубые, теперь выцвели и стали неестественно светлыми; выцветшей от времени была и его одежда, старомодная, но по-прежнему аккуратная.

Старик продавал алоэ, и его питомец выглядел таким же одиноким среди пёстрого разноцветья комнатных растений, хотя, в отличие от своего хозяина, свысока взирал на все эти кактусы и фиалки.

Дед отрешенно смотрел в одну точку, глубоко задумавшись о чем-то, как будто забыл, что пришел торговать. А ведь надо было, подобно другим продавцам, громко кричать, рекламируя свой товар:

«Алоэ! Лекарство от всех болезней! Украшение любого дома!». А потом, цепко схватив за рукав зазевавшегося покупателя, доверительно шептать: «Отдам подешевле, берите!». Иначе ведь не продашь. Но старик не умел или не хотел торговать. Он тихонько сидел посреди шумного рынка и все смотрел на зелёные стебли алоэ, будто не видел их прежде.

Много хороших слов слышала я об алоэ: и как лекарственное растение он незаменим, и обладает почти магическими свойствами — положительную ауру в доме создаёт. Люди, сведущие в траволечении, утверждают, что алоэ эффективен при лечении ожогов, гнойных ран и инфекций.

К тому же мимо этого растения пройти было просто невозможно. Его мясистые стебли ярко-зелёного цвета резко выделялись на фоне других, чахлах жителей городских подоконников и теплиц. Старинный горшок подчеркивал своеобразную красоту своего обладателя, которому было, конечно, не сто лет (ведь алоэ ещё называют столетником), но лет десять точно.

— Как Вы можете расстаться с таким чудом? — неожиданно даже для самой себя спросила я продавца.

Старик посмотрел на меня с недоумением, немного помедлил с ответом. И вдруг я заметила, что в его светлых глазах блеснули слёзы.

Оказалось, что это растение посадила жена старика несколько лет назад. Она всё ждала, когда пройдёт три года, и алоэ накопит лечебные свойства. Но не дождалась. А после её смерти стало понятно, что всё в доме идет не так, как надо, как мечталось им двоим когда-то. Их единственный сын, красавец и умница, успешно окончивший вуз и получивший диплом инженера, оставил работу на заводе и занялся бизнесом. В доме появились деньги, но не стало покоя, взаимопонимания, долгих вечеров с чаепитием и беспечными разговорами. Сын и сноха «делали деньги», а деньги, как известно, «должны работать». Постоянные отъезды и телефонные звонки, шумные люди, бесконечные кредиты и долги, коробки с товаром, что размещались в прихожей, детской, в ванной...

Комната деда, в которой он жил тихо, как мышь, чудом спасённая от евроремонта и ещё хранившая запах былой жизни и прежние воспоминания, была самой маленькой и не самой светлой.

Здесь, сидя в одиночестве, старик часами перебирал старые письма и фотографии, вздыхая, смотрел на портрет жены, пришивал пуговицы к рубашкам. Одежды у него было много — сын отдавал ему почти новую, просто вышедшую из моды. Но почему-то отец предпочитал носить свою — ещё ту, которую покупала ему супруга.

И продуктов было в доме много. Чтобы не мешать молодым — кухня тесновата — дед ждал, когда они без него позавтракают и разбегутся кто куда: на работу, в школу.

— Ешь, папаня, что хочешь! — заглянув перед уходом в его комнату, говорил сын, махнув рукой в сторону холодильника.

Есть не хотелось. Открыв холодильник, старик внимательно изучал надписи на красивых баночках и пакетах с полуфабрикатами, рассматривал отборные, как на картинке, яблоки и апельсины. Потом пил чай и придумывал, чем будет заниматься днём.

По вечерам сын и сноха обычно уходили в гости, а с детьми занималась учительница. Видя, как эта худошавая женщина, знающая несколько иностранных языков, изумлённо смотрит на груды коробок с миксерами и кофемолками, стоящие в коридоре, старик приглашал её к себе в комнату и угощал чаем.

Здесь гостя чувствовала себя комфортнее, и старик радовался, глядя, как учительница, подрабатывающая частными уроками, ест пирожные и шоколадные конфеты.

Уходя, она каждый раз говорила одно и то же:

— А внуки у вас хорошие. Все в дедушку!

И этот нехитрый комплимент наполнял душу старика гордостью. Больше ему общаться было не с кем.

Когда в дом приходили гости, то среди шумного застолья уже изрядно выпив, сын распахивал дверь в комнату старика и басил:

— Вот отец мой! На заслуженном отдыхе. Как сыр в масле катается. Комната у него отдельная, еды полно. Туфли вот недавно купил ему... австрийские.

Гости сына с вежливыми улыбками, как на доисторическое ископаемое, смотрели на деда, и дверь закрывалась.

Старик ждал ещё немного — а вдруг кто зайдет поговорить? — и доставал коробку с обувью. Австрийские туфли оказались на размер меньше, чем требовалось, но он всё равно не уставал ими любоваться: в пору его молодости кожаная обувь была редкостью, да и стоила всегда дорого.

Нет, дед не осуждал вечно занятого сына. Ему надо было кормить и обеспечивать семью. Но отчего-то тоскливо жилось в этом обеспеченном доме, и поговорить было не с кем.

По традиции в день пенсии к дедушке в комнату приходили внуки, и он с гордостью выделял им деньги на карманные расходы. Мальчики удивлялись тому, какую маленькую пенсию заработал их дед, проживший честную трудовую жизнь.

Так и получилось, что самым главным собеседником и самым понимающим существом в доме стал для пожилого человека кустик алоэ. Старик тщательно ухаживал за ним, поливал только теплой водой и удобрял землю.

И растение, будто отзываясь на ласку, росло и зеленело всем на диво. Дед рассказывал своему единственному другу о прошедшей жизни, о своей жене — которую алоэ просто не успел узнать, слишком

был мал — делился своими опасениями насчет внуков (не вырастут ли тунейдцами?).

Они вместе радовались первому солнечному лучу и ласковому майскому дождю — дождинки иногда залетали в форточку! — грустили, когда за окном бушевала непогода. А по вечерам, как когда-то маленькому сыну, дед рассказывал алоэ сказки.

...В этот день, как и всегда, я была очень занята. Меня ждала работа, вечером предстояла важная встреча, и ещё эти бесконечные домашние дела... Но я стояла у рыночного прилавка и слушала, слушала... Ах, такие истории сейчас не редкость! Но почему-то я не могла уйти, прервав старика на полуслове. Притихли, прислушавшись, и продавщицы, забывшие на время о своих азалиях, фикусах и пальмах. В их глазах я видела искорки сочувствия к чужому человеку, о котором они ничего не знали. А ведь старик не один день приходил на своё торговое место рядом с ними!

...Сын, как всегда ненадолго, зашел в комнату старика и сообщил, оглядываясь по сторонам:

— Всё, отец, пришло время и нашлись средства, чтобы сделать ремонт и в твоей комнате. А то ведь живешь в таких условиях, что перед людьми стыдно.

— Может, я и так... — заикнулся, было, дед, но его перебили на полуслове.

— Никаких «и так»! Высокопоставленные, понимаешь, люди приходят, всё должно быть на уровне.

— И колючку свою пусть с окна уберет! — крикнула из кухни сноха. — Лучше на подоконник фиалки поставить, они так мило смотрятся! И цветут!

Сноха им досталась неплохая: заботливая мать, хозяйка хорошая, только вот алоэ она почему-то невзлюбила и упорно называла его колючкой.

Дед долго думал, что делать с цветком, и решил его продать. Он давно копил деньги на похороны, чтобы не обременять сына лишними расходами. Вот и эта копейка пригодится.

— Но как же можно продать своего друга? — задала я очередной бестактный вопрос. — И с кем Вы теперь будете разговаривать?

— Да разговаривать, похоже, недолго осталось, — как-то равнодушно сказал старик и отвел глаза в сторону. — А хотите, я подарю алоэ Вам? — вдруг встрепенулся он. — Совсем бесплатно, просто так. Хороший цветок, смиренный, и очень целебный. У Вас такие добрые глаза, Вы с ним обязательно поладите.

— Что Вы! — воскликнула я. — Наверное, он дорого стоит, да и за что такой подарок?

— Просто за то, что выслушали. Отдаю в добрые руки на добрую память.

И, хотя я возражала, старик всё протягивал мне чуть дрожащими руками своё последнее сокровище.

...Теперь старинный цветочный горшок с алоэ стоит у меня на подоконнике. Но несмотря на то, что я поливаю растение тёплой водой, а окно выбрала самое солнечное, вид у него не такой горделивый, как прежде, а нижние листья пожелтели. Может быть, потому, что теперь некому разговаривать с колючим питомцем и рассказывать ему на ночь сказки?

Ольховка, Волгоградская область, Россия

Николай Кульгяпов

КРАСНЫЙ СЛЕДОПЫТ

Несмотря на каникулы, школьный зал, украшенный портретами великих полководцев, деликатно гудел, словно стеснялся их строгих взглядов и боялся нарушить их покой, который они заслужили своими подвигами. Виктор Николаевич Золотарёв нервничал: вроде бы можно и привыкнуть, как-никак уже двадцать седьмая экспедиция! По фронтовым местам в общей сложности намотал пятьдесят две тысячи километров, но... Во-первых, на этот раз ехал туда, где более шестидесяти лет назад принял боевое крещение. Да, именно под Курском он впервые увидел врага, прошёл адское испытание на прочность и многое такое, что до сих пор забыть не может. А во-вторых, с ним дети, его дорогие ученики и преданные помощники. Поедут, конечно, не все, взять всех желающих он не имеет возможности: пришлось отбирать. Да и времена сейчас не те, одна дорога чего стоит!

Как всегда, готовились долго и основательно. Накануне отъезда он собрал своих юных поисковиков вместе с родителями.

— Ну что, дорогие мои следопыты, не передумали? Больных нет? — начал он, пробегая добрыми серыми глазами по сосредоточенным лицам мальчишек и девчонок.

— Нет, — бойко ответил подростковый хор единомышленников. Дружное молчание родителей означало единодушное согласие с уверенным ответом детей.

Виктор Николаевич с облегчением выдохнул и прошёлся рукой по взмокшей седине. «Что это ты разволновался, как новобранец?» — упрекнул он себя и снова окинул взором притихший зал. Перед майором в отставке, в прошлом боевым танкистом, сидело тридцать

очень непохожих друг на друга учеников, родителей чуть больше, многие видели его впервые, хотя от детей слышаны о легендарном историке предостаточно. Фанат своего дела Золотарёв, несмотря на возраст, отличался неиссякаемой энергией и активностью: успевал руководить районным музеем боевой славы и кружком «Поиск», часто выступал в школах, проводил уроки мужества. Воспитанием молодёжи занимался с душой и в этом видел своё основное призвание: повседневную военно-патриотическую работу среди подростков считал гражданским долгом, партийным заданием с тех далёких времён. Поэтому целыми днями пропадал в родной школе, которую считал своим вторым домом.

А собравшиеся разглядывали его, притихли в ожидании последнего напутствия и подробного инструктажа.

— Я обращаюсь к тем, кто отправляется впервые: надеюсь, среди вас нет таких, кто едет за оружием и боеприпасами? Сразу предупреждаю: у нас совсем другая цель. И не за кладами, так что обогатиться вряд ли удастся. Зато приобретёте более ценное, уверяю вас. — Золотарёв почесал свежесбрированный овал подбородка. — У нас благородная задача: выполнить долг перед теми, кто отдал свои жизни ради победы, ради нас с вами.

Как всегда, он говорил возвышенно и эмоционально. Виктор Николаевич был тонким психологом и довёл до виртуозности своё искусство вроде бы незаметно, но так сильно влиять на окружение, что оно подчинялось его воле. Вот и на этот раз он чутко улавливал настроение присутствующих и с удовлетворением отмечал про себя: слушают со вниманием.

Живой, откровенный разговор затянулся. В конце выступления Виктор Николаевич кратко, со знанием дела отвечал на многочисленные вопросы родителей, больше всего их беспокоили бытовые условия. А беззаботные дети, юные романтики, даже не задумывались об этом, для них вполне достаточно, что с ними будет Виктор Николаевич! А уж он обо всём позаботится и всё организует, как следует. Несмотря на свой солидный возраст, он ещё полон сил и энергии: сказывались ежедневная зарядка, фронтовая закалка и бодрость духа. Поэтому ребята относились к нему не только с уважением, но и с безоговорочным доверием.

Когда все разошлись, неуверенной походкой подошёл Валя Безрезкин.

— Виктор Николаевич, можно я вас провожу?

— Почему бы и нет, — улыбнулся опытный педагог. — Разговор ко мне или сомнения какие возникли?

Тот, молча, кивнул. Они вышли на улицу, их обдал тёплый июньский ветерок. На город уже опустились тёмно-фиолетовые сумерки. Виктор Николаевич взглянул на звёздное небо и приятно потянулся. По ступенькам спускался неторопливо, как бы давая медлительному

и неуверенному в себе Валентину возможность настроиться, судя по всему, на серьёзный разговор.

— Понимаете, у меня есть друг, раньше мы вместе учились. Потом я переехал, но мы всё равно встречаемся, часто по телефону болтаем...

— Только, наверное, не болтаете, а разговариваете, — поправил Виктор Николаевич и добродушно взглянул на смущённого собеседника.

— Ну да, конечно, — согласился Валя и замер под фонарным столбом: будто при свете ему было легче выложить накопившее в нём. Опустив голову, он сделал вид, что внимательно разглядывает свою тень.

— Так чем же интересен твой друг? — чтобы приободрить подростка, Виктор Николаевич положил ему на плечо руку.

— Он вступил в какую-то организацию, там все бритые... Он тоже «обнутился» и гордится этим. Их много, со всего города человек сто собирается! У них железная дисциплина, не хуже, чем в армии. Даже своя форма есть... Их учат драться, стрелять... Димка говорит, что никого не боится — за него заступятся. Вместе они такая сила! Новичков обязательно испытывают на твёрдость и надёжность. Иностранцев, особенно азиатов и темнокожих, ненавидят: несколько раз били их цепями и прутьями на рынках и после футбольных матчей. Там есть такие, что по всей стране бригадой ездят.

Виктор Николаевич глубоко вдохнул и как-то неутошительно выдохнул, но промолчал. А увлечшийся Валя продолжил:

— Он и меня звал... но я лучше с вами. А когда последний раз был у него дома, удивился: там и портрет Гитлера, и свастики на стене, много нацистских фотографий, немецких книг, листовок. Предлагал мне, я не взял, так он даже обиделся. Я ему о нашей предстоящей поездке, а он сразу завёлся и позавидовал. Попросил утаить и подарить ему немецкий кортик или пистолет: с ними он будет чувствовать себя увереннее, да и авторитет среди «своих» сразу возрастёт. Для него это очень важно: утвердиться.

— Вот что, Валя, — остановил его изменившийся в лице Виктор Николаевич, — давай возьмём твоего друга, как его?..

— Димка Шумилов, — сказал оживившийся Валя.

— С собой. И тебе веселее будет, и ему полезно.

— Да он с удовольствием, — обрадовался тот, нервно потирая горячие ладони. — Он нормальный парень, только запутался немного.

— Скажи, что тебе удалось уговорить меня. А родители его отпустят? Деньги на дорогу и питание дадут? Вы-то свои заработали, поэтому я не могу, чтобы он за ваш счёт, сам понимаешь.

— Да не беспокойтесь, отпустят. Для них ничего не стоит купить или... — Валентин запнулся, подбирая правильные слова, потом добавил: — В общем, родители у него богатые, даже очень!

Ночь они провели по-разному: довольный подросток после звонка приятелю крепко и беззаботно спал (вещи уже давно были собраны), а беспокойный наставник переживал, не забыл ли чего. Утром Валя вместе с родителями добирался до вокзала на метро, а отец Шумилова доставил своего бритоголового отпрыска на дорогом джипе.

Возвышаясь на полголовы над седовласым Золотарёвым, сверкающий, как его престижная иномарка, папаша небрежно взглянул на четыре ряда орденских планок и спросил:

— Вы тут старшой?

— Я руководитель поисковой экспедиции по местам боевой славы, — пояснил Виктор Николаевич и с любопытством осмотрел холёного мужчину с аккуратно зачёсанными назад волосами. Толстая золотая цепочка с крестом, солидная печатка, пустой взгляд невыразительных глаз и жвачка во рту дополнили его портрет и помогли понять Виктору Николаевичу многое. Но опытный педагог не выдал своё первое впечатление.

— Ну, так берёте моего?

— Если он согласен, то я тем более. Думаю, хуже для него не будет.

— Вот и ладушки. А то он меня достал. — Сменив тон, он с облегчением устался на Золотарёва. — А я пока тоже кое-куда смогаюсь, так устал! — Оглядев суеящихся подростков, вдруг спросил: — Слышь, бать, скажи честно, зачем тебе всё это? Раскопки, железяки, скелеты, слёзы родственников? Солдатикам ведь это уже не нужно, их детям и внукам и подавно, забыли, успокоились. Чего ворошить-то? — он жёстко ухмыльнулся.

— А вот чтобы не забывали и не успокаивались. Поймите, молодой человек, это надо не мёртвым, это надо живым! В первую очередь им, — Золотарёв кивнул в сторону шумных ребят, напминавших ему стаю неугомонных галчат. — Они будущее России!

— А мы? А нас куда? — Шумилов в растерянности указал на себя и надул губы. Он ошеломлённо ждал конкретного ответа, будто его не словом огрели, а чем-то тяжёлым.

— Сами решайте.

— Это хорошо, что у нас ещё есть выбор. — Шумилов сразу повеселел. — Бать, ты уж присмотри там за моим. Мало ли чего, он у меня такой... непредсказуемый и упёртый, что с ним не соскучишься. Весь в меня!

— Для меня все одинаковы, но поскольку я его не знаю...

— Понял. Сколько? Только скажи, мало ли какие расходы. — Шумилов-старший достал бумажник.

— Вы меня неправильно поняли. Уберите, стыдитесь.

— Какой стыд, о чем вы говорите? Оглянитесь, что творится вокруг? Везде и всюду... Всё основано и держится на деньгах!

— Но не у нас.

— Вот и ладушки, что на честном слове. Почти что по понятиям. Боб, заноси, — крикнул он здоровенному парню с короткой стрижкой. Тот тут же забросил в вагон три огромных рюкзака.

— Куда столько? Что там у вас? — поинтересовался Виктор Николаевич. — Перина, что ли, с пуховой подушкой?

— Как что? Жрачка. Дорога ведь дальняя, да и там месяц чалиться. А на природе знаешь, как хавать хочется!

— Догадываюсь, — усмехнулся бывший танкист и взглянул на часы, оставалось две минуты.

— Да вы не беспокойтесь, обременять не будет: денег я ему на дорогу тоже дал, с голоду не помрёт.

Озабоченный Золотарёв уже не слушал. Так как время поджимало, Виктора Николаевича сразу охватило предстартовое волнение: ведь предстояло всех подопечных вырвать из цепких объятий родителей, бабушек и дедушек и до отправления загнать в вагон. По своему опыту он знал, что это дело нелёгкое.

Однако всё обошлось. Расставание было по-военному коротким, но трогательным. Радостные подростки махали в окна всхлипывающим бабушкам и мамам, а улыбками подбадривали взволнованных дедушек и пап.

В пути наставник не давал скучать своим любознательным подопечным.

— До войны я мечтал стать археологом и часто представлял себя бывалым путником жизни: иду по ней, иду и всюду ищу прекрасное, чтобы завеса незнания исчезала и раскрывала разные стороны прошлого. Но война помешала. Вот и вынужден заниматься другим делом. Ведь безжалостное время стирает с лица земли плоды своего и чужого труда, варварски уничтожает памятники и останки. Поэтому надо торопиться. Безразличное настоящее в состоянии разрушить даже будущее.

Без прикрас он рассказывал и о войне, о зверствах фашистов, о тяжёлых боях и мужестве советских солдат. Он мысленно возвращался в те далекие и незабываемые годы. Сжавшись в единый комок, притихшие ребята под размеренный стук колёс слушали ветерана и представляли услышанное, каждый чувствовал себя не только свидетелем, но и непосредственным участником тех жестоких боёв и непременно видел себя героем.

Дима Шумилов, высокий худощавый парень с родимым пятном на левой щеке, тоже слушал со вниманием. Лишь иногда Виктор Николаевич замечал на его бледном лице непонятную ухмылку. Но что в этот момент творилось в душе этого мальчишки, даже не подзревал, хотя и догадывался, что достучаться до неё не так-то просто. Педагог с сорокалетним стажем понимал, что имеет дело с трудным подростком, голова которого забита всяким мусором. Его жизнь

с самого раннего детства была ожиданием всегда выполнимой прихоти. Поэтому разве можно воспринимать его юношей — не дорос ещё. И решил не торопить события, дать ему возможность самому повзрослеть.

На следующий день он специально остановился на биографии Гитлера, привёл ряд характерных примеров, о которых обычно сознательно умалчивается в книгах профашистского толка, критически отнёсся и к тенденциозным публикациям, восхваляющим его.

— Так что не стоит идеализировать этого человека и его окружение. Фашизм — это чума. Очень опасная! А кому хочется болеть этой заразой? В 1939 они развязали войну. И ради чего! Мирового господства. Конечно же, проиграли. Но какой ценой далась победа — потерей пятидесяти миллионов! Страшно даже представить. — Золотарёв потёр свой жесткий подбородок и посмотрел на ребят, напоминавших притихших птенцов. — Мне приходилось видеть зверства фашистов, это ужасно! Приведу пример.

Когда наша часть в июне 1944 года освободила деревню Шалашино Дубровинского района Витебской области, я узнал о подвиге нашего земляка младшего сержанта Юрия Смирнова. В тот день поступил приказ. Он — среди добровольцев. В гимнастёрке рядового в составе небольшого подразделения десантировался в тыл противника. Завязался бой. Раненым он упал с танка, а позже оказался в плену. Его зверски пытали, но он молчал. Тогда фашисты раздели его по пояс, ножами нанесли четыре раны, а потом обливали водой. Не добившись своего, они раскалёнными щипцами вырывали куски мяса. Представляете, какую он испытывал боль? Но об операции «Багратион» не сказал ни слова. Разъярённые изверги решили прибить его к блиндажу железнодорожными костылями, ими крепят рельсы к шпалам. Так вот, эти сволочи вбили их в кисти, в ступни, в лоб...

Раскрасневшийся Золотарёв смотрел на застывшие сосредоточенные лица подростков и видел в них всё: ужас, отвращение, злобу и ненависть. Равнодушных ребят не оказалось, это обрадовало наблюдательного наставника, и он уже более спокойным тоном продолжил:

— Конечно, Юрий Смирнов понимал, что на исход войны в целом его сведения вряд ли повлияют и, выдав их, он мог бы остаться живым. Однако сохранить себе жизнь ценой предательства он не мог, поэтому предпочёл страшные мучения и смерть. Когда наши солдаты увидели его распятым, у них невольно наворачивались слёзы. А в блиндаже они нашли его комсомольский билет, на котором по-немецки было написано: «Он молчит, он молчит, молчит...».

Наступила тишина. Её нарушал только стук колёс, напоминавший одновременные учащённые удары взволнованных юных сердец. Теперь уже Виктор Николаевич видел опущенные головы ребят: одни

стеснительно протирали глаза, другие неловко шмыгали носом. Чтобы снять психологическое напряжение, Золотарёв напомнил:

— В нашем музее есть его фотография. Сначала Юрий Смирнов был награждён орденом Отечественной войны первой степени посмертно, затем по ходатайству однополчан ему было присвоено звание Героя Советского Союза как рядовому. И только спустя годы, после уточнений, вышел новый указ: звание Героя он получил уже как младший сержант. На первый взгляд вроде бы мелочь, маленькая деталь, на самом же деле это далеко не так — во всём должна быть точность и справедливость.

С этим выводом оживившиеся ребята согласились и попросили ещё рассказать о войне, тех далёких, исторических для них годах.

— Хорошо. Расскажу о другом нашем земляке матросе Евгении Никонове. В 1941 году в Эстонии его, балтийского моряка, отправили в разведку. Будучи раненым, он попал в плен. Фашисты его долго пытали, но безрезультатно. Убедившись, что от него ничего не добьёшься, они отрезали ему язык, привязали к дереву колючей проволокой и подожгли, он сгорел заживо. Не знаю, как вас, но меня до сих пор поражают зверства фашистов. Даже сейчас, спустя столько лет, я не могу говорить об этом спокойно.

Сидевшие рядом друзья среагировали по-разному: Валя сжал кулаки, а Шумилов стыдливо опустил голову, словно не хотел встречаться глазами с Виктором Николаевичем. Сначала он скептически воспринимал приводимые цифры и эмоциональные воспоминания бывшего фронтовика, порой не понимал, зачем этот пожилой фанатик бередит свою душу и ворошит прошлое. Но каждое его слово оставляло свой след. Да и сама обстановка позволяла воспринимать услышанное по-другому, совсем не так, как в школе и по учебнику. Переживания и обеспокоенность Виктора Николаевича проникли в чуть приоткрывшееся сердце Шумилова и не оставили его равнодушным. Они заставили подростка серьёзно задуматься, в чём-то усомниться, что-то пересмотреть и изменить прежние взгляды и убеждения. Теперь он оценивал всё иначе и мысленно даже уносился в те военные годы, воспринимая увиденное хоть и по-мальчишески, но осмысленно и серьёзно.

— Когда мы освободили Таллин, я видел это место, оно вызвало во мне ярость, хотелось сразу в бой и с ещё большей ненавистью громить и бить фашистов. Похоронили Евгения Никонова на берегу Балтийского моря. В 1967 я привёз туда тридцать пять следопытов. Мы возложили цветы к памятнику своего земляка, рядом чернело сухое обугленное дерево, которое было свидетелем его подвига и мучительной гибели. Этот костлявый ствол являлся символом героической смерти и мужества русского солдата и одновременно памятью для потомков: его специально вырыли, перевезли и вкопали рядом с памятником. — Взволнованный Виктор Николаевич перевёл дух

и достал платок. — И таких примеров героизма много. Вообще весь советский народ проявил массовый героизм. Это его общая победа! Иногда я слышу, что фашистская армия самая лучшая, что немцы лучше нас воевали. Не верьте. Подготовлены — да, так они же и готовились к войне. Но что касается остального, то извините. Кто-нибудь может привести хоть один пример, когда немец закрыл своим телом амбразуру дзота? Или под танк бросился, обвязав себя гранатами, или выдержал такие пытки, о которых я вам сейчас рассказал? А ведь сколько наших воинов, партизан сознательно шли на смерть во имя будущей победы и мира на земле. Они гибли под танками, совершали воздушные тараны, смело шли в рукопашные схватки. Вот какой ценой порою давались победы за небольшой населенный пункт, обыкновенную, казалось бы, непримечательную высотку.

Золотарёв пробежался по застывшим лицам ребят, заглянул в их сосредоточенные глаза и увидел раздольное людское море жизни. Его это обнадёжило.

«Мы жили и живём ради них. А они... — однако тут же прервал себя — не захотел углубляться в свои философские размышления. Сейчас не время. — И так будет всегда».

Расходились присмирившие следопыты уже поздно. Ложась спать, Шумилов откровенно поделился с другом своими впечатлениями:

— Сколько интересного! В учебнике истории такого нет, там одни сухие цифры и общие факты. Даже скучно. Книг про войну я мало читал, старые фильмы сейчас почти не показывают. А ваш Виктор Николаевич молодец! Как много знает... и помнит!

— Я рад, что ты поехал с нами, — откровенно признался Валя и улыбнулся другу.

Однако растянувшийся на полке Шумилов в это время уже думал о чём-то своём.

С вокзала сначала добирались на электричке, а затем с шутками и задорным весельем на шустром автобусе. Помогли местные поисковики — организовали транспорт и предоставили палатки. Так начались совместные действия двух отрядов. Курыне продолжили прошлогодние раскопки, а нижегородцам достался участок в лесополосе.

— Вот видите, с годами здесь выросли деревья, а раньше было сплошное поле и противотанковые рвы, — объяснял Виктор Николаевич, охватывая взглядом сельскую округу, до боли знакомую и так сильно изменившуюся. Его взволнованное сердце сразу забилось в тревожной аритмии.

Разбились по группам. Шумилов предпочёл работать подальше от чужих глаз, поэтому выбрал отдалённый участок. Но Валя всегда был рядом.

Виктор Николаевич несколько раз прошёлся с металлоискателем и каждый раз предупредил:

— Если найдёте оружие, боеприпасы — не трогать, сразу сообщить мне. Все поняли? Подчёркиваю: внимание и дисциплина, исключить даже малейший риск.

И работа с азартом закипела. Незаметно подошёл к концу первый трудовой день. А вечером — костёр дружбы, совместный ужин, зажигательная музыка и танцы. Довольны были все — куда девались усталость и сонливость. Только Шумилов сидел в одиночестве и угрюмо наблюдал за веселящимися сверстниками.

— Что, Дима, невесел? — сел рядом сним Виктор Николаевич.

— Думаю, ничего мы здесь не найдём, только мозоли заработаем.

— А ты сейчас не думай об этом, бери пример с ребят. А что касается мозолей, то завтра я тебе покажу, как обращаться с лопатой.

Потихоньку ребята разбрелись, а задумчивый наставник увлёкся красотой неба, слушал пение ветра и купался в свете угасших миллионы и миллиарды лет назад звёзд.

Ранним утром юные следопыты после зарядки и завтрака приступили к работе. Шумилов старался, ему хотелось выделиться, но, к сожалению, обнаружить то, ради чего приехал сюда, не удавалось. К вечеру откопал пробитую пулей ржавую фляжку. Хотя она оказалась полностью непригодной для использования, но эта находка вселила в него оптимизм и хоть какую-то надежду.

На следующий день стали встречаться искорёженные куски ржавого металла. Он небрежно швырял их в кучку, поскольку они не представляли для него интереса.

К обеду подошёл местный парнишка лет девяти, сел на корточках и уставился на шустрого следопыта, привлёкшего к себе внимание сверкающей головой.

— В деревне сказали, что вы опять приехали копать, — обратился он к Шумилову.

— Не опять, а снова, — не отрываясь от работы, недовольно буркнул тот, ему не нужен был лишний свидетель. Но, взглянув на смешного конопатого мальчишку, невольно улыбнулся. — Ты что, под решетом загорал?

— Не. Я вообще не загораю. Некогда, — признался тот со свойственным для здешних мест говором.

— Где живешь?

— В деревне, тут совсем рядом. С папкой, с мамкой и с братом. — После короткой задумчивой паузы с гордостью добавил: — Старшим, ему шестнадцать уже!

— Скажи, а ваши пацаны копают? Оружие находят?

— Щас нет.

— Ну, и дураки. Такие бабки можно заколачивать! — Шумилов провёл большим пальцем по горлу.

— Раньше находили. Много.

— И куда девали? — заинтересовался приезжий. Отложив лопату, он взглянул на ладони, сморщился и плюнул на свежие волдыри.

— Милиция отымала.

— Пряма так и всё? — не поверил Шумилов, протирая платком лоснящееся от пота лицо.

— Папка говорил, попрятали немного для охоты. А взрывчаткой хорошо на озере рыбу глушить.

— Слышь, конопатый, тебя как звать-то?

— Рыжий... Ой, — смутился тот, потом спохватился: — Генкой Ухабовым.

— Ген, спроси у батяни, можно я у вас буду ночевать. Не могу в палатке. Я заплачу. Узнай, вечером сообщишь.

Неожиданная просьба Шумилова озадачила Виктора Николаевича, но он всё же поверил подростку и отпустил в деревню, спросив у Генки номер дома. Полночи неутомный гость, как настоящий подпольщик, шептался на сеновале со старшим сыном семьи Ухабовых. Владька обещал пошукать у деревенских немецкие монеты, значки, медали, оружие. К следующему вечеру рюкзак предпринимчивого Шумилова пополнился первой коллекцией.

— Клёво! Всё это пойдёт в наш музей, — радовался он, вручая Владьке сто двадцать рублей. — Это вам для начала. А там видно будет. Не дрейфь, активной работой и спрашивай, спрашивай. Может, ещё что надыбаешь.

Однако не всё получалось так гладко, как хотелось. Порой ему казалось — в этом глухом, сонном уголке планеты время замедлило свой бег. Если раньше он строил радужные планы, надеялся на многочисленные «ценные» находки, полагая, что ему и двух рюкзаков будет маловато, то теперь с каждым днём убеждался: возвращаться, видимо, придётся налегке.

Только на шестой день он наткнулся на что-то твёрдое. Разгреб руками землю и увидел кость. По телу пробежали мурашки, он сморщился, но совладал с собой и продолжил копать. Когда наткнулся на другую, уже не сомневался: они человеческие. Решил позвать друга, вдвоём не так страшно, хотя признаваться в этом не хотелось.

— Валька, ползи ко мне. Смотри-ка.

— Ух, ты! Наверно, на могилу наткнулся. Надо Виктору Николаевичу сказать.

— Да подожди ты, может, что-то ценное найдём.

Вдвоём работа пошла быстрее. Вдруг Шумилов обнаружил немецкий кортик, сердце радостно забилося, но пришлось себя сдерживать. Поспешно очистил от глины.

— Смотри-ка, почти не поржавел. Вот это удача!

На него легла рука Вальки.

— Ты должен его сдать, у нас так заведено, — серьезно предупредил он.

— И не подумаю. Ты же мне друг. Я из-за этого только и ехал сюда.

— Догадываюсь. Так вот, можешь поддержать, поиграть, но потом обязан сдать. Иначе ты меня подведёшь.

— Ладно. Посмотрим. Давай дальше копать.

Не прошло и минуты, как друзья среди костей отыскивали новые находки. Отвернувшись, Шумилов очищал от земли ржавый пистолет. А Валя и не смотрел на него, он с волнением доставал из кожаной полевой сумки два пожелтевших треугольника и сложенный вдвое лист. Пока Шумилов с замиранием сердца разглядывал свою находку, он бегло читал написанное карандашом письмо: «Дорогая мама! Утром предстоит бой, для меня первый. Ты не представляешь мое состояние. Мы пойдём в наступление и так до самого Берлина! Я чувствую настрой своих солдат, они горят желанием разгромить врага. Пока ехали на передовую, я видел столько техники, её ничто не остановит. Я командир взвода, есть опытные бойцы, а в основном, совсем мальчишки, моложе меня. Спать не хочу, почему-то волнуюсь, не знаю, что меня ждёт, какие испытания предстоит пережить. Но в одном уверен: не струшу, не побегу, стоять буду до конца. Папу пока не нашёл. Возможно, на другом фронте. Я тоже верю, что он жив, и мы обязательно встретимся. Кажется, началось. Всё. Кончаю писать. Продолжу после боя...».

Валя аккуратно перегнул лист, снова вложил в сумку, ловко выпрыгнул из ямы и бросился искать наставника.

— Виктор Николаевич, — кричал он, размахивая сумкой. — Вот Нашёл — там письма и ещё что-то.

— Да?! Молодец! Смотри-ка, хорошо сохранились. И адреса есть. О! Да тут записная книжка, вот здорово! — обрадовался отставной майор.

— Ещё мы кости нашли, — продолжал Валя уже совсем другим тоном.

— Пойдём, — Виктор Николаевич схватил брезент и заспешил к указанному окопу.

Шумилова на месте не оказалось. Оглянувшись, Валя заметил его в кустах. Когда тот подошёл, почувствовал на себе осуждающий взгляд друга. А увлечённый Виктор Николаевич бережно разгребал сухую землю и подавал ребятам кости и их фрагменты. Вскоре обнаружили и два черепа. Подошли остальные ребята.

Осмотрев немецкие знаки отличия и сложенные скелеты, Виктор Николаевич сделал вывод:

— Один наш, судя по всему, младший лейтенант Коростылёв Иван Федорович, а другой — фашист. Тоже офицер. Как видите, мы правильно выбрали место раскопок. Похоже, здесь была рукопашная схватка. Так что ищите другие останки.

Вечером у костра Виктор Николаевич прочитал следопытам письма из командирской сумки Коростылёва. Неразлучные друзья сидели рядом. Казалось бы, слушали одно и то же, но воспринимали по-разному. Эмоциональный и впечатлительный Валя представлял добродушные лица солдат, которые в блиндаже или в окопе прямо на коленке торопливо строчили свои последние в жизни письма — будто чувствовали! С какой любовью они писали их и как верили в скорую победу над фашистами! Шумилов же только слышал автоматный огонь, оглушительные взрывы бомб и снарядов. Ещё громче неслось над полем боя победоносное: «Ура-а!.. За Родину!».

Один треугольник был адресован жене, в Ивановскую область, второй — в Омск, родителям. Все признали, что письма отличаются искренней нежностью и трогательной теплотой к своим близким. У некоторых школьников на ярко-бордовых от костра лицах появились искрящиеся слезинки. А сам Виктор Николаевич ещё раз окупился в водоворот тех горячих событий 1943 года. Ему вспомнился последний бой, когда их танк был подбит снарядом, и он в горящем комбинезоне выскочил из него. От боли извивался на земле, пытаясь сбить пламя. И в этот момент раздался оглушительный взрыв, где-то совсем рядом, чуть правее... Больше он ничего не помнил... очнулся в госпитале.

Бережно складывая солдатские письма, Золотарёв задумался. Объяснить ребятам, почему они вовремя не отправлены, он не мог, возможно, они были написаны перед самым боем. А может, командир взвода просто не успел. Не исключено, что эти солдаты погибли в предыдущем бою, поэтому и не решился, ведь они могли прийти к родственникам вместе с похоронкой или даже после. Было и такое.

Посыпались вопросы, но вскоре следопыты уgomонились и пригорюнились.

— Ребята, вот сколько дней я с вами, но ни разу не слышал общей песни. А ведь она помогает.

— А какую? Мы не знаем, — раздалась невинные выкрики.

«Выходит, их просто нет или наших детей не приучили. Скорее, отучили. А вот раньше!»

Признания подростков огорчили фронтовика, на фронте даже после тяжелых боёв широкий разлив народной песни лечил души от невыносимой боли, смывал, подобно шторму, и беды, и потери друзей, и человеческие огорчения, повелевая быть сильнее, спокойнее, внимательней и добрее.

В тот вечер уставшие ребята быстро разбежались по своим палаткам, а Шумилов не спешил расстаться с догоравшим костром. Золотарёв не мог оставить его одного:

— О чём задумался, Дима?

— О войне, о фашистах... Столько лет прошло, а... в общем, у меня в голове каша.

— Неудивительно. Ведь ты предоставлен сам себе, а ориентироваться в жизни ещё не научился. Октябрёнком не был. Пионером и комсомольцем — тоже. Военно-патриотическая работа в школе почти или совсем не ведётся. А по каким учебникам истории вы занимаетесь?! О войне очень многое исказили, перевернули всё с ног на голову. А правду сказать некому, мало нас осталось. Вот и получается, варитесь в собственном соку, кто где-то что-то услышит, тому и верите.

Шумилов сидел, молча, с опущенной головой, словно был виновен в этом. А Виктор Николаевич ещё долго рассказывал ему о своей фронтовой, но счастливой молодости. Заканчивая трогательные воспоминания, многозначительно сказал:

— Фашизм и шовинизм не имеют национальности и территории. Они, как вирус и прочая зараза, распространяются повсюду и несут людям беды, несчастья и смерть. Однако история нас не научила. К сожалению, осознание приходит потом. Сначала люди в большинстве своём недооценивают опасность и не борются с этой болезнью. К тому же, она упакована в красивую и привлекательную обёртку. Ну, как тут не соблазниться! Вот и находятся такие, кто верит, поддаётся влиянию, заражается, — Золотарёв сделал паузу и посмотрел на понурого подростка. — А когда она уже проникла в наш дом, мы начинаем охать и ахать. Не поздно ли? Ты догадываешься, о чём я? Подумай. Соблазнов в твоём возрасте много. Как бы не наделать серьёзных ошибок, а то потом придётся всю жизнь расхлебывать.

Шумилов тяжело вздохнул и встал.

— Знаете, что-то муторно у меня на душе. Сегодня я вспомнил, что мой прадедушка тоже погиб, точнее, пропал без вести. А где? Не знаю. Сам я не спрашивал, и мне никто почему-то не говорил. Может, лежит где-нибудь здесь, совсем рядом, а я и не догадываюсь. Хотелось бы найти, поклониться, похоронить по-людски. Спасибо, что поговорили со мной. Кажется, что-то начинает проясняться, — он постучал пальцем по голове и невесело улыбнулся.

Нырнув в палатку, он лёг около друга и притих. Но мысли не давали ему покоя, он уснул уже с рассветом.

Утренние голоса показались звонче, жизнерадостнее обычного. На лицах подростков ощущалась торжественность.

Экспедиция красных следопытов подходила к концу. Виктор Николаевич прикидывал результаты. Местные ребята нашли останки двух тел, а его подопечные — трёх. Но обнаружены только три металлические капсулы, в которых были указаны фамилии, имена, отчества, годы рождения, адреса проживания до призыва и сведения о родителях, женах.

— Виктор Николаевич, почему других капсул нет? Мы же всё перелопатили, — спросил Валя.

— Вполне возможно, что их вообще не было. В то время среди солдат существовало поверье: вставляя в неё сведения о себе, как бы заранее готовишься к смерти. Поэтому многие перед боем не делали этого.

— А почему после боя не всех похоронили в братской могиле?

— Да разные могут быть причины. Одних взрывом завалило. Мог произойти и обвал окопа, танк проехал или от сырости, вот их и присыпало землёй. Поэтому похоронная команда после боя не нашла их.

Когда палящее солнце спряталось за верхушками деревьев, группа ребят, светясь жёлто-розовым мрамором своих тел, выслушивала последние указания на завтра. Шумилов был в яме и продолжал копать. Увидев очередную поржавевшую болванку, он копнул глубже и вместе с песком выбросил наружу.

— Тяжёлая зараза, — выдохнул он.

Виктор Николаевич увидел её и застыл на полуслове. На мгновение все замерли в оцепенении. Фронтовик прыгнул к ней и хотел швырнуть в сторону, но там оказался ничего не подозревавший Генка. Тогда Виктор Николаевич крикнул:

— Ложись!

А сам, не раздумывая, бросился на неё и прикрыл собой. В голове замелькали лица жены, сына, дочери, внуков... Затем начался отсчёт замедленных секунд, которые молотом отдавались в груди и висках: один, два, три, четыре... «Неужели пронесло?» — мелькнула обнадёживающая мысль.

— Быстро все отсюда на пятьдесят мет... — приказал Золотарёв, хриплый голос оборвался, как от полученной смертельной раны.

Ребята вскочили — и врассыпную. Перепуганный Генка тоже сиганул. Виктор Николаевич перевёл дух, медленно встал и впился глазами в противотанковую гранату, готовую взорваться в любую секунду. «Наверное, мягко упала, — предположил он. — Но медлить нельзя, в любую секунду может грохнуть». Он осторожно взял её и заспешил в поле. Вдруг представил, как тогда, в сорок третьем, снова идёт на немецкий танк. С каждым его шагом вынырнувшая из горящего смрада грозная бронированная громадина угрожающе надвигается на него. А пулеметы молчат. Новейшей немецкой машины было мало просто убить русского солдата, она хотела раздавить, вмять его в землю только за то, что он посмел бросить ей вызов. Когда до предполагаемого «Тигра» осталось метров десять, Виктор Николаевич, падая на землю, швырнул гранату..

Как тогда, где-то совсем рядом, раздался взрыв, эхом облетевший округу. Это был смертельный отзвук незабытой войны. Не открывая глаз, бывший механик Т-34 представил, как подбитый немецкий

«Тигр» закрутился на месте, как из всех щелей бронированной крепости застрочили пулемётные и автоматные очереди. Вцепившись промасленными руками в рыхлую землю, Золотарёв буквально сросся с ней — в этот миг над головой просвистели бешеные пули. Он и сейчас слышал их короткий стрекочущий свист.

«Ничего не забыл, даже время не стёрло», — с чёрной горечью отметил он, немного отдышавшись. С трудом перевернулся на спину, вдохнул полной грудью и взглянул на бескрайнее небо с чистыми парусами-облаками.

— Всё, нет больше ржавой смерти. Снова мир! Я люблю тебя, Жизнь! — прошептал он и только сейчас понял, что заложило уши.

Виктор Николаевич не слышал, как подбежали перепуганные ребята. Он увидел их только тогда, когда они дружно окружили его. С их помощью встал и осмотрел воронку.

— Возьмите лопаты, носилки и разровняйте землю, — попросил он уставшим голосом и, пошатываясь, пошёл прочь.

Заглянул в окоп, тот самый, откуда, как с того света, вылетела граната, и увидел съжившегося в комок Шумилова.

Глядя на него, сердце Виктора Николаевича тоскливо зануло. Он спустился и положил на колючую голову подростка мозолистую ладонь. Тот дрожал, как замёрзший одинокий лист в непогоду, и всхлипывал.

— Успокойся. Не раскисай, а то ребята увидят. Всё обошлось, все живы. — Майор тяжело вздохнул и грязной рукой прошёлся по своему подбородку. — Как видишь, война до сих пор напоминает о себе, шалости и небрежности не прощает. Он достал платок. — Дайка я тебе лицо вытру. Ну вот, совсем другое дело.

На следующий день состоялось торжественное захоронение останков советских солдат. Погода была переменной: то моросил нудный траурный дождик, то вдруг выглядывало приветливое солнышко, напоминая собравшимся: жизнь продолжается! Таким же было и настроение у ребят — взволнованно-неопределённым. Под руководством местного военкома прибывшие ветераны, воины-десантники и жители ближайших деревень с почестями похоронили героев. По традиции красные следопыты поочередно читали «Реквием памяти» — одни это делали со слезами на глазах, а другие еле сдерживали свои эмоции, но равнодушных лиц внимательный наставник не нашёл. «Всё правильно, их и не должно быть. Я в них верю».

Возложили цветы, венки с яркими звёздами и перетянутые черно-красными лентами еловые гирлянды, после чего прозвучали Гимн и трехкратный салют.

Виктор Николаевич и его подопечные с гордостью смотрели на новые фамилии, только что появившиеся на гранитном мемориале братской могилы. К сожалению, один солдат остался неизвестным.

Останки немецкого офицера похоронили отдельно: скромно, без почестей, зато с табличкой на кресте. Шумилов к его могиле даже не приблизился, выглядел он подавленным. Уже в поезде он с виноватым видом подошёл к Виктору Николаевичу. Взгляд опытного педагога глубоко проник и сразу обнажил тайные мысли, надежды и мечты подростка, так тщательно скрывааемые его угрюмой внешностью и упрямым характером. На этот раз его не надо было побуждать к откровенности: он вытащил из рюкзака немецкую каску, медали, значки, пуговицы... а затем ржавый пистолет и кортик. Это и была его тайна, уходящая во мрак военного прошлого.

— Возьмите, мне теперь это не пригодится, — уверенно сказал он.

— Откуда это? — удивился Золотарёв. В душе он ликовал: ещё одна победа, которая по значению не менее важна, чем все находки за время этой экспедиции.

— Выкупил у местных мальчишек.

— Твои экспонаты пополнят наш музей. А когда найдём родственников, вместе навестим, передадим письма, пусть знают, где захоронены их деды и отцы. Договорились?

Димка кивнул, и на его загорелом лице просияла добрая мальчишеская улыбка.

— Можно я переведусь в вашу школу? Хочу работать в музее. А на следующий год возьмёте меня с собой?

— Обязательно. Ты же настоящий красный следопыт!

Нижний Новгород, Россия

Дракон

ЧЕЛОВЕК-ЛЕГЕНДА

Я хочу вам рассказать не совсем обычную историю одного юноши, превратившегося из хулигана и наглого врунишки в честного, хорошего парня. Итак, слушайте.

Солнышко, на небе ни тучки — отличный денёк! Тут-то всё хорошее и закончилось.

Представьте: тихая мирная школа в не менее мирном селе. Что тут может произойти? Есть в этом тихом местечке одна проблема, имя которой Стёпа Васильков. Его все знают как лодыря, обманщика и подстрекателя, но в глубине души это хороший, честный парень. Он и сам об этом, наверное, не догадывался, да и слишком уж поверил в силу репутации «плохого парня». Стёпа прогуливал частенько уроки, убегал из дома по поводу и без него. Вместо того чтоб маме помочь! Особенно любил кататься по льду на «гуркале» (есть такая

зимняя игра в наших краях), тут уж его домой не загонишь. Это было самое малое, чем «отличился» парень в последнее время. И час за часом, день за днём становился он всё грубее и равнодушнее, и, казалось, ничто и никто не могло обратить этот «процесс». Разве что чудо. Собственно, это и произошло.

Степан рос без отца, ему и маме денег не хватало. Они собирали в бутылки берёзовый сок (хорошо, лес рядом!) и продавали его на рынке в райцентре. Раскупали его быстро, денег выходило не так много, но всё же.

Однажды маме нездоровилось, и некому было идти за берёзовым соком. Она непонятно как, но всё-таки уговорила сына пойти в лес. Вот Стёпа собрался, взял пустые баклажки (для замены полных) и отправился в путь. Шёл он долго (или коротко, меня там не было), как, наконец, показалась берёзовая роща. Степан быстро поменял полные соком баклажки на пустые и, довольный собой, развернулся, чтоб идти домой. Надо поскорее, ребята на футбольном поле ждут. А мамка... любил он всё-таки мамку свою... крутится она, бедная, как белка в колесе... И понимает Стёпка, что не прав бывает, да ладно... Вот и роща берёзовая закончилась.

И вдруг видит волка... белого... с синими, как сапфиры, глазами. Как это? Этого зверя давно уж в наших лесах не водится. Почему белый? Стёпа, было, дёрнулся бежать, но не мог пошевелить даже пальцем. Он, будто оцепенел весь! Волк стоял и смотрел ему прямо в глаза. Стёпа хотел отвести взгляд, но не мог! Волчьи глаза так притягивают, манят, зовут посмотреть в них!!! Ну, парень и не выдержал, посмотрел... И, как по волшебству, исчезли и страх, и волнение, остались только спокойствие и безмятежность. Мгновение — и парень заснул.

...Темно. Гарью затянуто всё вокруг. Где это? На лес не похоже совсем, ни одного дерева рядом. Выстрелы, взрывы снарядов, грохот орудий, крики людей — всё это сплелось в жуткий клубок звуков.

Вот один молодой боец бежит, ни на что не обращая внимания: ни на выстрелы, ни на взрывы. Размахивая рукой, что-то кричит. Наверное, это командир в атаку ведёт своих солдат. Тут снова взрыв. Когда дым чуть рассеялся, Стёпа увидел, что командир лежит навзничь, он был жив, хоть и сильно ранен. Тут к нему подполз солдат и, взвалив себе раненого на спину, согнувшись, что было сил, побежал к окопу. Стреляют! Снова стреляют! А солдат всё бежит и бежит, словно не замечает. У него одна цель — спасти своего командира. Добежал до окопа, к нему протянулись руки солдат, он передал им свою ношу. Рухнул на колени. Стёпка поклялся бы, что видел, как тот чему-то улыбнулся, закрыл глаза и упал.

...Степан проснулся от того, что его кто-то теребит за плечо. Испуганно дёрнувшись, он проснулся и увидел прямо перед собой

самого обыкновенного старичка в самой обыкновенной одежде. Выглядел тот молодежово, его возраст выдавала только белоснежная борода.

— Чё разлётся-то? Землица-то холодная, не май месяц на дворе. Вставай давай, кому говорят! — бодро сказал старик.

— Да встану я, встану. Что это я и в самом деле. А Вы кто сами будете?

— Я местный, считай. Добромиром все кличут. Неподалёку живу. Наш соловьиный край больно хорош, люблю в леса эти хаживать, — дед по-хитрому прищурился.

Потом с загадочной улыбкой пояснил:

— По осени грибов много тут.

— А я за соком пришёл, — задумчиво сказал Стёпа и замолчал.

Так молча и прошли они минут десять. Мальчик перекладывал сумку с баклажками из руки в руку (тяжёленькие всё-таки!). Дедушка шёл, не отставая, и всё время рядом. Стёпа снова удивился про себя его бодрости.

— О чём думу думаешь, али случилось что?

— Да чудеса здесь какие-то, дедуля, творятся в лесу!

— Это ж какие? — заинтересовался старик.

— Да такие, что и рассказывать страшно, не поверит никто!

— Ну, а мне ты можешь сказать? Меня уж трудно удивить.

И мальчик рассказал своему попутчику всё. Про то, как с мамой живёт, про свою плохую репутацию, про сок берёзовый на продажу, про белого волка и про необычный сон, насланный им.

Стёпа замолчал. Разволновался. От воспоминаний об увиденном в таинственном сне у него подрагивали пальцы. Парень шёл и гадал, что же о нём думает этот странный дед. Наверное, что он врунишка или фантазёр. Ну и пусть. Так о нём часто думают, привык уже.

Старик нахмурился, как будто бы прочёл его мысли:

— Да, внучок, повстречал непростого ты волка, а Стража Памяти этих Курских мест. Про него давным-давно легенда ходит. Является он человеку не всякому, а только тому, кому помощь требуется, кто запутался, сбился со своего пути, забыл, зачем живёт.

И ещё мне почему-то кажется, что хулиганом быть тебе не очень-то и нравится. Что маму свою ты любишь, я понял. И сон тебе вещий волк не зря наслал. Про деда твоего, что с войны не вернулся.

— А Вы откуда про деда моего знаете? Это он там? Точно?

— Я много жил и много видел. А дед твой смелым был человеком, храбрым до безумства. Это ж не всякий смог бы командира своего из-под града пуль и снарядов на себе тащить. А ведь и твой-то ранен сильно был. Командира спас, а сам не выжил.

Мальчик шёл и думал. Запали слова попутчика прямо в душу Стёпе, и знал он, что теперь не будет таким, как прежде. Никогда не будет! Не имеет права. Он поклялся себе, что обязательно изменится.

Дедушка погиб в наших краях, в страшных боях на Курской дуге. Мама ведь как-то рассказывала, он теперь вспомнил.

— Так не посрами имя дедово, будь настоящим человеком, достойным его памяти!

— Это я понял, деда. Это я понял... Спасибо Вам, — неуклюже промолвил паренёк и с благодарностью посмотрел в глаза старику. Они были синие, как сапфиры! Точно такие, как у белого волка в лесу...

Коровяковка, Курская область, Россия

Валерий

ЧЁРНЫЙ РОЯЛЬ

Пётр Иванович каждое утро, по дороге на службу, проходил мимо этого дома.

Дом был ничем не примечательный, обычный питерский дом старой постройки, только в этот ранний час здесь всегда были слышны звуки рояля, доносившиеся из приоткрытого окна второго этажа.

Невидимый исполнитель почему-то играл одно и то же произведение — Третью симфонию Бетховена.

Эта музыка Петру Ивановичу тоже очень нравилась, ещё с довоенных времён. Но «тогда», она не вызывала стольких эмоций, как сейчас, в осаждённом городе, где звучала совсем по-новому..

Обычно он замирал ненадолго под окном, вбирая в себя звуковые волны, которые уже стали служить ему своеобразным допингом, помогающим пережить долгий трудовой день. А затем, в приподнятом настроении, продолжал свой ежедневный маршрут.

Дни шли за днями, недели — за неделями, и этот ритуал, казалось, стал таким же незыблемым, как и сам город, не уступающий врагу.

Но однажды, на подходе к дому, благодарного слушателя встретила тишина.

Ещё издали Пётр Иванович увидел, что часть строения обрушена, очевидно, в результате ночного артобстрела.

Перед домом высилась груда битого кирпича, а под ногами хрустели обломки выбитых стёкол.

На втором этаже на месте знакомого окна зиял пролом в стене, открывший фрагмент комнаты и угол чёрного рояля.

Постояв с минуту около дома и вдруг что-то решив про себя, он быстро вошёл в подъезд и поднялся на второй этаж по полутёмной лестнице.

Дверь в квартиру неведомого пианиста была сорвана с петель взрывной волной. Пётр Иванович переступил порог и прошёл по комнатам — нигде никого не было.

В квартире царил полнейший разгром, и среди всего этого беспорядка чем-то особенным казался рояль, существовавший здесь, как скалистый остров в штормовом море.

Инструмент по виду был не новый, вероятно, сохранившийся ещё с дореволюционных времён.

Явных повреждений на нём, как ни странно, заметно не было.

Пётр Иванович откинул крышку и коснулся клавиш, они с готовностью отозвались чистым звуком.

Тогда он поднял валявшийся у стены крутящийся стул и сел за клавиатуру.

А затем — заиграл — Третью симфонию Бетховена. Героическую.

Зачем он это делал, он и сам не знал, но чувствовал, что иначе просто нельзя...

Нужно было идти на службу, а пальцы упорно продолжали свой безостановочный бег, который с каждой минутой становился всё увереннее и мощнее.

Немногочисленные прохожие в удивлении приостанавливались, — да так и оставались стоять, слушая, как играет странный человек в полуразрушенном здании.

Звуки музыки были вновь над прекрасным городом!

Москва, Россия

Сергей Маркелов

ДАШКИНО ЧУДО

...Деток любите особенно, ибо они тоже безгрешны, яко ангелы, и живут для умиления нашего, для очищения сердец наших и как некое указание нам.

Ф. Достоевский. «Братья Карамазовы»

Когда Дашке было три, волны — это всё, что она помнит. Голубые, блестящие, как обрывки фольги, волны. И сладкий воздух, как шоколад из той фольги. И таяние в тёплом и свежескошенном порыве

ветра, что хватает за мокрые волосы. Она сама была той плиткой шоколада, и волны заворачивали её, шелестя. И в глазах отражались яркие солнечные блики. И даже не солёно, а сладко было во рту. И нестерпимо хотелось пить. И ещё много чего окутывали вместе с ней волны. Не только морские, но и волны воздушные, волны чаячьих крыльев, волны людей на пляже, волны мама-папиных улыбок, волны радости и тощего детского смеха, волны всеобъемлющего Бога, который жилистой своей рукой сжимает лунный серп: им он косит на небе ветер и сбрасывает его на землю.

А ещё по берегу, смешиваясь с запахом моря, скользил волнами аромат кукурузы. Упитанные жёлтые початки сновали там и тут в маленьких детских ручках. И жаркий вился между пальчиков пар. Кукуруза хрустела, брызгала, скрипела. А загорелый в красных шортах всё дальше уносил ароматные початки. Оставалось лишь вдыхать их солнечный запах, который неотступно следовал за красными шортами, шекотал Дашкин нос и заставлял рот наполняться слюной.

В грязной лужице, шевелились её маленькие, ещё незагорелые белые ножки, и прятались от солнца божьи коровки. Дашка была уверена, что спасает их, приглашая окунуться в маленький бассейн, скрытый в тени её воздушной шляпки. Из-за этой широкополой, даже крылатой шляпки она была похожа на большой цветок с белой маковкой.

Да, она это тоже помнит. Спустя три года, когда, сидя у окна, смотрит на грязный, в подтёках снег, слушает постукивание костяшек-ветвей. На ветру. Только этот ветер теперь другой, его скосил не Бог, потому что он отдыхает, оставив серп на чёрном небе. Отдыхает и слушает голоса детей. А Дашка, прижавшись щекой к холодному стеклу, слушает, как просится в дом чужой, холодный ветер. Который хочет увести её от мамы с папой, от яркого света, выползающего из-под двери, от потрескивания масла в сковороде на кухне, от заговорщицкого шёпота, который Дашка слышит, но не понимает, что он таит в себе. Она боится этого шёпота и вспоминает волны, чтобы не было страшно. И слушает ветер, потому что смелым негоже прятаться. Она хоть и боится, а всё же не решается отвлечь Бога, полагая, что есть дети, которых ему услышать важнее.

— Ты чего не спишь? — мягко звучит голос за спиной.

Дашка оборачивается.

В комнату, обойдя тёмную мамину фигуру, заглядывает уголок света.

Пожимает плечами.

— Ложись, завтра вставать рано, — шепчет сквозняком мама.

От шёпота в комнате становится прохладно, словно ветер проник в оконную щель, и пытается жёсткими пальцами ухватить Дашку.

На улице, разлепив глаз ото сна, вспыхивает фонарь. Комната наливается синевой. И шёпот растворяется в этой синеве. И мамыны глаза кажутся какими-то утомлёнными.

Как тогда на пляже: когда Дашка побежала к морю, и ветер подхватил шляпку, точно сорвал маковку у цветка, а жилистая рука сжала ладошку, лишь только пальчиков ног коснулись волны. Шляпка кружилась над сверкающей водой, а папа задумчиво смотрел вдаль на скользящий по Дашкиной голубой фольге бутон. Она-то знала и слышала, что вода на самом деле шелестит.

— Улетела, — пролепетала тогда она.

Голубые волны окутали нежный цветок и потащили в море. И море отливало синевой. И папа стоял и смотрел, выставив ладонь козырьком. Что он там высматривал? Что увидел среди торчащих голов-луковиц на бесконечном поле воды? Дашка не знала тогда, не знает и сейчас, когда мама стоит в дверном проёме, тонущая в уголке света.

— Ложусь, — отвечает Дашка, и в унисон хлопает дверь.

Другая, что отделяет её, Дашкин мир, от остального подъезда. Папа куда-то пошёл. Опять.

Проснулась она опустошённой... Правда, в её возрасте быть опустошённой так, как это бывает у взрослых, преувеличение. Однако пусть и не так всерьёз, но что-то саднящее во всех этих утренних сборах она почувствовала.

И, казалось, уже не первый раз, и пора бы привыкнуть: ведь Дашка всё понимает, но мама опять нервно суетится, и нервозность эта передаётся всему, даже яичнице, небрежно вываленной на тарелку.

А папа, судя по измятой щетине на впалых щеках, пришёл поздно. Он сидел на кухне. И с тем же выражением, с которым три года назад наблюдал уносящуюся в море шляпку, всматривался в телевизор. А она всматривалась в сосредоточенное папино лицо, обрамлённое острыми скулами, и пыталась уловить происходящее в телевизоре.

— Пап, — позвала она.

Плечи его вздрогнули, и он повернулся к Дашке, обнажив перед ней уставшие, взволнованные глаза.

— Следишь? — спросил он.

— Немножко, — ответила Дашка и показала взглядом на телевизор, — скажи, а что такое золотой парашют?

— Это деньги, которые выплачивают при увольнении, — ответил папа, — только бывший городской Глава от них отказался, дав понять, что не нуждается в помощи.

— А отдай он тебе свой парашют, нам бы не надо было уезжать? — спросила она и посмотрела на папу.

Тот вдруг окаменел, и ей пришлось думать о загадочном «золотом парашюте» до самого поезда. Пока не улеглась на верхнюю полку.

По стеклу задумчиво ползла влага, чуть размывая пейзаж за окном, проносились мимо величавые дамбы и урчащие пустыми трубами железнодорожные мосты, грязно-болотистые заборы лесов, зубочистками натканные деревянные столбики электропередачи, безмятежные птицы в непрозрачном дождливом небе.

И пока она смотрела в окно — тёплый, густой, как игрушечный медведь под боком, развалился на полке сон. «Уж этот сон, — думала Дашка, — точно принёс с собой Бог». Но как назло поезд остановился. Нехотя сон прыгнул с Дашкиной полки и тихонько вышел из купе. Только жилистая рука, сжимающая старенького игрушечного медведя с оторванным ухом, мелькнула в проходе.

Дашка посмотрела в окно. Удивительно, только сомкнула глаза — уже вечер. Словно одуванчики, в воздухе повисли пушистые световые головки фонарей. Дашка спустилась с полки и, надев тапочки, вышла в коридор, скользнула мимо проводницы в тамбур и очутилась на улице.

Затем среди ног и туловищ она увидела Его. Несомненно, это именно Бог сжимал своей рукой потрёпанную игрушку. Теперь он, облачённый в сиреневую дымку фонарей, свет которых смешивался с ночью, стоял и улыбался Дашке. И тут Дашку осенило. Хотя бы один раз она может попросить Его сотворить чудо? И не успела она об этом подумать, как мягкая ладонь взяла её худенькую ручку, и они втроем: медведь, девочка и Бог — оказались возле светящейся магазинной витрины. Не спеша, горделиво устремив взгляд сквозь прилавки и людей, за стеклом прохаживался бывший городской Глава.

— Пойдём? — спросила Дашка.

— Нет, — ответил Бог, — это твоё чудо.

И отдал ей медведя, чтобы не было страшно. Дашка ещё раз взглянула на Бога, обняла игрушку и решительно вошла в магазин. Протопала мимо прилавков и остановилась там, где холодило открытой морозильной камерой; бывший городской Глава знакомился с изобилием молочной продукции.

— Простите, — прошептала Дашка.

Никакой реакции.

— Извините, — чуть громче пропищала она.

— А? — мужчина повернулся, переводя взгляд с пачки молока, зажатой в руке, на девочку и обратно.

— Я очень извиняюсь, что помешала вам. Но поезд скоро отправится, и мне хотелось бы попросить... Не могли бы вы взять обратно свой «золотой парашют»?

— Чего-чего? — он посмотрел на Дашку сверху вниз.

— Я подумала, если вам он не нужен, то вы могли бы отдать его мне... то есть нам. И тогда мы с мамой и папой сможем, наконец, вернуться домой.

— Хм, — только и ответил бывший городской Глава.

Он аккуратно поставил молоко на полку, достал кошелек и, улыbnувшись, протянул Дашке денежку. Она посмотрела на руку, в которой небрежно была зажата бумажка, и почувствовала, как лицо наливается краской, а к горлу подступает неприятный, саднящий комок. Развернулась и, с медведем в охапку, метнулась к выходу. Выскочила на улицу под царапающий лицо и голые руки дождь. Побежала, с трудом переводя дыхание и подвывая: то ли от обиды, то ли от стыда. Остановилась под фонарём, в его свете иголками рябили острые капли. Оглянулась — никого. И даже выронила медведя. Он плюхнулся комком мокрой ваты на влажную землю и развалился на части. Дашка села перед ним на колени и попыталась собрать обратно, схватила тяжёлую от воды лапу — она приобрела такой же землистый цвет и просыпалась сквозь ладони. Так, смешиваясь с землёй, уходило Дашкино детство, которого давно уже у неё не было. Комок в горле взорвался, и из глаз дождливо пролились слёзы. Грязными ладошками она закрыла лицо...

И тут чья-то тёплая рука касается Дашкиной головы. Мягко проводит по коже. Волос у Дашки на голове нет совсем. Она открывает глаза, слезает с больничной койки и берёт за руку Бога. И вместе они идут по коридору, прямо в уборную, где Бог остаётся ждать Дашку за дверь. Её тошнит от перенесённой недавно химиотерапии.

Потом она моет лицо и руки. Смотрит на себя в зеркало. Вот она — Дашка. По два раза в неделю сдаёт кровь, не разрешает спрашивать о своём самочувствии, а тут дала слабину. Пускай сразу чудо не получилось, но теперь она знает, что одному человеку сделать его сложно, а когда все вместе...

Завтра ей, говорят врачи, предстоит ещё одна операция. Скоро она сможет поехать домой, с мамой и папой.

И ещё она знает, что её лечение — это чудо, которое сотворили тысячи людей. Как будто они все вместе взяли за руки у кровати и очень-очень хотят, чтобы Дашка выздоровела. А у изголовья сидит Бог. Он даёт Дашке монетку, и она кладёт её в баночку. Теперь, на всякий случай, она тоже копит на путешествие домой.

Петрозаводск, Карелия, Россия

Галина Зелёнкина

ДОБРАЯ КУКЛА МАША

Кукла Маша сидела на комодe между зайчиком и медвежонком, любимыми игрушками девочки, жившей когда-то в этом доме, и смотрела круглыми глазами голубого цвета на противоположную стену, где висел портрет юной девушки.

«Как быстро она выросла», — подумала кукла, вглядываясь в знакомые черты лица своей бывшей хозяйки. И невдомёк ей, что на портрете не хозяйка Верочка, а её мать Татьяна Степановна в молодости. Сходство обличий всегда дезориентирует, и часто видимое принимается за желаемое. Вот если бы у куклы были мозги, и она могла бы мыслить, то поняла бы, что уже полтора десятка лет видит один и тот же портрет. И она бы тогда подумала о том, что случай и беда непредсказуемы и всегда представляются и появляются, когда их не ждёшь. Так и произошло в ту роковую ночь, когда кукла Маша лишилась всего: рук, ног и искусственного разума. Сказать точнее, руки и ноги у неё были, но не двигались, а висели, как плети. И чип в голове у куклы был, но программа стёрлась, и, кроме фразы «как быстро она выросла», ничего нельзя было извлечь из карты памяти. И всё это произошло из-за болезни её маленькой хозяйки Верочки.

Когда в продаже появились первые куклы-биороботы, Татьяна Степановна, не раздумывая, решила приобрести такую игрушку для младшей дочери Верочки, болезненного создания четырёх лет от роду.

В назначенное покупательницей время куклу доставили из магазина. Рассыльный занёс коробку в дом и поставил её на большой круглый стол в гостиной.

— Вот и хорошо! — воскликнула Татьяна Степановна, глядя на рассыльного, распаковывающего доставленный товар.

— Пока никто не жаловался на наших кукол, — заметил тот.

— Это я к тому, что дочери нет дома. Когда она вернётся с прогулки, то обрадуется, увидев куклу во всей красе, — пояснила женщина.

Рассыльный освободил коробку от содержимого, разложив его на столе, и протянул покупательнице документы на покупное изделие.

— Эту куклу зовут Машей, так написано в её паспорте, — сказал он и вопросительно взглянул на Татьяну Степановну.

— Хорошее имя, — ответила та и отправилась на кухню, чтобы приготовить чай.

Пока Татьяна Степановна хлопотала на кухне, рассылный установил программный блок во встроенный внутри туловища куклы компьютер и проверил работу куклы в действии.

— Вам какая кукла нужна? — обратился он к вернувшейся из кухни хозяйке. — У нас есть три варианта: Маша добрая, Маша умная и бабушка Маша.

— Бабушка у нас есть, да и на ум пока не жалуемся, а вот доброты иногда не хватает, — ответила Татьяна Степановна.

— Пусть будет Маша добрая, — сказал рассылный и поставил куклу на пол.

Кукла повертела головой в разные стороны, и только когда убедилась в том, что её безопасности ничто не угрожает, поздоровалась с Татьяной Степановной.

— Здравствуй, Маша! — ответила та. — Добро пожаловать!

Слова Татьяны Степановны Маша восприняла буквально.

— У меня в программе заложено, чтобы добро всем дарить, — заметила кукла.

На что Татьяна Степановна улыбнулась и подумала: «Теперь придется следить за своими словами».

Когда в сопровождении бабушки вернулась с прогулки Верочка, то кукла сначала подошла к девочке и протянула ей руки.

— Меня зовут Машей, — представилась она. — Я буду твоим дружочком.

— Дружочек — это хорошо! — обрадовалась девочка и тоже протянула Маше руки.

Так они поздоровались. Затем кукла поздоровалась с Анной Сергеевной, бабушкой Веры.

— Пойдём со мной! Я хочу показать тебе нашу комнату, — предложила девочка кукле, и они пошли осматривать детскую комнату.

— Ну и дела! — только и смогла произнести Анна Сергеевна, впервые увидевшая куклу-биоробота воочию.

— То ли ещё будет! — пообещала ей Татьяна Степановна.

И оказалась права.

Осень в этом году выдалась дождливой и ветреной. В тот день, когда Верочка с Анной Сергеевной отправились на прогулку в ближайший от дома парк, внезапно подул холодный ветер и пошёл дождь со снегом. Прогулка была омрачена непогодой, и домой бабушка и внучка вернулись в плохом настроении.

«Не заболеть бы», — подумала Анна Сергеевна, развешивая для просушки в ванной свою и внучкину промокшую одежду.

Вечером у девочки повысилась температура, и Татьяна Степановна уложила дочь в постель

— Дружочек заболел! — сказала кукла и погладила девочке руку. — Не бойся, я тебя вылечу.

— А ты не обманешь? — спросила Верочка, с надеждой глядя на куклу.

— Обман не заложен в программу общения, — ответила Маша добрая. — Я ведь биоробот, а не человек.

«Твои слова да Богу в уши», — подумала Татьяна Степановна и погладила куклу по голове.

— Это я виновата! — несколько раз повторила Анна Сергеевна, прикладывая платочек к глазам, пытаясь скрыть слёзы.

— Мама, успокойтесь! Никто вас не винит в болезни Верочки. Нельзя было предвидеть резкое ухудшение погоды, вы же не метеоролог, — сказала Татьяна Степановна. — Лучше достаньте из дорожной сумки мою аптечку. Я должна сделать Верочке укол. Похоже, у неё пневмония.

— Ты врач, тебе виднее, — ответила Анна Сергеевна.

Врач скорой помощи, вызванный Татьяной Степановной, подтвердил диагноз.

— Странная какая-то пневмония, — заметил он, осмотрев девочку.

— Что же в ней странного? — спросила Анна Сергеевна.

Она и так себе места не находила, считая себя виновницей болезни Верочки, а тут ещё врач с какими-то странностями.

— Быстротечная, — ответил врач, — кризиса ждать недолго. Звоните, если что.

С этими словами он вышел за дверь, не подумав о том, что его слова ещё больше расстроили Анну Сергеевну. Радовало её только то, что кукла Маша неотлучно находилась рядом с Верочкой и старалась помочь девочке одолеть болезнь. Кукла пела песенки, рассказывала весёлые истории и танцевала какие-то немыслимые танцы, так как хорошо запомнила, что врач советовал отвлекать ребёнка от грустных мыслей. Её старания не пропали даром. Верочка смотрела на куклу во все глаза и улыбалась.

«Хватит ли доброты людской для спасения души человеческой?» — подумала кукла Маша и поняла, что не хватит, увидев, как девочка закрыла глаза и захрипела.

— Это кризис, — сказала Татьяна Степановна и почувствовала, как сердце её сжимается от страха за дочь.

— Что вы делаете, когда нужна помощь? — обратилась кукла Маша к Анне Сергеевне.

— Мы молимся Богу о спасении, — ответила ей та.

«Я должна спасти дружочка», — мысленно приказала себе кукла Маша и запустила программу самопожертвования.

Анна Сергеевна лишилась дара речи, когда увидела куклу Машу, стоящую на коленях с поднятыми вверх руками.

— Прошу тебя, мой создатель, отдать всю мою энергию Верочке для исцеления от болезни! — трижды произнесла кукла Маша и сломалась.

Анна Сергеевна перекрестилась три раза и подхватила куклу на руки.

— Маша тоже заболела? — услышала она голос внучки и обернулась на звук.

Увидев улыбающееся лицо Верочки, Анна Сергеевна поняла, что кризис миновал.

— Это Маша спасла нашу Верочку, — сказала Анна Сергеевна и усадила сломанную куклу на комод.

— При чём здесь Маша? — возразила Татьяна Степановна. — Это антибиотики помогли.

Но Анну Сергеевну не так-то легко было переубедить. Утром она вызвала мастера по ремонту биороботов. Мастер осмотрел куклу и вынес заключение, что кукла ремонту не подлежит.

— Закажите новую куклу, — предложил он Анне Сергеевне, но та отрицательно отнеслась к его предложению.

— Разве можно предавать дружочков? — услышал мастер в ответ.

И пожал плечами. «Странная какая-то женщина», — подумал он, покидая квартиру Анны Сергеевны.

«Неужели все такие бессердечные?» — в свою очередь подумала Анна Сергеевна, закрывая за мастером дверь.

Спустя некоторое время Татьяна Степановна по просьбе Верочки решила заказать новую куклу. На её вопрос, есть ли ещё в продаже добрые куклы Маши, представитель завода-изготовителя ответил, что эта модель из-за частых поломок снята с производства.

— Возьмите Машу умную, — предложил он. — Никаких претензий от покупателей не поступало.

Кодинск, Красноярский край, Россия

Илья Криштул

СОПЕРНИЦЫ

В таком огромном «Детском мире» Олечка Бунеева ещё не бывала. Да и мама, которая её сюда привела, тоже, поэтому отдел детских платьев они искали долго. Первым его издали увидела Олечка, и такой восторг заплескал в её глазёчках, что мама даже перестала жалеть будущие потраченные деньги. «Никакими деньгами не измерить детскую радость...» — так думала мама и не заметила, что восторг вдруг сменился слезами, а радостный смех — жалобным подвыванием. Объяснилось всё просто: навстречу им шла Ирочка Канделябрис, подруга Олечки по детскому садику, тоже с мамой,

а в руках... А в руках счастливая Ирочка Канделябрис держала вешалку с прекрасным розовым платьем, тем самым, ради которого Олечка с мамой сюда и приехала. И, что самое ужасное, это платье было последним, о чём Ирочка, конечно, Олечке сразу и сказала. Надо отдать Олечке должное — истерика у неё началась не сразу. Сначала кассирша упаковала платье в блестящий, тоже розовый, пакет, потом с улыбкой отдала его Ирочке, та обернулась и посмотрела на Олечку.. Вот этого взгляда Олечка уже не выдержала. Пять испуганных продавщиц в течение часа пели и танцевали для неё, старший менеджер магазина подарил три мягкие игрушки, платье обещали привезти прямо домой и — это уже для мамы — с огромной скидкой, но всё было бесполезно. Успокоило Олечку только вкусное бесплатное мороженое и данное самой себе обещание никогда — НИКОГДА! — не дружить с Ирочкой Канделябрис.

В этом огромном автосалоне в центре города Токио Ольга Бунеева, ныне Пересыпкина, ещё не бывала. Да и муж, который её сюда привёз, тоже, поэтому обещанный им Ольге розовый «Бугатти» они искали долго. Первым его издалека увидела Ольга, и такой восторг заплясал в её цветных контактных линзах, что муж перестал жалеть будущие потраченные деньги. «Никакими деньгами не измерить...» — начал думать муж, как вдруг Ольга резко остановилась. Объяснилось всё просто: в розовом «Бугатти», в уже почти её, Ольги, розовом «Бугатти», сидела Ира Канделябрис, а рядом, в окружении услужливых менеджеров автосалона, стоял Ирин муж и подписывал какие-то бумаги, роняя кредитные карточки. Ольга поняла: розовый «Бугатти» уплывал к другим берегам. Надо отдать ей должное — в автосалоне истерики не было. Она случилась позже, в гостинице, и только самое дорогое мороженое города Токио в самом дорогом ресторане этого же города сумело слегка её успокоить. Там же, в ресторане, Ольга дала себе слово никогда не жить с Ирой Канделябрис в одном городе, и даже заставила мужа оставить какую-то мелочь симпатичному официантку.

В нью-йоркском торговом зале аукционного дома «Сотбис» Ольга Пересыпкина ещё не бывала, да и шофёр, который её вёз, тоже, поэтому зал этот они искали долго. Первым его издалека увидела Ольга и подвески из розового золота, принадлежавшие пятьсот лет назад какой-то французской королеве, уже начали плавно перемещаться из каталога «Сотбис» в Ольгину коллекцию драгоценностей, как вдруг она заметила ненавистный розовый «Бугатти», стоящий у самого входа в зал. Сама Ира Канделябрис, видимо, была внутри и уже держала в своих мерзких неухоженных руках королевские подвески из розового золота. Ольга даже не стала туда заходить. Позже, в ресторане, поедая эксклюзивное мороженое, Ольга Пересыпкина поклялась никогда больше не жить с Ирой Канделябрис в одной стране.

В ритуальном агентстве, расположенном на окраине Подольска, пенсионерка Ольга Борисовна Пересыпкина ещё не бывала, а какой-то нерусский подольчанин так хорошо объяснил дорогу от остановки, что бедная Ольга Борисовна ещё два часа искала этот неприметный подвал. Найдя его и попав, наконец, внутрь, Ольга Борисовна сразу увидела то, зачем она ехала сюда из своего Гольянова. «Гроб розовый уценённый», — было написано на ценнике. Соседка по очереди в собесе не обманула: гроб был очень дешёвый, и Ольга Борисовна подозвала продавца. «Этот товар продан, — скорбно сказал продавец. — Соболезную». «Я даже знаю, кто его купил», — ответила Ольга Борисовна и вышла на улицу. Ожидая обратный автобус, она смотрела на ларёк с мороженым и молилась об одном — умереть на день позже Иры Канделябрис.

На похоронах Ольга Борисовна не плакала. Во-первых, больше проститься с Ирой Канделябрис никто не пришёл, так что плакать Ольге Борисовне было незачем, а во-вторых... во-вторых, не хотелось ей плакать. Ей хотелось вернуться в тот огромный «Детский мир», в котором Ирочка Канделябрис купила розовое платье, то самое, ради которого туда приехала маленькая Олечка Бунеева. И чтоб Ирочка была счастливая и держала в руках розовый пакет с платьем, а Олечку продавщицы бесплатно угощали мороженым — самым вкусным мороженым в её жизни... А рядом бы стояла Олечкина мама... И чтобы всё ещё было впереди, и это всё было хоть немножко другим... Но всё равно розовым.

Москва, Россия

сивер

ХРАНИТЕЛИ КОСМОГОТИКИ

Классный час

Солнце, наконец, выбралось из-за тяжёлых туч и проникло в класс тёплым светом. Все повернулись к окнам, но Марина Андреевна строгим голосом переключила внимание учеников на планы на завтра:

— Повторяю: ровно в семь на остановке у школы нас будет ждать большой автобус. На урок Доброты не опаздывать!

— В семь утра или в семь вечера? — уточнил юморист Колька Сеницын.

Мальчишки засмеялись. Староста класса Ира Степанова покрутила пальцем у виска.

— Чё так рано? — пробурчал второгодник Женька Замятин. — Выходной всё-таки. Единственный на целую неделю для накопления сил на непосильную учёбу.

Марина Андреевна, в душе согласная с Женькой, сняла очки и, протирая линзы, спросила:

— Думаешь, у животных в заповеднике тоже выходной, и они, как ты, будут отсыпаться до обеда?

Женька грустно вздохнул:

— Чё им отсыпаться? Им в люди выходить не надо. Можно бездельничать от рассвета до заката.

Мальчишки снова засмеялись, а Марина Андреевна с неприязнью отметила, что Игорь Кольцов, самый умный и воспитанный мальчик в классе, опять косится на Валю Соколову.

«В новом году пересажу Игоря вперёд к Ире Степановой, — подумала учительница. — Не станет же он перед всем классом к Вале оборачиваться. Была бы ещё красавицей...»

Она задумчиво оглядела класс, прикидывая варианты пересадок на будущий учебный год, и, как можно равнодушнее, сказала:

— Кто не хочет ехать в заповедник, может остаться дома.

— Ура! — выдохнул Женька Замятин, но, посмотрев в застывшее лицо классной, на всякий случай спросил: — И что нам за это будет?

Марина Андреевна надела очки, захлопнула классный журнал, подошла к доске, стёрла слова: «Заповедник, бутерброды, 7 часов», — и обернулась к Женьке:

— Ничего не будет. Ни замечательной экскурсии, ни трёх дополнительных дней каникул. Вместо урока Доброты будут уроки до конца недели. Надо же на что-то потратить восстановленные за воскресенье силы.

На этот раз хохотал весь класс.

— На фиг, — проворчал Женька, признавая своё поражение.

Ужасный чёрный ангел

Обычно дети выклянчивают у родителей хомячков, щенков, рыбок и прочих домашних любимцев. Вале такая живность была ни к чему, ей с запасом хватало младшего брата Васьки. Чёрного кота ей навязала бабушка. Сначала Валя боялась его. Их первая встреча была ужасной. Валя выходила с бабулей из парка, когда кот выскочил невесть откуда и вцепился ей в ногу.

— Мяч выкатился на дорогу, — рассказала потом бабушка родителям. — Валюша побежала за ним, а тут машина мчится! Миг, и даже не хочу думать, что бы случилось, если бы не котик...

Бабушка плакала и гладила сытого кусаку, который смотрел на всех совершенно равнодушно. В конце концов, она убедила даже маму приютить «чёрного ангела»:

— Он спас нашу девочку. Разве можно выгнать этого заморыша в снег и стужу? — спросила бабушка, глядя на желтеющие за окном кленовые листья.

Валя долго искала для своего кусаки-спасителя подходящую кличку. Васька — хорошее имя, но потом ни кота, ни брата не дозовёшься, потому что брат будет думать, что зовут кота, а кот — что зовут брата. Демон для «чёрного ангела» слишком адское имя, Ангел — недостаточно чёрное. Пока кот числился безымянным, домашние звали его Брысь. Особенно отчётливо на кухне, где мохнатый спаситель проявлял нечеловеческое упрямство, настаивая на мясе вместо сырников и твoroйной запеканки.

— У него глаза цвета баф, — сказала однажды бабушка, прочитав очередной выпуск интернет-рассылки «Английские слова: употребляем правильно». — BUFF в переводе с английского — это буйволочная кожа.

И хотя бабушка сильно ошиблась с оттенком, имя Баф коту понравилось.

К Новому году «заморыш» оформился в пухлого чёрного кота с длинной угольной шерстью и горящими жёлтыми глазами. В тёмном подъезде соседи шарахались от него, как от демона, крестили кто себя, кто кота, и торопились скрыться. Но, вопреки их опасениям, Баф ни в чём плохом замечен не был. Жизнь его была наполнена гармонией: в коротких промежутках между пересыпаниями он настаивал на качественном питании и легко добивался своего. Бабушка у него была почти ручная — сама спешила с лучшим кусочком. Остальные научились не одёргивать её.

Иногда, для формирования стойкого приятного аппетита, кот настаивал, чтобы с ним поиграли. Ответственным за свой внешний вид и внутренний тонус он назначил трёхлетнего Васю. Порой Баф позволял себя гладить и старшим, но такой бонус они должны были заслужить безупречным поведением и мясными гостинцами.

Иногда кот исчезал. В квартире становилось просторнее, но всем будто чего-то не хватало. Маленький Вася перед сном бродил по квартире, заглядывал под кресла-диваны и по-стариковски ворчал:

— Бафка, сталый чёлт, выходи.

Бабушка укладывала внука в кроватку и рассказывала сказку о том, что чёрные коты — это пришельцы из других миров. Из волшебных стран, где живут и другие сказочные существа: красивые добрые эльфы, забавные гномы в зелёных бархатных курточках и красных штанишках, чудесные феи с крылышками на спине.

— Туда, к себе домой, уходит наш Бафик, — говорила бабушка.

— Хочу к Бафке в гости, — капризничал Вася.

— Когда-нибудь... — кивала бабушка. — Иногда маленькие дети попадают в ту страну. Если ты будешь хорошим мальчиком, Бафик покажет тебе свой мир. Он научит тебя петь волшебные песни и плясать красивые танцы. Феи и эльфы, лучшие Бафины друзья, расскажут тебе о своих волшебных видениях...

— Когда он вернётся? — в нетерпении перебивал Вася.

— Не знаю, — пожимала плечами бабушка. — Наверное, сейчас он заботится о какой-нибудь маленькой феечке. Ей тоже нужен друг и защитник. Это у нас на планете Бафик просто чудесный кот, а у себя дома он благородный рыцарь без страха и упрёка.

Это случилось утром 7 марта. Баф вспрыгнул на Валину постель и, неотрывно глядя своими лунообразными жёлтыми глазищами на спящую хозяйку, начал жалобно мяукать. Всё утро Баф ни на шаг не отходил от Вали, тёрся об её ноги и время от времени жалобно мурчал. Когда Валя в прихожей надевала пуховик, кот совсем ошалел: он так цеплялся лапами за джинсы, что бабушке пришлось надеть резиновые перчатки, чтобы оттащить разбушевавшегося кота от внучки. Во время схватки с улицы донёсся грохот. Все кинулись к окну. Оказалось, это огромная сосулька упала на крыльцо.

— Хорошо, что никто не выскочил из подъезда, — сказала бабушка и через мгновение, потрясённая догадкой о спасённой внучке, обернулась к Бафу.

Кот смотрел на неё с нечеловеческим укором. Только увесистый кусок свежего мяса смог восстановить бабушкино-кошачьи отношения.

На экскурсию в заповедник Валя собралась с вечера. Потёртые джинсы, жёлтая блузка, красные резиновые сапожки, камуфляжная бейсболка и папин бинокль для тщательного осмотра заповедных обитателей. Ночью к Вале на кровать снова забрался Баф и устроился на большой подушке, словно охраняя от кошмаров. Утром кот прилип к Валиным ногам — то тёрся о них спиной, то обвивал хвостом, тихо мявкая.

Бабушка, наблюдая за Бафом, забеспокоилась.

— Может, возьмёшь кота с собой? — спросила она у внучки.

Валя растерялась.

— Марина Андреевна с Бафом в автобус не пустит.

— А ты его спрячь, — посоветовала мама, обеспокоенная поведением кота не меньше бабушки.

— Кот поедет в заповедник «зайцем», — хмыкнул папа, снимая с крючка походный рюкзак.

Едва он расстегнул молнию, как Баф запрыгнул внутрь.

— Тяжёлый, — сказал папа, помогая Вале взвалить «чёрного ангела» на спину.

— ...как смертный грех, — проворчала бабушка и накинула сверху на рюкзак чёрную ветровку.

— Лето уже! — возмутилась Валя.

— Это для Бафика, — сказала бабушка. — Чтобы его команды только ты слышала.

Сливовая крепость

Из-за Бафа Валя нарочно подошла к остановке, когда одноклассники уже прижались к окнам автобуса и махали родным, словно расставались с ними не до вечера, а на всё лето. У двери стояли Марина Андреевна со списком класса и Игорь Кольцов.

— Игорь, заходи, — скомандовала учительница, строго взглянув на Валу через потемневшие на солнце линзы очков.

Но Кольцов наклонился, чтобы завязать шнурок, и Вале пришлось опередить его. Она пробиралась по проходу медленно, чтобы Баф в рюкзаке не ударился о кресла и возмущённым мявканьем не выдал себя. В последнем ряду в центре сидел второгодник Женька Замятин. Валя остановилась перед ним, ожидая, когда он подвинется, но Женька уставился на её бинокль и не собирался уступать своё место.

— У окна я сию, — крикнул из-за Валиной спины Игорь Кольцов.

Женька из вредности тут же передвинулся к окну. Валя осторожно сняла рюкзак, поставила на сидение.

— Бутерброды? — спросил Женька, кивая на большой походный рюкзак. — Если чё, зови на помощь. Я самый большой друг девочек с бутербродами.

— Это пельмени, — пошутила Валя.

— Ура, — шепнул Женька и слегка подтянул рюкзак к себе. — Держись рядом.

Пересчитывая детей, сзади подошла Марина Андреевна.

— Кольцов, рядом с Ирой Степановой есть свободное место.

Но Игорь, чуть толкнув Валу, торопливо протиснулся ко второму заднему окну. Валя не удержалась и рукой оперлась на рюкзак. Баф жалобно мявкнул.

— Что у тебя там? — строго спросила Марина Андреевна.

— У нас там пельмени, — Женька снова потянул рюкзак к себе.

— Только Вы никому не говорите — нам самим мало.

— Показывай, — решительно потребовала учительница.

Валя собиралась взять рюкзак и выйти из автобуса, сославшись на тошноту, но Женька опередил её. Он быстро растегнул молнию и вытащил Бафа. Испуганной Вале показалось, что кот подмигнул второгоднику. Во всяком случае, он устроился у Женьки на руках так, словно на них и вырос.

Увидев Бафа, Марина Андреевна опешила.

— Нет, с ним нельзя, — ткнула она в кота шариковой ручкой.

— Почему? — загалдели ребята, вставшие с мест, чтобы рассмотреть кота.

— Мы же в заповедник едем, — объяснила Марина Андреевна. — В Тулу со своим самоваром не ездят.

— И в зоопарк со своими крокодилами не вползают, — поддержал учительницу юморист Коля Сеницын.

— Он же домашний, пусть на диких посмотрит, — попросил Игорь Кольцов.

Девочки смешным нытьём «ну-марин-андреевна» поддержали его.

— Надо взять для опыта, — переметнулся на сторону девочек Коля Сеницын. — Может, он научит некультурных братьев культурному общению с нами, людьми.

— Людьми, — машинально поправила Марина Андреевна.

Глядя на ноющих учеников, она решила, что не стоит урок Доброты, посвящённый любви к диким животным, начинать с преследования домашних.

— Ладно, — кивнула учительница. — Смотрите, чтобы он ничего не испортил. За порчу автобуса платить будут Соколовы.

Она ушла на переднее сидение, и автобус, наконец, поехал.

Через три часа, когда автобус въехал на территорию заповедника, Марина Андреевна попросила у водителя микрофон.

— Ребята, просыпайтесь. Подъём! Скоро нас высадят на поляне, и к вольерам с оленями пойдём пешком.

— Пусть оленей тоже к поляне подгонят, — зевая, предложил Коля Сеницын.

Ира Степанова обернулась к юмористу и съязвила:

— Медведей тоже притаранить?

— Если не трудно, — согласился Коля.

Валя Соколова забрала у Женьки Бафа. Всю дорогу кот сидел у него на руках и смотрел в окно.

— Воспитанный, — заметил Женька, неохотно расставаясь с новым другом. — Может, и тебя хорошим манерам научит.

Валя хотела огрызнуться, но удержалась, чтобы не позорить своего кота.

Марина Андреевна настроила микрофон и начала урок Доброты:

— Пока просыпаетесь, я расскажу вам древнее предание об этих местах. Давным-давно, в самой чаще этого заповедного леса стояла большая крепость. Её стены были облицованы гранитом, который на закате казался лиловым. Люди называли крепость Сливовой.

Каждый хозяин старался не только укрепить, но и украсить родовое гнездо. Когда крепость досталась последнему законному наследнику, она походила на большой сказочный дворец. Вопреки вековым традициям последний хозяин Сливовой крепости не стал прозябать у большого камина. Роскоши замка он предпочёл тяготы походной жизни в далёких краях. Покидая отчий кров, наследник тщательно запер крепость и распустил охрану с прислугой. Не раз доходили вести о его неслыханной доблести, щедрости и других невероятных чудачествах в чужих краях. То за морем, то за горами, то ещё дальше он проявлял себя столь примерно, что друзья только дивились его самоотверженности. Шли годы, а весть о гибели последнего владельца Сливовой крепости так и не дошли до этих краёв. Со временем широкая дорога к крепости растворилась в диких зарослях, которые укрыли и остальные следы, напоминающие о монументальном строении. Жители окрестных деревень, кормившие когда-то многочисленных обитателей Сливовой крепости, подались в город. За несколько веков крепость обветшала и под напором стихий разрушилась. Местность вокруг неё одичала. Густые заросли заполнились животными. Сегодня это один из лучших национальных заповедников.

Автобус остановился. Марина Андреевна велела забрать всё с собой и выходить на поляну.

— Бутерброды и бутылки с водой сложите в рюкзак Вали Соколовой. Замятин, отвечаешь за еду.

— С наслаждением, — согласился Женька, глядя, как одноклассники складывают аппетитные свёртки.

Перед экскурсией Марина Андреевна объявила:

— Десятиминутная санитарная пауза. Мальчики налево, девочки направо.

Вскоре ребята вновь окружили учительницу.

— Ребята, идём быстро. Нас уже ждут у вольеров. Никто не отстаёт, — сказала Марина Андреевна и возглавила поход к оленьей кормушке.

Класс нестройно потянулся следом.

— Баф! — крикнула Валя, когда учительница скрылась за деревьями. — Бафик, все уходят!

Несколько ребят из любопытства остановилось.

— Баф! — всё громче кричала Валя, с беспокойством глядя вслед уходящим одноклассникам.

На самом деле беспокоиться было не о чем: единственная широкая тропа вела только к оленям. Заблудиться невозможно. Самое страшное, что могло случиться — остаться без ярких впечатлений о кормёжке приручённого зверья.

Игорь Кольцов и Женя Замятин, приставленный к рюкзаку с бутербродами, не испугались таких лишений. Они вернулись и стали звать Бафа. Коля Сеницын, юморист и любитель опытов над дикими и домашними животными, тоже отнёсся к пропаже Бафа, как к новой забаве. Даже Ира Степанова, староста класса, остановилась, чтобы подождать отстающих.

Пока все звали Бафа, мяукали и обещали добавку к полднику, Игорь Кольцов обнаружил кошачьи следы за кустами на песчаной прогалине. Почувствовав себя следопытами, ребята ринулись за котом. Следы были отчётливыми и частыми. В азарте они углубились в густые заросли. Ира Степанова, самая ответственная из ребят, забеспокоилась первой.

— Не бойсь, назад по своим же следам и вернёмся, — успокоил её Женька Замятин.

— А олени? Мы же их кормить хотели.

Коля Сеницын громко заржал и предложил покормить его.

— Заметили, что мы идём по остаткам древней каменной дороги? — спросил Игорь Кольцов.

— На ней гораздо отчётливей Бафины следы, — с надеждой на удачную охоту откликнулась Валя Соколова.

И хотя Ира Степанова настаивала на том, что надо вернуться и догнать одноклассников, мальчишки почему-то решили, что древняя дорога приведёт их не только к Бафу, но и к живописным развалинам.

— «Там на неведомых дорожках следы невиданных зверей», — с нарочитым трепетом в голосе процитировал Пушкина Коля Сеницын.

— Ну да, «избушка там на курьих ножках», — хмыкнула Ира. — А вы думали, что Сливовая крепость?

— Нет, там чёрный кот «всё ходит по цепи кругом», — вспомнил второгодник Женька Замятин. — Сейчас мы его с цепи снимем — и бегом к своим.

— Наоборот, на цепь посадим, чтоб дисциплину не нарушал, — поправила обеспокоенная Ира.

Валя Соколова чувствовала себя виноватой, но не могла же она бросить Бафа в незнакомом лесу на растерзание голодным хищникам. Не ввязываясь в спор между Ирой и мальчишками, она всё громче звала блудного кота, то грозя ему всеми кошачьими карами, то обещая простить всё-всё-всё на тридцать три года вперёд.

Пробираться сквозь густые заросли даже по древней дороге было, наверное, опасно, но истошные крики ребят отогнали всё живое на приличное расстояние. Ира Степанова давно пожалела, что отстала от класса, чтобы подождать «разгильдяев», но возвращаться одной

было страшней, чем идти группой в глухую чащу. Она испуганно крутила головой по сторонам в поисках новых причин к отступлению:

— Какой странный туман! Видно, болото где-то рядом. Трясины, знаете, какими коварными бывают? Кажется, что всё ровно да сухо, и бабах в топь! — старалась напугать одноклассников староста.

Уже давно следовало согласиться с ней и повернуть назад, но каждый раз кто-то показывал на качнувшуюся ветку и кричал:

— Да вот же он! Бафик, сюда! Колбасу хочешь? Сейчас с бутербродов соскребём!

Но Баф, оставляя чёткие следы, шёл своим путём.

Продираясь сквозь труднопроходимые заросли, ребята едва не споткнулись о гранитный остов полуразрушенной арки.

Игорь Кольцов внимательно осмотрел её и сказал:

— Это часть первой оборонительной крепостной стены. За ней должно быть что-то более мощное.

И точно, через несколько шагов перед ними открылся удивительный вид: старинный каменный замок, внушительный даже в очертаниях, едва угадываемых на расстоянии. Он был словно вырезан из основания скалы, верхушка которой нависала над древним строением. Ребята застыли в изумлении перед таким чудом. Замок был словно из сказки.

— Это тот самый, Сливовый? — спросил Женя Замятин.

— Судя по диким зарослям сливы, он самый, — заверил Игорь Кольцов.

— Я думала, Марина Андреевна нам сказки лепит, — призналась староста Ира.

— Да она и сама так думает, — засмеялся Коля Синицын.

— Бафик, — тихо позвала Валя, надеясь, что чересчур самостоятельный кот хотел привести её именно сюда и сейчас появится.

Всё было как-то неправильно. Не развалины крепости, а красивый и на вид крепкий замок почти рядом с автобусным маршрутом. Хотя, сверху его, конечно, из-за скалы не видно. И всё же...

— Может, это современный секретный объект? — шёпотом спросил лучший ученик класса Игорь Кольцов. — Военные какие-нибудь опыты проводят. Животных очеловечивают или наоборот.

— Ага, — усмехнулся Женька. — Щас как выскочат бандерлоги и перестреляют отличников.

— Почему отличников? — возмущённо прошептала Ира и с сочувствием посмотрела на Игоря.

— Их не так жалко, — трагически вздохнул Коля Синицын.

— Хотя нет, это не современный объект, сейчас так не строят, — решил Игорь Кольцов. — На окнах узорчатые решётки, двери высокие. Слишком дорого. И выпукло.

Отчего-то после рассуждений Игоря это каменное великолепие вызвало в ребятах приступ паники. Словно за каждой решёткой скрывались не только вооружённые спецназовцы, недолголюбивающие отличников, но и Большие Бяки для всех детей.

— Уходим? — с надеждой спросила Ира, глядя сквозь ветки на хмурое небо. — Что-то погода быстро портится.

— Как же без Бафа? — Валя обречённо вглядывалась в загадочное строение.

Рассудительный Игорь, бесшабашный Женька и даже юморист Колька промолчали, по очереди разглядывая строение в Валин бинокль. А замок, настоящий старинный замок, выглядел и в самом деле чрезвычайно необычно: он был не таким развалившимся, как дорога, по которой ребята подошли к нему. Потому, наверное, Игорь и принял его поначалу за современный секретный объект.

— Похоже, тут много входов, — сказал Игорь, возвращая Вале бинокль.

— Зайдём? — с бравадой предложил самый старший из ребят второгодник Женька.

В душе он надеялся, что все струсят, но Игорь посмотрел на Валю Соколову, вздохнул и скомандовал:

— Двигаемся на цыпках и молча.

— Как же мы найдём там кота? — спросила Ира, полагая, что мальчишки шутят.

— По грязным следам на пыльном полу, — догадалась Валя.

Человек ниоткуда

Ребята медленно и почти бесшумно приблизились к самой большой двери замка. Осторожно потянули за массивное металлическое кольцо. Дверь стояла, как стена. Только вековая пыль спрессованными ошмётками упала ребятам на бейсболки. Другие двери за долгие годы также забыли все законы гостеприимства. В конце концов, дети попали внутрь по следам Бафа — через вентиляционное отверстие со свежевыломанной решёткой.

Первым, как старший из храбрецов, к пролomu поднялся второгодник Женька Замятин. Ухватившись за решётку, он долго вслушивался и вглядывался в таинственный мрак замка. Просунул голову внутрь и рыбкой скользнул в неизвестность. Вторым, после напряжённой паузы, на стену вскарабкался Коля Синицын. Несмотря на необычность ситуации, он воздержался от самодельных шуточек. На секунду замер и тоже исчез. Девочки посмотрели на Игоря,

безмолвно спрашивая, кто следующий. Игорь кивнул Вале Соколовой, назначив себя замыкающим.

Спуск в таинственный зал по пыльному, странно пахнущему gobелену на холодной стене тоже был необычным. Коля Синицын сказал, что теперь он видел людей-пауков и даже людей-паучих, за что и получил от старосты класса подзатыльник. А вторую затрещину от Женьки:

— Цыц, малявка. Видишь, в дальнем углу на потолке семейство упырей дрыхнет? Разбудишь и до заката тоже упырьком станешь. Хорошо, что на поляне целый класс доноров, а то бы сотню лет от малокровья мучился.

Коля непроизвольно вздрогнул. Валя почувствовала, как мурашки, которые раньше на цыпочках пробегали по спине, вдруг затопали. Ира тихо ойкнула, её белое лицо в полумраке выглядело заострённо и призрачно. Только Игорь Кольцов, не теряя времени, опустился на корточки и осветил карманным фонариком каменную мозаику на полу, чтобы отыскать следы Бафа.

Когда глаза привыкли к полумраку, ребята, прежде чем сдвинуться с места, внимательно осмотрелись. Большой зал, наверняка, когда-то был тронным. Столы и стулья, сделанные со вкусом и тщанием, расставлены вдоль стен. На каменной ступени в центре зала — массивное кресло с высокой спинкой. Стрельчатые окна по верху длинной стены были украшены витражами с цветочным сюжетом. Тусклый свет, робко пробивавшийся сквозь замысловатые наружные решётки и витражи, превращал зал в фантастический чертог, наполненный потусторонними тайнами.

Судя по следам, Баф тоже был очарован этим волшебством. Понять, куда он отправился, было невозможно: тёмные каменные плиты на выходах из зала не хранили отпечатков. Даже отпечатков самого Времени. Почему-то на них не было пыльного налёта. Видимо, сквозняки в старинных замках неустанно борются с пылью.

Игорь с Женькой, подстраховывая друг друга, обошли двери. Все оказались намертво заперты. И даже отверстия для ключа заклёпаны металлическими пластинами. Ребята долго прислушивались, надеясь уловить звук шагов, мяуканья или чего-то другого, но тишина была поистине мёртвой.

Игорь Кольцов подошёл к Вале и серьёзно, как опытный сыщик, спросил:

— Представь, что ты Баф. Куда бы ты направилась? Не ты, а он.

— Бафик такой любознательный и непредсказуемый... — пожалала плечами Валя.

Ребята снова обошли зал, подолгу останавливаясь перед каждой запечатанной дверью. Ира Степанова подошла к тронному креслу, потрогала обшивку сиденья, спинки, но сесть не рискнула. Валя

Соколова обошла трон, не поднимаясь на ступеньки. Сзади, прямо за креслом в тронный постамент была вделана маленькая узкая дверца. Валя позвала одноклассников и тихонько толкнула дверь. Она неожиданно легко подалась внутрь. Игорь включил фонарик, опустился на четвереньки и бесстрашно протиснулся в тесный, уходящий вниз проход. Валя двинулась следом. Ира хотела остаться, но, увидев, как Женька толкнул рюкзак с бутербродами в проём и стал на карачки, опасливо покосилась на высокий, едва видимый во мраке потолок. Если там и отдыхало семейство кровососов, то снизу их разглядеть было бы трудно даже при хорошем освещении. Ира тяжело вздохнула, устав сожалеть о своей ответственной доли старосты, расправила манжеты на новых бриджах, чтобы защитить колени, и прошмыгнула за второгодником.

— А я? — испуганно прошептал юморист Коля Сеницын и тоже посмотрел на потолок, где по Женькиному подозрению отдыхала стайка голодных упырей.

— Кто смеётся, тот и последний, — прыснула из темноты Ира, довольная, что Коля, а не жуткие призраки, будут у неё за спиной.

В темноте извилистого прохода ребята на крутых скатах несколько раз крепко сшибались. Девчонки взвизгивали, но воздерживались от упрёков и, сжав зубы, двигались за Игорем. И вдруг..

Игорь Кольцов едва не разбился, когда его рука скользнула в пустоту. Узкий извилистый проход закончился обрывом.

— Развернуться сможем? — спросил Игорь у одноклассников. — Или на четвереньках попятимся в гору?

— Ни фиги себе, урок Доброты получился, — нервно хохотнул Женька Замятин.

— Ага! — поддакнул замыкающий Коля Сеницын. — Всё, что было во мне доброго, я тут не нарастил, а истратил.

— А у меня добра в рюкзаке навалом, — засмеялся Женька. — Могу поделиться.

— Замятин, не трогай чужих бутербродов! — прошипела староста Ира, предчувствуя нелёгкий разговор с Мариной Андреевной.

— Надо найти Бафа, — робко напомнила Валя Соколова, измученная противоречивыми чувствами.

После короткого раздумья Игорь велел ухватить друг друга за руки, с трудом развернулся, крепко сжал Валины руки и начал сползать вниз. Его роста хватило, чтобы встать на крутую ступеньку. Он осмотрелся, потом помог спуститься остальным. Пошептавшись, чтобы набраться смелости, ребята начали медленно спускаться по неровным каменным ступеням винтовой лестницы. Чтобы справиться со страхом, Ира шёпотом считала:

— ...девяносто шестая, девяносто седьмая...

— Стоп! — скомандовал Игорь.

Ребята оказались перед дверью столь же маленькой, что и на входе.

— Интересно, как мы будем защищаться в случае чего? — испуганно спросила Ира Степанова.

Не веря самой себе, но, храбрясь перед одноклассниками, которые по её вине оказались в этом ужасном подzemелье, Валя предупредила:

— Если что-то угрожает моему Бафу, я буду нападать!

Она сняла с шеи бинокль, словно собиралась обрушить его на чью-то бедовую головушку, протиснулась к дверце и прислушалась.

— Мы будем нападать вместе, — поправил её Игорь, глубоко вздохнул, отодвинул Валю и толкнул дверь.

Легко и бесшумно дверь качнулась в темноту. Ребята вошли в зал, как две капли воды похожий на только что покинутый. Им даже показалось, что они по какому-то кручёному маршруту вернулись назад.

— Как же это? — Ира и Женька растерянно оглядывались.

— Ловушка Мёбиуса, — важно объяснил Коля Синицын, сам, однако, ничего не понимая.

Игорь Кольцов невозмутимо искал следы Бафа на полу. Вдруг его волосы под бейсболкой зашевелились и стали дыбом — из тёмного угла, не мигая, за ним наблюдали два жёлтых глаза.

— Атаc, — просигналил он одноклассникам.

Валя, отследив направление его взгляда, бесстрашно бросилась в тёмный угол.

— Бафик!!

— Наконец-то, — обрадовалась Ира Степанова. — Хватай и держи крепче своего кота. Нам давно пора вернуться. Представляю, как вам влетит от Марины Андреевны.

— Куда вам пора вернуться? — раздался низкий мужской голос из другого тёмного угла зала.

Холодное синее пламя

Услышав зловещий голос незнакомого мужчины, Валя вздрогнула, обернулась, взгляделась в сумрак большого зала. Кажется, там что-то шелохнулось. Или показалось? Паника охватила Валю. Одна мысль перекрыла остальные — схватить кота и бегом из этого дурдома на капремонт. Она резко кинулась к Бафу, но его и след простыл.

— Бафик, ты где?! — с отчаянием крикнула Валя.

— Шо, опять? — ужаснулся Женька.

Ира Степанова и Коля Синицын только охнули, настороженно глядя в угол, откуда донёсся мужской голос. Женька Замятин схватил рюкзак с бутербродами и прошептал:

— Баф, к ноге...

В напряжённой тишине всем показалось, что он крикнул. Вместо Бафа к Женьке инстинктивно приблизились Ира и Коля. Ребята стали спиной друг к другу, словно в круговую оборону. Они стояли растерянные, даже испуганные, осматриваясь в поисках кота, противника и подручных средств для ближнего боя. Не сговариваясь, ребята стали медленно отходить подальше от странной сущности в углу в сторону замершей на месте Вали Соколовой и Игоря Кольцова, который уже был у дальней стены. Схватив стул, Игорь поднял его над головой и вызывающе громко позвал кота:

— Кис-кис-кис!

— Не трогайте моего друга, он сегодня сильно не в духе, — вновь прозвучал голос по-прежнему невидимого мужчины.

Испуганная до полусмерти Ира Степанова, чтобы успокоить себя и одноклассников, повертела пальцем у виска и прошептала:

— Пьяный, наверное.

— Валька, хватай кота и валим отсюда, — прошипел Женька.

В ту же секунду чехол на тронном стуле с высокой спинкой вспыхнул ровным синим пламенем и ярко осветил большой зал. Ребята замерли, потом, испугавшись пожара, едва не бросились гасить, но, пока прикидывали, как это сделать, заметили, что стул вовсе не сгорает, хотя и объят синим пламенем. Всем стало не просто страшно — жутко.

— Ау, тут живые есть? — храбро пошутил юморист Коля Синицын.

— Уже нет, — прошамкал кто-то из другого тёмного угла.

— Значит, бояться больше некого, — нарочито грубо сказал Игорь Кольцов. — Тогда уходим отсюда.

Но вместо того, чтобы броситься к маленькой дверце в постаменте, на котором синим пламенем горел, не сгорая, трон, ребята прижались к стене. Коля Синицын тоже поднял тяжёлый стул над головой и поддержал Игоря:

— Ага, уходим. Нас и так жестоко накажут за урок Доброты. А тут мы можем ненароком усугубить Зло.

— А Баф? — прошептала Валя Соколова, едва сдерживая слёзы.

— Не бойсь, кот лучше нас знает дорогу. Жрать захочет — вернётся, — успокоил её Женька Замятин.

— Зачем ты вообще его взяла? — с упреком прошипела Ира.

— Он сам напросился, — призналась Валя, хлюпнув носом.

— Смотри, какой способный, — удивился Женька. — Тем более не стоит о нём переживать. Бежим к нашим.

Но, вопреки принятому решению, все остались стоять. От синего пламени, охватившего трон, они словно заледенели. Огонь приворожил их взгляды, мысли стали путаться, веки отяжелели, странный зал начал расплываться...

Страж портала

— Мяв!

Валя с трудом опустила глаза, словно вынырнула из глубокого сна. Баф царапал её красный сапожок, просился на руки. Валя подняла кота, посмотрела на одноклассников и едва не уронила Бафа. Застыв, как статуи, ребята смотрели на синее пламя.

— Эй, пошли! — Валя легонько толкнула каждого, но никто не шевельнулся.

— Ира! Игорь! Женя! Коля!

Валя сначала шёпотом звала каждого, потом лёгкими толчками попробовала вывести ребят из ступора, но друзья не шелохнулись. Слёзы навернулись на глаза, и Валя отчаянно закричала:

— На помощь! Помогите! Мы здесь!!!

Ей казалось, что от её крика старый потолок обрушится и раздавит беспомощных одноклассников. Она замолчала и, нервно теребя спокойного, как под наркозом, Бафа, прислушалась. Из тёмного угла послышался скрип. Валя повернулась в сторону неведомой опасности.

— Не кричи, мой друг этого не любит, — сказал тот же мужчина недовольным грубым голосом.

Валя, наконец, посмотрела на Бафа. Кот был спокоен, как после сытного обеда. Валя доверилась его чутью и решила спросить таинственного невидимку:

— Вы кто?

— А вы кто?

Валя растерялась. Припугнуть незнакомца и рассказать, как их по всему лесу ищут спасатели с собаками и вертолётами? А вдруг он испугается и со страху всех убьёт? Нет, лучше начать с правды, а там видно будет.

— Мы на экскурсию приехали. На большом синем автобусе. С классной руководительницей. У нас тут урок Доброты, — торопливо начала Валя.

— Что такое «автобус»? — спросил мужчина уже из другого угла.

Валя повернулась и собиралась ответить, как трёхлетнему Ваське на бесконечные «Это сё?»: «Подрастёшь — узнаешь», — но вдруг передумала и тоже спросила:

— Вы меня боитесь?

За троном, объатым синим пламенем, раздался короткий грубый смех.

— Тебя? — донеслось уже из другого угла.

Валя не стала крутиться на голос, а прижала к себе покрепче Бафа и с вызовом заявила:

— Сколько вас тут? Выходите, или я буду звать вас подлыми трусами, которые боятся даже слабых девчонок!

В ответ — тишина. Валя надеялась уловить хоть какое-то движение, но всё застыло, как в склепе.

«А если это и есть склеп? — мелькнуло в её голове. — Многоуровневый склеп в огромной пещере. Половина скалы разрушилась, а половина ещё нависает сверху, маскируя древнюю постройку».

Ещё она подумала, что привидения здесь томятся сотни лет. Им скучно и одиноко. Наверное, им куда страшней, чем ей. Пожалев бедных призраков, Валя немного осмелела и снова позвала:

— Выходите! Мы с Бафом вас не обидим. Честное слово, — пообещала Валя. — Бафик, да?

— Мяв! — откликнулся кот.

Минуту стояла напряжённая тишина. Валя не знала, что ей делать. Вдруг из-под стула за её спиной кто-то вылез. От неожиданности Валя едва не упала на застывшего рядом Игоря Кольцова. Маленькое существо, закутанное в тёмный плащ с капюшоном до самых глаз, приблизилось к Вале с Бафом. Капюшон упал на плечи, и Валя увидела девочку с голубыми глазами и короткими светлыми волосами.

— Ты кто? — спросила Валя, полагая, что это древняя принцесса, которая умерла в детстве.

— Я страж этого портала, — с гордостью заявила девочка.

— Ух, ты! — не стала перечить ребёнку Валя. — А где остальные? Ты можешь позвать взрослых?

Девочка смотрела на Валу не по-детски внимательно. Словно глядела внутрь, в самую душу.

— Здесь больше никого нет, — сказала она, и Валя почему-то сразу ей поверила.

— Ух, ты! — повторила она. — Значит, это ты говоришь разными голосами и пугаешь заблудившихся ребят?

Девочка кивнула. Она выглядела такой живой и добродушной. Валя никогда не видела таких прелестных привидений. Хотя она никогда не видела и других. И даже сомневалась, что они существуют. В её семье только трёхлетний Васька верил во всё невероятное.

Скорее от растерянности, чем от понимания происходящего, Валя сказала:

— Здорово! А что ты ещё умеешь делать?

— Я могу вывести тебя отсюда, — заявила девочка. — Иди за мной и не оборачивайся. Если хоть раз обернёшься, то навсегда останешься здесь.

Валя посмотрела на застывших одноклассников. Девочка покачала головой.

— Нет, я могу спасти только одного из вас.

— Хорошо, я сама позову взрослых на помощь, — решила Валя.

Но девочка грустно улыбнулась и сказала, что в это место очень трудно попасть.

— Это перекрёсток пространств. Вернуться на него может только тот, кто видит следы сопряжённых миров. Идём скорее, или ты навсегда останешься здесь.

Девочка взяла у Вали непривычно послушного Бафа и направилась к горящему синим пламенем трону. Валя, однако, не шелохнулась. Она обернулась к Игорю Кольцову. Неделию назад, когда Ирка сказала, что он часто смотрит на неё, Валя только фыркнула. Но на следующий день и сама заметила, что одноклассник, на которого засматривались все девчонки, старается держаться рядом с ней. Подумав пару дней, она решила, что из Игоря может получиться хороший друг на всю долгую-предолгую жизнь. Ещё три дня она продумывала в подробностях эту чудесную долгую-предолгую жизнь с надёжным другом Игорем Кольцовым. И вот теперь надо от всего отказаться. Навсегда обречь себя на унылую жизнь без Игоря. Бросить его, предать, предать всю свою счастливую жизнь...

— Нет, я останусь с ребятами, — тихо сказала Валя и в ту же секунду застыла, глядя на синее пламя.

Баф спрыгнул с рук девочки на каменный пол, подошёл к Вале, потёрся спиной о её красные сапожки.

— Ты был прав — Валя хороший товарищ, — сказала девочка грубым мужским голосом. — Давай проверим остальных.

— Мяв!

Ира Степанова с трудом опустила глаза, словно вынырнула из глубокого сна. Чёрный кот царапал её новые кроссовки. Ира с визгом отскочила и посмотрела на одноклассников. Ребята застыли, как статуи, и смотрели на синее пламя.

— Эй, пошли! — староста толкнула каждого, но никто не шевельнулся.

— Игорь! Женя! Коля! Валя!! Соколова!!! — Ира почти кричала ребятам в ухо.

Из тёмного угла послышался кашель. Только тут староста вспомнила об ужасном незнакомце и обернулась на звук.

— Кто тут? — строго, как Марина Андреевна, спросила она.

— Не кричи, мой друг этого не любит, — неприветливо проворчал мужчина.

Беспомощные одноклассники, какое-то чудовище во мраке — от такого оборота и мальчишка струсит. Но Ира была ответственным человеком. Глядя на застывших ребят, она возмущённо спросила:

— Это вы нас загипнотизировали? У вас тут военные опыты на детях? Немедленно прекратите! Сейчас за нами придут, и я не стану скрывать эти безобразия.

От страха Ира готова была запугать весь мир.

— Не придут, — заверил тот же голос, но из другого угла.

— Ещё как придут! — не сдавалась староста. — Наши родители тут всё перевернут. А мальчишки из моего двора... они такие... они любого, без пропуска, куда надо отправят!

— Ну что ж, подождём твоих спасателей, — пробурчал мужчина.

Ира поняла, что её угрозы были напрасными. Она не сомневалась, что их скоро будут искать, может, уже ищут, но успеют ли найти? Что вообще тут творится? На всякий случай она больно ущипнула сначала себя, потом всех ребят — нет, не сон. Баф, единственная бодрящая душа, снова куда-то исчез. Одно слово — чёрный кот.

«А вдруг это оборотень?» — испуганно пискнул внутренний голос.

Тишина действовала на старосту угнетающе, да и молчаливого незнакомца она боялась больше, чем говорящего, пусть даже таким противным голосом. Спросила первое, что взбрело на ум:

— Что это за место? Почему о нём никто не знает?

— Это перекрёсток пространств, — охотно откликнулся мужчина. — Попасть сюда может только тот, кто видит следы сопряжённых миров. Выйти отсюда может только один из вас. Хочешь домой?

— Конечно, — выдохнула Ира.

— Беги к большой двери, иначе навсегда останешься здесь, как другие.

— Навсегда? Как другие?

Ира, конечно, догадалась, что разговаривает с психом или маньяком. Она знала, что таких лучше не злить. Посмотрела на Колю Синицына, на всякий случай щёлкнула его по носу и трагически переспросила:

— Навсегда? И никаких контрольных не будет? Никогда?

— Никогда, — донеслось из-за красиво пылающего трона.

— И экзаменов не будет?

— Никогда.

— И в институт не надо будет поступать.

Ира всё спрашивала и спрашивала, ужас в её голосе постепенно затихал. Когда и ответы незнакомца стали почти спокойными, она попросила:

— Разбудите, пожалуйста, ребят. Вместе мы и сами как-нибудь выберемся, и вас всех спасём.

В ту же секунду Ира Степанова застыла, глядя на синее пламя.

— Мяв!

— Хорошо, остальных приму по твоей рекомендации, — расмеялась девочка грубым мужским смехом. — Хотела ещё Женю проверить.

— Мяв! Мяв!

— Думаешь, он на второй год остался, чтобы учиться с Ирой в одном классе? Ха! На такое мало, кто способен. Ладно, принимаются все.

Важное решение

Ребята очнулись одновременно. Мальчишки словно и не засыпали. Только сильно удивились, увидев перед собой маленькую девочку с большими голубыми глазами и Бафом на руках.

— Ваш?

Женька Замятин схватил кота, словно собирался надеть ему на лапы наручники.

— Наш, — кивнул он девочке и с участием спросил: — Заблудилась? Ничего, держись рядом. Доставим тебя к маме в лучшем виде.

По щеке девчушки скатилась крупная слеза, и когда ребята бросились утешать несчастного ребёнка, малышка голосом забуревшего мужика спросила:

— Домой собрались? А как же урок Доброты?

Смеялась только Валя Соколова. Не над девочкой, а над лицами изумлённых одноклассников. С трудом справилась с почти истерическим хохотом, чтобы объяснить друзьям ситуацию.

Первой оценила обстановку староста Ира Степанова.

— Итак, мы застряли в старинном, забытом даже правительством, замке.

Очнувшиеся от потрясения мальчишки с необыкновенной серьёзностью заново познакомились со Стражем портала и запытали девочку вопросами. Хуже всех свирепствовал Игорь Кольцов. Он читал о пространственно-временных порталах в дедушкиных журналах и знал много историй об удивительных исчезновениях. Он первый из ребят поверил, что они попали в такую ловушку. И даже рассказал друзьям несколько интересных случаев.

— На британском острове Фланнан до сих пор стоит маяк Эйлин Мур. В 1900 году там бесследно исчезли зрители. Они уже собрались домой и вдруг всей сменой исчезли.

— Волной смыло, — объяснил загадку Женька Замятин.

— Эту версию отработали первой. Не подтвердилась уликами. Все исчезли бесследно и непонятным образом. В одно мгновение, судя по остаткам завтрака на столе.

Пока все обдумывали загадочное происшествие, Игорь вспомнил другой случай.

— В 1911 году с римского железнодорожного вокзала отправился поезд на воскресную экскурсию. Паровоз и три вагона, в которых находилось более ста человек, въехал в туннель. Но из туннеля так и не выехал. Ни поезда, ни пассажиров с тех пор никто в Италии больше не видел.

Все, так или иначе, слышали о таинственных исчезновениях. Кто по телеку, кто в интернете читал. Но одно дело, когда другие бесследно пропадают, и совсем другой расклад, когда сам остаёшься без мамы-папы-бабушки-дедушки навсегда. Как-то не хочется с этим соглашаться. Цепляешься за самые пустячные сомнения. Дольше других сомневался Коля Сеницын, вышучивая любые доводы. Женя Замятин слушал внимательно и в спор не вступал.

— Что будем делать, если мы, в самом деле, выпали из своего мира или времени? — спросила Ира Степанова.

— Баф нас сюда завёл, Баф пусть и возвращает на место, — предложил неунывающий Коля Сеницын. — Валя, договорись со своим котом.

Валя гладила Бафа, не зная, во что самой верить и над чем смеяться вместе с Колей.

— Голодный он, — догадалась она по особому тону мурчания. — Пока не поест, сам никуда не пойдёт и нас никуда не поведёт.

— Вот и я такой же, — вздохнул Коля. — Жека, давай мы облегчим твою ношу.

На этот раз староста Ира Степанова не стала на защиту чужих бутербродов. Бафу нашлась душистая ветчина. Рике, Стражу поргала, понравилось ореховое печенье. Остальные ели всё подряд.

— Хорошая получилась экскурсия. Удалась на все сто, — сказал Коля Сеницын, чтобы разогнать гнетущую тишину.

— Это ты Марине Андреевне скажешь, — пробормотал Женька. — Посмотри на окна — ночь на дворе.

— Тогда давайте выбираться отсюда. Не через дверь, так через окно, — предложила Ира.

Ночь в незнакомом густом лесу, полном голодных хищников, уже не казалась более кошмарной, чем приключения в невероятном замке.

— Выбираться наружу бессмысленно, — предупредила ангелоподобная Рика грубым басом. — Здесь все пути ведут на иные уровни, связанные друг с другом непостижимым образом.

— Дурдом на гастролях, — прочавкал Женька Замятин.

— И всё же, давайте вернёмся в первый зал, — предложила Ира. — Хотя бы попробуем. Там решётка уже сломана, и дорогу оттуда по своим следам найдём.

— Это бесполезно, — сказала Рика. — Вы только переместитесь на другой уровень. Удалитесь от своих пространственно-временных координат.

Но Женька Замятин поддержал Иру, а остальным очень хотелось, чтобы они оказались правы. Рика не стала отговаривать ребят, но на прощание открыла им несколько секретов:

— В старину все крепости строились над пещерами. Это спасало защитников при полном поражении. Если, конечно, под крепостью были обычные пещеры. Однако некоторым крепостям достались «открытые» подземелья. Такие, в которых безликая субстанция космоса устроила свои непостижимые узлы между мирами. Пещеры с порталами, где происходит слияние разных вселенных. Где даже время течёт в рваном ритме в любых направлениях. Замок, в который вы попали, был первоначально крепостью, которой досталась порталная пещера. Холодное синее пламя, которое окутывает тот стул — первый признак действующего портала. Искривление звука тоже о многом говорит.

— Значит, спасенья нет? — хором спросили ребята. — Мы навсегда останемся в этом замке?

— Есть, но секретом этого портала пользуется только законный наследник.

— Который давно врезал дуба, — хмыкнул Коля Сеницын.

— В том-то и дело, что он жив, — сказала Рика. — Он знает, как возвращаться в свои миры, а не проваливаться в те, что подвернутся. Я видела его однажды, но не сразу поняла, кто передо мной, и упустила свой шанс. Теперь сторожу его здесь. Оставайтесь, и когда-нибудь он снова вернётся.

— Лучше мы сами его поищем, — стояла на своём староста Ира. Рика не стала спорить.

— Что ж, тогда запомните: переход между мирами обычно в наклонных ходах. Вверх или вниз — не важно. А главное, берегите друг друга. В исходную точку можно попасть только всем вместе.

— Мы же состаримся, если будем долго искать, — вздохнула Валя. — Вернёмся, а нас никто не узнает.

— Посмотри на Бафа, — засмеялась Рика. — Где он только ни был! У него везде есть друзья. А разве он немощен? Идите за ним, и может статься, что Баф и без хозяина замка выведет вас в тот же момент времени, в который вы вступили на древнюю дорогу. Однако его маршруты бывают кривыми, ведь он такой любознательный и непредсказуемый.

Первое испытание

Простившись с Рикой, ребята снова протиснулись в узкую маленькую дверь и на карачках поползли обратно. Подниматься

оказалось легче. Когда они выбрались в первый зал, все подумали, что им приснился странный сон. Сейчас они выберутся через вентиляционное отверстие наружу, а там мамы-папы, в истерику заплаканные, за всё их простят (даже за съеденные чужие завтраки) и на радостях пообещают что-нибудь хорошее.

Но зал, в котором они очутились, очевидно, был другой. Хотя всё в нём было таким же, как и прежде, само помещение был настолько другим, что Баф категорически не желал слезать с Валиных рук.

— Это ему запах другого времени не в нюх, — пошутил Коля Синецын.

Непонятным образом в зале было сумрачно, но всё же не полная тень, хотя из окон пробивалась, скорее, тьма, чем свет. Наверное, пол и стены немного светились. Ребята настороженно сгрудились в центре зала. Только Женя Замятин бесстрашно обошёл помещение по периметру, поискал на всякий случай вентиляционную дыру над пыльными гобеленами и под ними, но не обнаружил ничего подобного. Он подошёл к самой маленькой двери в стене напротив окон и с досады пнул её. Дверь неожиданно широко распахнулась. За ней оказался тёмный проход.

— Ура! — обрадовались ребята и побежали, как им тогда казалось, наружу, в дикий ночной лес, наполненный не жуткими тайнами, а встревоженными за них взрослыми.

Фонарик Игоря Кольцова выбивался из сил, но его света едва хватало на пять ближайших метров Неизвестности. Поворот, ещё поворот, потом ещё... Шум от торопливых шагов, отражаясь от стен, как от каменных зеркал, наполнил тёмный ломаный лабиринт зловещим гулом. На очередном повороте появилась развилка. Ребята остановились, прикидывая, по какому из двух проходов идти.

— Мальчики налево, девочки направо, и не далеко, — передразнил Марину Андреевну Коля Синецын.

Игорь Кольцов направил луч фонаря по центру левого прохода, и свет словно оборвался через несколько метров.

— Кажется, налево глухая зона, — сказал он.

— Там, конечно, может быть тупик, но это бессмысленно. Скорее всего, там дверь на свободу! — предложил Женька Замятин. — Надо бы проверить, чтобы не возвращаться.

Переглянувшись, ребята сочли Женькины доводы разумными. И действительно, через несколько метров увидели большую железную дверь. Они тихо подошли к ней и внимательно осмотрели. Дверь была совершенно гладкая, без замочных приспособлений, запертая толстым металлическим прутом, вставленным в каменные пазы. Игорь и Коля вынули прут, поставили его в угол. Женька, уцепившись за выступающий край, осторожно потянул дверь на себя. Она почти бесшумно открылась. Видимо, кто-то не ленился смазывать петли маслом.

Валя Соколова гладила Бафа по спине, стараясь почувствовать его настроение, но кот только крутил головой, впиваясь горящими жёлтыми глазами в каждую новую деталь. Ребята застыли на пороге. Игорь медленно провёл лучом фонарика по каменным стенам, мазнул по тёмным плитам на полу, и вдруг луч наткнулся на стоящий в центре комнаты стол. На столе что-то было. Что-то, по очертаниям напоминающее человеческое тело.

Борясь с новой волной ужаса, ребята медленно двинулись вперёд, надеясь, что это какие-то предметы, случайно сложенные так неудачно. Осторожно, почти след в след, они подошли к столу, с любопытством приподняли старую ткань и оцепенели. На столе под покрывалом лежал человек. Это был почти лысый мужчина с высоким лбом и крупным носом. Он был укутан в старый когда-то синий плащ с меховым подкладом. Оголённая рука поверх плаща в свете фонарика казалась бескровной.

Конечно, он был мёртвым. В другой обстановке Ира и Валя при виде покойника вскрикнули бы от ужаса, но за последнее время на них столько свалилось, что даже мурашки по спине больше не бежали.

— Странно, — сказал Игорь.

— Что именно? — спросила Валя.

— Нет запаха тления. Может, он в коме?

— Как он сюда попал? — прошептала Ира Степанова. — Дверь была заперта снаружи.

— Вот именно, — кивнул Игорь. — Кто-то его здесь запер.

Ребята задумались над жуткой загадкой. Оказывается, здесь есть сущности, ещё более несвободные, чем они.

— Кто-то его подловил, — сказал Женька Замятин.

Коля Синицын преувеличенно испуганным голосом предположил:

— Это ж, наверняка, упырь, — и, глядя на белую, почти обескровленную, тонкую руку, добавил: — Похоже, он давно на диете.

— Мяв! Мяв!! — громко откликнулся Баф, словно понял каждое слово.

Перепуганные девчонки решили, что кот согласен с Колей, и рванули из комнаты. Мальчишки едва не опередили их у выхода, но, выскочив в коридор, притормозили, чтобы закрыть дверь и вставить тяжёлый прут назад в каменные пазы.

Ребята догнали девчонок только у тронного зала. Как Валя и Ира не расшиблись о какой-нибудь угол в лабиринте, осталось загадкой. Вероятно, горящие жёлтым светом глаза орущего Бафа освещали им дорогу.

— Попались! — прогремел мужской голос из мрака огромного зала.

Разини

Проводив ребят к туннелю между уровнями, Рика выждала, когда шум затих, и двинулась следом. На её счастье Коля Синицын неплотно закрыл дверь, и девочка не только попала в ту же пространственно-временную точку, но и смогла увидеть, куда ребята направились дальше. Как только одноклассники скрылись в каменном лабиринте, она выбралась в зал, подошла к открытой двери и прислушалась. Гулкое эхо шагов окутало её сердце печалью. Сколько раз такие компании беспечно уходили в Неизвестность и пропадали навсегда... А ей так понравились эти пришельцы. Баф не обманул, когда обещал, что приведёт создания, которые не бросят друг друга в беде. Рика захотелось побывать в этом чудесном мире.

— Наверное, это лучшее место во всей Вселенной, — вздохнула она. — А сейчас из-за моей недоверчивости чудесные создания погибнут. Хищники каменных лабиринтов ни за что не упустят такую добычу.

Услышав непонятные звуки, Рика нырнула под кресло и затаилась. Когда у большой двери шарахнулись тени, она с отчаянием метнула в пространство самую надёжную свою мыслеформу:

— Попались! — прогремел мужской голос из мрака огромного зала.

— Мяв! — почти гавкнул в ответ бесстрашный, а, по мнению мальчишек, безмозглый Баф.

Рика вылезла из-под кресла и подошла к ребятам.

— Живые? — удивилась она.

— Частично, — кивнул Коля на побледневших девчонок.

Пока Игорь и Женька успокаивали Иру с Валей, Коля рассказал Рике об их неудачном походе. Услышав про тонкую обескровленную руку мужчины, Рика повернулась к коту и спросила у него, как у единственно разумного существа:

— Кольцо или след от кольца был?

— Мяв! — почти кивнул Баф.

— А на другой руке что-нибудь заметил?

— Мяв! — ещё энергичней заверил кот.

Рика выглядела потрясённой. Ребята нетерпеливо ждали объяснений, но не решались тормозить Стража портала.

— Это был Хозяин замка! — наконец выдавила Рика.

— Мяв! Мяв! Мяв! — словно взбесился Баф.

Рика уставилась на ребят в изумлении. Почему-то ей расхотелось попасть в «лучшее место во всей Вселенной», где самоотверженность, кажется, полностью замещает сообразительность. Было нечестно

с её стороны так думать, ведь однажды она тоже упустила Хозяина. Если бы она рассказала им о приметах! Но с ребятами был Баф. Кто лучше него знает все знаки, по которым узнают особых созданий Вселенной... Рика окончательно запуталась в своих рассуждениях. Но ведь ещё есть шанс!

— Вы не представляете, как вам повезло, — взволнованно воскликнула Рика. — Только что вы встретились с Хозяином замка. Если бы вы послушались Бафа, то уже были бы дома.

Ребята с недоумением уставились на Бафа. Они давно догадались, что он необычный кот. Кот, который тонко чувствует обстановку и лучше многих своих собратьев умеет манипулировать своей хозяйкой. Но, чтоб слушаться кота, как самого опытного товарища, это даже Вале в голову не пришло. С другой стороны, события складываются так необычно, что уже трудно понять, что разумно, а что наоборот.

— Бафик закричал, и мы быстро унесли его, чтобы не мучить, — стала оправдываться за всех Ира Степанова. — Конечно, мы и сами испугались. Лежит покойник, белый, словно совсем без крови. То ли больной, то ли у него упыри всё до капли высосали, а может, он и сам упырь. Тут ещё Бафик заорал как резаный. Ну, мы и побежали.

Рика укоризненно посмотрела на кота.

— Мяв! Мяв! Мяв! — отмявкался кот.

— Это он за вас обрадовался, а вы... — перевела с кошачьего Рика. — Эх, вы, разини!

Женька Замятин подхватил рюкзак с бутербродами и хмыкнул:

— Чего скуксились, мы ж его там заперли. Пошли, поймаем парзата и всю правду из него вытрясем.

Он повернулся к Рике и по-деловому спросил:

— С нами пойдёшь или направить супостата к тебе?

Девочка посмотрела на кота. Было видно, что они без слов о чём-то спорят.

— Нет, Баф хочет, чтобы я осталась, — сказала Рика и, всхлипнув, ушла вглубь зала.

Женька Замятин пожал плечами, посмотрел на одноклассников. Глядя на потушенный фонарик в руках Игоря, сказал:

— Чего стоим? Хватай мешки, паром отходит.

Ира с Валею помахали обиженной Рике и пошли за мальчишками, которые уже мчались к таинственной двери.

В знакомом проходе было тихо. Никто не ломился в дверь с другой стороны, не барабанил по ней палкой, не ругался.

— Таки врзал дуба, — предположил Коля Сеницын. — Давайте заберём у этого зомби перстень и назад к Рике. К нашей переводчице

с Бафского на человеческий. Если кот ничего дельного не предложит, сами что-нибудь придумаем.

Спорить никто не стал, но от этого охотников забирать перстни с полуживых трупов не прибавилось. Все уставились на плиты под ногами, отчаянно напрягая слух.

— Ладно, — сдался Женька Замятин. — Я тут самый старый, а вам ещё жить да жить. Только никому не говорите, что я погиб при спасении отличников.

— Век диктанты выше пары не писать! — поклялся Коля Сеницын.

Остальные кивком подтвердили страшную клятву. Ира Степанова посмотрела в глаза будущего героя с состраданием, и воодушевлённый Женька решил, что ему теперь сам чёрт не брат, а только позорный предатель.

Игорь и Коля вновь осторожно вытащили тяжёлый прут из каменных пазов, прислонили к стене. Женька бесстрашно открыл дверь и, забрав у Игоря фонарь, вошёл в комнату с покойником.

Погоня

Игорь и Коля встали на пороге и, затаив дыхание, следили за лучом карманного фонарика. Ира, стоя на цыпочках за их спинами, готова была в любую секунду броситься на помощь Женьке. Валя Соколова гладила Бафа, стараясь уловить его настроение, но кот словно окаменел.

— Никого! — наконец крикнул Женька. — Тут никого нет.

В тот же миг ребята почувствовали странный запах то ли прелых листьев, то ли старых книг. Женька направил фонарь на друзей. Луч уткнулся в огромного кота. Это шерсть на Бафе каждым волоском встала дыбом. Посреди чёрного облака горели два жёлтых огня. Баф зашипел, спрыгнул с рук и нырнул в темень каменного лабиринта.

— Чует Хозяина, — догадался Игорь Кольцов.

— Ага, взял след негодяя, — согласился с ним Коля Сеницын. — Надо было поводок ему на шею накинуть, а то опять смоемся на другой край Галактики в сторону Большого Взрыва или в скопление чёрных дыр. Дыр-дыр-дыр.

— Не каркай и не дыркай — посоветовал Женька.

Прежде чем броситься в погоню, мальчишки закрыли дверь и захихнули тяжёлый прут в каменные пазы. На развилке ребята повернули в сторону тронного зала, но Валя Соколова остановилась и крикнула:

— Баф, ты где?

Резкое лающее «Мяв!» донеслось из нехоженого прохода.

— Кругом марш! — по-физкультурному скомандовал Женька.

Игорь Кольцов с тусклым фонариком снова возглавил группу. Погоня сильно замедлилась. Незнакомый туннель внушал беспокойство. Он был словно в тумане. Или это старые стены так испаряли само Время?

Ребята взялись за руки. Страх немного отступил. Отступило и Время. Никто не знал, как давно они идут. Иногда они останавливались, чтобы позвать кота. Баф добросовестно откликнулся, и ребята шли дальше.

— Может, это уже не Баф отмявливается? — спросил Игорь Кольцов на одной из переключек.

— А кто? — насторожились девочки.

Раньше Коля Синицын не удержался бы и ответил: «Марь-Андревна-в-пальто!». Однако в этот раз он и сам едва не спросил: «А кто?», — потому что прежде Игоря усомнился в наличии путеводного кота.

— Известно кто, — пробормотал Женька Замятин. — Сам Хозяин и есть.

— А Баф где? — растерялась Валя Соколова.

— Известно где, — по-стариковски вздохнул Коля. — Активно переваривается в...

— Заткнись! — перебил его Игорь Кольцов. — Юмор свой на других тестируй.

— Чёт и мне попереваривать захотелось, — неделикатно заметил Женька.

Ира Степанова сначала фырканием указала юмористу на нечуткость, потом посмотрела на Женьку, мол, «и что тормозишь?». Замятин снял с плеча рюкзак и раздал всем по бутерброду. Пока перекусывали, Ира наблюдала за Женькой. С тех пор, как он один вошёл в комнату с мертвецом, она стала задумчивой и тише. словно всё время что-то припоминала.

Потом ребята ещё не раз останавливались и звали Бафа, стараясь уловить в гулком отмявливании что-то кошачье. Все смотрели на Валю, но она только вздыхала и пожимала плечами. Но однажды Баф не откликнулся. Даже на многократное «кис-кис».

— Кажется, пришёл конец нашим приключениям, — без выражения сказал Игорь Кольцов, и Женька, соглашаясь с ним, кивнул.

— И какой он, хороший или плохой? — спросила Ира Степанова, с сочувствием глядя на Валю.

— Поживём — увидим, — пожал плечами Игорь.

Он посмотрел на каждого, словно прощаясь навсегда, искомандовал:

— Дальше идём на авось. Первыми я с Женькой, за нами Валя с Ирой, тыл прикрываешь ты, Колян.

Никто не стал спорить. Перестроившись, они, почти не дыша, двинулись вперёд.

Игорь был прав: вскоре туннель вывел их в большую пещеру.

— Тупик? — спросила Ира.

Только когда погасили фонарь, и глаза привыкли к темноте, ребята обнаружили выход из пещеры. Но выбираться из неё было очень трудно. Узкие проходы, острые камни, высокие подъёмы...

Метелица

Первым из пещеры через узкий лаз выбрался Женька Замятин. Он вдохнул полной грудью свежий ночной воздух, расправляя лёгкие, и почти с нежностью посмотрел на полную Луну в обрамлении ярких звёзд.

— Вот это мы погуляли, — присвистнул Коля Синицын, выбравшись следом из лаза. — Набрались Добра до ближайшего педсовета.

— Будете смеяться, но мы, кажется, в тех же сливовых зарослях, — сказал Женька со счастливой улыбкой.

— В тех же, да не в тех, — возразил Игорь Кольцов, принохиваясь. Колька Синицын тоже дёрнул ноздрями.

— Чем пахнет? — спросила Ира Степанова.

— Известно чем, — нарочито тяжело вздохнул Коля. — Большими проблемами с родителями, школой и хозяевами съеденных бутербродов.

Однако, несмотря на мрачные перспективы, ребята, выбравшись из странного замка, были так счастливы, что все проблемы из их прежней уютной и защищённой жизни показались им пустячными. Переглянувшись, упали на весеннюю траву и смеялись, пока ответственная Ира Степанова на заставила всех собирать ветки для подстилки.

— До утра здесь останемся, а на голой земле сидеть и полчаса опасно, — по-стариковски ворчала девочка.

Потом долго лежали на спине и смотрели на звёзды, стараясь навсегда запомнить ощущение огромного счастья при возвращении к обычной жизни. Заснули, кажется, одновременно.

Вдруг, словно с небес, прозвучал незнакомый женский голос:

— Вставайте, дитятки.

Ребята вскочили, сбились в кучку, закрутили головами. Солнце уже пробивалось сквозь ветки большого дерева. Под этим самым деревом и стояла женщина в длинном коричневом плаще. Её голова была укрыта капюшоном.

— Вы кто? — по-взрослому строго спросила староста Ира Степанова. — Покажите Ваши документы.

Женщина внимательно посмотрела на Иру и наклонилась к земле.

— Метелица я, а вот мой документ, — сказала она, взяв на руки крупного чёрного кота.

— Баф! — взвизгнули девчонки.

— Не Баф, а Баюн, — поправила их Метелица.

Баф-Баюн спрыгнул с её рук, подошёл к Вале Соколовой, потерся о ноги, позволил взять себя на руки.

— Баюн просит вас доверять мне, — сказала Метелица. — Вставайте, нам пора.

Доверяя, прежде всего, Бафу-Баюну, ребята пошли за Метелицей.

— Куда мы идём? — из вежливости и любопытства спросил Игорь Кольцов.

— На большую дорогу, — ответила женщина.

— «Романтики с большой дороги», — пропел Коля Сеницын.

— Сейчас княжна по ней проезжать будет, — добавила Метелица. — Голубушка наша Анна свет Ярославна.

— А Наполеон там будет? — засмеялся Коля Сеницын.

— Который? — спросила Метелица.

— Который француз.

— Нет, жениха Аннушки нарекли от рождения Анри. Андрюшей по-нашему. Вот к нему Аннушка и едет с обозом.

Ребята переглянулись. Ира Степанова незаметно покрутила пальцем у виска. А Метелица, бодро шагая по тропинке между густыми зарослями дикой сливы, торопилась объяснить:

— Жалко Аннушку в дикий край отдавать. Сватали её за другого, Хенрика. За императора Римской священной империи. Да тот дураком оказался, не её выбрал. Аннушка, голубка наша, осерчала и с досады объявила, что выйдет за любого проходимца, кто первый посватается. Анри-франк и посватался, забодай его комар. Вот такое горе-горькое у нас приключилось.

Метелица замолчала. Все шли молча.

— А дальше? — спросил Игорь Кольцов, который почему-то отнёсся к словам сумасшедшей с доверием.

— Плакала княжна, плакала, да и пришла к нам с Баюном в избушку. Где ж ей ещё помощи-то искать? От слова своего княжне не отказаться, но и в глухомань франкскую ехать жутко. Вот Баюн

и придумал хранителей для княжны найти. Будете беречь Анну свет Ярославну на чужбине.

Ребята шли, не вслушиваясь в бред старой женщины. Каждый думал о своём. О том, что из случившегося можно рассказать друзьям, что учителям, что родителям. Получалось, что никому ничего знать не надо.

— Давайте всем скажем, что мы заблудились, — перебив Метелицу, предложила староста Ира Степанова.

— Конечно, мы заблудились, — поддержал её Женька.

— Только не в лесу, а во времени, — вставил Игорь.

— Тоже свихнулся? — спросил Коля Сеницын.

Баф-Баюн спрыгнул с Валиных рук, подошёл к Игорю и громко одобрительно мявкнул.

— Думаешь, мы в Киевскую Русь попали? — спросил Женька Замятин без улыбки.

— Баюн вас привёл, — поправила Метелица. — В далёком будущем вас отыскал.

— Зачем в такую даль тащился? — хмыкнул Коля Сеницын.

Метелица остановилась перевести дыхание.

— Это, сынок, долгий разговор, — вздохнула она. — Тут много чего знать надо, чтобы хоть малость понять. А нам сейчас никак обоз Анны свет Ярославны упустить нельзя. Без неё весь свет погибнет. Да сами всё увидите.

Метелица повернулась и почти побежала. Баф-Баюн пронзительно посмотрел в глаза каждому из ребят, мявкнул и побежал за хозяйкой. Ребята растерянно переглянулись.

— Да вы что, — удивился Коля Сеницын, — правда, верите, что мы в прошлом?

— Да, — кивнули Игорь и Женька.

Коля посмотрел на девчонок, те были подозрительно серьёзными.

— И что мы тут будем делать? — спросил он с усмешкой, всё ещё надеясь, что одноклассники его разыгрывают.

— Что Баф-Баюн подскажет, — серьёзно ответила Валя Соколова.

— Считай, что урок Доброты только начался, — поддержал её Игорь.

Первая встреча

Метелица выбежала на пустую дорогу и упала на землю. Женька бросился к старой женщине, чтобы помочь подняться, но та приподняла голову и сердито крикнула:

— Не топочи!

Ребята догадались, что она приникла ухом к земле, как Баба-Яга в фильме «Морозко». И точно, через минуту Метелица поднялась, отряхнулась и сказала:

— Полчаса как проехали. Значит, заночуют в берёзовой роще. Дальше топь, весенняя распутица, на ночь глядя дальше не полезут.

Игорь всё время чувствовал какую-то неувязку с обозом княжны. Наконец, он понял, что его смутило и спросил:

— Как же княжна в этих землях оказалась? Ей из Киева надо было на закат ехать.

Метелица тяжело вздохнула.

— Голубушка наша пока со всей роднёй не простится, Русь не покинет. Навсегда оставить родной край — тут от каждого родича доброе слово пригодится.

К вечеру нагнали княжий обоз. Как предсказывала Метелица, шатры стояли среди берёз с нежной молодой листвой.

— Ничего не бойтесь, идите за мной. Только тихо, — велела старая женщина. — Я всем обозным людям глаза отведу, они вас и не увидят.

Ребята шли по лагерю цепочкой и только удивлялись, что никто на них внимания не обращает. Словно и не видят вовсе. А у Вали такие красивые красные сапожки, у Иры новые бриджи.

В шатре у княжны было просторно. Едва ребята вошли, рыжеволосая девушка бросила на них быстрый взгляд и велела людям оставить её одну. Все подчинились тотчас. Прошли мимо гостей, будто и не заметили их.

Как только вышла последняя девушка, рыжая бросилась в объятия Метелицы и разрыдалась.

— Не плачь, голубка моя, свет Аннушка, — утешала её колдунья, — я тебе хранителей привела. Баюн сам всех крепко испытал.

Княжна всхлипнула в последний раз, повернулась к ребятам. Те смотрели на девушку во все глаза.

— Молоды они ещё, какие из них хранители, — разочарованно вздохнула Анна.

— Это ничего, — успокоила её Метелица. — Ты, главное, к жениху не спеши, на зиму у сестры Анастасии, королевы Венгрии, останься, а там Баюн к тебе и приведёт хранителей. Они к тому времени многомудрыми станут.

С трудом подбирая слова, а чаще пользуясь переводами Метелицы, Анна несколько часов беседовала с гостями.

— Какие склонности у вас? К каким ремёслам склонны? — спрашивала она у каждого и на каждый ответ кивала: — Добро, будет у меня зело дивный зодчий... Добро, будет у меня затейливый сказитель... Добро, будет у сыновей многомудрая мамка... Добро, будет

у рода врач, чтобы ставить убогих в рать... Добро, будет у сыновей храбрый дядька...

Уходили от обоза княжны тем же порядком, но уже на рассвете. Когда отошли подальше, Игорь, наконец, задал вопрос, который вертелся на языке у ребят:

— Как же мы за год «многомудрыми» станем?

— У кого год, у кого десяток, положитесь на Баюна, он цепь событий вяжет без изъяна.

— А почему мы должны возвращаться? — с вызовом спросила Ира. — Через десять лет я и сама замуж выйду. Как же я семью брошу?

— Не тревожьтесь об этом, — сказала Метелица. — И свою судьбу проживёте, и княжне послужите. Придёт время, сами всё узнаете.

Дальше по дороге шли молча. Только у избушки Метелицы Коля вздохнул:

— Эх, и вломят же нам за то, что пропустили редкое зрелище, как олени сено жуют.

— Не печалься напрасно, — улыбнулась Метелица, — Баюн вас быстро выведет, куда надо. Он дыры между мирами видит. Никто и не узнает о ваших мытарствах.

— Что ж мы до вас такими кривыми дорогами добирались? — возмутилась Ира.

— Испытание вам такое было назначено, — объяснила колдунья. — Без испытания никто сквозь время не пройдёт. А вам ещё не раз между мирами шастать.

— Смотри, какая космоготика! — присвистнул Коля Синицын. Метелица засмеялась:

— Смешное слово. Пусть оно будет для вас заветным. Храните его.

— Хранители космоготики, — хохотнул Коля, но ребята не поддерживали его веселья.

За последнее время на них выпало столько чудес, столько испытаний, что спорить уже не было сил. Прощаясь с Метелицей, ребята хотели чем-то помочь: воды натаскать, дров наколоть, посуду перемыть, но хозяйка замахала руками:

— Идите уже, пока Баюн нас всех не замаячил.

И снова одноклассники вступили в заросли дикой сливы, но на этот раз кот был на виду. Подняв хвост, он гордо вышагивал по каменной дороге, которая с каждым шагом становилась всё более старой. Только перед самой поляной, на которой стоял экскурсионный автобус, Баф рванул вперёд и улёгся у переднего колеса.

— Кота заберите, будет, чем волков побаловать, — проворчал водитель.

Одноклассники, растянувшись в нестройную цепочку, под предводительством Марины Андреевны, ещё не все скрылись за поворотом Кто-то из них обернулся на шутку, кто-то прыснул, не оборачиваясь.

— Похоже, отряд не заметил потери бойцов, — разочарованно хмыкнул Коля Сеницын, выбираясь на поляну.

Валя подхватила Бафа на руки и поспешила за остальными, чтобы не раздражать Марину Андреевну хотя бы на уроке Доброты. Коля и Женька направились следом, прикидывая, как объяснить пропажу бутербродов.

— Скажем, что волки съели, — предложил Коля. — Кинь им последний бутерброд.

Женька помотал головой:

— Лучше Бафу отдать.

— Ну, уж нет! — отказалась за кота Валя и прибавила шаг.

Замыкали цепочку экскурсантов Ира и Игорь. Под впечатлением от встречи с Анной Ярославной, они обсуждали, кто в какой институт должен поступить.

— Прикинь, в те времена у франков ни одного каменного дома не было. Княжне архитекторы позарез нужны будут.

Урок Доброты

Марина Андреевна вышла на площадку с вольерами. Класс сильно растянулся на тропинке, и учительница остановилась, ожидая последних учеников. Егеря заповедника уже раскладывали корм, и опоздавшие могли бы не увидеть много интересного. Марина Андреевна нетерпеливо пересчитывала учеников.

Наконец, на повороте показались отставшие: Валя Соколова с чёрным котом на руках, задумчивый бузотёр Женя Замятин, непривычно грустный юморист Коля Сеницын. Последними шли староста Ира Степанова и лучший ученик класса Игорь Кольцов. Они улыбались и о чём-то негромко спорили.

Глядя на них, Марина Андреевна тоже улыбнулась и подумала: «Какой сегодня чудесный день! Ребята надолго запомнят этот урок Доброты».

Саров, Нижегородская область, Россия

Дмитрий Кудрец

ШИШУНЯ ИЗ ШИШУНОВ

Глава первая

Откуда оно взялось, и что это за существо в семействе Ромашкиных не имели ни малейшего представления. Оно появилось под утро, испугав до полусмерти маму Ромашкину, которая, едва поднявшись с постели, отправилась на кухню сварить себе чашечку кофе. Каково же было её удивление, когда она увидела возле раскрытого холодильника неведомое создание. Оно сидело на полу и, с аппетитом уплетая сосиски, что-то ворчало себе под нос. От неожиданности мама Ромашкина вскрикнула. Услышав мамин возглас, существо перестало жевать и, часто захлопав глазами, произнесло:

— Чаво шумишь? Людей разбудишь.

Оттого, что существо оказалось ещё и говорящим, мама Ромашкина закричала ещё громче и, схватив веник, попыталась отогнать непрошенную гостью от холодильника, на что та лишь недовольно зашипела. На мамин крик на кухню сбежалась вся семья Ромашкиных — папа и десятилетняя дочка Настя.

— Что случилось? — обратился к маме ничего не понимающий папа.

— Сам посмотри, — мама указала на существо, которое, не смотря на то, что только что получило веником, все равно продолжало лопать сосиски из холодильника Ромашкиных.

— Кто это? — папа изумлённо разгадывал неизвестное создание. — Крыса?

— Сам ты крыса! — огрызнулось существо. — Я Шишуня. Шишуня из Шишунов.

— Шишуня? — родители ошеломленно переглянулись.

И только Настя сохраняла полное спокойствие. Подойдя поближе, она села на корточки и с любопытством разглядывала поедательницу сосисок. Неизвестное создание было ростом чуть выше табуретки и напоминало старинную самодельную куклу. Ноги создания были обуты в крохотные лапотки, сплетённые из берёзовой коры. Платье было потрёпанным и всё в заплатках, а на вязаном шерстяном платке местами виднелись дырки. Маленькие зелёные глазки, нос картошкой на давно немом лице, рыжая взъерошенная шевелюра на непомерно большой голове, никогда не знавшая расчески. Вдобавок от неизвестного существа пахло болотом и тиной. Оно сидело на полу, вытянув ноги, и усердно запихивало в рот сосиску.

— Ты кто? — Настя обратилась к гостю.

— Ты чаво? Глухая? — существо опять захлопало глазами. — Я ж вам сказала. Шишуня я. Шишуня из Шишунов.

— Шишуня? — переспросила Настя.

— Она самая, — подтвердило существо, принимаясь за очередную сосиску.

— Я про таких зверей не слышала, — задумчиво произнесла Настя.

— Мало, про чаво ты не слышала! — Шишуня икнула. По-видимому, она съела слишком много сосисок.

— Настя, — строго произнесла мама, — держись от неё подальше. Этот зверь может быть опасен.

— Сама ты опасная! — огрызнулась Шишуня. — Да и не зверь я вовсе. Кикимора я. Что ни на есть всамделишная кикимора. Из Шишунов.

— А где это Шишуны? — спросила Настя.

— Не где энто, — поправила Шишуня, — а кто энто. Шишуны — это болотные кикиморы.

— Разве есть ещё и другие?

— А как же! — воскликнула Шишуня. — Конечно же, есть. И рячные. Я лясные. И даже полявые.

— Ну, хватит! — рассерженная мама Ромашкина захлопнула дверь холодильника прямо перед носом незваной гостьи. — С меня довольно! Сегодня выходной и я хочу как следует отдохнуть.

— Так отдыхай, — беззаботно проговорила кикимора. — Кто ж тебе не даёть?

— Ты не даёшь! — вскричала мама.

— Энто как это? — удивилась Шишуня.

— А вот так это! — мама передразнила Шишуню. — Я прихожу к себе на кухню и что я там вижу? Неизвестно кто ест мои сосиски.

— Я не неизвестно кто, — снова поправила Шишуня. — Я Шишуня. Можете звать меня Шишей, коли желаете.

— Я желаю, чтобы ты поскорее убралась отсюда! — мама не была расположена к разговорам с кикиморой. — Паша, скажи ей!

Мама строго взглянула на папу, который всё это время стоял у двери и зевал.

— Что сказать? — папа опять зевнул.

— Вот так всегда! — возмутилась мама. — Когда нужно принять решение, ты только зеваешь. Выгони эту пакость вон! Я не желаю больше её видеть в своём доме! Я хочу, в конце концов, выпить чашечку кофе.

— Ну, так пей, — Шишуня отодвинулась в сторонку, давая маме Ромашкиной возможность пройти к плите. — Кричать-то чаво?

— Послушай! — мама рассердилась не на шутку. — Ты врываешься в мой дом! Ешь мои сосиски и ещё возмущаешься при этом!

— А чаво? — Шишуня недоумённо хлопала глазами. — Нора у вас тёплая, просторная. Места всем хватает. Вот у вас и перебыюсь до весны.

— До весны?! — взбунтовалась мама. — Ну, уж нет! Паша! Сейчас же вышвырни эту мерзость за дверь!

Мама была настроена решительно. Папа Ромашкин, не желая спорить, послушно шагнул к кикиморе. Та опять недовольно зашипела. Папа в нерешительности замер. С одной стороны он не знал, как подступиться, а с другой стороны он не мог послушаться мамы. Заметив папину заминку, Шишуня поднялась с пола и заковыляла на своих коротеньких кривых ножках к выходу.

— Не надо меня вышвыривать! — обиженно пробормотала она. — Я и сама могу пойти. Не жалайте, кабы я у вас жила, так и не надо! Больно и хотелось!

Вся семья Ромашкиных направилась следом за Шишуней. Проходя мимо распахнутой в зал двери, Шишуня из любопытства заглянула в комнату. Оценила обстановку и остановилась.

— Что ещё? — мама торопилась выпроводить кикимору из дома.

— Ничаво, — грустно вздохнула Шишуня и заковыляла дальше. — Живут, как бары, а бедной кикиморе и места жалко. А сколько мне надоть того места? Уголок, закуток и всё. Я ить и на полу могу поспать.

Но мама не слушала Шишунины ворчания. Она открыла входную дверь и ждала, когда этот утренний кошмар закончится. Шишуня с поникшей головой доковыляла до двери.

— Значицца гоните?

Мама ничего не сказала. Она кивнула на дверь.

— Мама, пусть она останется, — Насте стало немного жаль незваной нахальной гостьи. — Куда она пойдёт? На улице ведь холодно. Пап, ну что ты молчишь?

— А что сказать? — папе Ромашкину было всё равно. Ему поскорее хотелось вернуться в тёплую постель.

— Мам? — Настя умоляюще смотрела на мать. — Пусть она остаётся.

— Нет, нет и ещё раз нет! — категорично произнесла мама Ромашкиных.

— Но почему? — не унималась Настя.

— Потому что диким животным не место в городской квартире.

— Сама ты дикая! — огрызнулась Шишуня и вдруг, шлепнувшись на пол, запричитала: — Бедная я! Разнесчастливая! И никому я не надобная! И никто меня не любит! Что же мне теперича на улицу идтить? На мороз? На холод? На голод? Так ить погибну я там! Помру! Замёрзну! И поминай, как звали! И никто ить не вспомнить, что была така Шишуня! Шишуня из Шишунов!

Кикимора рыдала так жалостливо, так надрывно, что маме Ромашкиных стало её жалко.

— Ну, хорошо, — смягчилась она. — Если тебе на самом деле некуда идти, то можешь остаться у нас. На некоторое время.

— Вот и добренько! — воскликнула Шишуня, растирая слёзы по своей и без того чумазой мордочке. — А я таки знала, что вы меня оставите. Да и кто б отказался занять у себя самделишнюю кикимору? Да не каку-нибудь там, а из самих Шишунов. А я так много места у вас и не займу. Где-нибудь в уголочке, в закуточке пристроюсь. Вот и перезимую.

— Где же мы тебя держать станем? — мама Ромашкина ломала голову над тем, что бы приспособить под жильё для нового обитателя. Её взгляд упал на старую коробку из-под телевизора, которую она давно просила папу выбросить, и у которого постоянно не доходило до этого руки. Шишуня тоже заметила, что мама как-то странно смотрит на коробку.

— Чаво энто? — зашебетала она. — Вы меня в энто ящик замуровать жалаите? Я на энто не согласная! Не могу я в ящике жить. Да и кто согласится жить в ящике? Никто не согласится! Вот и я не согласная!

— Как это не согласна? — возмутилась мама. — Тебе же нужно где-то спать?

— Я люблю спать на кровати, — продолжала щебетать Шишуня. — На мяконькой, тепленькой, с пяринкою, с одеяльцем, с подушечкой.

— Где же я тебе возьму кровать? — мама уже сожалела о своем решении оставить кикимору у себя дома.

— А у меня есть подходящая, — предложила свои услуги Настя. — От куклы. Я думаю, она Шишуне будет в самый раз. Пойдём, покажу.

— Пойдём, — мотнула головой Шишуня и с заносчивым видом прошла мимо ошарашенных утренним происшествием Ромашкиных вслед за Настей в её комнату.

Настина комната была сплошь завалена различными игрушками, которые ей постоянно дарили не только папа и мама, но и ближайшие родственники. Здесь были плюшевые мишки, пушистые зайчики, симпатичные собачки и резиновые слоны. Под кровать были засунуты коробки с конструкторами, половину из которых Настя ни разу не открыла. В углу, в коробке из-под микроволновой печи были сложены мозаики, домино, шашки, шахматы. Но особой Настинной гордостью были куклы. Большие и маленькие. Длинноногие Барби и смешные пупсы. Аккуратно расставленные и рассаженные по всей комнате они удивленно смотрели вокруг себя цветными пластиковыми глазами.

Войдя в комнату, Шишуня тут же направилась к дивану, возле которого был оборудован кукольный домик. Вернее, это был не домик, а всего лишь одна комната с кроватью, шкафом, столиком и парой стульев. Шишуня тут же примерилась к кровати.

— Ничаво, — проговорила она, усевшись на кукольную кровать. — Только жестковато маленечко. А так ничаво. Сойдёт.

— Располагайся, — на правах заботливой хозяйки сказала Настя.
— А пяринки нетути? — Шишуня потрогала рукой жестковатый матрас на кукольной кровати.

— Перины нет, — улыбнулась Настя. Её веселило то, как Шишуня коверкает слова.

— Жалко! — огорчённо вздохнула Шишуня. — Ну и так сойдёт. Главное, что в тяпле и в святле. Да и кровать аккурат по моему росту.

Шишуня ещё раз примерилась к новой постели, затем поднялась и с важным видом стала расхаживать по комнате, внимательно рассматривая обстановку. Заметив на диване синего зайца, Шишуня всплеснула руками:

— Батюшки родныя! Энто шо за звярушка?

— Это же заяц! — воскликнула Настя. — Ты что никогда зайцев не видела?

— Чаво энто не видела? Видела. Только зайцы они все серыи или рыжии. А энтот синий. Нет, — недовольно протянула Шишуня, — не заяц энто. Не заяц.

— Возможно, ты и права, — согласилась Настя.

— Ну как вы тут? — в дверях комнаты показалась мама Ромашкина.

— Хорошо, — ответила Настя.

— Тогда мойте руки и идите за стол. Завтрак уже готов, — мама скрылась за дверью.

— Пойдём завтракать? — Настя направилась к выходу.

— Не-а! — отмахнулась Шишуня. — Ты иди себе. А я туточки подожду. Я уже наелась.

Шишуня довольно погладила себя по круглому брюшку.

— Ну как хочешь, — Настя отправилась на кухню, оставив гостью обживаться на новом месте.

На завтрак мама приготовила овсяную кашу, которую Настя терпеть не могла. Сама мама на завтрак пила только кофе. Папу же ни овсянка, ни кофе не прельщали. Он любил поесть плотно и много. Но сегодня есть было нечего. Все сосиски съела Шишуня, а в магазин мама Ромашкиных ещё не ходила. И папа вынужден был довольствоваться обыкновенной яичницей, в которую он для вкуса добавил томатной пасты. Настя, посматривая, как папа уминает дымящуюся глазунью, нехотя ковырялась ложкой в остывающей каше.

— Ешь быстрее, а то остынет! — строго произнесла мама, размешивая сахар в чашке.

— Я не люблю овсянку, — нахмурилась Настя.

— Овсянку нужно есть, — сказал папа. — Там много витаминов.

— А почему вы тогда её сами не едите? — удивилась Настя.

— Потому что мы взрослые, — ответила мама.

— Ах! — мечтательно произнесла Настя. — Как бы я хотела поскорее стать взрослой. Я бы могла есть на завтрак всё, что захотела бы, а не эту противную овсянку.

— Ну, до этого ещё далеко, — мама допила свой кофе и направилась к раковине мыть чашку. — А пока ешь, и не разговаривай.

— Ну как тебе твоя новая соседка по комнате? — папа Ромашкин с аппетитом уплетал яичницу.

— Ничего, — ответила Настя. — Странная она. Разговаривает смешно. Вроде бы и по-нашему, а половина слов непонятна.

— Что ж тут странного? — удивился папа. — Она ведь в болоте жила.

— А мы когда в деревне были, — продолжила Настя. — На болоте никаких кикимор не видели. Там только лягушки встречались.

— Ну! — многозначительно протянул папа, не зная, что ответить. — Наверное, она в таком болоте жила, до которого люди не добрались.

— А почему она тогда людей не боится? — не унималась Настя. — И почему она разговаривает?

— Ты задаёшь слишком много вопросов, — мама принялась готовить обед.

— И всё же? — Насте хотелось узнать побольше. — Ведь все говорят, что кикиморы только в сказках бывают.

— Получается, что не только в сказках, — папа растерянно пожал плечами.

— Я всё понимаю, — мама никак не могла успокоиться, — в нашей жизни возможно всякое. И кикиморы, и лешие, и домовые. Но почему она выбрала именно нашу квартиру? Разве она не могла пойти к соседям? Или ещё к кому-нибудь. Почему она заявила именно к нам?

— На этот вопрос я не могу ответить, — папа разделался с завтраком и подал маме грязную тарелку. Мама, не глядя, поставила её в раковину.

— Напрасно я согласилась оставить её у нас, — продолжала сетовать мама Ромашкиных. — Чует моё сердце, что мы с этой кикиморой намаемся.

— Да что она может сделать? — спокойно отозвался папа Ромашкиных. — Она ведь такая маленькая, безобидная.

— Так уж и безобидная! — вспыхнула мама. — А кто все сосиски съел?

— Наверное, ей просто очень хотелось есть, — заступилась Настя за Шишуню.

— Могла бы съесть что-нибудь другое! — маминому возмущению не было предела. — Что я теперь к макаронам подам?

— Там же ещё оставались котлеты, — посоветовал папа.

— Котлеты? — мама Ромашкиных строго посмотрела на папу. — Котлеты вы съели ещё вчера. У кого привычка есть по ночам?

— Похоже, не у одного меня, — папа намекал на Шишуню. — Но ведь макароны можно есть и без сосисок. С сыром, например, или с кетчупом.

— Я люблю макароны с кетчупом, — вставила своё слово Настя.

— Ты лучше ешь свою овсянку! — мама нервничала. — Мне посуду мыть нужно.

Настя замолчала и тоскливо посмотрела на нетронутую кашу, есть которую ей совершенно не хотелось. Вот если бы мама сейчас вышла из кухни, то можно было бы выбросить кашу в мусорное ведро. Но мама никуда не собиралась уходить. Просить же папу помочь справиться с кашей, тоже было бесполезно. Папа Ромашкин ещё больше Насте не любил овсянку. Делать нечего, и Настя, зажмурившись, поднесла ложку с кашей ко рту. В это время из Настиной комнаты раздался страшный грохот. Семья Ромашкиных тут же поспешила на шум.

Посреди Настиной комнаты в куче книг, игрушек, разбитых вазонов с цветами недоуменно хлопала глазами Шишуня. Как только в дверях появились перепуганные Ромашкины, она сразу же заверещала:

— А я чаво? Я ничаво. Я хотела тряпочку взять, чтоб на кроватку постелить, а воно как рухнет! Я так перепугалася! Так перепугалася!

Шишуня кивала в сторону книжной полки, болтавшейся на одном гвозде. Скорее всего, кикимора полезла за чем-то на полку, а та не выдержала и сорвалась.

— Ты не ушиблась? — Настя подскочила к Шишуне.

— Да нам не привыкать! — отмахнулась Шишуня. — Я и не с такой вышины падала. Было дело.

— Да! — усмехнулся папа, глядя на разбитые цветочные горшки. — Порядок тут теперь долго наводить.

— А я вас предупреждала! — строго сказала мама. — Мы с этой кикиморой ещё наемся.

Сказала и отправилась на кухню готовить обед. А Настя с папой принялись за уборку. Папа вешал на место полку, Настя разбирала книги и игрушки. Шишуня, чтобы не мешать, забилась в свой уголок и искоса наблюдала за тем, как Настя расправляется со следами погрома. Когда полка была водворена на место, а книги и игрушки были расставлены по своим местам, папа отправился на кухню помогать маме, а Настя стала убирать землю из цветочных горшков. Притащив пылесос, она включила его в розетку и нажала выключатель. Пылесос загудел и начал всасывать в себя остатки земли и растений. Услышав рев неведомой машины, Шишуня поспешила юркнуть под диван и заголосила:

— Батюшки родные! Да одкель он взялся-то? Его ж, сдаётся, убили!

— Кого убили? — не поняла Настя и выключила пылесос.

— Как кого? — Шишуня высунулась из-под дивана и опасливо посмотрела на пылесос. — Змея Горыныча. А вон нет. Живой. Только что это он на себя не похож стал? Истошал, наверно.

Настя догадалась, о чём речь, и засмеялась:

— Это не Змей Горыныч. Это пылесос. Машина такая, чтобы мусор убирать. Вот смотри.

И Настя опять нажала на кнопку. Пылесос снова заревел, а Шишуня снова скрылась под диваном.

— Чаво это твоя машина всё в себя сосеть? — донеслось из-под дивана. — Так ить она и меня засосать могёт. И поминай, как звали. Бедная, разнесчастная Шишунечка. И почто меня извести хочут? Почто меня со свету сжить хочут? Я ведь никому ничаво худого не делала!

Не обращая внимания на Шишуняны возгласы, Настя продолжала убирать в комнате. Когда с мусором было покончено, Настя выключила пылесос и отнесла его обратно. Вернувшись в комнату, она застала Шишуню сидящей на подоконнике. Кикимора болтала ножками и задумчиво глядела в окно.

— Что ты там увидела? — поинтересовалась Настя, садясь рядом.

— Чаво увидела? — грустно вздохнула Шишуня. — Да ничаво особливого. Снег кругом. Деревья голыя. Бр-р.

Шишуня поёжилась.

— Ты что не любишь зиму? — спросила Настя.

— Так кто ж её любить? Зима — не лето. Холодно, противно. В лясу ни грибов нетути, ни ягод.

— А я зиму люблю, — заметила Настя.

— За что ж её любить? — не понимала Шишуня.

— Зимой можно кататься на лыжах, — стала пояснять Настя своей гостье. — На коньках. Зимой бывает самый чудесный праздник в году.

— Какой-такой праздник? — переспросила Шишуня.

— Новый год. А у вас в лесу празднуют Новый год?

— Ну, во-первых, не в лясу, а в болоте, — поправила Шишуня. — А во-вторых, нам там не до праздников. Надо грибы-ягоды собирать, коряшки-травки всякия, к зиме готовиться. Нетути у нас праздников.

Шишуня замолчала. Какое-то время она и Настя молча смотрели в окно, за которым медленно падал белый лёгкий снег. Падал и ложился на голые ветки деревьев, на проходивших мимо людей, на проносившиеся с шумом машины. Погода была отличная, светило яркое солнышко и оттого белый снег казался ещё белее, ещё чище.

— Настя! — раздался из кухни мамин голос. — Иди обедать. И кикимору тоже зови.

— Нас зовут, — Настя слезла с подоконника. — Или ты опять не будешь есть?

— Чаво энто не буду? — Шишуня ловко спрыгнула на пол. — Ещё как буду. Что-что, а поесть я никогда не откажуся.

И Шишуня засемила следом за Настей на кухню.

— Руки вымыли? — спросила мама, наливая суп в тарелки.

— Вымыли, — хотела солгать Настя, но, встретив строгий мамин взгляд, повернулась и направилась в ванную.

— Ты куда? — спросила Шишуня.

— Руки мыть, — ответила Настя. — И тебе не мешало бы помыться.

— Ещё чаво! — вспыхнула Шишуня. — Я ж не пачкалась. Чаво зря мыться? Да и за водой лень идтить.

— Никуда идти не нужно, — Настя открыла дверь ванной. — К нам вода сама приходит.

— Как энто? — не поняла Шишуня.

— А вот так, — Настя открыла кран, и в раковину тоненькой струйкой побежала вода.

— Батюшки родные! — всплеснула руками Шишуня. — Ручей в доме. Ну и чудяся!

Пока Настя мыла руки, Шишуня успела облазить всю ванную. Она даже умудрилась попробовать на вкус кусок мыла. Мыло оказалось несъедобным, и Шишуня долго отплевывалась.

— Пакость кака! Пахнет земляникой, а на вкус — тьфу! И занчем вам эта дрянь?

Шишуня попыталась забросить кусок мыла под ванну, но Настя успела выхватить его из рук кикиморы.

— Ты что? Это же мыло. Им руки моют.

— А разве без этой дряни нельзя помыться? Я, к примеру, водой моюся.

— Настя! — снова послышался из кухни мамин голос. — Ты скоро?

— Уже иду! — Настя вытерла руки полотенцем. — А ты? Будешь мыться?

— Не-а! — отрицательно покачала головой кикимора. — Я чистая.

— Ну как хочешь, — Настя закрыла кран и пошла на кухню. Шишуня побежала следом.

Папа с мамой уже сидели за столом. Настя села на свое место, Шишуня осмотрелась по сторонам.

— А где мое место?

— Вон там, — мама кивнула на мисочку, стоявшую на полу возле холодильника.

— Чаво энто? — возмутилась Шишуня. — Я на полу есть буду? Я вам что? Собака кака-нибудь? Или звярушка? Я не привыкши с полу есть. Я привыкши есть за столом.

— Я же не могу пустить тебя за стол, — возразила мама Ромашкиных.

— Чаво энто? — не понимала Шишуня. — Я у себя в болоте всегда за столом ела! И тут за столом жалаю!

— Нет! — мама стояла на своем. — За стол я тебя не пушу!

— Ах, я бедна! Ах, я несчастна! — заголосила Шишуня. — Места мне нетути! Сиротинушка я разнесчастлива! Доля моя горька! Меня с полу ести заставляють! И за что мне энти напасти?

— Мама, — Насте стало жалко кикимору. — Пусть она за столом ест. Вместе со всеми.

— Ни за что! — ответила мама.

Шишуня заголосила ещё громче.

— Ну, пусть она ест вместе со всеми, — вступился за кикимору папа. — Лишь бы молчала.

— Но от неё воняет! — противилась мама.

— Как энтэ воняит? — Шишуня перестала голосить. — И вовсе не воняит! Ну, разве что болотом. Так Шишуня все болотом пахнут. А я чистая. Я в прошлом году мылася!

— Хорошо, — согласилась мама, понимая, что Шишуня не успокоится, пока не сядет за стол. — Я пушу тебя за стол, но только при одном условии.

— Каком условии? — в один голос спросили Шишуня, Настя и папа.

— Если ты будешь вести себя прилично, — мама переставила Шишунину мисочку с пола на стол.

— А когда же я энтэ себя вяла неприлично? — Шишуня вскарабкалась на табуретку. — Я себя завсегда прилично вяду. Я из всех Шишунов самая приличная.

И, схватив, ложку, Шишуня стала уплетать за обе щеки гороховый суп, громко чавкая и разбрызгивая его вокруг себя. Папа с мамой молча переглянулись. Настя, чтобы не отстать от Шишуня тоже стала ложка за ложкой наворачивать горячий суп.

— Осторожно! — остановила её мама. — Обожжешься.

— А добавки нетути? — Шишуня уже расправилась со своей порцией.

— Ты любишь гороховый суп? — мама налила Шишуне ещё супа.

— А кто его не любить-то? — Шишуня снова принялась за еду. Вскоре она разделалась и со второй тарелкой. А мама уже накладывала макароны. Сосиски были съедены ещё утром, и маме Ромашкиных ничего не оставалось, как подать макароны с маслом, сыром, густо приправив их кетчупом.

— Ой! — изумлённо воскликнула Шишуня. — Энтэ что? Червяки?

— Да какие же это червяки? — улыбнулась Настя. — Это макароны.

— Макароны? — опасливо переспросила Шишуня. — А они съедобныя?

— Съедобныя, — заверила её Настя, отправляя макароны в рот.

— Подозрительная еда, — Шишуня подцепила одну из макаронин и внимательно посмотрела на неё. — Непривычная.

— Придётся привыкать, — усмехнулся папа Ромашкиных. — Если хочешь у нас остаться.

Шишуня ничего не ответила. Посмотрев, как Настя с аппетитом уплетает макароны, она зажмурилась и зачихнула макароницу в рот.

— А ничаво! — Шишуня облизнулась. — Есть можно.

И она стала запихивать макароны в рот.

— Не торопись, подавишься, — посоветовала ей Настя.

— Не подавлюсь! — с набитым ртом проговорила Шишуня, отправляя в рот новую порцию макарон.

Настя и папа весело переглянулись, и только маме Ромашкиных было не до веселья. Шишуня вела себя ужасно. Мало того, что она вся перепачкалась кетчупом, она умудрилась заляпать им скатерть и разбросать по всей кухне макароны. Мама только тяжело вздохнула. Ей казалось, что это всё лишь дурной сон, который скоро закончится. Но это был не сон. Это была самая настоящая реальность. И на кухне Ромашкиных сидела самая настоящая кикимора из болота, которая сопела, пищала и давилась макаронами.

После обеда мама стала убирать погром на кухне, оставленный гостьей. Папа уселся перед телевизором, а Настя с Шишуней вернулась к себе в комнату.

— Ох, как я налопалась! — Шишуня завалилась на свою кровать и, вздыхая и охая, поглаживала себя по животу. — Теперича и поспать можно.

— Ты любишь спать днём? — изумилась Настя, доставая с полки книжку.

— Так оно после обеда даже полезно, — заметила Шишуня и зевнула. — А ты чаво? Днём не спишь?

— Не сплю, — ответила Настя. — Я уже большая.

— Так уж и больша! — Шишуня опять зевнула. — Тебе сколько годочков то?

— Десять.

— Во! — протянула Шишуня. — Только ить?

— А тебе сколько?

— Мне? — Шишуня задумалась. — А кто его знает? Я считала как-то, а потом сбился. Да и занчем мне знать-то сколько мне годов? Годом больше, годом меньше. От этого всё равно ничего не изменится.

Шишуня повернулась на бочок и, укрывшись с головой кукольным одеялом, задремала. Настя принялась читать книжку. Шишуня во сне постоянно ворочалась, причмокивала и что-то бормотала. Настя отложила книжку и, поправив на Шишуне одеяльце, отправилась смотреть телевизор.

Остаток дня прошел без приключений. Шишуня проспала до самого вечера. Не проснулась она, даже когда её позвали ужинать.

Она лишь перевернулась на другой бок и что-то невнятно пробурчала. Будить её не стали. Пусть себе спит. По крайней мере, не надо убирать грязь на кухне после ужина. За ужином мама опять завела разговор про кикимору.

— Напрасно я согласилась оставить это создание у нас в доме, — озабоченно вздохнула она. — От неё только одни неприятности.

— Какие неприятности? — не понимал папа. — Она ничего такого не делала.

— Как не делала? — возмутилась мама. — А кто свалил полку с книжками? Кто разбил цветочный горшок? Кто покусал мыло в ванной? Да и убирать после неё каждый раз я не намерена.

— Я буду убирать, — предложила Настя.

— Ты и за собой иногда убрать не можешь! — возразила мама.

— Но всё-таки нам повезло, — вставил своё слово папа.

— В чём это? — удивилась мама.

— Подумать только! — рассуждал папа Ромашкиных. — У нас в доме завелось никому ранее неизвестное существо. Это, можно сказать, открытие для всей мировой науки! Кикиморы, оказывается, существуют на самом деле. Кому рассказать — не поверят.

— И правильно сделают, — заметила мама Ромашкиных. — Но мы никому и не будем рассказывать.

— Это почему? — насторожилась Настя.

— Потому! — мама удручающе вздохнула. — Ну, во-первых, нам всё равно никто не поверит. А во-вторых, вы представляете, какая у нас начнется жизнь?

— Какая? — заинтриговано спросил папа.

— А такая, — мама принялась мыть посуду. — Наедет куча телевизионщиков, куча учёных со всего света. Начнут расспрашивать, различивать. Натопчут, наследят. А мне потом всё это убирать? Ну, уж нет! Я на это не согласна!

— И даже в школе никому нельзя рассказать? — огорченно спросила Настя.

— И даже в школе! — твёрдо произнесла мама. — Если ты не хочешь, чтобы тебя считали фантазеркой и выдумщицей.

Настя попыталась найти поддержку у папы, но тот лишь растерянно пожал плечами. Спросить с мамой было бесполезно, и все согласились на то, что появление кикиморы в доме будет всеобщей тайной. На этом семейство Ромашкиных и отправилось спать.

Настя расстелила постель и юркнула под одеяло. Шишуня все еще спала, булькая и бормоча себе под нос. Погасив свет, Настя долго не могла уснуть. Ей до сих пор не верилось, что рядом с ней на кукольной кровати сопит странное создание, о которых она читала только в сказках. Но это была не сказка. Это была самая настоящая кикимора, которую звали Шишуня из Шишунов.

Глава вторая

Утром семья Ромашкиных суетливо носилась по квартире. Маме и папе нужно было идти на работу, а Насте в школу. Заведённый с вечера будильник отчего-то не прозвенел, и все проспали. Проснулись, когда уже было начало восьмого. Вскочив с кровати, мама Ромашкина тотчас бросилась в ванную, приводить себя в порядок, по пути растолкав Настю, которой совершенно не хотелось вставать. Папа Ромашкин отправился на кухню, чтобы вскипятить чайник.

— Какой чайник? — возмутилась мама Ромашкиных. — Мы итак опаздываем! Настя! Хватит валяться в постели! В школу опоздаешь!

— А нельзя мне сегодня прогулять школу? — Настя сладко перевернулась на другой бок.

— Вот ещё новости! — мама выскочила из ванной и стащила одеяло с дочери. Волей-неволей Насте пришлось вставать и собираться в школу.

— Что ты там копаешься? — мама стремительно летала по квартире, на ходу крася глаза и губы. — Ступай в ванную!

— Там застрял папа, — произнесла Настя, дёргая ручку запертой изнутри ванной.

— Тогда одевайся! — скомандовала мама.

— Но ведь сначала нужно умыться и позавтракать, — пыталась возразить Настя.

— Хватит мне разговоров! Мы опаздываем! — мама пыталась застегнуть непослушную молнию на сапоге, но ей это никак не удавалось.

Вот из ванной появился папа. От него пахло мыльной пеной и одеколоном. Настя юркнула в ванную и нехотя открыла кран.

— И почему каждый день нужно умываться?

— Ты скоро там? — послышался мамин голос.

— Уже иду! — Настя ополоснула руки под струей воды и, вытерев их полотенцем, отправилась на кухню.

— А где завтрак? — она посмотрела на пустой стол.

— Какой завтрак? В школе перекусишь! — воскликнула мама. Ей, наконец, удалось справиться с молнией на сапоге. — Мы опаздываем! Одевайся поскорее!

Настя нехотя направилась в свою комнату одеваться. Мама торопила её. Папа тоже был немного не в настроении. Он, как и все Ромашкины, остался сегодня без завтрака, а это для него было святым делом. Запихнув на ходу кусок хлеба в рот, папа Ромашкин выскочил за дверь. Мама Ромашкина подталкивала Настю.

— Да скорее, копуша!

— Я не копуша, — Настя бросала в портфель учебники.

— Сколько раз говорила тебе, что собираться нужно с вечера, — мама нетерпеливо посматривала на часы.

— Я не успела, — оправдывалась Настя. — И нечего злиться. Я же не виновата, что вы проспали.

— Не виновата! — мама всплеснула руками. — Ты никогда и ни в чем не виновата! Ну, ты готова?

— Готова! — Настя вскинула тяжеленный портфель на плечо и вышла в прихожую. Мама Ромашкина в считанные секунды надела на Настю сапоги, шубу, шапку и вытолкнула её перед собой за дверь.

О том, что в их квартире появился новый обитатель, Ромашкины в это суматошное утро даже и не вспомнили.

Первая вспомнила о новом жильце Настя, когда вернулась из школы. В квартире царил ужасный беспорядок, как будто здесь только что пронесся ураган или было землетрясение. Повсюду были разбросаны вещи, валялись осколки разбитой посуды, обрывки газет. Вся мебель была сдвинута со своих мест. Из ванной в прихожую бежала вода, разливаясь огромной лужей по ковровой дорожке. На люстре в зале болтался сломанный папин зонтик. На кухне был полный бардак. Все припасы из холодильника и из шкафчиков были свалены в кучу на кухонном столе. На газовой плите стоял раскалившийся чайник с оплавившейся ручкой. Чайник надрывно гудел, разбрасывая в разные стороны осколки отваливавшейся эмали.

Осторожно, чтобы её не задела горячие осколки, Настя пробралась к плите и выключила конфорку. Она едва не поскользнулась на разлитом кетчупе, бутылка от которого валялась тут же на полу. Содержимое мусорного ведра было выворочено на пол, и возле него ползали неизвестно откуда взявшиеся тараканы.

— Шишуня! — воскликнула Настя, вспомнив про вчерашнюю гостью. — Как же я про неё забыла!

И Настя бросилась в свою комнату. К её удивлению, в комнате был порядок. Кикимора, устроив погром по всей квартире, ничего не тронула в комнате Насти, если не считать вытащенных из-под дивана коробок с конструктором. Самой же устроительницы беспорядка нигде не было видно.

— Шишуня! — позвала Настя, пристально оглядываясь по углам. — Ты где?

— Тута я! — раздался приглушённый голос.

Настя озиралась по сторонам, пытаясь понять, откуда доносится голос.

— Где ты? Я тебя не вижу.

— Да туточки я! — пищала в ответ Шишуня.

— Где тут? — не понимала Настя.

— Да в какой-то будке! Я думала — это домик чей-то. Влезла в него. А он — шась и хлопнулся.

Настя, наконец-то, сообразила, откуда раздавался голос проказницы. Она направилась в ванную, где в стиральной машине застряла перепуганная до смерти кикимора.

— И как ты туда попала? — Настя открыла стеклянную дверцу машины.

— Я ж тебе и говорю, — пыхтела Шишуня, довольная своим скорым освобождением. — Гляжу — дом с окном. Раз окно — значить, там кто живёт. Ну, я влезла, а она хлоп — и закрылась. Я употела вся. Тесно там и душно. И занчем вам энта будка?

— Это не будка, — пояснила Настя. — А стиральная машина.

— Энто ишшо для чего? — удивилась Шишуня.

— Чтобы бельё стирать. Кладёшь туда грязное бельё, нажимаешь кнопку, и машина сама бельё стирает.

— Во как! — изумлённо протянула кикимора. — А руками, значить, уже лень стирать? Каку штуkenцию придумали! Я завсегда знала, что люди слишком ленивыи. Не то, что мы, кикиморы. Мы весь свой век руками стираем. Да и разве в энтот ящике грязь отстираешь? Тут же и потереть надоть, и прополоскать, и выкрутить, как след.

Шишуня ещё долго распространялась по поводу стирки белья, но Настя её не слушала. Вооружившись веником и совком, она стала убирать следы Шишуниного пребывания в доме.

— Хорошо, что я рано из школы вернулась, — ворчала Настя, убирая осколки и обрывки газет. — Представляю себе, чтобы было, если б она осталась одна до вечера. Хорошо, мама с папой не увидят этого безобразия. Думаю, они не обрадовались бы.

И Настя принялась наводить порядок, чтобы родители ничего не узнали. Шишуня какое-то время просто молча наблюдала за тем, как Настя приводит квартиру в прежнее состояние. Затем, осознав свою вину во всем этом беспорядке, решила предложить свою помощь.

— Давай помогу, чё ли?

— А ты умеешь? — Настя недоверчиво посмотрела на ковыряющую в носу кикимору.

— А чаво тут уметь? — невозмутимо ответила Шишуня. — Мяти себе веником да тряпкой три. Работа нехитрая. Я в своем болоте сколько раз в доме убиралась. Не успеешь, бывало, глаза продрать, как бабка веник в руки суеть. Иди, говорит, подмятай грязюку.

— Ну, раз так, — согласилась Настя. — Бери веник, подметаай ковер. А я пока на кухне приберусь.

— Эх, привычна работа! — Шишуня закатала рукава и, схватив веник, стала разметать грязь по всему ковро. При этом большую часть пыли и мусора она норовила замести под шкаф.

— Да кто ж так подметает! — воскликнула Настя, выскакивая из кухни. — Ты же всю грязь под шкаф заметаешь!

— А куды ж её ишшо мести? — удивленно переспросила Шишуня. — Не по углам же разметать?

— Не по углам, а на совок. А потом в ведро высыпать.

— Вот ишшо! — Шишуня закрутила носом. — Ведро ить потом выносить надо. А кто выносить будит? На улице холодно, зябко. Я не пойду.

— Знаешь что, — Настя поняла, что помощник из Шишуня никудышный. — Ты лучше посиди на диване, пока я убираться буду. А чтобы тебе не скучно было, вот — книжку посмотри.

— С картинками?

— Конечно.

— Ну, раз с картинками, тогда погляжу, — согласилась Шишуня и, схватив книжку вскарабкалась на диван.

Настя озабоченно вздохнула и снова отправилась на кухню. До прихода родителей оставалось не так уж и много времени, а в квартире все ещё царил разгром. Засучив рукава, Настя принялась за уборку. Первым делом она собрала все осколки и обрывки газет, затем подмела и вымыла пол во всей квартире, вытерла грязь и пыль. Шишуня все это время послушно сидела на диване и, что-то бормоча, изредка высовывала кончик носа из книжки, чтобы посмотреть, как продвигается работа.

Наконец, Настя управилась с погромом. Вылив грязную воду из ведра, она осмотрела квартиру. От бывшего кавардака не осталось и следа. Вокруг была чистота и порядок. И чтобы в квартире стало ещё чище, Настя решила немного пропылесосить. Она включила пылесос в розетку и нажала кнопку. Как только машина издала гул, с Шишуней произошло что-то невообразимое. Отшвырнув книжку, она стремглав бросилась под диван и забилась в самый дальний угол.

— Рятуйте! — вопила она. — Мамочки! Папочки! Помогити!

Настя поспешила выключить пылесос.

— Что случилось? — она недоуменно заглянула под диван, где кикимора, обхватив голову руками, дрожала, словно осиновый лист. — Ты чего испугалась?

— Помогити! — продолжала вопить перепуганная Шишуня. — Опять энтот Змей прилетел.

— Какой змей? — не понимала Настя.

— Как какой? — Шишуня приподняла голову и, ничего не услышав, немного осмелела. — Сам что ни наесть Змей Горыныч.

— Да ты что? — улыбнулась Настя. — Это же пылесос. Я тебе про него вчера рассказывала.

— А я и забыла ужо, — Шишуня немного успокоилась.

— Пылесос — это такая машина, — терпеливо поясняла Настя, — которая помогает убираться в доме.

— Гляди-ка! — усмехнулась Шишуня. — А я думала, что энтот опять Змей прилетел.

— Ну что ты, — успокаивала Настя кикимору. — Змей Горыныч только в сказках бывает.

— В каких ишшо сказках? — Шишуня недоверчиво косилась на пылесос. — Моя бабка мне про Змея сказывала. А она врать не станет. Летит, говорит, пылом-жаром пышет, всё, что ни на есть живое хватить и жреть.

— Ест, — исправила Настя. — Нужно говорить ест, а не жрёт.

— Да ладно! — отмахнулась Шишуня. — Как ни говори — всё одно. Поймаить и сожрёт. То исть съест.

— Всё равно, — продолжала настаивать Настя. — Даже если Змей Горыныч, как ты говоришь и существует, тебе его бояться нечего. К нам в квартиру он не попадёт.

— Ага, не попадёт, — Шишуня опасно посмотрела по сторонам. — Стены у вас небось тонкия, кирпичныя? А чё яму стоять их сломать? Махнёт хвостом и всё! Амба!

Настя засмеялась. Шишуня говорила на странном языке, всё время искажая слова, но Настя прекрасно её понимала. Убрав пылесос на место, и ещё раз осмотрев квартиру, Настя осталась довольна. От бывшего разгрома не осталось и следа, если не считать некоторых мелочей. Да прихода родителей оставалось совсем немного времени, и Настя решила сесть за уроки.

— Чем энто ты занимаешься? — Шишуня подошла к письменному столу и не без интереса заглянула в раскрытый учебник.

— Уроки делаю, — ответила Настя.

— Уроки? — недоуменно протянула кикимора. — А занчем?

— Чтобы много знать.

— Будешь много знать, скоро состаришься, — проговорила Шишуня.

— Так только глупые люди говорят, — отмахнулась Настя, не отрываясь от учебника.

— Ну как знаишь! — обиженно пропыхтела Шишуня и, отойдя от стола, забралась на диван. Какое-то время она молча наблюдала за Настей, потом это ей надоело. Она слезла с дивана и стала расхаживать по комнате.

— Ну и чем мне заняться? — бурчала Шишуня.

— Не знаю, — Настя пожала плечами. — Можешь посмотреть книжку.

— Чаво там глядеть? — насупилась кикимора. — Одни кусты да деревья. Зайцы да птицы. Таких картинок я и в лясу наглядель.

— У меня ещё и другие есть, — Настя отвлеклась от своих занятий и достала с полки большую книгу с разноцветными картинками. — Вот, посмотри.

— Не хочу, — отмахнулась Шишуня. — Чаво без толку пялиться? Гляди, не гляди — пользы никакой.

— Тогда почитай что-нибудь, — предложила Настя. — Читать-то ты умеешь?

— А как же! — самодовольно произнесла Шишуня. — Меня бабка читать учила. Только не люблю я энто занятие.

— А что ты любишь?

— Чаво люблю? — Шишуня призадумалась. — Ягоды есть люблю, грибы тако ж. По лясу гулять люблю. Правда, когда погода хорошая. В гости ходить люблю, подарки получать тако ж люблю.

— Кто ж этого не любит? — грустно вздохнула Настя. — А заниматься ты чем любишь?

— А ничем, — проговорила Шишуня. — Меня за энто бабка за-всегда гоняить. Да бесполезно. Не, бывает, найдёть штось, так я при-браться могу, в огороде траву выполоть, ишшо чаво сделать. Но бывайть это редко. Не люблю я делами заниматься.

— А телевизор ты смотреть любишь?

— Чаво смотреть? — не поняла кикимора.

— Телевизор, — Настя встала из-за стола и направилась в сосед-ную комнату.

— Теленвизор? — Шишуня побежала следом. — А энто ишшо что такое?

— Это, — Настя попыталась доходчиво объяснить болотной жи-тельнице, что такое телевизор. — Это такой ящик, который показы-вает разные картинки.

— Навроде книжки?

— Вроде, — согласилась Настя. — Только телевизор не только показывает, но ещё и рассказывает.

— Да как же он может рассказывать, коли у него рта нет? — не верила Шишуня, разглядывая непонятный ящик на ножках.

— Может, — Настя нажала кнопку, и из телевизора полилась тихая мелодия.

— Матушки родня! — всплеснула руками Шишуня. — Да как же энто получается? Рта нетути, а говорит. Да ещё и показывает! Аккурат, как в книжках. Батюшки родня! — ещё больше изумлялась кикимора. — Так в нём картинки ишшо и живья! Сколько в лясу жила, а такого чуда не видела.

— Нравится? — Настя нетерпеливо поглядывала на часы. До воз-вращения родителей оставалось совсем немного, а уроки ещё были не сделаны.

— Конечно, нравится! — восхищенно лепетала Шишуня.

— Тогда я пойду делать уроки, а ты смотри телевизор и не озор-ничай больше.

— Не буду, — заверила её кикимора, не сводя глаз с экрана теле-визора.

Настя ушла в свою комнату. Уроков назавтра задали немного, и Настя быстро с ними справилась. Осталось только выучить корот-кое стихотворение, но Настя решила отложить это на вечер. Тем более, что выучить ей всё равно не удалось бы. В гостиной что-то

загудело, ухнуло и раздался громкий хлопок. Настя пулей выскочила из своей комнаты.

— Шишуня! — закричала она, вбегая в гостиную. — Что ты опять натворила?

— А чаво я? — лупала глазами напуганная Шишуня. — Я ничаво! Энто всё он.

Кикимора тыкала пальцами в дымящийся телевизор.

— Ты же его сломала! — воскликнула Настя.

— И не трогала я его вообще, — оправдывалась Шишуня. — Глядела, глядела. А он вдруг как загудит, зашумит, и дым из него как повалит. Как повалит.

— Ой! — Настя испуганно смотрела на испорченный телевизор. — Что теперь скажут папа с мамой?

— А давай мы яво выкинем, — предложила кикимора. — А замест поставим коробку. Никто ничаво и не заметит.

— Тебе легко говорить, — возмутилась Настя. — А как я теперь мультики смотреть буду? Да и папа очень рассердится, когда узнает, что ты телевизор сломала.

— Почему папа рассердится? — раздался голос из прихожей. Это папа и мама Ромашкины вернулись с работы.

— Что тут произошло? — мама заглянула в гостиную, в которой пахло гарью, и всё ещё клубился едкий дым.

— Понимаешь, — Настя хотела подготовить родителей к тому, что Шишуня испортила телевизор, но кикимора опередила её.

Она бросилась на колени перед Настиными родителями и заголосила:

— А чё? Я совсем тут ни при чём. Я гляжу — лес. Я в него шась. А там стекло. И кака-то вярёвочка тянется. Ну, я за вярёвочку потянула, а он бац — и сломалси.

— Такого просто не может быть, — папа Ромашкин осматривал испорченный приёмник. — Если бы ты просто выдернула шнур, то ничего такого и не произошло. Не мог же он сам по себе загореться.

— Не мог, — подтвердила мама Ромашкина.

— Признавайся! — папа Ромашкин был строг и сердит. — Что ты сделала?

— Ничаво я не делала, — оправдывалась кикимора. — Я же говорю — за вярёвочку дёрнула, а он и сломалси.

— Я тебе не верю! — папа Ромашкин был неумолим. — А откуда тут вода?

— Вода? — Шишуня недоуменно лупала глазами. — Кака вода? Ничаво не знаю. Верно из энтото, теленвизора, накапало.

— Из него ничего капать не может, — папа наседа на кикимору. — Признавайся. Это ты его водой облила?

— А драться не станете? — Шишуня поняла, что отпираться бесполезно.

— Нет.

— А ругаться?

— Что уж теперь? — огорченно вздохнула мама Ромашкина. — Телевизор все равно испорчен.

— Так я тут и ни при чём, — затараторила Шишуня. — Там цвяты показывали. Как садить, как растить. Тётка така — в красном платьи. Она говорит, не забудьте поливать. Ну, я и полила. Я ж не знала, что ваш теленвизор воды боится.

Мама и папа переглянулись. Они не знали, ругать ли им новую жительницу и простить. И решили на первый раз простить.

Настя хотела рассказать родителям и о том, что Шишуня натворила в их отсутствие, но решила промолчать. Она прекрасно понимала, что узнай мама о том, что кикимора устроила в их квартире погром, её бы ни за что на свете не оставили здесь. А Шишуня, при всей своей взбалмошности и раскованности, была довольно милым и забавным созданием. За то время, что она провела в доме Ромашкиных, Настя успела даже привязаться к ней. И ей было бы очень жаль с ней расстаться.

После ужина папа, так как телевизор был неисправен, читал газету. Мама стала готовить суп на завтра, а Настя и Шишуня играли в комнате с куклами.

Настя вытащила все свои игрушки и разложила их перед кикиморой. Но Шишуню игрушки мало интересовали. Из всех игрушек она выбрала только синего плюшевого зайца. Она обхватила его своими ручками, прижала к себе и забормотала какую-ту песенку:

— Баю-баиньки-баю, тебе песенку спою. Не ходи во тот лясок. Там тебя укусит волк.

Настя, воспользовавшись моментом, пока Шишуня занималась с зайцем, стала учить стихотворение.

Шишуня пару раз промурлыкала свою песенку и, положив зайца на свою кровать, проверещала:

— Всё одно чудно. Синий заиц. Чудно.

— Настя! — донесся из кухни мамин голос. — Ты не видела кофемолку?

— Ой! — произнесла Настя, понимая, что придётся рассказать родителям о том, что сегодня произошло. — А кофемолка ведь сломана. Что же делать?

— Чаво делать? — Шишуня решила дать совет. — Скажи, что не видела.

— Но лгать нельзя, — не согласилась Настя с предложением кикиморы.

— Ты ить не хочеш, чтоб тебя ругали? — Шишуня лукаво взглянула на Настю.

— Не хочу. Но и лгать я тоже не хочу.

— Как знаишь! — Шишуня снова стала мурлыкать зайцу колыбельную.

— Настя, — в дверях комнаты появилась мама, — ты не знаешь, куда подевалась мясорубка? Я её не могу найти.

— Понимаешь, мамочка, — Настя поняла, что ей придётся воспользоваться Шишуниним советом, и спешно придумывала, чтобы ей солгать. — Приходила соседка и попросила мясорубку до завтра.

— Вот как? А куда подевалась кофемолка?

— Её тоже одолжила соседка, — солгала Настя.

Мама Ромашкина недоверчиво смотрела на дочь.

— Настя! — как можно спокойнее и доброжелательнее произнесла она. — Если ты взяла их поиграть, то так и скажи.

— Я не брала их, — Настя говорила правду. — Просто, просто...

Договорить она не успела. Из ванной раздался душераздирающий крик папы Ромашкина.

Все бросились в ванную, посреди которой стоял папа с полным мыльной пеной ртом.

— Кто запихнул в тюбик с зубной пастой крем для бритья?

Настя поняла, что дальше отпираться бессмысленно.

— Вы только не ругайтесь, — проговорила она. — Ничего страшного не произошло. Я уже всё убрала. Или почти всё.

И Настя рассказала родителям о том, что случилось. Мама и папа внимательно выслушали дочь. Они понимали, что вины их дочери в устроенном беспорядке нет. Настя была не права лишь в том, что пыталась скрыть безобразия кикиморы. А Шишуня воспринимала своё поведение как должное.

— Ну, я чаво тут такого? — недоумевала она. — Был беспорядок, теперь порядок. А что я вашу дрянь не туда запихнула, так я не виноватая. Она вся одинаковая — белая и пахучая.

И если папа Ромашкин был готов простить Шишуне и испорченный телевизор, и сломанный зонтик, и пропавшую мясорубку, то мама Ромашкина была настроена категорически.

— Кикиморе не место в городской квартире! — твердо сказала она. — Пусть убирается на свое болото! Пусть уходит, откуда пришла!

Шишуня поняла, что её здесь не очень жалуют, и решила прибегнуть к испытанному средству — она упала перед мамой Ромашкиной на колени и жалобно заголосила:

— Ах, сиротиночка я бедна! Пожалеть-обогреть меня некому. И за что я на свет уродилась така? И куды мне теперича итить? На улице зябко, холодно. Погибну, замёрзну, заоченею. И никому меня не жалко!

Слушать её причитания было невыносимо, но мама Ромашкина не поддавалась.

— Уходи. И всё тут. И никто за тебя не заступится.

Настя попыталась вступить за несчастную кикимору, но мама была неумолима.

— Хватит причитать, — строго сказала она Шишуне. — Собирай свои вещи и уходи.

Шишуня поняла, что на этот раз разжалобить маму Ромашкину ей не удастся. Она поднялась с пола, вытерла слёзы и, пару раз шмыгнув носом, пробубнила:

— А вот и не уйду.

— Это ещё почему?! — удивилась мама Ромашкина.

— А энто потому, что мы — болотныя кикиморы сами решаем, когда приходить и когда уходить. Мне у вас нравится, так что я остаюсь здесь! У вас святыло, тяпло. А то, что я там чавой-то сломала, так я нечаянно. Больше не повторится. Прошу прощения.

— Не дождёшься! — мама Ромашкина отрицательно покачала головой. — В моём доме кикиморам не место!

— Мама, — Настя снова попыталась заступиться за Шишуню, — может, простим её? Она ведь первый раз в городе. Пока освоится.

— Пока она тут освоится, от нашего дома ничего не останется! — возражала мама.

— А я буду за ней следить, — упрасивала Настя. — Буду за ней ухаживать. Обещаю, что такого больше не повторится. Правда, Шишуня?

— Угу, — рассеянно пробормотала кикимора. Она уже присматривала в прихожей уголок для своих вещей и совершенно не слушала, о чём шла речь.

— Пойми, Настя, — мама Ромашкина немного смягчилась, — мы ведь не можем держать в квартире неизвестное создание. От него у нас только проблемы. Да и тебе она принесёт слишком много хлопот. Тебе ведь нужно учиться, а она будет тебя только отвлекать. Это ведь не собака или кошка.

— Она не принесёт мне много хлопот, — Настя поняла, что ещё немного и мама согласится оставить Шишуню. — А уроки мы будем учить вместе с ней. Правда, Шишуня?

— Угу, — снова пробормотала Шишуня, успев утащить банку с гуталином и запихнуть себе за пазуху.

— Ну, я не знаю, — мама была в растерянности. С одной стороны от незваной гостьи были только одни проблемы, а с другой стороны ни у кого в городе не было настоящей кикиморы.

— Хорошо! — в конце концов, согласилась мама. — Но об этом нужно спросить у папы. Если он не будет против...

— Папа не будет против! — радостно воскликнула Настя. — Правда, папа?

— Решайте сами, — отмахнулся папа. Он всё ещё ощущал во рту вкус мыла. — Но чтобы к моим вещам она и близко не подходила!

— Обещаю! — оживлённо воскликнула Настя. — Шишуня, ты остаёшься!

— Чаво? — рассеянно переспросила Шишуня, вслед за гуталином она успела прикарманить и шнурки из папиных ботинок.

— Ты остаёшься у нас жить, — пояснила Настя.

— А куда бы вы делись-то? — усмехнулась Шишуня и бесцеремонно двинулась в Настину комнату.

— Но с одним условием, — добавила мама Ромашкина. — Ещё одна подобная выходка и её здесь больше не будет. И никакие уговоры её не спасут.

На этом и разошлись. Настя отправилась в свою комнату доучивать стихотворение. Шишуня, не смотря на все волнения, отправилась спать. Не минуло и пяти минут, как она спокойно дремала в кукольной кровати, обхватив маленькими ручками синего зайца, и что-то бормотала сквозь сон. Поправив сползшее на пол одеяльце, Настя принялась за стихотворение. Прочитав пару раз, она уже без запинки могла его рассказать. Такого с ней раньше не бывало.

— Наверное, это Шишуня так на меня действует, — размышляла Настя, убирая учебник. — Интересно, на что ещё способны кикиморы? Надо будет завтра у неё спросить.

Настя натянула одеяло на голову и, сладко зевнув, тут же уснула.

А маме Ромашкиной не спалось. Она всё ещё корила себя, что опять поддалась на уговоры и согласилась оставить это существо у себя в доме. Называть по имени кикимору у мамы не было никакого желания. Для неё она была только болотным созданием из дремучего леса. Диким и невоспитанным. Мерзким и отвратительным. И неважно, что оно умеет разговаривать. От неё только одни хлопоты. Только одни неприятности. А мама Ромашкина не любила неприятности. Но больше всего мама Ромашкиных терпеть не могла, когда в её доме устраивали беспорядок, когда без разрешения брали её вещи и портили всё, что попадалось под руку. И, несмотря на обещание оставить кикимору, мама Ромашкина твёрдо решила отделаться от назойливой гостьи.

— Если она сама не хочет уходить, я найду способ, как от неё избавиться. И завтра же я этим займусь.

Глава третья

На следующее утро мама Ромашкина на работу не пошла. Позвонила начальнику и, сославшись на внезапную головную боль, попросила на пару дней отгулы. Начальник поверил и разрешил маме посидеть дома.

— Выздоровляйте поскорее, — сочувственно сказал он. — И больше не болейте.

Но мама Ромашкина вовсе не собиралась болеть. Выпроводив Настю в школу, а папу Ромашкина на работу, она стала обдумывать план, как избавиться от непрошенной гостьи. Первое, что ей пришло

в голову — это позвонить в компанию по борьбе с насекомыми и грызунами. И снова маме Ромашкиной пришлось лгать. Она сказала, что в их квартире завелись крысы. Она ведь не могла сказать, что это были не крысы, а сказочная кикимора из лесного болота. Ей бы никто не поверил.

Указав свой адрес, мама Ромашкина принялась ждать. Работники компании приехали довольно быстро. Их было двое. Один — длинный и худой, второй — маленький и толстый. Одетые в одинаковые ярко-оранжевые костюмы, с касками на головах, вооруженные висевшими за спиной канистрами, от которых тянулись длинные шланги, они, не разуваясь, стали расхаживать по квартире, осматривая все уголки.

— Деньги вперед, — проговорил длинный.

— А как же работа? — мама Ромашкина недоверчиво посмотрела на истребителей крыс.

— Не волнуйтесь, хозяйка, всё сделаем, — заверил её маленький. — У нас такие порядки. Вначале оплата, потом работа.

— Да-да, конечно! — мама Ромашкина бросилась искать кошелек. — Столько хватит?

— Хватит, — длинный взял деньги и, не пересчитывая, засунул их в карман куртки.

— А если... — мама Ромашкина всё ещё сомневалась в успехе дела.

— Не волнуйтесь, хозяйка. Всё будет в порядке, — длинный понял, на что намекала мама Ромашкина. — Компания гарантирует. Истребление стопроцентное.

— Плюс полгода гарантии, — прибавил маленький.

— Ну! — протянул длинный. — Показывайте, где у вас крысы?

— Понимаете, — мама не знала, как начать, — я не вполне уверена, что это крысы. Я таких животных раньше не встречала.

— Кто бы это ни был, мы их вмиг истребим! — заверил длинный. — Где вы их видели в последний раз?

— Здесь, — мама указала на комнату Насти, где в кукольной кроватке сладко посапывала Шишуня. — Вот она.

— Ничего себе зверушка! — ошеломлённо присвистнул маленький. — Это и впрямь не крыса.

— Это, скорее, на обезьяну похоже, — добавил длинный.

— Сам ты обезьяна! — недовольно проворчала Шишуня. Она уже не спала, а внимательно наблюдала из-под одеяла за незнакомыми людьми.

— Так она ещё и говорящая! — пораженно воскликнул маленький.

— Пойдём отсюда! — длинный схватил маленького за рукав и потащил к выходу.

— Пойдите! — мама Ромашкина преградила им путь. — Я ведь вам деньги заплатила!

— Деньги мы можем и вернуть, — длинный полез в карман.
— А как же договор? — не отставала мама Ромашкина. — Вы ведь обещали стопроцентное истребление. Плюс полгода гарантии.

— Знаете, хозяйка, — протянул маленький. — Мы привыкли иметь дело с тараканами, мышами, крысами. А истреблять обезьян — не наша забота.

— Тем более говорящих, — добавил длинный.

— Значит, — заключила мама Ромашкина, — вы отказываетесь?

— Мы отказываемся, — длинный положил деньги на тумбочку в прихожей.

— Поймите нас, — оправдывался маленький, — вдруг этот зверь потерялся? Может, его разыскивают? У нас могут быть неприятности.

— А неприятности нам не нужны, — прибавил длинный. — Так что извините, мы ничем не можем вам помочь.

— Абсолютно ничем, — проговорил маленький и вышел на площадку. Длинный последовал за ним.

Мама Ромашкина была огорчена. Затея оказалась безрезультатной. К тому же истребители крыс порядком наследили по всей квартире.

Огорченная неудачей мама Ромашкина взяла тряпку и стала вытирать следы.

— Чаво они приходили? — Шишуня вылезла из комнаты и, что-то жуя, наблюдала за тем, как мама Ромашкина старательно оттирает грязь на полу.

— Тебе то что? — огрызнулась мама Ромашкина.

— Ничаво, — Шишуня развернулась и скрылась за дверь.

А мама Ромашкина, закончив с полом, стала думать дальше, как избавиться от назойливой кикиморы. Но ей в голову ничего не приходило. Она обзвонила все компании по истреблению вредителей, все фирмы по борьбе с домашними грызунами, но везде, едва заглянув, о ком на самом деле идёт речь, она встречала отказ. Одни смеялись в ответ, другие ссылались на занятость, третьи вообще бросали трубку и не желали разговаривать.

Позвонив по последнему номеру и в очередной раз услышав отказ, мама Ромашкина уныло опустилась на диван.

— Что же мне делать? — раздумывала она. — Куда обратиться? Я не намерена терпеть это создание в своём доме. И чтобы там о ней не говорили, для меня она всё равно останется кикиморой из болота. Грязной и невоспитанной.

И тут маме Ромашкиной пришла в голову мысль позвонить своей давней подруге — тёте Соне. Может быть, она что-нибудь посоветует?

Подруга, к счастью, оказалась дома. Она очень обрадовалась маминому звонку и стала рассказывать о своих новых покупках, о своих новых платьях, о своих новых кавалерах, не давая возможности маме

Ромашкиной даже слова вставить. Когда все новости были рассказаны, тётя Соня перевела дух и спросила:

— Ну, а у тебя что нового?

И мама Ромашкина рассказала всё, что произошло за последние два дня. Тётя Соня внимательно выслушала, а потом каким-то странным голосом спросила:

— А может, ты на самом деле заболела? Кикимора в наше время? Это что-то из области фантастики.

— Если бы это было так! — грустно вздохнула мама Ромашкина. — Но это не вымысел, не плод моего воображения. Это чистая правда. Это существо поселилось у нас в доме и не дает мне спокойной жизни. Сейчас оно сидит на кухне и уплетает сосиски. Я понимаю, что ты мне не веришь, но это так.

— Я тебе верю, — всё ещё недоверчивым голосом произнесла тётя Соня. — Но всё это так странно. И почему эта, как ты уверяешь, кикимора поселилась именно у вас?

— Я бы тоже хотела это знать, — грустно ответила мама Ромашкина. — От неё одни неприятности.

— И ты хочешь от неё поскорее избавиться? — тётя Соня, словно читала мамины мысли.

— Да. Но как? Я обзвонила все компании по борьбе с насекомыми, грызунами и прочими вредителями. Но одни сочли меня сумасшедшей, а другие просто отказывались разговаривать.

— Я их понимаю, — протянула тётя Соня.

— Но ты, как моя лучшая подруга, — мама Ромашкиных стала отчитывать тетю Соню, — могла бы мне и посочувствовать. Я совершенно лишилась покоя. Я не сплю ночами. Я боюсь, что опять что-нибудь взорвётся или сломается. У нас в доме не найдёшь ни одной целой вещи. И что самое ужасное — это создание совсем не собирается уходить. Ей, видите ли, у нас понравилось.

— А что по этому поводу говорят твои? — поинтересовалась подруга.

— Что говорят? — мама Ромашкина недовольно хмыкнула. — Настя без ума от этой кикиморы, а её отцу всё равно. Даже если бы у нас в доме поселился слон, он и к этому отнёсся бы спокойно.

— А может, она не такая уж и плохая, как тебе кажется? Ведь ты говоришь, что Насте она понравилась.

— Что ты! — воскликнула мама Ромашкина. — Настя ещё ребёнок. Она ничего не понимает в жизни. Да и разве может дикая тварь из болота научить чему-то хорошему?

— И поэтому ты решила от неё избавиться?

— А что мне ещё остаётся делать? — мама Ромашкина печально вздохнула. — Вдруг она заразная? Я же не могу жертвовать своим единственным ребёнком ради какой-то там кикиморы.

— Тут ты совершенно права, — согласилась с мамой тётя Соня. — Я даже не знаю, что тебе посоветовать. От неё просто так не отделаешься.

Помнится, моя тётка рассказывала, что у них в доме как-то завёлся барабашка. Правда, он ничего такого не вытворял, только по ночам стучал за стеной и жалобно стонал, но всё неприятно, когда у тебя под ухом кто-то стонет. Так вот, моя тётка обратилась к одной бабке-ворожее. Она что-то пошептала, водой побрызгала...

— Ну и что дальше? — мама Ромашкина сгорала от нетерпения.

— Что дальше? — растерянно переспросила тётя Соня. — Больше барабашку не слышали.

— Ты не знаешь, где можно отыскать эту бабку? — мама Ромашкина не теряла надежды избавиться от Шишуни. — Может, у твоей тётки остался её адрес или телефон?

— Кажется, где-то есть, — тётя Соня замолчала. В телефонной трубке было слышно лишь какое-то бульканье. Мама Ромашкина нервничала. Минута тишины показалась ей целой вечностью. И вот, наконец, тётя Соня снова заговорила в трубку: — Ты знаешь, телефона у неё нет, но адрес я нашла. Записывай. Улица Садовая, дом семь. Но только это большой секрет. Сама понимаешь.

— Понимаю, — сказала мама Ромашкина, записывая адрес на обрывке газеты.

— Да, — продолжала верещать подруга, — когда поедешь к бабке, не говори, что это я тебе адрес сказала. Старые люди они со своими капризами, со своими заморочками...

Но мама Ромашкина уже её не слушала. Бросив трубку, схватив пальто, она, как есть, в домашнем халате и тапочках выскочила на улицу.

Ехать пришлось на другой конец города. Пропетляв около часа по узким кривым закоулкам, мама Ромашкина кое-как отыскала Садовую улицу, состоявшую всего из трёх домов. Номеров на домах не было. И спросить тоже было не у кого. Вокруг, кроме парочки ошипанных кур и облезлого пса, не было ни одной живой души. Но мама Ромашкина не отчаивалась. Она решила заглянуть в первый попавшийся дом. Открыв скрипучую калитку, она вошла в заваленный сугробами двор. От калитки к самому дому тянулась узенькая протоптанная тропинка. Дом был очень старым. От времени бревна почернели, крыша прогибалась под тяжестью снежной шапки. Казалось, стоит ветру подуть посильнее, и дом рассыплется на части. Если бы не растянувшаяся на крыльчке кошка и стоявшая у крыльца лопата, можно было бы подумать, что дом необитаем. Мама Ромашкина поднялась на крыльцо и постучала в дверь. Ей никто не ответил. Она постучала ещё.

— Зря стучишь, — послышался за спиной чей-то скрипучий голос. — Дома нет никого.

Мама Ромашкина обернулась и увидела старушку в ярком платке. Старушка была невысокого роста, вся сморщенная и скрюченная и чем-то напоминала Шишуню.

— Вы не подскажете, где мне найти дом номер семь? — обратилась к старушке мама Ромашкина. — А то я здесь немного заблудилась.

— А зачем тебе дом номер семь? — старушка подозрительно смотрела на женщину в зимнем пальто и домашних тапочках на босу ногу.

— Там живет моя родственница, — в очередной раз солгала мама Ромашкина.

— Родственница? — старушка ехидно усмехнулась.

— Родственница, — настаивала мама Ромашкина. — Моя троюродная тётя.

— Что-то я не припомню, чтобы у меня были племянницы, — недовольно пробормотала старушка, отстраняя от двери маму Ромашкину и открывая дверь.

— Так, значит, это и есть дом номер семь? — радостно воскликнула мама Ромашкина.

— Может, и семь, а может, и восемь? Кто его знает? — ворчала старушка. Ей совершенно не хотелось разговаривать с незнакомкой. Старушка зашла внутрь, кошка тут же юркнула в дом и стала тереться о ноги хозяйки. Мама Ромашкина последовала за ними. В доме пахло травами и березовыми вениками, которые были развешаны повсюду. И на стенах, и на вбитых в потолок гвоздях. Даже на подоконниках лежали пучки каких-то засушенных трав. Посреди единственной комнаты стояла большая в полдома печь. Стол, кровать с кучей подушек под ажурной накидкой, высокий до потолка шкаф, полка с посудой, парочка стульев и примостившийся в углу допотопный телевизор — вот и всё, что составляло убранство старушкиного жилища. Мама Ромашкина брезгливо поморщилась. Не смотря на то, что в доме было довольно уютно и чисто, ей казалось, что всё вокруг покрыто толстым слоем пыли.

— Ну, что у порога мнешься? — старушка пододвинула гостье стул. — В ногах правды нет. Рассказывай, зачем пожаловала?

— Понимаете, — мама Ромашкиных не решилась сесть на стул и осталась стоять у двери, — у меня серьезная проблема.

— Вижу, — старушка бросила косой взгляд на домашние тапочки мамы Ромашкиной.

— У меня приключилась большая беда. Я даже не знаю, как вам о ней рассказать.

— Да уж расскажи как-нибудь, — старушка, видя, что гостья не собирается садиться, поставила стул на место.

— Дело в том, что у меня в квартире завелась кикимора. Самая настоящая кикимора из болота, — и мама Ромашкина поведала старушке всю историю с момента появления Шишуня на кухне и до момента наведения беспорядка. О том, что она вызвала истребителей насекомых и грызунов, мама Ромашкиных умолчала. Старушка внимательно слушала мамины излияния и сочувственно кивала головой.

Когда мама Ромашкина закончила свой рассказ, старушка недоумённо протянула:

— Ну, и что ты от меня хочешь?

— Я думала, — растерянно проговорила мама Ромашкина, — что вы мне поможете.

— С чего это я тебе помогать должна? — пропыхтела старушка.

— Ну.. Я не знаю.

— Вот и я не знаю, — пробурчала бабка и, усевшись за стол, стала перебирать свои травы. — Я тебя первый раз в жизни вижу. А может, ты из милиции? Почему я знаю.

— Я не из милиции, — попыталась заверить старушку мама Ромашкина, но та её не слушала. Она теребила свои травы и ворчала себе под нос:

— Ходят тут всякие, спасу нет. Только и гляди, кабы чего не утянули.

Мама Ромашкина поняла, что здесь ей помощи ждать нечего. Она повернулась к двери и взялась за ручку.

— Ты уж прости меня, доченька, — старуха вдруг переменяла тон. — Но я тебе ничем помочь не могу. Не совладать мне с этой нечистой. Вот кабы сглаз снять или порчу, так это я могу. А супротив бесов да кикимор мои травы да заговоры силы не имеют.

— А как же барабашка? — мама Ромашкина повернулась к старухе. — Вы ведь вывели барабашку у моих знакомых.

— Да какой там барабашка! — отмахнулась бабка. — Мыши у них завелись, а они выдумали чёрти что. Ну, я, конечно, их переубеждать не стала. Пусть думают, что у них барабашка завелся. Может, им от этого жить веселее. — Бабка лукаво улыбнулась.

— Значит, — уныло проговорила мама Ромашкина, — вы мне ничем не поможете?

— Не помогу, — покачала головой бабка. — Тут кого посильнее искать надо. Мага или колдуна какого.

— Да где ж их найти? — тяжело вздохнула мама Ромашкина.

— Это уж я не знаю, — старуха растерянно развела руками.

— Ну, не по газетам же их искать? — рассуждала мама Ромашкина. — Теперь столько шарлатанов.

— И не говори, — старуха поддакивала своей гостье. — Развелось их, как тараканов. Дурят людям головы. А пользы от них никакой. Только деньги подавай.

— Ну, я пойду, — мама Ромашкина снова взялась за ручку двери.

— погоди, дочка! — окликнула её бабка. — Я бы тебе сказала адресок, да боюсь, проболтаешь кому.

— Да что вы! — заверила старушку мама Ромашкина. — Я никому не скажу. Ни слова. Клянусь.

— Только я просто так тоже не могу адресочек дать, — завершала бабка. — Сама понимаешь. Пенсия у меня маленькая. Денег не хватает.

— Да-да, конечно, — мама Ромашкина полезла в кошелёк. — Вот, возьмите.

— Спасибо, дочка, — старуха поспешно спрятала деньги в шкаф. — Вот тебе адресочек. Только не говори, как он к тебе попал.

— Не скажу, — мама Ромашкина вышла за дверь.

После душной комнаты, пропахшей травами и плесенью, морозный воздух был в самый раз. Мама Ромашкина набрала полную грудь воздуха, выдохнула и, не обращая никакого внимания на то, что она была в домашних тапочках, засемила по пушистому снегу к трамвайной остановке.

Ждать трамвая пришлось долго. Уже было довольно поздно, и мама Ромашкина отложила свой визит к колдуну на завтра.

Когда она вернулась домой, папа и Настя уже её ждали.

— Ты где была? — поинтересовался папа Ромашкин, когда мама появилась на пороге.

— У Сони в гостях, — в очередной раз солгала мама Ромашкина.

— Так поздно?

— Заболтались, — оправдывалась мама Ромашкина.

— А как же работа? — недоумевал папа.

— Нам сегодня дали выходной, — снова солгала мама Ромашкина. — Вот я и решила провести подругу.

— В таком случае ты могла бы надеть что-нибудь другое, — от папы не ускользнуло то, что мама Ромашкина была в домашних тапочках и халате.

— Паша, — утомленно вздохнула мама Ромашкина, — давай поговорим потом. Я устала. Вы ужинали?

— Ужинали, — кивнула головой Настя.

— Очень хорошо, — мама Ромашкина направилась в спальню. — Тогда ложитесь спать.

Мама Ромашкина вела себя настолько странно, что никто не стал с ней спорить. Укладываясь спать, папа Ромашкин опять поинтересовался, где она была.

— Я же тебе говорила, что была у Сони, — измотанная за сегодняшний день мама Ромашкина старалась уйти от разговора.

— У Сони тебя не было, — не отставал папа.

— Откуда ты знаешь?

— Она сама звонила. Спрашивала про какую-то бабку.

— Про какую бабку? — мама Ромашкина делала вид, что уже спит. — Я не знаю никакой бабки.

— Ну, как хочешь, — надулся папа Ромашкин, понимая, что от мамы сегодня ничего не добьёшься. — Не хочешь рассказывать и не надо.

Он перевернулся на другой бок и уснул. А маме Ромашкиной не спалось. Она никак не могла дождаться утра, чтобы отправиться по данному бабкой адресу и навсегда покончить с непрошенной гостьей.

Глава четвертая

Утром, выпроводив папу на работу, а Настю в школу, мама Ромашкина отправилась разыскивать колдуна. Указанный в адресе дом находился в центре города, и мама Ромашкина без труда отыскала его. К тому же на двери была приколочена медная табличка с выгравированными буквами: «Маг и чародей, доктор оккультных наук, магистр белой и чёрной магии. Задунайский Теофраст Гермидонович». От двери тянуло холодом. Мама Ромашкина поёжилась и нажала кнопку звонка. За дверью раздался глухой звон. Дверь заскрипела, и в проёме показалась взъерошенная голова.

— Скажите, пожалуйста, — обратилась к голове мама Ромашкина. — Здесь живёт Теофраст Гермидонович?

— А вам зачем? — подозрительно спросила голова.

— У меня к нему дело.

— У всех дела, — отрезала голова.

— Но у меня очень важное дело, — продолжала настаивать мама Ромашкина.

— У всех важные, — недовольно проворчала голова.

— Теофраст, кто там пришёл? — раздался из глубины квартиры чей-то визгливый голос. — Это, наверное, опять ко мне.

— А к кому ещё! — крикнула в ответ голова. — Ладно, проходите.

Дверь распахнулась, пропуская маму Ромашкину внутрь. Она ожидала увидеть что-то необычное, сверхъестественное. В духе магов и колдунов из средневековья — цепи, котлы, магические шары, тёмные шторы. Но ничего такого не было. Это была самая обычная квартира, с самой обычной обстановкой. Взъерошенная голова, не впускавшая маму Ромашкину, принадлежала маленькому сухонькому старичку в выцветшем бархатном халате.

— Проходите, — кивнул он в сторону большой комнаты, из которой навстречу вышел такой же старичок, с такой же взъерошенной шевелюрой и в таком же выцветшем халате.

— Ой! — от неожиданности воскликнула мама Ромашкина. Ей показалось, что у неё двоится в глазах.

— Не пугайтесь, — второй старичок добродушно заулыбался. — Вам не кажется. Нас действительно двое. Это мой брат — Теофраст. А я — Теофраст. Проходите, прошу вас. Ведь вы ко мне пришли?

— К вам, — проговорила мама Ромашкина, всё ещё удивленная попожестью братьев.

— Извините, у нас тут немного не прибрано, — Теофраст спешно стал рассовывать по углам разбросанные вещи.

Теофраст угрюмо пялился на гостью.

— Фео, — лебезил маг и чародей перед неожиданной гостьей, — не заварить ли ты нам чайку?

— С мятой или без? — недовольно пробурчал Теофраст.

— На твоё усмотрение, — с лица Теофраста не сходила натянутая улыбка. Похоже, он был более добродушным и приветливым, чем его брат.

— Итак, — протянул он, когда Теофраст исчез на кухне, — какое у вас ко мне дело?

— Понимаете, — мама Ромашкина тяжело вздохнула, — у нас в доме завелась кикимора. Не какая-то там сказочная, а самая настоящая.

Доктор оккультных наук покривился.

— Я вижу, — обиженно произнесла мама Ромашкина, — что вы мне не верите. Но это чистая правда. Эта кикимора просто житья не дает. Она превратила мою квартиру в бедлам. Я так от неё устала. В последнее время я вся на нервах.

Магистр белой и чёрной магии бросил сочувственный взгляд на гостью. — Но я не понимаю, что вы от меня хотите?

— Я хочу, чтобы вы помогли мне от неё избавиться. Я обращалась ко многим, но никто мне не смог ничем помочь. И вот я пришла к вам. На вас моя последняя надежда.

Мама Ромашкина зарыдала. Теофраст Гермидонович бросился ее успокаивать.

— Ну, не стоит так переживать из-за какой-то кикиморы.

— Как же не переживать? — рыдала мама Ромашкина. — Когда мне от неё нет ни сна, ни покоя. Я вся извелась.

— Прошу вас, перестаньте плакать! — маг не выносил женских слёз. — Иначе я вам ничем не помогу. Фео! — крикнул он брату. — Не надо чаю! Принеси лучше стакан воды! Да, где-то там у нас была валерьянка! Захвати, пожалуйста, и её.

Через минуту в комнате появился Теофраст со стаканом воды и пузырьком валерьянки.

— Вот, выпейте, — Теофраст стал отсчитывать капли. — Вам станет легче.

— Нет, не нужно, — мама Ромашкина взяла себя в руки и вытерла слёзы.

— Как знаете, — Теофраст сам выпил валерьянку и запил её водой.

— Что-нибудь ещё? — Теофраст ожидал у двери.

— Нет, — покачал головой Теофраст. — Больше ничего не нужно.

Теофраст хмыкнул и снова отправился на кухню.

— Я готова заплатить столько, сколько вы скажете, — затараторила мама Ромашкина. — Только избавьте меня от этого наказания.

При упоминании денег Теофраст сменил свою тактику.

— И когда у вас поселилось это существо? — маг и чародей постарался придать своему лицу серьёзное и озабоченное выражение.

— Два дня назад.

— А до этого в вашей квартире не происходило ничего странного? Не ощущали ли вы какой-нибудь дискомфорт? Не мучили ли вас по ночам кошмары? Не слышались ли вам голоса, посторонние звуки?

— Нет, — мама Ромашкина отрицательно покачала головой. — Ничего такого не было.

— Может, у вас в роду был кто-нибудь, кто мог общаться с тёмными силами?

— Нет, таких не было.

— Странно, — загадочно произнёс доктор оккультных наук. — Всё это очень странно.

— Вот и я говорю, что странно, — поддакивала мама Ромашкина. — Почему она выбрала нашу квартиру?

— Не знаю, — Теофраст погрузился в раздумья. — Надо посмотреть на месте.

— И когда вы сможете это сделать?

— Когда? — магистр белой и чёрной магии посмотрел на часы. — Можно прямо сейчас, если вас устраивает.

— Меня устраивает, — согласилась мама Ромашкина.

— Фео! — снова закричал брату Теофраст, снимая халат. — Я отлучусь на пару часиков.

— А как же обед? — из кухни показалась голова Теофраста.

— Я думаю, что к обеду я успею, — маг и чародей стал спешно надевать пальто. Нахлобучив норковую шапку на свою шевелюру, он вышел из квартиры. Мама Ромашкина выскочила за ним следом.

— Далеко ехать? — осведомился доктор оккультных наук.

— Нет, недалеко, — ответила мама Ромашкина. — Две остановки на трамвае.

— На трамвае? — недоумённо переспросил магистр. — А я думал, не такси будет удобнее.

— Можно и на такси, — нехотя согласилась мама Ромашкина. Ехать трамваем было бы куда дешевле, но ради исполнения своего плана, деньгами можно было и пожертвовать.

Маг и чародей лихо свистнул, и тут же из-за угла вынырнуло такси. Старичок учтиво распахнул перед мамой Ромашкиной дверь, помог ей сесть, затем сел сам и через десять минут они уже были на месте.

— Проходите, пожалуйста, — мама Ромашкина любезно распахнула перед доктором оккультных наук дверь. — Можете не разуваться.

— Так, — магистр осмотрелся по сторонам. — И где ваша нечисть?

— Сам ты нечисть, — послышалось в ответ. Это Шишуня, слышав скрип двери, вылезла из Настинной комнаты и пристально рассматривала незнакомца.

— Онпять гостей припёрла? В доме хоть шаром покати, а она каждый день гостей принимает. — Пробурчала и неторопливо заковыляла обратно в комнату.

— Вот видите, — мама Ромашкина кивнула в сторону кикиморы.

— Вижу, — растерянно проговорил маг и чародей. Он не ожидал, что кикимора окажется самой настоящей. Он думал, что это всего лишь фантазия его клиентки. Нужно было что-то предпринимать, но что, доктор оккультных наук никак не мог придумать. Он привык общаться с духами, посещать прошлое и будущее, снимать порчи и сглазы. Всё это было невидимым, неосязаемым. А тут перед ним живое создание, с которым он никогда не имел дело. Вдобавок это создание ещё и разговаривало.

Вначале магистр хотел развернуться и уйти, но это означало бы скомпрометировать себя в глазах клиентки. К тому же он не хотел терять возможности положить в карман лишнюю копейку. И он решил действовать. Достав из прихваченного чемоданчика чёрную мантию с пришитыми к ней золотыми звездами и какой-то странный камушек на длинной бечёвке, магистр стал расхаживать по квартире и, размахивая камнем, бормотать какие-то заклинания.

Мама Ромашкина и Шишуня заворожённо наблюдали за ним.

— У вас в доме очень плохая аура, — доктор оккультных наук остановился у холодильника.

— Насколько плохая? — озабоченно поинтересовалась мама Ромашкина.

— Очень плохая, — озабоченно произнёс колдун.

— Сколько? — мама Ромашкина поняла, что Задунайский намекает на деньги.

— Мне бы не хотелось называть какую-то определенную сумму, — неохотно промямлил он. — Но вы сами понимаете, за один раз исправить ауру просто невозможно. Это выше моих сил. Разрушение ауры может повлечь за собой самые непредвиденные обстоятельства.

— На что вы намекаете? — не понимала мама Ромашкина.

— Как это на что? — вмешалась в разговор Шишуня. — На деньги он намекает. Хочет ободрать тебя, как липку. Я ихнего брата хорошо знаю. Напускают на себя важности, а сами даже прыща на носу вывести не могут.

— Я бы попросил вас не делать замечаний в мой адрес, — обиделся Теофраст Гермидонович.

— А ты тонже хороша! — Шишуня переключилась на маму Ромашкину. — Вместо того, чтоб обед сготовить, гостей водишь, да шастаешь неведомо.

Мама Ромашкина уныло грустно вздохнула. Кикимора была отчасти права. Но даже это замечание не могло отговорить её от намерения избавиться от Шишуни.

— Делайте всё, что считаете нужным! — обреченно согласилась мама Ромашкина. — За деньгами дело не станет.

— Как скажете, — магистр снова стал размахивать камнем и бормотать.

Шишуню это выводило из себя.

— Чаво размахалси? Чаво людям голову глумишь?

— Не мешай ему, — мама Ромашкина попыталась оттащить Шишуню от мага.

— Не трожь меня! — воскликнула Шишуня. — Я-то знаю, занчем ты его сюда притащила. Не дура небось. Ты меня сжить хочешь. Мешаю я туточки всем. Ну и ладно. Ежели на то пошло, я и сама уйду. Не больно и хотелось у вас жить. Найду себе местечко получше вашего. Подумаишь — сосиски в ящик со льдом запихнули и рады. Больно нужны мне ваши сосиски. И без них обойдуся.

Шишуня бросилась в Настину комнату собирать свои вещи.

— Мне от вас ничаво не надоть! Я только своё возьму! Ну и зайца энтото возьму. Мне яво Настя подарила. Вот!

Шишуня хмыкнула и направилась к двери. Мама Ромашкина ожидала, что у порога Шишуня снова бросится на пол и начнёт глосить, но кикимора твёрдо намеревалась уйти. Она барабанила своей крохотной ножкой в запертую дверь.

— Открой, что ли. Я не допрыгну.

Мама Ромашкина шагнула к двери, но в это мгновение дверь открылась, и в квартиру вошли Настя и папа Ромашкин.

— Что тут у вас происходит? — они в недоумении застыли у порога.

— Ничего, — растерянно пожала плечами мама Ромашкина.

— Как это ничего? — недовольно переспросил папа Ромашкин. — А это что ещё за тип?

— Энто не тип, а вымогатель! — пробурчала Шишуня, пытаясь выскользнуть в приоткрытую дверь, но Настя преградила ей дорогу.

— Ты куда?

— Ухожу я от вас! — обиженно проворчала Шишуня. — Ненужная я тут никому. Гонют меня отсель. И дядьку энтото привели, чтобы меня из дому выгнать.

— Никто тебя не собирается выгонять, — начала оправдываться мама Ромашкина.

— Конечно! — хмыкнула Шишуня. — А занчем энтот тип у меня под носом камнем размахивал? А?

— Каким камнем? — папа Ромашкин никак не мог понять, что происходит.

— Каким-каким, — передразнила Шишуня папу. — Я откель знаю? Булжник где-то подобрал, на вярёвочку привязал, а ещё приличным прикидывается.

— Ну, мне пора, — засуетился магистр, понимая, что назревает семейный разговор. Ему совершенно не хотелось вмешиваться в чужие отношения. Подхватив свой чемоданчик, он прошмыгнул между Ромашкиными и, не прощаясь, выскочил на лестничную площадку.

Папа Ромашкин закрыл за ним дверь.

— И всё-таки, — как можно спокойнее спросил он, — что здесь произошло?

— Что произошло? — мама Ромашкина поняла, что дальше оправдываться бессмысленно. — Просто я больше не хочу иметь у себя в доме это несносное создание.

— Но она ведь не сделала ничего плохого! — Настя снова попыталась заступиться за Шишуню.

— Не стоит опять начинать старый разговор, — мама Ромашкина была настроена категорично. — Мы уже все обсудили. Вернее, я так решила. К тому же, она сама решила уйти.

— Как? — в один голос воскликнули Настя и её папа.

— Ну... — протянула Шишуня. — Если вы не хотите, чтобы я ушла, то я могу остаться.

У мамы Ромашкиной вырвался нервный крик.

— Только через мой труп! — и она зарыдала.

Папа Ромашкин бросился её успокаивать. Настя повернулась к Шишуне.

— Вот видишь, до чего ты довела маму.

— Я не хотела, — Шишуня хлюпала носом. — Я ж не виноватая, что такую уродилась. А исправлять уже поздно. Хотя... Я не такая уж и плохая, как вы думаете.

Шишуня подошла к маме Ромашкиной.

— На вот, возьми себе, — и она протянула ей синего зайца.

Мама Ромашкина перестала рыдать и потрясённо посмотрела на кикимору. Вся злость, все обиды разом улетучились. У Шишуня был такой умилённый вид, что мама Ромашкина сразу забыла о развороченной квартире, сломанном телевизоре и уничтоженных продуктах.

— Хорошо, — согласилась она. — Ты можешь остаться. Но с одним условием.

— Каким условием? — переспросила Настя.

— Каким энто условием? — поинтересовалась Шишуня.

— Слушаться меня во всем и выполнять правила, которые установлены в этом доме. Ты должна забыть, что когда-то жила в болоте и начать новую жизнь. Согласна?

— А у меня есть выбор? — Шишуня хитро взглянула на маму Ромашкину. На этом они и примирились.

Первое, с чего Шишуня должна была начать новую жизнь, — это вымыться. Мама Ромашкина напустила в ванну воды, плеснула в неё какой-то розовой жидкости из пузырька, и ванна наполнилась душистой мыльной пеной. Мыться Шишуне не хотелось, но возражать было бесполезно. И прятаться под диван было глупо.

Дождаясь своей участи, она недовольно бормотала:

— В кои-то веки кикиморы мылись-то? Да и не грязная я. Разве чуточку.

— Можешь не стонать, — строго произнесла мама Ромашкина, подталкивая Шишуню в ванну. — Я всё равно тебя не стану слушать. Марш в ванную!

Шишуня тяжело вздохнула и шагнула в ванную.

— Наверное, вода горячая! — поморщилась она.

— Вода не горячая, — мама Ромашкина прикрыла дверь. — В самый раз.

— А энто чаво? — Шишуня недоуменно смотрела на белые хлопья пены.

— Это мыло, — пояснила мама Ромашкина.

— Мыло? — как-то безразлично переспросила Шишуня. — А занчем оно? У нас в болоте никакого мыла не было. Мы без всяких там мылов мылись.

— Ты больше не в болоте, — мама Ромашкина была настроена решительно. — А без мыла ты свою грязь не отмоешь.

Шишуня ещё раз тяжело вздохнула. Спорить с мамой Ромашкиной было понапрасну. И она безропотно отдалась ей в руки.

— Мой, коли тебе приспичило, — и Шишуня нырнула в теплую, пахнущую мятой воду.

Настя делала уроки, папа Ромашкин читал газету. Изредка они отрывались от своих занятий и прислушивались к звукам, доносившимся из ванной. Это длилось достаточно долго. Настя успела выучить все уроки не только назавтра, но и на всю неделю вперед, а папа Ромашкин успел прочитать газету не один раз. Наконец, дверь ванной распахнулась, и из неё появилась преображённая Шишуня, завернутая в полотенце. По всей квартире разнёсся аромат мяты.

— Ну как? — Настя выглянула из своей комнаты.

— А я и не знала, что мыться бываить довольно приятно, — удовлетворенно проговорила Шишуня. — Только мыло сильно щипучее. Но занто пахнет вкусно. Хоть с хлебом ешь.

— А ты не хотела мыться, — заметила Настя, протягивая госте зеркальце. — Вот, посмотри, какая красавица получилась.

— Красавица, — согласилась Шишуня, самовлюблённо разглядывая своё отражение в зеркале. — А чё? Ничаво получилась. Только уж больно чистая. Ну да не беда, неделька-другая и грязь на место воротится.

Пока Шишуня обсыхала и обсуждала с Настей процесс своей помывки, мама Ромашкина убрала в ванной и отправилась на кухню готовить ужин. Папа Ромашкин вызвался ей помогать. Через полчаса всех позвали к столу.

— Мне опять на полу мисочку поставите? — съязвила Шишуня.

— Зачем же на полу? — ответила мама Ромашкина. — Поскольку ты являешься в какой-то степени членом нашей семьи, то, как и все, ты имеешь полное право сидеть за столом.

— Ну и где мне садиться?

— Где хочешь.

— Можно я сяду у окна?

Папа Ромашкин насупился. Это было его любимое место. Он хотел воспротивиться такому выбору, но мама Ромашкина его опередила.

— Конечно, можно.

Шишуня тут же вскарабкалась на табуретку под окном. Папе Ромашкину ничего не оставалось делать, как сесть на свободное место. Мама стала раскладывать макароны по тарелкам.

— А сосиски? — закомандовала Шишуня.

— Потерпи. Будут тебе и сосиски, — мама Ромашкина стала раскладывать к макаронам сосиски. Себе, Шишуне и Насте она положила по одной, а папе Ромашкину — две.

— А чаво энто ему две? — возмутилась Шишуня. — Я тоже хочу две сосиски.

— Съешь сначала одну, — как можно спокойнее сказала мама Ромашкина. — А потом получишь добавки.

— А чаво тут есть? — удивилась Шишуня и в мгновение ока запихнула сосиску в рот и стала громко чавкать. Ей не терпелось поскорее получить добавки, и она попыталась проглотить сосиску, но не рассчитала и подавилась.

— Вот видишь, — заметила мама Ромашкина, — к чему приводит поспешность.

— Энто не бяда, — Шишуня кашляла. — Мне не привыкать.

— За столом нужно вести себя прилично, — Настя легонько постучала Шишуню по спине. Кикимора перестала кашлять. — Разве тебя этому не учили?

— Не-а! — покачала головой Шишуня. — Не учили. Бабка бывало поставит котёл с кашей на стол, ну и гляди, не зевай — махай ложкой, а то голодным останешься. Нас в роду двенадцать душ было. Чуть заеваишься — а котёл пустой.

— Трудно тебе жилось, — посочувствовал папа Ромашкин.

— Чаво трудно? — не поняла Шишуня. — Я на подъём легкая, на дело спорая. А уж ложкой махать — так мне равной во всём болоте нету. Было б только чаво есть. Можно мне ишшо макарон и сосисок?

Ромашкины и не заметили, как за разговорами Шишуня опустошила свою тарелку.

— Можно, — мама Ромашкина выложила кикиморе остатки макарон.

— А сосиску? — недоуменно спросила Шишуня.

— Сосисок больше нет, — ответила мама и принялась разливать чай.

— Жалко! — огорченно протянула Шишуня. — Мне они очень нравятся.

— Если хочешь, — предложила Настя, — я с тобой поделюсь.

— Не надо, — отмахнулась Шишуня, отодвигая от себя пустую тарелку. — Ешь сама, я уже налопалась.

И она довольно похлопала себя по круглому животу.

— А чай ты будешь? — спросила мама Ромашкина.

— Чай буду, — кивнула Шишуня.

— А с каким вареньем? — поинтересовалась Настя.

— С чем? — не поняла Шишуня.

— С вареньем, — повторила Настя.

— Неужто вы варенье каждый день едите? — удивилась Шишуня. — У нас оно редко бывало. Да и то бабка по ложке каждому отмерит, а остальное припрячет. Попробуй на такую ораву наварить. Ягод то в ялсу навалом, а вот сахар на кустах не растёт.

— Где же вы сахар брали на варенье? — поинтересовалась мама Ромашкина.

— А на поле, — пояснила Шишуня. — У нас неподалёк от болота поле со свёклой сахарной. Ну, мы там свёклу и воровали.

— Как воровали? — воскликнула Настя. — Воровать же плохо!

— А чё делать? — грустно вздохнула Шишуня. — Просить же не пойдешь. Вечерком мешки в руки и на поле. Только за раз разве много принесёшь. Да ишшо возни со свёклой много. Почистить, сварить, процедить. Маята одна. Мешков десять притащишь, а сахару — с гулькин нос. Вот бабка его и берегла.

— Как же вы без варенья чай пили? — не переставала удивляться Настя.

— А вот так, — продолжала сетовать Шишуня. — С ягодой сушеной. Бабка её много насушивала. И малины, и земляники, и черники. Мы почитай всё лето по ялсу шастали — ягоды собирали. Только не люблю я это занятие. Комары кусаются, спину ломит. Это ж за каждой ягодкой сгибаться доводится. Тяжкая работа, нудная. Не люблю.

— А ягоды есть любишь? — усмехнулся папа Ромашкин.

— Кто ж их не любит? — опять вздохнула Шишуня. Она уже выпила три чашки чая и одна съела полбанки абрикосового варенья. — Только вот таких ягод у нас не растёт в лесу.

И она опять запустила ложку в банку.

— Шишуня, — мама Ромашкина строго посмотрела на кикимору, — нельзя своей ложкой лезть в банку.

— Ну, и не буду, — Шишуня обиженно положила ложку на стол. — Всё равно я уже наелась.

Кикимора стала вылезать из-за стола.

— А спасибо? — напомнила ей мама Ромашкина.

— Это ишшо за что? — не поняла Шишуня.

— За ужин.

— Вот ишшо! — насупилась кикимора. — И было за что? Тарелка макарон, полторы сосиски, да варенье непонятно из чего варёное. Не за что тут благодарить.

— И всё же, — мама Ромашкина решила заняться воспитанием. — Выходя из-за стола, нужно благодарить.

— Ладно, — пробурчала Шишуня. — Благодарствуйте за хлеб-соль.

И она низко поклонилась маме Ромашкиной.

После ужина семья Ромашкиных разошлась по своим комнатам. Папа Ромашкин снова стал читать газету. Мама принялась за вязание, а Настя и Шишуня стали разглядывать картинки в книжках. Вначале кикимора внимательно рассматривала цветные иллюстрации, слушала Настины рассказы. Потом ей это надоело, и она стала ёрзать.

— Разве тебе не интересно? — спросила Настя, заметив, что Шишуня её не слушает.

— Чаво не интересно? Интересно. Только я всё одно ничаво не запомнила. Дюже много картинок. Аж в глазах зарябило.

— Тогда чем займёмся? — спросила Настя, откладывая в сторону книгу.

— Не знаю, — пожала плечами Шишуня. — Ты туточки хозяйка, ты и выдумывай, чем мене занять.

— Может, порисуем? — предложила Настя.

— Не хочу, — покрутила головой кикимора.

— Может, поиграем в куклы?

— Не хочу.

— Что же ты хочешь? — Настя не знала, что ещё предложить.

— Варенья хочу, — Шишуня облизнулась. — Уж больно оно вкусное. Сладкое, пахучее. Ты бы пошла, да принесла. Вот мы и скоротали бы вечерок.

— Боюсь, что мама нам не разрешит, — Насте совершенно не хотелось идти к маме и просить у неё варенье.

— А ты не спрашивай, — советовала кикимора. — Поди и принеси.

— Нехорошо без разрешения, — противилась Настя.

— Чё тут нехорошего? — недоумевала Шишуня. — Мы тишком возьмём. А банку на место поставим. Никто и не узнаит.

— Я так не могу, — Настя отклонила предложение соседки по комнате. — Взять варенье без спроса и не сказать — это значит солгать. А лгать нехорошо.

— Всё у тебя нехорошо, — нахмурилась Шишуня. Ей было ясно, что варенья она не дождётся, и она обиженно сопела. Но Шишуня не умела долго обижаться и уже через минуту она, совершенно забыв про варенье, весело болтала с Настей. За этим занятием их и застала мама Ромашкина.

— Не пора ли ложиться спать? — спросила она, заглянув в комнату. — Уже поздно.

— Да какое там поздно! — отмахнулась Шишуня. — Ишшо и солнце не зашло.

И она показала на окно, за которым ярко горел уличный фонарь.

— Какая же ты смешная, — улыбнулась Настя. — Это не солнце.

— А чаво энто? — испуганно воскликнула Шишуня.

— Это фонарь, — пояснила Настя.

— А занчем он?

— Чтобы светло было.

— Глупости! — Шишуня махнула рукой. — Занчем энто фонари на улице ставить? Кому он там нужен?

— Как кому? — удивлялась Настя. — Может кто-то поздно домой возвращается. Вот и поставили фонари, чтобы было видно.

— Да кто по темноте решится шастать? — недоумевала кикимора.

— Разве что бандюги какие. Или воры.

— А ты откуда по них слышала? Неужели и в вашем болоте они водятся?

— В нашем болте, слава богу, такой дряни не водится, — облегченно вздохнула Шишуня. — А вот бабка рассказывала, что за лесом такой нечисти пруд пруди. Вот нас дальше лесу и не пушали.

— И правильно делали, — тихо заметила мама Ромашкина. Она всё это время стояла у двери. — Ложитесь спать. Завтра рано вставать.

— Чаво энто? — возмущалась Шишуня. — Почитай завтра никаких делов нетути, чтоб подыматься ни свет, ни заря.

— У тебя нет, а у нас есть, — строго произнесла мама Ромашкина. — И Насте завтра в школу нужно.

— Куды энто? — не поняла Шишуня.

— В школу, — Настя грустно вздохнула.

— Всё! — мама Ромашкина щёлкнула выключателем. В комнате сразу стало темно и неуютно. И только свет от уличного фонаря пробивался сквозь занавески, придавая предметам устрашающие и загадочные очертания.

Как только в комнате стало темно, Шишуня испуганно вскрикнула и шмыгнула под диван.

— Ты куда? — окликнула её Настя.

— Прятаться, — прошептала перепуганная кикимора.

— От кого?

— От лешака, — ещё тише прошептала Шишуня.

— От какого лешака?

— От того, кто солнце съел, — Шишуня забилась в самый дальний угол.

— Какое солнце? — Настя не понимала, о чём идёт речь. — Вылезай. Здесь нет никакого лешака.

— Как энто нетути? — противилась Шишуня. — А свет куды подевалси? Только что был и нет яво. Энто яво работа — лешака.

— Ах, вот ты о чём! — Настя, наконец-то, догадалась, чего испугалась её гостья. — Вылезай, не бойся. Лешак здесь ни при чём.

И Настя включила лампу. В комнате снова стало светло и совершенно не страшно. Шишуня, увидев узкую полоску света, пробиравшуюся под диван, решила высунуть нос.

— Это электричество, — Настя показала на выключатель. — Нажимаешь на кнопочку — есть свет. Ещё раз нажимаешь — и нет его.

Настя несколько раз щёлкнула выключателем, пока Шишуня не убедилась, что страшный лешак здесь совершенно ни при чём. Она вылезла из-под дивана и, глядя на лампочку, восторженно произнесла.

— А вот у нас в болоте лепстричества нет.

— Электричества, — поправила её Настя.

— Какая разница, — отмахнулась Шишуня. — Я вот одного не пойму — от чего он работает? На дровах, али ещё на чём? Вроде бы и огонь, а дымом не пахнет.

— Это не огонь, — Настя расстилала постель. — Я и сама толком не знаю, как оно работает, но, если тебе интересно, давай завтра спросим об этом у папы. Он всё знает.

— Занчем же яво спрашивать? — Шишуня внимательно разглядывала светящуюся лампочку под цветным абажуром. — Можно и самим разобраться. Не велика работа. Только вот я до неё не допрыгну. Ты бы мне энто лепстричество сняла, я бы и поглядела, чаво там намешано.

— Нет, — Настя отрицательно покачала головой. — Я не буду снимать лампочку. Папа не разрешает.

— Всё энто тебе не разрешают, — сочувственно покачала головой Шишуня.

— Ну, всё, — Настя расстелила постель и приготовилась спать. — Ложись в свою кроватку, я выключу свет.

— Энто ишшо занчем? — возмутилась Шишуня. — Опять темно будет. Со светом оно как-то лучше.

— Кто же это спит со светом? — удивилась Настя.

— Я сплю, — попыталась возразить Шишуня, но, не решаясь спорить с Настей, раздумала. — А впрочем, можешь и выключать. Ты ведь тут хозяйка.

Настя щёлкнула выключателем. В комнате воцарился полумрак. Шишуня уже не пугалась темноты. Забравшись в кукольную кроватку, натянув одеяло на голову, она тут же уснула. Настя посмотрела на свою гостью и тоже легла спать.

Глава пятая

Утром Шишуню разбудил громкий голос мамы Ромашкиной.

— Вставайте, лежебоки! Пора умываться и завтракать!

Как не хотелось подольше поваляться в постели, пришлось вставать. Полусонная Настя вылезла из-под одеяла и направилась

в ванную. Шишуня никак не отреагировала. Она натянула одеяло повыше и перевернулась на другой бок.

— А ты ещё долго будешь валяться? — мама Ромашкина стащила с кикиморы одеяло. — Завтрак на столе.

— Я потом съем, — пробурчала Шишуня, не желая покидать нагретого места.

— Я не буду кормить тебя отдельно, — строго сказала мама Ромашкина. — Вставай и иди умываться.

— Я вчера мылася, — пробубнила Шишуня.

— Нужно мыться каждое утро, — наседала мама Ромашкина.

— Вот ишшо! — проворчала Шишуня. — Я ж за ночь не измазалася.

— Никаких возражений, — мама Ромашкина вытащила Шишуню из постели и вытолкала за дверь.

— Ну и порядочки! — недовольно ворчала Шишуня, топая на кухню.

— А руки мыть? — мама Ромашкина преградила ей путь.

Шишуня вначале хотела возразить, но передумала. Тяжело сопя, она поплелась в ванную, где всё ещё возилась Настя.

— И чаво энто у твоей мамы за привычка каждый день мыться? — пыхтела Шишуня, глядя на тонкую струйку воды, вытекавшую из крана. — Ну, мойся сама. Так нет. Ишшо других заставляеть.

— Ты не любишь мыться? — Настя вытирала руки полотенцем.

— А кто ж любит?

— Никто, — тут Настя была солидарна с кикиморой. Но спорить с мамой по этому вопросу, как впрочем, и по всем остальным, было бесполезно. И Шишуне ничего не оставалось делать, как сунуть свои крохотные ручки под кран с водой. Вода была теплой.

— А у нас в болоте от воды аж зубы заходятся. Така студёна, — Шишуня начала баловаться с водой. Она подставляла один пальчик, затем другой. Она соединяла руки лодочкой, набирала полные пригоршни воды и смотрела, как та тоненьким ручейком струится из ладошек.

— Завтрак стынет! — послышался из кухни голос мамы Ромашкиной. — Вы там скоро?

— Уже идём! — Настя закрыла кран и пошла на кухню.

Шишуня обтерла об себя руки и засемила вслед за Настей. Папы Ромашкина на кухне не было. У него, как выразилась мама Ромашкина, что-то «горело на работе», и он убежал, даже не позавтракав.

— Энто хорошо, — пролепетала Шишуня. — Нам больше останется. Опять будем есть сосиски?

— Сосисок сегодня не будет, — мама Ромашкина раскладывала по тарелкам пшённую кашу. — Сегодня на завтрак каша.

— Каша так каша, — похоже, что Шишуня примирилась со своей участью. Да и что ей ещё оставалось делать? Как бы то ни было,

возвращаться в болото, где сейчас холодно и сыро, ей совершенно не хотелось. Да, мама Ромашкина слишком строга, иногда невыносима, зато у неё в доме тепло, уютно и три раза в день кормят, причём за просто так. Шишуня посмотрела на кашу, озабоченно вздохнула и принялась за еду. Ложка оказалась слишком большой, а каша слишком горячей. Кикимора никак не могла с ними справиться. И хоть она изо всех сил старалась не измазаться, ей это не удавалось. Злополучная каша разлеталась во все стороны. Мама Ромашкина при этом только сопела, но молчала. Когда с кашей было покончено, Настя стала собираться в школу, а мама Ромашкина на работу. Ей не хотелось оставлять Шишуню одну без присмотра, но другого варианта у неё не было.

— Надеюсь, — сказала она, выходя за дверь. — Что на этот раз мы обойдёмся без эксцессов.

— И я надеюсь, — согласилась Шишуня, хотя совершенно не поняла, о чём говорит мама Ромашкина.

— Если будет скучно, можешь посмотреть книжки, — посоветовала Настя, скрываясь за дверью.

— Посмотрю, — кивнула кикимора. — Будьте покойны. Ничаво не случится. Идите и работайте. Всё будет в порядке.

И мама Ромашкина с Настей вышла на улицу, оставив Шишуню хозяйничать у них в доме.

— Ну, — обратилась Шишуня к своему синему зайцу, едва хлопнула дверь. — Чем займёмся? Чаво молчишь? Пялишься на меня и молчишь. А! Да чаво с тобой говорить! Цацка она и есть цацка. Ни поговорить с нею, ни поплакаться.

И Шишуня пошла в Настину комнату досыпать. Уложив зайца рядом с собой и поуютнее завернувшись в одеяло, кикимора стала разговаривать сама с собой.

— Вот оно как получится. То вон гонют, то за хозяйку оставляют. А ты знашь, как энто тяжко хозяйство вести. Тут тебе и дров натаскать надо, и воды. Хотя кака вода? Отвернул себе крантик, и полилася тебе вода. Хошь холодная, хошь горячая. У нас таких чудесов в болоте нету. И чаво энто только люди не придумают, кабы ничаво не делать. Даже солнце в стеклянну бутылку запихнуть умудрились. Щёлкнешь кнопочкой — тут тебе и день сразу. Щёлкнешь ишшо раз — тут тебе и ночь. Лепстричество называется.

Шишуня пыталась снова уснуть, но сна не было ни в одном глазу. Она ворочалась с боку на бок, поправляла подушку и одеяло, но уснуть ей так и не удалось. Рассерженная Шишуня вылезла из кровати и стала расхаживать по комнате, сетуя на свою судьбу синему зайцу.

— Ой, до чево я докатилась! Бывало, раньше к обеду и глазки не продирали, а туточки поднялась ни свет, ни заря. И спать не хочется, и есть не хочется. Зримо заболела я. А лечиться не знаю чем. У них

туточки ни липового цвету, ни мёду нетути. Ой, помру я тут с тоски! Сиротинушка я! Разнесчастливая! И ишшо ящик энтот с говорящими картинками сломалси, как назло! Что нам с тобой делать?

И тут на глаза Шишуне попалась книжка, лежавшая на диване, которую Настя забыла убрать на место.

— Вот и хозяйка! — хмыкнула Шишуня. — За другими следит, а за собой убрать не моёт. Ну, поглядим, чаво в энтот книжке пропечатано.

Шишуня вскарабкалась на диван, усадила зайца рядом с собой и стала разглядывать картинки, на которых были изображены дикие звери.

— Ты гляди-ка! — удивлялась Шишуня. — Каки твари! Таких в нашем лесу и не встретишь. Интересно, чаво энтот за зверь?

И Шишуня, водя пальцем, стала по буквам читать надписи под картинками.

— Кэ. Рэ. О. Снова кэ. Снова о. Теперича д. Потом и. И ишшо л. Получаится кро-ко-дил. Гляди-ка! Крокодил. А я думала ящерка больша. Ан нет. Не ящерка. А энтот кто такой огромный? С. Л. О. Н. Слон. Ишь ты! — развеселилась Шишуня. — Такой огромный, а имечко у няво маленькое.

Шишуне так увлеклась разглядыванием картинок и чтением названий, что не заметила, как пролистала книжку до конца.

— Ну вот! — кикимора обиженно надула губки. — Книжка кончилась. На самом интересном месте. Надо ишшо поискать у Настьки книжок. Куда она их прячет?

Шишуня соскочила с дивана и стала рыться в Настинном столе. Но там лежали одни учебники. В них хотя и были картинки, но немного. Зато слов было слишком много. А Шишуня не хотела утруждать себя чрезмерным чтением. Перерыв все книги в столе и не найдя ничего подходящего, Шишуня переключилась на книжную полку.

— Должно, она там интересные книжки прячет, — кикимора пыталась дотянуться до полки, но та висела слишком высоко.

— Ничаво, — успокаивала себя Шишуня. — Я сейчас табуреточку притащу и достану. Нам не привыкать по верхотуре ползать.

Она приволокла из кухни табуретку и взгромоздила её на диван. Табуретка шаталась во все стороны, но бесстрашную кикимору это не пугало. Она ловко держалась на шаткой конструкции, сохраняя равновесие и пытаясь дотянуться до книг. Ещё немного и ей это удастся. Вот она зацепила одну из книг и потянула её на себя. Но тут табуретка пошатнулась и Шишуня, не удержавшись, со всего размаху полетела на пол. Следом за ней посыпались и все книжки, стоявшие на полке. Несмотря на то, что при падении Шишуня больно ударилась, это её не смутило. Из вороха книг она выбрала одну с картинками и текстом поменьше и снова залезла на диван.

— Ты уже заждалси? — обратилась она к зайцу, раскрывая книжку. — Сейчас продолжим.

И снова кикимора, водя пальцем по строчкам, читала названия небывалых зверей. Читала и охала. Охала и изумлялась.

Вскоре читать и рассматривать картинки ей стало надоедать, и Шишуня начала потихоньку зевать. Она зевнула разок. Потом второй. Потом и не заметила, как уснула. Прямо на диване с раскрытой книжкой в руках.

В такой позе и застала её Настя. Вернувшись из школы, она первым делом кинулась в свою комнату посмотреть, не натворила ли чего её гостя. Но в квартире был порядок. А Шишуня сладко дремала над раскрытой книгой. Едва Настя перешагнула порог комнаты, Шишуня вздрогнула и приоткрыла глаза.

— А! — сонно протянула она. — Энто ты вернулася? А я вон тута с зайцем книжки читаю.

— Я вижу, — озабоченно вздохнула Настя, глядя на разбросанные по полу книги.

— А энто случайно, — начала оправдываться Шишуня. — Я за одну потянула, а они все как посыплются. Давай, я помогу прибраться.

Шишуня бросилась собирать книги. Она подавала их Насте, а та аккуратно расставляла их на полке. Когда с книгами было покончено, Настя принялась за уроки. Шишуня недоумённо смотрела на неё.

— Интересно, — пыхтела она. — Чаво энто ты сразу за свои книжки садишьси? Не емши.

— Я в школе пообедала, — ответила Настя, раскрывая тетрадь.

— Ишь кака! — продолжала пыхтеть Шишуня. — Ты значитси, пообедала! А я голодна весь день сидеть должна?

— Хорошо, — Настя отложила тетрадь. — Пойдем, я тебя покормлю.

— Сосисками? — поинтересовалась Шишуня.

— Не знаю, — пожала плечами Настя. — Сосисок, наверное, больше нет.

— А чаво есть? — Шишуня облизывалась.

— Каша есть, — Настя заглянула в холодильник.

— Кашу я не хочу! — Шишуня поморщилась.

— Больше ничего нет, — проговорила Настя, закрывая холодильник. — Могу предложить чай с батоном.

— Чаю я и в лясу напилася, — отказывалась Шишуня.

— Ну, тогда я не знаю, чем тебя кормить, — растерянно проговорила Настя.

— Ладно, — согласилась Шишуня. — Давай свою кашу, раз ничаво нетути. Не помирать же мне с голоду.

Настя достала из холодильника кастрюльку с кашей и хотела поставить её на плиту разогреть, но Шишуня остановила её.

— Чаво возиться? Зря огонь жечь. Я и холодную кашу съем.

— Как хочешь, — Настя не стала спорить с кикиморой. Она взяла тарелку и выложила в неё всю кашу из кастрюли. — Вот, ешь.

— Ой, спасибочки! — кикимора вскарабкалась на табуретку и стала уплетать холодную кашу за обе щеки.

— Может, все-таки погреть? — спросила Настя, видя, с каким аппетитом Шишуня уминает кашу.

— Не-а! — с набитым ртом проговорила Шишуня. — И так сойдёт. Чаво тут греть? Каши-то не осталось.

Шишуня облизнула ложку и, отодвинув пустую тарелку, довольно погладила себя по животу.

— Лепота! — промурлыкала она. — Теперича можно и вздрямнуть немного.

Шишуня соскочила на пол и направилась в Настину комнату. А Насте ничего не оставалось делать, как убирать за Шишуней. Кикимора хоть и ела ложкой, которая была немного великовата для неё, делала она это слишком неаккуратно. Каша разлеталась в разные стороны, пачкая не только стол, но и всё вокруг. Настя вымыла посуду, убрала последствия Шишуниного обеда и отправилась учить уроки.

Шишуня, обняв синего зайца, сладко посапывала в кукольной кровати.

«Она только и делает, что ест и спит, — подумала Настя. — Но все равно, она очень забавная».

Настя заботливо поправила одеяльце и села за уроки. Задали немало, а Насте хотелось ещё и поиграть. Хорошо, что Шишуня спала и не лезла со своими разговорами и расспросами. Разложив книжки и тетради, Настя принялась решать задачки и аккуратным почерком списывать из учебника упражнения. Не успела она поставить последнюю точку, как мама и папа вернулись с работы. Настя спрятала книжки и тетради в портфель и вышла навстречу родителям.

Ромашкины как-то загадочно переглядывались.

— Ну, — весело произнёс папа Ромашкин, — где наша гостя?

— Спит, — ответила Настя.

— Да не сплю я, — в прихожей показалась взлохмаченная Шишуня. — Разве тут уснёшь? Орёте так, что, почитай, на весь дом слышно.

— Шишуня, — мама Ромашкина впервые назвала кикимору по имени. — Мы тут немного посоветовались и решили, что наша посуда слишком велика для тебя. И мы купили тебя маленькую. Специально для тебя. Надеюсь, что тебе будет есть из неё гораздо удобнее.

С этими словами они протянули кикиморе небольшой пакет. Шишуня ловко сорвала обёртку и раскрыла коробку, в которой лежала маленькая красная чашечка в белый горошек и такая же тарелочка. А ещё там были маленькая ложечка и вилочка.

— Это мне? Это всё мне? — глаза Шишуня светились от радости. — Няужто это всё мне? И чашечка? И тарелочка? И ложечка с вилочком?

— Да, — кивнула мама Ромашкина. — Это всё тебе. Думаю, что теперь ты будешь вести себя за столом прилично и аккуратно.

— Ну, конечно! — согласилась Шишуня. — Я теперича ни крошки не оброню, ни капельки не разбрызгаю! Ой, спасибочки вам за дары щедрые! За подношения дорогия!

И Шишуня низко поклонилась маме и папе Ромашкиным. Такой жест рассмешил их, но они сдержались.

За ужином Шишуня ела из своей посуды. Как и было обещано, она не расплескала ни капельки, не обронила ни крошки, чем очень порадовала маму Ромашкину. К тому же Шишуня изъявила желание вымыть свою посуду, чем ещё больше поразила маму Ромашкиных.

Ложась спать, мама Ромашкина не преминула заметить:

— А она не такая уж и плохая.

— Ты это о ком? — полусонно переспросил папа Ромашкин.

— О Шишуне.

— Угу, — пробормотал папа Ромашкин и, повернувшись к стене, уснул.

Глава шестая

На следующий день Настя вернулась из школы в плохом настроении. А всё из-за того, что её сосед по парте Вовка Свистунов на уроке рисования нечаянно разлил баночку с водой, в которую ребята макали кисточки. И вся грязная вода попала прямо на Настю. И хотя Вовка тут же извинился и хотел помочь Насте оттереть грязь с платья, настроение было испорчено. Да и кому было бы приятно ходить в мокром платье? Хорошо, что рисование было последним уроком, и Настя, едва прозвенел звонок, бегом бросилась домой.

Она с порога швырнула портфель в угол, быстро стянула шубу и сапоги и побежала в комнату, чтобы поскорее переодеться. Но тут её ждали новые разочарования. Шишуня, воспользовавшись отлучкой своей хозяйки, перерыла все Настины вещи и теперь самодовольно любовалась в маленькое зеркальце на тонкой ручке, подаренное Насте на День рождения все тем же Вовкой Свистуновым, и ласково приговаривала:

— Шишуня, Шишунечка. Умница, золотце. Красатулечка, лапулечка.

— Отдай мое зеркальце! — недовольно вскричала Настя.

— Не отдам! — Шишуня спрятала зеркальце за спину. — Я яво первая нашла!

— Это моё! — Настя пыталась отнять подарок.

— Чем докажешь? — Шишуне совсем не хотелось расставаться с зеркальцем.

— Это моё! — Настя чуть не плакала. — Это мне его подарили.

— Было ваше — стало наше, — не унималась Шишуня.

— Отдай! — наступала Настя. Но Шишуня не собиралась отдавать свою находку.

В конце концов, Насте удалось вырвать из цепких ручек кикиморы своё зеркальце. Шишуня надулась и обиженно пропыхтела:

— Настька, вреднюга! Зеркальца ей жалко. Ну и пусть! Обойдуся и без зеркальца. Больно надо!

— Мне не зеркальца жалко, — возмущалась Настя. — Просто нельзя брать без спросу чужие вещи.

— Подумаишь! — присвистнула Шишуня. — Как будто сама не берёшь.

— Я не беру.

— Как бы не так! — Шишуня ехидно усмехнулась. — А мамкины духи кто без спросу брал? А помаду?

— Это тебя не касается, — сердито отрезала Настя.

— Как энтэ не касаются? — возмутилась Настя. — Мене воспитываишь, а у самой рыльце в пушку. Я ведь тонже про тебя такое знаю.

— Ну что ты про меня знаешь?

— Я вот расскажу твоим родичам, чаво у тебя в портфеле припрятано, — Шишуня загадочно подмигнула.

— Ты и в портфеле моём рылась? — ошеломленно воскликнула Настя.

— Вот ишшо! — хмыкнула кикимора. — Больно надо! Ты сама свои цацки на столе забыла. Я так думаю, коли мамка твоя узнать, что ты деньги, что тебе на обеды дают, потратила на побрякушки, то она вряд ли обрадуется.

Шишуня намекала на то, что вместо того, чтобы обедать в школе, Настя копила деньги и накупила себе всяких колечек, цепочек, браслетиков. Настя знала, что мама будет ругаться, и поэтому всячески прятала свои драгоценности. Шишуня прекрасно понимала, что мама Ромашкина не одобрила бы такого поведения дочери, и решила пойти на шантаж.

— Шишунечка, не выдавай меня! — умоляюще просила Настя, осознавая, чем ей грозит такое разоблачение.

— Вот ишшо! — Шишуня была неприступна. — Ты ж сама говорила, что лгать нехорошо.

— Говорила, — огорчённо согласилась Настя.

— Вот я и расскажу правду твоим родичам, — ехидничала Шишуня.

— Шишуня, я прошу тебя, не выдавай меня.

— Вот ишшо! — не сдавалась Шишуня.

— Хочешь, я тебе свои игрушки отдам? — Настя не знала, чем подкупить кикимору.

— Занчем они мне? — отнекивалась кикимора. — Мне и зайца хвататить.

— А хочешь, я тебе дам поносить мои украшения? — Настя шла на крайние жертвы.

— Не люблю я всякия безделушки, — отмахивалась Шишуня. — Не люблю.

— Ну, скажи, что ты хочешь? — не унималась Настя.

— Чаво хочу? — кикимора задумалась. — А ты и впрямь на всё согласная?

— На всё, — обречённо вздохнула Настя. — Только маме не рассказывай.

— Ладно, — Шишуне стало жалко девочку. — Отдам я тебе твои цапки и мамке твоей ничего не расскажу. И папке тонже. А ты мне за то зеркальце отдашь.

— Вымогательница! — пробурчала Настя.

— Было бы предложено! — Шишуня хмыкнула.

— Ладно, — согласилась Настя, протягивая кикиморе Вовкин подарок. — Забирай зеркальце.

— Вот энто другое дело! — Шишуня схватила зеркальце, самодовольно взглянула на своё отражение и поспешила спрятать подарок под подушку.

Настя взамен получила свои украшения и обещание Шишуня не выдавать её тайну.

День был полностью испорчен. Недовольная всем и всеми Настя плюхнулась на диван и стала бесцельно смотреть в окно. Шишуня вертелась рядом, постоянно посматривая на себя в зеркальце и расстроганно делая себе комплименты. Настю это раздражало, но сказать об этом кикиморе она не решалась. Она угрюмо смотрела в окно и возмущалась про себя: «И почему мне так не везёт? Вначале Вовка пролил на меня воду. Потом Шишуня выкланчила у меня зеркальце, да ещё хотела рассказать маме про мой секрет. И вдобавок ко всему телевизор не работает».

Когда пришли с работы родители, мама Ромашкина сразу заметила, что Настя сегодня не в духе.

— Доченька, — мама Ромашкина встревоженно потрогала лоб Насти. — Что ты такая хмурая? Уж не заболела ли?

— Нет, — пробурчала Настя.

— В школе что-нибудь стряслось?

— Ничего не стряслось.

— Поссорилась с кем-нибудь?

— Ни с кем я не ссорилась, — отрезала Настя. — Просто нет настроения.

— Оставь её, — в комнату заглянул папа Ромашкин. — Пройдёт.

— Ну, не хочешь говорить и не надо, — мама Ромашкина направила к двери.

— Постой, — окликнула её Настя.

— Что ещё? — мама Ромашкина остановилась.

— Мама, — Настя собиралась с духом, — если человек сделал что-то ужасное, но потом раскаялся и признался во всём, то такому человеку можно потом доверять?

— Ты это о чём? — не поняла мама Ромашкина.

— Ни о чём, — Настя не решалась признаться в своём проступке.

— Ты что-то натворила и не хочешь мне об этом сказать? — догадалась мама Ромашкина.

— И да, и нет, — Настя безрадостно смотрела в пол.

— Как хочешь, — спокойно произнесла мама. — Не хочешь признаваться, не надо. Но рано или поздно всё тайное становится явным.

Мама Ромашкина отправилась на кухню готовить ужин. Настя бросилась за ней.

— погоди! Мне нужно тебе о чём-то рассказать.

Шишуня была заинтригована таким поворотом событий и засемила следом. Но на кухню её не пустили.

— Когда будет готово, мы тебя позовём, — и мама Ромашкина легонько вытолкала кикимору за дверь. Папу Ромашкина ждала та же участь. Недоумённо переглянувшись, папа Ромашкин и Шишуня разошлись по своим комнатам.

Через полчаса в комнате появилась Настя.

— Пойдём ужинать, — позвала она кикимору.

— Сейчас, — Шишуня вертела головой по сторонам, не зная, куда бы припрятать своё зеркальце. Наконец, она запихнула его под диванную подушку, и посадила рядом синего зайца.

— Охраняй, пока я не вернусь, — приказала она зайцу и вопросительно посмотрела на Настю. — Ну, и чаво тебе теперича будет?

— Ты о чём? — не поняла Настя.

— Ты ж мамке рассказала про свои цацки, — Шишуня догадалась, о чём шептались на кухне мать и дочь.

— Рассказала, — Настя облегчённо вздохнула.

— Ну, и чаво теперича?

— Ничего, — Настя пожала плечами.

— Как ничаво? — разочаровалась Шишуня.

— А так ничего, — Насте не хотелось вновь возвращаться к этой теме.

— Конечно, мама была очень недовольна, что я потратила деньги на украшения. Но то, что я честно во всём призналась, успокоило её. Правда, мне пришлось пообещать, что впредь такого не повторится.

— Чудно, — Шишуня растерянно хлопала глазами. — Меня бы бабка за такие дела убила бы на месте. И даже слушать не стала бы. А тут — ничаво. Повезло ж тебе с мамкой.

— Повезло, — согласилась Настя.

Глава седьмая

Выходные пролетели как один день. Папа Ромашкин починил телевизор, и Шишуня всё время только и делала, что переключала с канала на канал. В конце концов, папа Ромашкин, опасаясь, что кикимора снова сломает телевизор, спрятал от неё пульт подальше. Шишуня не обиделась на папу. От постоянного сидения перед телевизором у неё уже рябило в глазах, и кружилась голова. Она отправилась в Настину комнату и остаток дня провела в обнимку с синим зайцем, пересказывая ему на свой манер услышанное и увиденное по телевизору.

— Оказывайтесь, — восторженно бормотала она, — на свете есть много разных мест, игде человек ишло ни разу не бывал. Я бы тонже хотела побывать в разных странах, но только как до тудова добраться? На моих ножках далеко не уйдёшь. А на разные там машины-самалёты у мене денег нетути.

И Шишуня огорченно вздыхала.

В понедельник утром, как это ни странно, Настю с Шишуней никто не разбудил. Мама и папа Ромашкины тихо собрались и ушли на работу, ничего не сказав. Шишуне это показалось подозрительным. Соскочив со своей кровати, она подбежала к Насте и стала её тормошить.

— Ты чаво валяишься? В школу опоздаишь!

— Какая школа? — спросонья не поняла Настя. — У нас каникулы.

— Каникулы? — переспросила Шишуня. — А чаво энто такое каникулы?

— Каникулы? — Настя села на диване. — Это когда не нужно делать уроки и ходить в школу. Ты разве ни разу не слышала про каникулы?

— Откель я слышала? — бухтела кикимора. — Я и в школу то никогда не ходила. Нетути у нас в болоте школы. И каникулов тонже нетути. Ну? И чем мы будем заниматься?

— Не знаю, — Насте не хотелось вылезать из кровати. — Можно ещё поваляться немного.

— Вот ишло! — Шишуня стаскивала с Насти одеяло. — Нечего валяться. День на дворе! А вода не ношена, дрова не колоты.

Шишуня постоянно забывала, что в городской квартире не нужно ни дрова колоты, ни воду носить.

— Вставай! — тормошила она Настю. — Завтракать пора.

Настя нехотя вылезла из кровати и отправилась в ванную. Умывшись и позавтракав, Шишуня и Настя уселись перед телевизором.

— Давай посмотрим мультики, — предложила Настя.

— А ну их! — воспротивилась кикимора. — Лучше включи там, где всякия страны показывают. Я тамочки никогда не побываю, так хоть погляжу. Будет об чём рассказать.

И Шишуня тоскливо вздохнула.

— А я хочу посмотреть мультики! — настаивала Настя.

— А я не хочу! — возражала Шишуня.

— А я хочу! — продолжала настаивать Настя.

Неизвестно, чем бы это закончилось, если бы в дверь не позвонили. Настя пошла открывать. Шишуня — за ней.

— Кто бы это мог быть? — гадала Настя. — Вроде бы гостей мы не приглашали.

Настя открыла дверь. На пороге стояла её школьная подружка Маша Самсонова. Только ей и по большому секрету Настя рассказала о том, что у них в доме живёт самая настоящая кикимора. Маша долго не верила в Настины рассказы, считая существование кикимор глупой выдумкой. Но смеяться над подругой было невежливо, и Маша решила проверить, правду ли говорит Настя.

И каково же было изумление Маши, когда в прихожей она увидела непонятное, невиданное существо в одной руке которого был синий заяц, а в другой маленькое зеркальце.

— Ух, ты! — восторженно прошептала Маша.

— Не Ухты, а Шишуня, — недовольно проверещала кикимора в ответ.

— Значит, ты и есть настоящая кикимора из леса? — Маша опустилась на корточки, чтобы лучше разглядеть неизвестное создание.

— Не из леса, а из болота, — поправила её кикимора.

— Какая разница! — отмахнулась Самсонова.

— Тебе может и никакой, — бухтела Шишуня, — а для меня есть.

— Она ещё и разговаривает? — Маше всё ещё не верилось, что это происходит на самом деле.

— А чё мы звери какие? — недоумевала Шишуня. — Мы ж не дикая. Мы ж почти что люди. Мелковаты, правда, росточком, но так и люди бывають невысокия. Ну, чаво ты на меня так уставилась? Гляди, дырку глазами просверлишь.

И Шишуня, демонстративно показав спину, ушла в гостиную.

— А я думала, что ты врешь, — Маша Самсонова повернулась к Насте.

— Я никогда не вру, — заметила Настя. — Ты хотя бы предупредила, что придёшь.

— Я не собиралась тебе, — начала оправдываться Маша, — но шла мимо и решила заглянуть.

— Ну, и что дальше? — Настя не ждала появления Маши. И хотя они были хорошими подругами, ей не терпелось поскорее её выпроводить.

— А куда кикимора подевалась? — Маша совершенно не собиралась никуда уходить.

— Шишуня, — сказала Настя. — Её зовут Шишуня.

— Смешное имя, — фыркнула Маша.

- Не смешнее, чем твоё, — заступилась Настя за свою гостью.
- Ну, так куда она подевалась?
- Тута я, — Шишуня снова показалась в прихожей. — Чаво надоть?
- Ничего, — растерянно пролепетала Маша. — Просто посмотреть зашла.
- За погляд нынче деньги брать, — пробубнила Шишуня и снова скрылась в гостиной.
- Ладно, проходи, — Настя поняла, что так просто от подружки не отделаешься. — Только смотри, никому не проболтайся.
- Да что ты! — воскликнула Маша, стаскивая с себя пальто и сапоги. — Да я никому! Никогда! Клянусь!
- Чем займёшься? — поинтересовалась Настя, когда девочки вошли в комнату.
- Не знаю, — безразлично протянула Маша, осматриваясь по сторонам. — Ты говорила, что у тебя есть журналы с артистами. Дашь посмотреть?
- Ну, есть, — Настя неохотно полезла в стол за журналами. — Только аккуратно смотри. Это не мои.
- Хорошо, — согласилась Маша и стала листать журналы. Хотя разглядывать цветные картинки ей совершенно не хотелось. Ей больше хотелось поиграть с кикиморой, но она не решалась об этом попросить.
- А чаво энто вы тут делаете? — в дверях Настиной комнаты показала Шишуня, стряхивавшая с себя крошки от печенья.
- Ничего, — ответила Настя. — Журналы смотрим.
- А мне можно с вами?
- Конечно, — Маша подвинулась, освобождая место для кикиморы.
- Шишуня ловко взобралась на диван и с любопытством стала разглядывать красочные фотографии. Маша перелистывала страницы, а Шишуня без конца тыкала пальчиком в иллюстрации и постоянно спрашивала:
- А энто чаво? А энто?
- Надо говорить не чаво, а что? — поправила Маша, когда Шишуня в очередной раз спросила «А энто чаво?». — Тебя разве не учили?
- Почему не учили? — ответила кикимора. — Очень даже и учили. Бабка моя учила. Прабабка тоже учила. Бывало, коли что не так, поленом берёзовым между глаз. Долго урок помнится. А вас в школе чем учат? Поленом али ишшо чем?
- Да ничем, — пожалала плечами Маша.
- Быть такого не могёт, чтобы вас не лупили! — воскликнула Шишуня. — А наказывают вас как? Чем бьют?
- Нас в школе не бьют, — пришла на помощь Маше Настя.

— А ежели урок не выучили? — продолжала допытываться кикимора.

— Двойки ставят.

— Двойкой не напугаешь! — махнула рукой Шишуня. — Поленом оно вернее.

Девочки не стали с ней спорить. Досмотрели журналы, поговорили про школу, обсудили Вовку Свистунова. Вспомнили про приближающиеся праздники.

— Ты где будешь Новый год встречать? — спросила Маша, складывая журналы на стол.

Как обычно, — ответила Настя, — дома.

— А мы к тётке в Москву поедем, — не без гордости произнесла Маша. — Тётка обещала на ёлку в Кремль сводить.

— Повезло тебе, — порадовалась Настя за подругу. — У меня такой тётки нет.

— Зато у тебя есть кикимора. А это лучше Москвы. Да, а где ты будешь Новый год встречать? — Маша обратилась к Шишуне.

— Не знаю, — растерялась Шишуня. — Должно быть туточки. Ежели не выгонють.

— Как? — удивилась Маша. — Разве тебя могут выгнать?

— Это она так шутит, — Настя поспешила спровадить Машу, чтобы избежать лишних разговоров. — Тебе, наверное, уже пора? Дома, наверное, волнуются?

— Уже пора, — Маша грустно взглянула на часы.

— Спасибо, что зашла, — Настя подталкивала Машу к выходу. — Приходи ещё.

— Обязательно приду, — Маша была удовлетворена тем, что Настины рассказы про кикимору оказались правдой, а не глупой шуткой.

— Интересно, — рассуждала Маша, прощаясь с Настей, — а Баба Яга тоже существует на самом деле?

— Не знаю, — пожала плечами Настя. — Может, где-то и существует. Мы ведь так мало знаем о том, что нас окружает.

— Мало, — согласилась Маша, выходя на площадку.

Настя закрыла за подругой дверь и облегченно вздохнула. Отчего-то в это утро ей совершенно не хотелось ни с кем общаться. Ни с кем, кроме Шишуня. Простившись с Машей, Настя вернулась к Шишуне. Кикимора сидела на полу возле телевизора и бесцельно шелкала каналами.

— Что будем смотреть? — Настя села рядом с Шишуней.

— Всё равно, — ответила кикимора. — Всё одно, ничаво интересного нетути.

— Тогда, может, поиграем? — предложила Настя.

— Да чавой-то не хочется, — как-то уныло произнесла Шишуня, выключая телевизор.

— А чем бы ты хотела заняться?

— Ничем, — Шишуня поднялась с пола и потопала в Настину комнату.

Настя решила не навязываться.

«Наверное, ей не понравилось, что приходила Маша, — думала Настя. — Что я ей всё рассказала. Но не могла же я выставить за дверь свою лучшую подругу. А может, Шишуня ревнует меня к Маше? Было из-за чего? В конце концов, у человека должно быть много друзей. Не могу же я всё время возиться с ней. Она тоже это должна понимать».

И Настя решила немного обидеться на Шишуню.

Настя смотрела мультики, а Шишуня возилась со своим неразлучным зайцем. И обе дулись друг на друга, непонятно из-за чего. И до самого вечера не общались и не разговаривали.

Вечером пришли Ромашкины. Заметив, что Настя и Шишуня не разговаривают, мама Ромашкина даже начала волноваться.

— У вас что-то произошло? Вы поссорились?

— Да нет, — успокаивала маму Настя. — У нас всё в порядке.

— Тогда почему Шишуня всё время молчит? Даже за ужином она не проронила ни слова. Какая-то она невесёлая. Уж не заболела ли она?

— Да не заболела я, — встряла в разговор появившаяся в дверях гостиней Шишуня. — Мы кикиморы вообще не бодем. Не то, что вы люди. Чуть ноги промочили — вот вам и насморк. Чуть ветром продуло — вот вам и простуда. А у нас в болоте сырость и ветер — дело обычное. Привыклише мы. Вот и не бодем.

— Тогда почему ты грустная? — не успокаивалась мама Ромашкина.

— Просто так. Настроения нетути, — тоскливо вздохнула Шишуня и опять уединилась в Настинной комнате.

Маму Ромашкину такие доводы удовлетворили, и она, оставив Шишуню в покое, занялась домашними делами. Папа Ромашкин вообще не придавал этому никакого значения. Он редко общался с необычной квартиранткой и до сих пор думал, что это просто говорящая игрушка, и не обращал на кикимору никакого внимания.

А Настя продолжала сердиться.

«Видите ли, — пыхтела она. — У неё настроения нет. У меня, может, тоже нет. Ну, и что из этого? Я же не виновата, что Машка сама пришла. Я её, между прочим, не звала. А даже если она и пришла. Почему бы ей и не придти? Разве я не имею права общаться со своими подругами? Имею. Разве у меня не могут быть свои интересы? Могут. Я уже взрослая и могу водиться, с кем захочу. И я не обязана отчитываться ни перед кем. Даже перед этой кикиморой».

В Настинной комнате Шишуня изливала душу синему зайцу.

— Я ж понимаю, что ей не до меня. Ей учиться надо. Энто у нас в болоте наука — последнее дело. А тут без науки и не проживешь. Вон сколько наворочено. И теленвизор, и машина стиральна, и прочия цацки. Чтоб одну таку цацку придумать, одной головы мало. Тут десять голов иметь надо, чтоб тако придумать. Энто у нас в болоте всё просто. Утром встанешь, воды, дров натаскаешь, печку растопишь, бабка каши наварить. Наешься и в лес отправляешься. За грибами, ягодами. А коли зима, так надоть дорожки почистить возле дома. Да не только себе, а и деду Шишуну. Он хоть и бойкий ишшо, а всё ж старенький.

И Шишуня рассказывала зайцу о своём житье в болоте, украдкой смахивая случайно накотившиеся слезинки.

Глава восьмая

На следующий день Настя и Шишуня вели себя, словно ничего не случилось. От вчерашних обид не осталось и следа. К тому же приближающийся праздник не давал повода для новых ссор и обид.

Наступал Новый год. О его приближении радостно сообщали рекламные ролики по телевизору, развешанные за окошком цветные огоньки и огромные плакаты с изображением красочно украшенных ёлок, Дедов Морозов и Снегурочек. Все взрослые и дети только и думали о том, как встретить самый лучший праздник в году. Семья Ромашкиных не была исключением. В последние дни все разговоры были только о том, что приготовить для праздничного стола, как украсить гостиную, и какая в этом году будет ёлка. Дел было невпроворот. Праздничным столом занималась мама. Ёлку обещал достать папа. А Насте с Шишуней нужно было разобрать ёлочные игрушки и украсить гостиную. С вечера папа Ромашкин достал с антресолей большую картонную коробку, в которой хранились ёлочные гирлянды, шары и ещё множество различных украшений. За год игрушки покрылись толстым слоем пыли, гирлянды перепутались, и Настя была занята тем, что распутывала гирлянды и протирала игрушки.

При виде разноцветных шаров и блестящих шишек, Шишуня восторженно охала:

— Это ж надоть, кака красота! Я таких в нашем лесу никогда не видела. И чаво только люди не придумают.

И она перебирала стеклянные шарики, украшенные позолотой, вырезанные из фольги снежинки и длинные блестящие сосульки. Но больше всего ей понравились ёлочные стеклянные бусы, которые Шишуня тут же нацепила на себя и стала вертеться перед зеркалом, приговаривая:

— Энти бусы получше твоих украшений. И цвятныя и блестящия. А как они мне идут! Я просто красавица стала!

— Ты бы лучше мне помогла гирлянды распутать! — недовольно проворчала Настя.

— Вот ишшо! — пропыхтела Шишуня. — Не моё энтю дело всякия гирлянды распутывать. Вот коли чаво запутать надоть, так энтю пожалуйста.

И она продолжала любоваться своим отражением. Вскоре ей это надоело, и она вернулась к Насте. Уселась рядышком на пол и, глядя на кучу сверкающих шаров и блестящей мишуры, задумчиво произнесла:

— Я вот одного не пойму, занчем доставать энтю всё, развешивать по всему дому, чтобы потом через пару дней всё обратно запихнуть в коробку?

— Но это же красиво! — ответила Настя.

— Красиво! — продолжала пыхтеть кикимора. — Ну, и пусть бы висело себе весь год. Так нет — повесят, а потом снимают.

— Так заведено, — вздохнула Настя. — Я бы тоже хотела, чтобы Новый год был всё время. Весь год. Но все праздники рано или поздно кончаются.

— Кончаются, — согласилась с ней Шишуня.

— А как вы в своём болоте Новый год встречаете? — Настя принялась распутывать следующую гирлянду.

— Как все, — невесело ответила Шишуня. — Бабка пироги печёт, угощения всякия. Ёлку тонже украшаем. Правда, у нас нетути таких красивых цацек, как у вас. Мы на ёлку шишки вешаем, яблоки, орехи. Коли есть. А коли нетути, и так сойдеть. Ёлка она и без украшения красивая. Особливо ежели в снегу. А ишшо мы утром идём звезду встречать.

— Какую звезду?

— Утреннюю. У нас обычай такой есть. Ранёхонько надо встать. Залезть на крышу и на восток глядеть. Как только начинает всходить солнце, на небе появляется маленькая звёздочка. И кто первый её увидит, тому весь год будет счастье.

— Как интересно! Я бы тоже хотела встретить утреннюю звезду.

— Да какое там! — Шишуня махнула рукой. — Какие у вас в городе звёзды? Их и в обычную ночь не видать-то. Да и твои вряд ли разрешат на крышу лезть.

— Не разрешат, — вздохнула Настя и снова принялась за гирлянду.

Не успели они разобрать все украшения, как раздался звонок в дверь.

— Кто это?

— Должно быть, твои с работы вернулись, — хмыкнула Шишуня. — Только чавой-то рано.

— Рано, — согласилась Настя и пошла открывать дверь.

На пороге стояла Маша Самсонова. Из-за её спины торчала вихрастая голова Вовки Свистунова.

— Привет! — Настя никак не ожидала увидеть Машу, да ещё в компании Вовки.

— Ну! — Вовка нахальным образом ввалился в квартиру. — Показывай, где у тебя тут чудо природы?

— Я не хотела, — тут же стала оправдываться Самсонова. — Он сам напросился. Я ему говорила, что это всё выдумки. Что кикиморы бывают только в сказках. А он говорит, пойдём посмотрим.

— Не могла промолчать, — Настя недовольно нахмурилась.

— Я и молчала, — продолжала оправдываться Маша. — Он сам всё узнал.

— Если бы ты не рассказала, — возмущенно прошептала Настя. — Он бы ничего не узнал. А ещё подругой называешься.

— Прости меня. Я не знаю, как это получилось. Я случайно.

— Случайно! — Настя негодовала.

Но возмущаться и негодовать было уже поздно. Вовка Свистунов, не обращая на девочек никакого внимания, уже вошёл в гостиную, где посреди ёлочных шаров и блестящих гирлянд сидела кикимора из дальнего болота.

— Вот это штука! — изумлённо присвистнул Вовка.

— Не свисти, — пробурчала Шишуня. — А то денег не будет.

Вовка отшатнулся. Он не ожидал, что это странное существо ещё и говорящее.

— Оно... Оно, — тыкал пальцем Вовка в сторону невиданного создания. — Оно разговаривает!

— Ну, и что из этого? — Настя закрыла дверь. — Ты ведь тоже разговариваешь.

— Так я человек! — Вовка пытался взять себя в руки.

— А она кикимора, — не без гордости произнесла Настя. — И ни в чём не хуже тебя. В некоторых отношениях.

— Но они бывают только в сказках! — Вовке всё ещё не верилось в существование кикиморы.

— Как видишь, — заметила Настя, — не только. Ну? Посмотрели? А теперь уходите. У меня ещё много работы.

Но непрошенные гости не торопились уходить.

— Ну! — пришла на подмогу Шишуня. — Чаво ждёте? Вам туточки не музей. Люди туточки делом занимаются. А вы мешаете.

— Ну, Ромашкина! — продолжал удивляться Свистунов. — Завила себе кикимору и никому не сказала.

— Что я должна была объявление повесить? — Настя подталкивала гостей к выходу. — Или на телевидение написать? Мне бы всё равно никто не поверил.

— Не поверил, — согласился Вовка. — Пока не увидел бы.

— А может, я не хочу, чтобы кто-то её видел, — продолжала Настя.

— Но это могло бы быть великим научным открытием! — Вовка не хотел уходить. — Представляешь себе — кикиморы существуют на самом деле. Ты бы могла прославиться на весь мир.

— А я не хочу прославиться на весь мир, — Настя распахнула дверь перед гостями. — Да и Шишуне это бы не очень понравилось.

— Кому? — не понял Свистунов.

— Шишуне, — повторила Настя.

— Тут ты не права, — Вовка был настроен на длительный разговор. — Ведь эта кикимора не просто твоя игрушка. Она не может принадлежать только тебе. Она должна стать достоянием всего человечества. А ты скрываешь это факт.

— Вот поэтому и скрываю, что Шишуня не игрушка, — Настя решительно наступала на Вовку. — Она тоже живой человек. И у неё есть свое мнение, свои привычки, свой характер. Если бы она хотела, чтобы о ней узнали все, она бы об этом сказала.

— А ты её спрашивала об этом? — не унимался Вовка.

— Нет, — растерялась Настя.

— Вот видишь! — Вовка рванулся обратно в гостиную. — Ты даже не говорила с ней об этом. Послушай меня, создание, — Вовка обратился к Шишуне, — хотела бы ты стать знаменитой? Известной на весь мир?

— Не-а! — Шишуня отрицательно покачала головой.

— Как? Ты не хочешь, чтобы о тебе все говорили? Ты не хочешь, чтобы тебя показывали по телевизору? Чтобы по всему городу были развешаны плакаты с твоим изображением?

— Не хочу, — недовольно пробурчала Шишуня.

— Ты не понимаешь, от чего ты отказываешься! — продолжал Вовка. — Подумай только, что тебя ждет! Деньги, слава, почёт. Или тебе больше нравится жить в твоём поганом болоте?

— Чего ты к ней пристал? — Настя попыталась вытолкнуть Вовку из комнаты.

— Да, чего пристал? — вставила своё слово Маша.

Она почувствовала себя виноватой за то, что проболталась, и теперь бросилась на защиту Шишуни. Но Шишуне не требовалась ничья помощь. Она одарила Вовку презрительным взглядом и надменно произнесла:

— Во-первых, моё болото не поганое. Во-вторых, ты чего сюда припёрси? Тебя кто сюда звал? А?

— Никто, — Вовка не ожидал такого наступления от маленькой кикиморы.

— Вот и проваливай отсель, пока я на тебя порчу да сглаз не навела, — и Шишуня угрожающе зашипела.

Ошарашенный Вовка отшатнулся и, зацепившись за порог, растянулся на полу. Девочки захихикали. Шишуня продолжала наседать на Вовку.

— Колдуй баба, колдуй дед. Пусть огнём горить весь свет, — бормотала она, наступая на Свистунова.

Перепуганный Вовка на четвереньках пополз к выходу. Недавняя прыть мигом улетучилась, и теперь он только жалобно пищал:

— Ромашкина, убери свою кикимору! Я никому о ней не расскажу! Честное слово! Только убери её от меня! Пожалуйста.

Шишуня вопросительно посмотрела на Настю. Настя понимала, что это всего лишь шутка, но решила подыграть Шишуне, чтобы проучить Вовку.

— Хорошо, — твердым голосом произнесла она. — Но ты должен поклясться, что никому не расскажешь.

— Клянусь, — безропотно проговорил Вовка. — Клянусь, что никому не расскажу.

— Не так, — Настя нахмурилась.

— А как?

— Клянись тем, что пусть у тебя отсохнет язык и выпадут все зубы, если ты хоть словом проговоришься.

— Клянусь, — у Вовки не было выбора.

— Вот и хорошо, — Настя едва сдерживала смех. — Теперь можешь идти.

Вовка поднялся на ноги и выскочил на площадку. Едва он скрылся за дверью, как девочки и Шишуня разразились громким хохотом.

— Ты видела, как он перепугался, когда Шишуня начала произносить проклятие? — покатывалась от смеха Настя.

— А оно не настоящее? — с опаской спросила Маша.

Настя перестала веселиться и вопросительно посмотрела на Шишуню.

— Будьте спокойны, — заверила их кикимора. — Мы хоть и сказочные существа, как вы выражаетесь, но вот до заговоров и заклятий у нас дело не доходить. Не способные мы к такому. Хотя рассказывают, что моя прапрабабка умела зубы заговаривать. Хотя я в это не верю.

И девочки вновь засмеялись.

Потом Маша Самсонова помогла Насте разобрать игрушки и гирлянды.

— Извини меня, — сказала Самсонова, когда прощалась с Настей. — Я не думала, что Вовка таким окажется. Я думала — он тебе друг.

— Я тоже так думала, — ответила Настя.

Девочки распрощались. Маша отправилась к себе домой, а Настя с Шишуней — в свою комнату.

Глава девятая

Приближался Новый год. Забот и хлопот становилось всё больше. Папа Ромашкин разрывался между работой и поиском ёлки, которые,

как назло, были уже все распроданы. Но он не терял надежды отыскать хоть самую маленькую ёлочку. Ведь без ёлки Новый год не Новый год. Безуспешно обегав полгорода, он хотел уже махнуть рукой на эту затею и предложил купить искусственную ёлку.

— Она не осыпается и её надолго хватит, — мотивировал он.

Но мама Ромашкина и Настя встретили его предложение категорическим отказом.

— Ёлка должна быть настоящей! — говорила Настя. — От неё должно пахнуть хвоей и праздником. А искусственная ёлка не пахнет.

— Но её можно побрызгать хвойным дезодорантом, — возражал папа. — И она будет пахнуть ничуть не хуже настоящей.

— Ну, уж нет! — не соглашалась мама. — Я не позволю у себя в доме брызгать всякой гадостью.

— Но ты ведь пользуешься духами, — не отступал папа.

— Это совершенно другое! — не сдавалась мама.

Папа Ромашкин понял, что спорить бесполезно, и возобновил поиски ёлки. А мама Ромашкина с Настей отправилась покупать подарки. Шишуня осталась одна. Ей была непривычна вся эта предпраздничная суета. Она не понимала, для чего нужно покупать столько продуктов, тратить деньги на какие-то там подарки и вообще устраивать праздник, о котором завтра все забудут. Но она была в доме Ромашкиных только гостьей и не решалась делать какие-то выводы и замечания. Чтобы не путаться под ногами, она уединилась в Настинной комнате и все свои замечания изливала синему зайцу. Не успела она посетовать на то, что в предпраздничной суматохе о ней почти забыли, как раздался стук в дверь.

— Интересно, кто бы это мог быть? — подумала Шишуня, откладывая зайца в сторону и выходя в прихожую. — Может, это Настя с мамкою вернулись? Но тогда чаво они стучат? Могли бы и в звонок позвонить?

Стук в дверь повторился.

— Это уже не смешно, — насторожилась Шишуня. — Вдруг это воры или, того хуже, бандюги какие-нибудь? Не стану открывать. Чаво доброго пристукнут, и поминай, как звали.

Стук опять повторился.

— Хотя бандюги не стучали бы, а сразу дверь выломали, — Шишуня немного успокоилась и подошла к двери. — Кто там?

— Я там, — раздался приглушенный голос из-за двери.

— Кто это я?

— Шишаня я.

— Кака така Шишаня? — Шишуня не торопилась открыть дверь.

— Сестра твоя, — раздалось из-за двери. — Али забыла?

— Шишаня! — радостно крикнула Шишуня. — Как хорошо, что ты пришла! Заходи в дом.

— Да как же я найду, коли дверь закрыта?

— И впрямь. — Шишуня посмотрела на дверь. До замка ей было никак не дотянуться.

— погоди маленько! Я сейчас! — Шишуня сбегала на кухню и притащила табуретку. Вскарабкавшись на неё, Шишуня попыталась открыть замок. Замок не поддавался. Шишуня злилась: — И занчем энто люди такие замки попридумали? И не открывается никак. Нет, чтобы, как у всех, на палочку. А тут така штуkenция — все руки ободрала.

— Ну, ты чаво там? — торопила Шишаня.

— Да замок туточки противный. Не открывается никак. Ан, нет! Погодь. Кажется, открылся.

Замок сдался, что-то щёлкнуло, и дверь распахнулась. Шишуня потеряла равновесие и шлепнулась с табуретки на пол.

— Ну, здравствуй, сестра! — на пороге стояла кикимора, как две капли воды похожая на Шишуню.

— Ну, здравствуй! — потирая ушибленный бок, Шишуня поднялась на ноги.

— Я стучу, стучу, никто не открываить, — ворчала Шишаня, переминаясь с ноги на ногу.

— Я ж не знала, что энто ты.

— Не знала! — недовольно проворчала Шишаня. — Могла б и догадаться.

— Могла б, — кивнула Шишуня.

— Значит, ты теперича тут живёшь? — Шишаня обвела придирчивым взглядом прихожую. — Ничаво хоромы.

— Да ты проходи, — Шишуня пригласила сестру войти. — Чаво в дверях стоять.

— Да насляжу ишшо, — отнекивалась Шишаня.

— Да какое там! Негоже в дверях сродственников примать.

— Негоже, — согласилась Шишаня и перешагнула через порог. Шишуня закрыла за ней дверь.

— Ну, проходи в комнату, — Шишуня пыталась изображать заботливую и внимательную хозяйку. — Рассказывай, как там у вас дела.

— Да какие там дела, — махнула рукой Шишаня. — Всё постарому. Лешак из соседнего лесу повадился. Так на его дед Шишун таку порчу навёл, что тот и не рад был, что в наше болото сунулси.

— А бабка там как? — Шишуня грустно вздохнула.

— Бабка? — переспросила Шишаня. — Бабка всё ворчит. Все злится на тебя, что без дозволу из дому ушла.

— Без дозволу. — хмыкнула Шишуня. — Я б сама вовек не ушла. Она ж меня сама и выгнала.

— Возвращаться не думаишь? — Шишаня рассматривала обстановку. — Хотя чаво я спрашиваю? Кто ж решится таки хоромы на болото променять? Дураков нету. Ну и как тебе тут живется?

— Хорошо живется, — как-то нерадостно произнесла Шишуня. — Хозяева добрыя. Кормят, поят три раза на дню. А коли захочется ишшо, так и сверху дадут. Кроватька у меня своя. С одеялом, с подушкой.

— Ну и чем ты за постой платишь? Работой не сильно нагружают?

— Да какая там работа! — отмахнулась Шишуня. — У них тут такие цацки, которыя за тебя всю работу делают. И полы подметут, и бельё выстирают.

— Сказки! — недоверчиво сказала Шишаня.

— А вот и не сказки! — возразила Шишуня. — У них даже ящик есть, который и картинки показывает и ишшо рассказывает про энти картинки. Теленвизор называется.

— Ну, хоть дрова колешь, воду носишь?

— Не-а! У них и печки нет, чтобы дрова колоть. А вода? Повернёшь пимпочку — тут тебе вода и льется. Хошь холодная, хошь горячая.

— Так ты тут, как барыня, живешь? — Шишане не верилось в рассказы сестры.

— Как барыня, — согласилась Шишуня. — Днями ничаво не делаю. Только ем и сплю. Вот цацку подарили.

— Синий заиц? — усмехнулась Шишаня. — Разве такая бывают?

— Так он не взаправдашний, — начала объяснять Шишуня. — Тряпошный.

— Всё одно! — проворчала Шишаня. — Таких зайцев не бывает.

— Не бывает, — согласилась Шишуня.

Сестры замолчали.

— Может, ты есть хочешь? — прервала молчание Шишуня.

— Да нет, — отказалась Шишаня. — Мне бабка с собой в дорогу пирогов напякла. Цельну гору. Ишшо остались. Хочешь?

— С черёмухой?

— С брусничкой, — Шишаня развернула узелок и протянула Шишуне пирожок.

— Лесом пахнет, — Шишуня смаковала угощение.

— А чем ишшо ему пахнуть? — не поняла сестра. — Он ведь из лесу. У вас таких, наверное, и печь не умеют?

— Не умеют, — согласилась Шишуня и после паузы спросила. — А как ты меня нашла?

— Да просто, — Шишаня убрала остатки обратно в узелок. — В лесу тебя никто не видел, значит, ты за лес подалась. А из лесу дорога одна — в город.

— Так в городе столько домов, — недоумевала Шишуня. — Отыщи нужный.

— А ты думаешь, что ты одна така шуэтра? — усмехнулась Шишаня. — Мне домовый подсказал, где тебя искать.

— А я думала, что домовыя только в сказках бывают! — удивилась Шишуня.

— Я тоже так думала, — продолжала верещать Шишаня. — Бабка говорит, бери пироги и иди, ищи. Ну, погорячились, поругались. С кем не бывает? Но занчем из дому уходить-то?

— Так тебя бабка послала? — Шишуня перебила сестру.

— А кто ишшо? — недоумённо воскликнула Шишаня. — Сама бы я ни за что в такой мороз не пошла бы. А бабка говорит — иди и без Шишуни не возвращайся. А какое тут возвращайся? Я бы и сама тут осталась, да кто мово желания спрашивает? Повезло тебе! Ох, как повезло! Бабке расскажу, как ты тут живешь, так она от зависти и лопнет. Хотя не лопнет. Снова бурчать и бубнить будет. А чё. Она в чём-то и права. Хоть кому-то из Шишунов повезло. Ну, пойду я. Скоро стемнеет, а мне ишшо топать и топать.

Шишаня направилась к выходу. Шишуня пошла её провожать.

— Бабке чаво передать? — Шишаня остановилась у двери. — Когда ждать?

— Скажи, что скоро, — Шишуня грустно вздохнула. — Ты ж сама понимаешь, что не могу я так просто уйти. Не попрощавшись.

— Понимаю, — Шишаня толкнула дверь. — Ну, выпускай меня.

— Сейчас, — Шишуня полезла на табуретку. Замок теперь открылся сразу.

— Ну, счасливенько оставаться.

Шишуня только шумно вздохнула.

— Заходи ишшо.

— Уж лучше ты сама возвращайси, — Шишаня вышла на площадку. — Не век же тебе на чужих хлебах жить. Да и не было такого ишшо, чтобы кикиморы с людьми жили.

— Не было, — Шишуня слезла с табуретки.

— Ну, я пойду.

— погоди! — окликнула её Шишуня.

— Чаво ишшо? — Шишаня остановилась.

— Я сейчас, — Шишуня рванулась в Настину комнату. Через мгновение она вернулась с каким-то предметом в руках.

— Вот. Передай бабке. От меня.

И она протянула маленькое зеркальце на тонкой ручке.

— Только не потеряй, — предупредила она сестру.

— Не потеряю, — заверила её Шишаня. — До свидания.

— До свидания, — протянула Шишуня, но дверь закрыть не торопилась.

Шишаня также не торопилась уходить. Сестры молча смотрели друг на друга, словно о чём-то хотели друг друга спросить.

— Новый год скоро, — прервав молчание, произнесла Шишаня.

— Скоро, — кивнула Шишуня.

— Дед Шишун ёлку наряжать будет. Бабка пирогов напечёт. С черёмухой и черникой.

Шишуня уныло вздохнула.

— Вечером будем пироги есть, хороводы водить. А под утро пойдём звезду утреннюю встречать. Только вот как-то без тебя скучно будет. Шушаня спать завалится, как обычно, Шушуня мала ишшо. Так что мне одной придётся встречать звезду.

— Одной, — снова вздохнула Шишуня.

— А может, ты со мной пойдёшь? — Шишаня вопросительно взглянула на сестру.

— Не могу, — Шишуня покачала головой. — Я ж говорила, что не могу, не попрощавшись, уйти.

— Ну, как знаешь, — Шишаня направилась к лестнице. Сделала два шага и остановилась.

— А коли надумаешь, возвращайси. Мы тебя ждём.

Сказала и медленно стала спускаться по лестнице.

Шишуня ничего не ответила. Она тихо закрыла дверь и вернулась в Настину комнату.

— Ну, — обратилась она к синему зайцу, — чаво делать будем? Молчишь? Да и чаво ты можешь сказать? Цацка бессловесная. Только и умеешь, что глазами хлопать. Никакой от тебя пользы нетути. Как и от меня. Правду говорила Шишаня, живу, как барыня. На всем на готовом. Только ем и сплю. Сплю и ем.

Шишуня печально вздохнула. Затем осмотрелась по сторонам.

— А пылюки-то сколько! И откель она только берётся? Давеча вытирали, и уже опять полно.

Шишуня усадила зайца в уголок на диван, вытащила из коробки с игрушками лоскуток и принялась старательно вытирать пыль. При этом она всё время бубнила:

— Энто ж надо так грязью зарости! Тут и ужи заведутся! Запустили дом! А чё? Я их понимаю. С утра до ночи на работе. Когда им прибираться-то? Ну, ничаво. Я им помогу. Хоть как польза от меня будет.

И Шишуня продолжала вытирать пыль с письменного стола, книжной полки, подоконника. Затем она перебралась в гостиную.

— А я и не думала, что прибираться в доме может оказаться довольно приятным занятием! — ворковала она, натирая до блеска мебель и раскладывая вещи по своим местам.

За этим занятием её и застали Настя и мама. Они вернулись из похода по магазинам с целой кучей подарков. Придя домой, Настя первым делом окликнула кикимору.

— Шишуня! Ты где?

— Тута я, — из гостиной показалась взъерошенная кикимора с цветным лоскутком в руках.

— Ты не скучала здесь одна? — Насте хотелось поскорее рассказать Шишуне про подарки.

— Да не пришлось скучать, — как-то вяло произнесла кикимора.

— А что ты невесёлая такая? — от Насти не ускользнула озабоченность кикиморы. — Что-то случилось?

— Да ничаво не случилось, — ответила Шишуня. — Просто при-
томилась я маленько. Пока прибралась. Пылюку по всему дому
вытерла. Надо ить за гостеприимство хоть чем-то отплатить. Вот
решила прибраться маленечко.

Настя и мама посмотрела по сторонам. Действительно, вокруг
было ни мусоринки, ни пылинки. Газеты были аккуратно сложены,
обувь в прихожей составлена. Даже игрушки в Настинной комнате
были убраны и разложены по своим местам.

— И когда же ты успела? — восхищенно воскликнула мама Ро-
машкина.

— А чё? Делов-то? Как говорит моя бабка, было бы желание, было
бы старание, а остальное приложится.

И кикимора укрдкой смахнула набежавшую слезинку.

Глава десятая

Наступил день праздника. Мама Ромашкина с утра металась по
магазинам в поисках фруктов, конфет и ещё множества продуктов
для новогоднего стола.

Видя такую гору еды, Шишуня удивлялась:

— И занчем столько всего? Энтото и за месяц не приесть. Куда ж
потом всё девать? Не выбрасывать же?

— Я боюсь, — не слушала замечаний кикиморы мама Ромашки-
на, — что нам этого может не хватить. Надо бы ещё прикупить.

И она снова бежала по магазинам. Потом она принялась варить,
жарить, тушить. До Нового года оставалось немного времени, а у неё,
как она выражалась, ничего не было готово.

— Новый год на носу, — мама Ромашкина бегала от плиты к хо-
лодильнику, от холодильника к столу, от стола к плите, — а дел не-
впроворот. К тому же и папа наш где-то провалился. Сколько мож-
но искать ёлку?

— Столько, сколько нужно, — из прихожей раздался довольный
голос папы Ромашкина. — Вот, на силу отыскал. Все ёлки давно
распродали. Пришлось тащиться на другой конец города.

И он продемонстрировал высыпавшей в прихожую семье Ромаш-
киных лесную зелёную красавицу. И хотя эта красавица была не-
много косовата, и иголки кое-где осыпались, это была настоящая
ёлка. От неё пахло лесом, летом и праздником. Настя радостно за-
хлопала в ладоши и стала танцевать возле ёлки.

— Ура! Мы сейчас будем наряжать ёлку!

И только Шишуня отнеслась к ёлке безучастно.

— Энто что ишшо за мода пошла ёлки рубить? — проворчала она. —
И занчем? Чтобы навешать на неё всяких стекляшек да шариков? Ох,
люди, люди, какие ж вы всё-таки бестолковыи. Занчем было таку красо-
ту губить? Росла бы себе в лясу спокойно. Глаз бы радовала. А что тепе-
рича? Постоит день-другой, иголки осыпнутся. И всё. Выкидывай вон.

И Шишуня недовольно покачала головой.

— А Шишуня в чём-то и права, — Настя перестала прыгать и печально посмотрела на ёлку.

— Права, — согласился папа Ромашкин. — Ну, и что теперь делать? Не нести же ёлку обратно в лес?

— Ладно! — пробурчала Шишуня. — Чаво уж поделаешь, коли так вышло.

— Вот и хорошо, — Настя снова запрыгала. — Мы в этом году эту ёлку нарядим. А в следующем купим искусственную. Они ничем не хуже живой.

— Ничем не хуже, — согласился папа Ромашкин. — Даже лучше. Иголки не осыпаются. И деревья губить не надо. А ещё, если купить хвойный дезодорант и побрызгать её, то она и пахнуть будет, как настоящая.

Шишуня такое заявление вполне удовлетворило. Она даже согласилась помочь Насте и папе Ромашкину украшать ёлку. Она подавала Насте разноцветные блестящие шары, а та развешивала их на тоненькие еловые ветки. Папа Ромашкин возился с гирляндой. Цветные лампочки никак не хотели загораться, и папа никак не мог понять почему. Вот уже и ёлка была украшена, вот уже и мама Ромашкина закончила суетиться на кухне и накрыла праздничный стол, а папа Ромашкин всё еще возился с лампочками.

— Да оставь ты их! — советовала мама Ромашкина. — Как-нибудь обойдемся. Пора за стол садиться.

— Ещё минуточку, — просил папа Ромашкин. — Как это ёлка и без огней? Такого не бывает.

— Не бывает, — поддакивала Настя.

— Она всё равно не загорится, — мама Ромашкина посматривала на часы. До нового года осталось чуть больше двух часов.

— Загорится, — настаивал папа Ромашкин. — Куда денется.

Наконец, гирлянда сдалась и загорелась всеми цветами радуги.

— Вот! — папа не преминул продемонстрировать своё мастерство. — А говорили, не загорится.

— Ну, тогда прошу за стол, — скомандовала мама Ромашкина.

И все члены семьи Ромашкиных заняли свои места за праздничным столом. И тут Настя заметила, что Шишуня нет в комнате.

— Пойдите! — воскликнула она, вылезая из-за стола. — Шишуня нет.

— Она ведь только что была здесь, — мама Ромашкина удивлённо но вертела головой по сторонам.

— Наверное, она пошла к тебе в комнату, — сказал папа Ромашкин.

Настя побежала в свою комнату. Шишуня там не оказалось.

— Шишуня, — позвала Настя. — Ты куда спряталась? Вылезай!

Но никто не ответил. Настя заглянула под диван — никого. Настя заглянула за оконную штору. Там тоже никого не было.

— Шишуня! — снова позвала Настя. — Хватит прятаться. Тебя все ждут.

Но Шишуня не отвечала. Её не было в комнате. Не было её ни в ванной, ни на кухне.

— Её нигде нет, — растерянно проговорила Настя, возвращаясь в гостиную.

— Должно быть, где-нибудь прячется, — папа косился на приготовленную мамой Ромашкиной еду. В поисках ёлки он хорошенько проголодался и теперь не мог никак дожидаться, когда можно будет отведать все эти аппетитные блюда.

— Я везде её искала! — чуть не плакала Настя. — Её нигде нет.

Родители нехотя вышли из-за стола. Вместе с Настей они осмотрели все комнаты в квартире, все уголки, где могла прятаться маленькая проказница. Но Шишуня нигде не было. Она исчезла. Словно её никогда и не было.

— Не могла же она уйти, не попрощавшись! — начала плакать Настя.

— Не могла, — послышался позади знакомый голос.

Ромашкины обернулись. У дверей стояла Шишуня. В руках у неё был узелок.

— Как же ты нас напугала! — Настя размазывала по лицу слезы. — Мы думали, что ты от нас ушла! Ушла насовсем.

— Я и собиралась уйти, — прогундосила Шишуня. — Я вот за ним вернулась.

И она кивнула на синего зайца, одиноко валявшегося под вешалкой.

— Как уйти? — в один голос воскликнули Ромашкиных. — Куда? Зачем? Разве тебе у нас было плохо?

— Да загостились я у вас, — Шишуня шмыгала носом. — Пора и честь знать. Спасибочки за хлеб-соль. За тепло-уют. За ласку-доброту вашу. Век не забуду. Но не могу я больше у вас. Домой мене тянеть. В болото. Бабка там, дед Шишун, сестры мои. Они ведь по мне скучают. Да и я, признаться, по им соскучала.

— А как же праздник? — недоумевала Настя. — Останься хоть с нами Новый год встретить. А завтра и пойдешь.

— Не-а, — Шишуня покачала головой. — Новый год он семейный праздник. Яво вместе со своими встречать надо. У вас все в сборе. А там меня ждут.

— Куда же ты пойдешь? — недоумевала мама Ромашкина. — В такую погоду? На улице морозно.

— Да мне не привыкать, — улыбнулась Шишуня. — Мы к холодам да к сырости привычны. Ну, я пойду. Спасибочки вам за всё. Не обижайтесь, коли что не так. Может, свидимся ишшо.

Шишуня крепко прижала к себе синего зайца и скрылась за дверью. Больше в семье Ромашкиных о Шишуне не слышали.

Витебск, Беларусь

Алёна и Людмила Бессоновы

ЖИЛ-БЫЛ ВОРОБЕЙ, ИЛИ ЗАЧЕМ НУЖНО ХОДИТЬ В ШКОЛУ

Глава первая.

Мой дом — моя крепость, или Третий закон Ньютона

Жил-был воробей. Нет! Не так! Воробей вовсе не был, потому что он только родился, только вылупился из яйца. И не один вылупился, а в компании с тремя братьями и двумя сёстрами.

Сразу же после рождения воробья назвали Сенькой, то есть Семёном. Когда самый крупный брат первый раз толкнул его лапой в бок, а сестрица умудрилась клюнуть в глаз, Сенька понял: жизнь — борьба!

Сенька родился понятливым, в отличие от остальных своих родственников. Самый крупный брат Семёна тоже решил, что жизнь — борьба в буквальном смысле слова, и стал толкаться, щипаться и отнимать еду. Еды хватало на всех, но крупный брат всё равно отнимал её и ел впрок. К ночи у обжоры начинал болеть живот, и тогда большой брат усаживался на горшок и сидел на нём до утра, что устраивало остальных родственников. Вечер проходил спокойно, без драк и ругани.

Сестры Сеньки после рождения решили, что жизнь — обман. Им приходилось голодать, так как сладить с крупным братом сестрёнки не могли, а есть очень хотелось, они научились приманивать жучков, паучков, комариков. Сестры завлекали их разными обещаниями: поиграть, угостить сладким медком, а когда простак подлетали совсем близко, они их глотали, тем и были сыты. А где сытость там и веселье, что грустить, если живот не урчит и пищи не просит. Сестрёнки были довольны собой: ах, какие они хитренькие, ах, какие они лживенькие.

Два других брата Сеньки решили, что жизнь — развлечение. С утра до вечера братья проводили время в играх, плясках и забавах. Дома их почти не видели, а позже забыли совсем. Из всей воробьиной семьи только Сенька считал: жизнь — борьба, но с самим собой, и, прежде всего, со своей ленью. Сенька запрятал свою лень в дупло дерева и решил начать учиться. Чему? Всему! Например, где устроить себе дом. Мама Сеньки опять отложила яички, и семья ждала прибавления. Родительское гнездо становилось тесным. Нужно было строить своё жилище. Где? Как? Из чего?

На все вопросы Сенька решил отвечать по мере их поступления. Итак, где? Можно на дереве. Или под крышей? Решений было два, поэтому Сенька принялся рассуждать. На дереве, конечно, удобнее, там строительный материал прямо под носом: сухие веточки и листья. Зато под крышей гнездо защищено от дождя, но при этом плохо

крепится, и любой маломальский ветерок может его сдуть. Однако на дерево может залезть кошка. Эти вражины лазают по деревьям не хуже обезьян. Тогда прощай Сенькина жизнь, слопают, даже не поморщатся, ещё и оближуются. Воробей крутил серебристой головой по сторонам и оценивал варианты.

— О! — радостно воскликнул Сенька и поднял вверх указательное пёрышко. — Дерево, под которым стоит собачья будка, то, что нужно!

Лютый, так звали хозяина этой самой будки, был из рода больших, лохматых свирепых собак. Хозяйка Лютого, тётка Филипендула, слыла в округе злой и скандальной женщиной. Постоянно с кем-нибудь воевала, кого-нибудь доводила до белого каления. Двор Филипендулы соседи обходили стороной и не потому, что боялись Лютого, просто не хотели попадаться на глаза злощей тётке.

— Зачем ей собака? — удивлялись соседи. — Сама прекрасно справляется.

Лютому повезло. С такой хозяйкой можно было целыми днями лениться. Собака лежала неподвижным брёвнышком рядом с будкой, одним глазом поглядывая на окружающий мир.

Единственное, на что реагировал Лютый — на незаконное вторжение во владения местных кошек. За свою ленивую жизнь Лютый откусил пару кошачьих хвостов, которые, как трофеи, повесил на крышу своей будки.

Кошки обходили двор Филипендулы, а значит, и облюбованное Сенькой дерево, стороной. Такое положение дел Воробья устраивало, дерево у будки было недоступным для кошек. Сенька с удовольствием взялся строить гнездо. Выбрал самую густую ветку, натаскал голубинового пуха, тонких, засохших прутьев, пожухлой прошлогодней травы и нового, современного строительного материала под названием пенопласт. Пенопласт водился в мусорных контейнерах. Он был лёгким, рассыпался на аккуратненькие белые шарики и хорошо прикреплялся к стенкам гнезда. Воробьиный домик получился тёплым и уютным. Сенька радовался своей первой удаче.

Одного не учёл воробей: у Филипендулы выросстал внучок по имени Никита. Будучи совсем малюсеньким, Никита был прехорошеньким, милым ребятёнком. Со всеми здоровался, улыбался, рассказывал стишки, за что неизменно получал конфетку. Чуть подросшему Никите стало лень рассказывать стишки, а конфет хотелось пуще прежнего. Поэтому мальчишка научился их отнимать. Сначала у деток поменьше себя, а потом и постарше. Чаще всего обижал девчонок, с ними легче справиться. Так милый мальчик Никита постепенно превратился в Никитоса.

— Никитос! — в ужасе кричали дети, разбегаясь в разные стороны.

Постепенно лицо внука стало похоже на лицо бабушки Филипендулы. Такое же всем недовольное и брезгливое. Филипендула

тоже не сразу превратилась в Филипендулу, а только после того, как научилась обругивать всех подряд и кидаться с кулаками на кого не попадя.

В молодости тётку звали Фелицией. Вот такое красивое имя придумали ей родители. Уж никак они, бедные, не рассчитывали, что соседи, не сговариваясь, переименуют Фелицию в Филипендулу. Называть злющую тётку Фелицией ни у кого язык не поворачивался.

Сегодня Никитос вышел на улицу вразвалочку, нацепив на лицо противную ухмылку. В руках внука была рогатка, любимая игрушка, подарок бабушки. Поигрывая камешком, Никитос искал для него цель. Воробей Сенька не видел Никитоса, поэтому пребывая в восхищении, облетал свой новый домик, не замечая опасности.

— Какой уютный, красивый, просторный домик! — умилялся Сенька. — В нём можно спать, не скукожившись, а вытянув лапки, разбросать в разные стороны крылышки, места на всё хватает.

Сенька влетел в гнёздышко, решил немножечко вздремнуть. Вольготно разместившись, воробей начал засыпать.

— Стыдыщ! — взвизгнул воробей, когда что-то очень больно стукнуло его в бок. Сенька выглянул наружу.

Фьють! — рядом с его головой пролетел ещё один совсем не маленький камешек.

«Никитос! — в ужасе понял Сенька. — Он обстреливает из рогатки мой новый домик!»

Под деревом действительно стоял Никитос. Он искал новый камень, снаряд для своей рогатки.

«Не вылезу, пусть здесь прибьёт!» — с отчаянием подумал воробей.

Спас Сеньку скрипучий голос Филипендулы:

— Внучок, Никитушка, в школу опаздываешь, беги скорее! Не забудь бутербродики и конфетки. Ни с кем не делись, один съешь.

— Обижает, бабуль! — ухмыльнулся Никитос. — Самому мало!

Мальчишка с сожалением посмотрел вверх на пристроившееся в ветвях дерева гнездо воробья.

— Пойду в школу, поучусь! — крикнул он. — Вечером приду, обязательно собью гнездо! Лопухом буду, если не собью!

Довольный собой, Никитос отправился в школу.

«Мамочка моя! — в ужасе подумал Сенька. — Чему их учат в школе? Гнёзда сбивать?! Полечу, посмотрю, кто такому учит!»

Никитос и Сенька появились у школы одновременно. Мальчишка уселся в классе за последнюю парту и вынул сотовый телефон.

Сенька пристроился на открытой форточке. Когда в класс вошла учительница, Никитос не заметил, он увлечённо играл в электронные «стрелялки» в своём телефоне.

Учительница написала на доске тему урока: «Третий закон Ньютона».

Она повела указкой и ткнула ею в портрет на стене. На портрете красовался сильно кудрявый, носатый мужичок с белым шарфом на шее. Взгляд у мужичка был суровым и пристальным.

— Исаак Ньютон, — восхищённо произнесла учительница, — великий учёный и мыслитель.

Она ещё чуточку растроганно рассматривала лицо на портрете, а затем начала рассказ.

Сенька внимательно слушал, вникал в каждое слово, но ничего об уничтожении воробьиных гнёзд не услышал. В конце урока учительница заявила:

— Из всего сказанного вывод один: любая сила рождает другую силу против этой силы. А главное, эти силы равны между собой. Таков третий закон Исаака Ньютона.

— Например? — спросил мальчик с первой парты.

— Например? — учительница взяла со своего стола специально припасённый для такого случая теннисный мячик и с силой бросила его в классную доску. Мячик стукнулся и отскочил.

— Вот видите ребята, — учительница ловко поймала мячик. — Он не прилип к доске, а отскочил от неё обратно. Почему? Это доска оттолкнула его. Сила, с которой мячик стукнулся о доску тут же породил силу, с которой доска оттолкнула от себя задиристый мячик.

«Ага, — подумал Сенька, — если Никитос выстрелит в мой дом камнем и камень стукнется в достойную преграду, то отлетит обратно в лоб Никитосу».

— Хоро-о-о-оший закон! — обрадовался Сенька. Энергично взмахнув крыльями, воробей полетел к мусорным контейнерам. Именно там он видел две теннисные ракетки со сломанными ручками.

Сенька крепко приладил ракетки по двум внешним сторонам нового домика. Никитос не заставил себя ждать. Он вернулся из школы, наелся пельменей бабки Филипендулы и выскочил на улицу. Мальчишка решил довести начатое утром дело до конца.

— Тебе конец, воробей! — икнул от обжорства Никитос. Нашёл камешек потяжелее и зарядил его в рогатку.

— Стыдьщ!

Камень с силой ударился в теннисную ракетку и по той же дорожке полетел обратно прямо в лоб хулигану.

— А-а-а! — завопил мальчишка. Тут же на его лбу растеклась фиолетовая лужица синяка.

— Мальчик мой! — заголосила бабка, прижимая вопящего внука к себе. Она с ожесточением схватила камень, бросила его в ненавистное гнездо, камень с силой ударился в теннисную ракетку и по той же дорожке полетел обратно прямо в глаз бабке Филипендуле.

— У-у-у! — завопила бабка, растирая ещё одну сиреневую лужицу уже под своим глазом. Филипендула схватила внука в охапку, озираясь по сторонам, прыжками поскакала в дом.

— Ура! Работает третий закон Ньютона! — удовлетворённо чиркнул Сенька. — Теперь мой дом — моя крепость. Надо в школу почаще летать!

Сенька уселся на веточку рядом с домиком. Вынул из-под крылышка розовую тетрадочку, поспешил в клювике синий карандашик и поставил на первой страничке большую жирную палочку. Так он отметил первое знание, полученное им в школе. Сенька не совсем понял, кто такой Ньютон, но был ему благодарен.

Глава вторая.

Подсолнечное масло, или Закон всемирного тяготения

Утром Никитос, как всегда, вышел во двор. Рогатки в его руке не было. Взгляд мальчишки из-под фиолетового синяка не предвещал ничего хорошего.

— Всё равно прибью, серый махор! — прошипел Никитос и, погрозив воробью кулаком, куда-то побежал.

«Да-а-а! — подумал Сенька. — Нашёл, с кем воевать. С воробьём! Смелчак. Нечего сказать. Трус-белилус!»

Сенька оторвался от ветки и полетел следом за мальчишкой. Врага нельзя было упускать из виду.

Никитос, конечно, был хулиганом, но мелким. На «значительного» он не тянул, так себе, чуточный пакостник. Боязлив был, перед великовозрастными хулиганами пресмыкался, старался услужить. Перспектива вырасти в большого негодяя, у него была, особенно под руководством такой бабушки, как Филипендула. Именно она подсказала внуку, как известить воробья при помощи кошки.

— Бабунь, а как же Лютый? — удивлённо спросил Никитос. — Он ей хвост оторвёт! Увести его — не уведёшь, он вон какой огромный. Я уже пробовал, но он даже с места не сдвигается, лежит, как бегемот. Ташил за ошейник, огрызается. Боюсь, укусит.

— Лютый — моя забота, — твёрдо сказала Филипендула. — Я ему в похлёбку снотворного порошка насыплю, уснёт как убитый! Твоё дело соответствующего кота найти.

Никитос знал, где найти кота. Такой кот водился у «большущего» хулигана по кличке Сыч. Сыч учился в той же школе, что и Никитос, только в старшем классе. Его кот Сильвер слыл грозой всего района. Он был одноглазым и кривобоким. В любых кошачьих потасовках Сильвер брал верх. Силища, гибкость и хитрость у кота были невероятные, а по веткам деревьев он летал, как птица. Никитос поискав Сыча, нашёл его на школьном дворе, заискивающе попросил:

— Одолжи на время кота.

— Что, мышцы замучили? — ухмыльнулся Сыч.

— Воробьи покоя не дают. Гнёзда на дереве пощипать надо. — Угодливо улыбнулся мальчишка.

— Чем благодарить будешь? Просто так не дам. — Отрезал Сыч.

Никитос раскрыл ладонь. На ней лежал, поблёскивая перламутровой рукояткой, изящный перочинный ножик. Сыч сгрёб подношение и небрежно бросил:

— Завтра до уроков принесу, получишь kota на час.

Сенька сидел рядом на дереве и слышал всё.

«Завтра? На целый час!» — сердце маленького воробья сжалось в комочек, неистово стучало. Тут прозвенел звонок, школьники разошлись по классам.

«Слетаю, посмотрю в бесстыжие глаза Сычу!» — решил воробей.

Опять, как и прошлый раз, Сенька примостился на форточке. Сыч, так же как и Никитос, играл в электронную игру в своём телефоне. Он совершенно не слушал незнакомую Сеньке учительницу, которая вслух читала интересную книгу. Воробей пожалел, что не успел к началу урока.

— «...Аннушка уже купила подсолнечное масло, — читала учительница. — И не только купила, но даже и разлила...»

«Вот неумёха эта Аннушка, — подумал воробей, — разлила подсолнечное масло. Такую вкуснотищу! Жаль меня не было там, где она его разлила».

Больше всего, после мамы, Сенька любил семечки, а именно из них делалось подсолнечное масло, значит, и подсолнечное масло Сенька тоже любил сразу после мамы. Воробей стал слушать дальше, его очень интересовало, кто же слижет разлитое масло?

— «... и тотчас рука его скользнула и сорвалась, — продолжала читать учительница, — нога неустойчиво, как по льду, поехала по булыжнику и...»

Неожиданно пролетающая рядом с Сенькой ворона, ненадолго отвлекла воробья, но последнюю, на сегодняшнем уроке строчку, воробей всё-таки услышал:

— «Берлиоза выбросило на рельсы...» — Прозвенел звонок, и учительница закрыла книгу.

«Эх, ты, как жалко дяденьку Берлиоза! Поскользнулся, бедный, на масле! Под ноги надо смотреть, взрослый уже, — назидательно подумал Сенька. — Поскользнулся на масле?! — вдумался в слова воробей. — На масле?.. Правильно! — взвизгнул Сенька. — Масло не только вкусное, оно ещё скользкое! Если на него наступить, лапки сами разбегаются в разные стороны. Удержаться невозможно. Именно это мне и надо!»

Сенька опять вспомнил о мусорных контейнерах. Когда прошлый раз он вытаскивал из них сломанные теннисные ракетки, он приметил там полбутылки прогорклого подсолнечного масла.

— Так мне его не пить! — ликовал Сенька, — а коту прокатиться хватит! Ура! — радостно закричал воробей. — Теперь посмотрим, кто кого.

Воробей оживлено замахал крыльями и перелетел с форточки одного класса на форточку другого.

— Ой! — радостно воскликнул Сенька, — опять та же, что и вчера, учительница! И опять она рассказывает про умного дяденьку Ньютона и его новый закон.

Сенька пригляделся к ребятам в классе. Все внимательно слушали урок. Только Никитос ел под партой бутерброды любовно положенные бабкой Филипендулой в его ранец.

Тем временем учительница поведала классу занятную историю о том, как Исаак Ньютон открыл свой мудрёный закон. Закон этот назывался очень заковыристо «Закон всемирного тяготения». Оказывается, когда он спокойно сидел под яблоней, читал книгу, подул лёгкий ветерок. Спелое яблоко сорвалось и упало прямо на его умную голову.

— Эврика! — вскричал Ньютон, что вероятнее всего значило «Ур-а-а-а-а-а!».

— Земля — большой шар, — пояснила учительница. — Она притянула к себе маленький шарик, яблоко. Земля всегда и всё притягивает к себе. Раз так, значит, что бы ни падало, всегда будет падать сверху вниз. Ни вверх, ни в сторону, а именно вниз, стремясь упасть на землю.

— Например? — вновь любопытничал ученик с первой парты.

— Например? — учительница подошла к своему столу и легонько толкнула вчерашний теннисный мячик. Мячик покатился по столу и упал с него, стукнулся об пол, подскочил вверх и опять упал. Так он подскакивал и падал, пока не закатился под парту и не затих у кого-то под ногами.

— Вот видите, ребята, мячик упал строго вниз, не в сторону, ни вверх, а вниз, — учительница улыбнулась. — Это наша большая земля притягивает всё, что на ней живёт, растёт и подпрыгивает. Вот так.

«Ха! — задумался воробей. — Если кошка упадёт с дерева, она будет падать прямо на землю, а прямо на земле стоит будка Лютого? Интере-е-е-сно».

Теперь Сенька точно знал, что делать.

Наступило утро следующего дня. Солнышко уже выпалось и вставало. Дождевые облака растаяли, на небе остались только весёлые перистые. День обещал быть чудным. Сенька приготовился к встрече кота Сильвера загодя, ещё вечером. В нужном месте воробей полил ветки подсолнечным маслом. Залил всё добросовестно, у Сильвера не было шанса остаться на ветке.

Сыч появился, как обещал, рано утром. Филипендула с внуком встретили его радостно:

— Проходи, проходи, — лепетала бабка. — Не бойся, наш Лютый спит, мы ему сонного порошка дали. Принёс котика?

Пёс спал крепким сном, перед его носом дымилась плошка с горячей похлёбкой.

— Проснётся, тёпленького поест, касатик, — прошамкала Филипендула.

Сыч вынул из мешка огромного кота. Сильвер зловеще поблёскивал единственным глазом.

— Фас! — крикнул Сыч и ткнул пальцем в направлении Сенькиного гнезда. Кот не сразу выполнил команду, сначала он ощетинился, выгнул спину, внутри него что-то угрюмо заурчало. Пушистый хвост, гордость Сильвера, стоял трубой и трепетал от нетерпения. По спине воробья побежал холодок ужаса.

«Не улечу!» — подумал про себя воробей, щёлкая клювиком от страха.

Сильвер в один прыжок очутился на середине дерева. Припав грудью к стволу, кот медленно пополз вверх. Ветка, ещё ветка, ещё... Всего один прыжок — и он у гнезда воробья. Приготовившись, кот взглянул в глаза своей добыче:

— Скоро ты, серый махор, будешь у меня в желудке.

Прыжок! Когти Сильвера впились в кору дерева, однако неожиданно стали скользить. Кот напряжился, попытался взвиться вверх. Но даже это могучее усилие не помогло. Сильвер неудержимо катился вниз, прямо в плошку с горячей едой.

— Стыдышь!

Кот попал в похлёбку точно тем местом, откуда у него рос хвост.

Жгучие брызги упали на нос спящей собаки. Лютый проснулся мгновенно, а через секунду пушистый хвост кота болтался у него в пасти. Лютый с удовольствием повесил новый трофей рядом с двумя старыми. Бесхвостый кот, воя от обиды и боли, бросился к Сычу и в отместку вцепился в его лицо острыми когтями. Сильвер помнил, кто притащил его сюда, кто виноват в его позоре. Одно дело потерять глаз в почётном бою, другое — постыдно оставить хвост в пасти собаки. Выместив обиду на хозяине, кот перемахнул через забор и утёк в неизвестном направлении.

Сенька не радовался победе, он так сильно перепугался, что не сразу смог прийти в себя.

«Они не останутся, — с ужасом подумал Сенька. — Они будут мстить. Но это будет завтра. А сегодня победил я!»

Воробей сел на веточку рядом с домиком и снова вынул из-под крылышка розовую тетрадочку. Послюнявил в клювике синий карандашик. Поставил рядом с первой ещё две большие жирные палочки. Так он отметил новые сведения, полученные им в школе.

Теперь Сенька знал, кто такой Ньютон, его новый закон и Аннушку, которая разлила подсолнечное масло. Правда, он не понял зачем, но всё равно был ей благодарен.

Глава третья.

Не так страшна Филипендула, как наступающая зима

Утром следующего дня Сенька проснулся от громкого стука — кто-то барабанил в дверь его домика. Воробей поспешил открыть. Перед ним сидел перламутрово-зелёный голубь.

— Здравствуй, Сенька. — Приветливо сказал гость. — Меня зовут Пьер. Мне нужна твоя помощь.

— Моя? — удивился воробей.

— Да. — Твёрдо ответил Пьер. — Я видел, как ты грамотно защищался от врагов. Значит, ты умный.

— Что ты, — засмутился Сенька, — просто я учусь в школе. Кое-что запоминаю. Вот посмотри.

Сенька вынул из-под крылышка розовую тетрадочку.

— Видишь три палочки? — воробей пододвинул тетрадку ближе к голубю. — Это три знания, полученные в школе. Они меня спасли.

— Спасибо за помощь, — вежливо сказал Пьер.

— Как? — изумился Сенька. — Я ничего не сделал.

— Ты указал мне путь, — взлетая, произнёс голубь. — Буду учиться! Рад нашему знакомству, заходи чаю попить!

Сенька был польщён. Обычно гордые голуби не обращали внимания на мелких воробьёв. Подружиться с голубем — большая удача. В голодные зимы можно было подкормиться в тёплой голубятне. Приятные Сенькины мысли прервала возня у подножья дерева. Бабка Филипендула с внучком прилаживала к стволу двуручную пилу.

— Мамочка моя! — закричал воробей. — С ума сошли! Дерево пилить!

— Всё равно достану тебя, серый махор, — злобно шипела старуха.

— Поймаю, убую! — голосил Никитос.

Лютый медленно, с неохотой, вылез из будки, осмотрелся:

— Озверели, что ли?! — заорал пёс, когда понял, что бабка и внук собираются делать. — Дерево спилите, будка моя на солнце изжарится, и я вместе с ней. Посмотрите на них, хуже бешеных котов, пошли отсюда! Ишь, чего надумали!

Филипендула попыталась успокоить собаку:

— Лютый, не волнуйся, мы тебе зонтик поставим, никакого солнца не будет.

— Спилите дерево, — оскалился Лютый, — уши откушу!

Бабка и внук, ругаясь на ходу, подпрыгивая, помчались к дому.

— Кормить тебя больше не буду, пёс шелудивый, — завопила Филипендула.

— Только попробуй, — спокойно сказал Лютый, — со двора не выпущу, и весь сказ.

Лютый поднял голову и посмотрел на воробья:

— Ты, Сенька, молодец. Дом свой защищаешь. Уважаю. Не бойся ничего, не дам тебя в обиду.

Сказал, прикрыл глаза и задремал.

Сенька вынул из-под крылышка розовую тетрадку, поставил ещё две жирные палочки.

— Два хороших друга голубь и собака — это не хуже двух хороших знаний, — чирикнул воробей. — Ой! В школу опаздываю!

Теперь каждое утро Сенька летал в школу. Вот и сегодня, усевшись на форточку в любимом классе, Сенька огляделся и удивился. На всех подоконниках примостились птицы, преимущественно воробьи и голуби. Сенька сразу увидел Пьера.

— Привет, дружище, — голубь похлопал крылышком Сеньку по спинке. — Вот прилетел с товарищами учиться, уму-разуму набираться. Смотри, какая симпатичная учительница и платьице у неё в синий горошек, мой любимый! Ой! Слушай, она про тебя говорит!

— Начиная с апреля и до конца июня, — объясняла молоденькая учительница и медленно прохаживалась между рядами парт, — воробьи питаются исключительно личинками насекомых, гусеницами, бабочками, мушками и слизнями, тем самым защищая наши сады от вредителей.

Она показывала каждому ученику рисунок птицы, сильно похожий на Сеньку.

— Пьер! — воскликнул воробей. — Что это за урок?

— Не стоит опаздывать в школу, дружище. Сегодня опоздал и прослушал самое интересное. Это урок природоведения.

— Она что, ведаёт природой? — удивился Сенька.

— Не знаю пока, — повёл крылышком Пьер. — Вероятно, она учит, как грамотно ведать, чтобы не навредить.

Тем временем учительница продолжала:

— Вот и выходит, что серые птицы — защитники наших садов и парков. Потому-то и стоит подкармливать воробьёв зимой, этим мы отблагодарим их за ту пользу, которую они приносят летом.

— Ничего себе! — заорал с последней парты Никитос. — Он мне камнем в лоб, а я его кормить должен! Ни за что!

— Худо тебе придётся зимой, — заметил Пьер. — Не дай бог такого хозяина иметь. Зима пострашнее Филипендулы будет. В ней и холодно, и голодно, и одиноко. Каждый спасается сам, как может.

Сенька пригорюнился, он пока не знал, что такое зима, но слова Пьера напугали его. В гнездо воробей прилетел чернее тучи.

— Что мрачный какой? — поинтересовался Лютый.

— На уроке сказали, что птиц зимой замерзает видимо-невидимо. Не столько от холода, сколько от голода, а меня кормить некому. От Филипендулы и Никитоса не дождусь. Значит, замёрзну.

— Почему не летишь в жаркие страны? — недоумённо спросил Лютый. — Смотри, косяки уже потянулись. Лети и ты.

— Нет, Лютый, — мрачно сказал Сенька. — Я птица не перелётная, крылья у меня слабые. В полёте могу быть не дольше десяти минут. Потом сесть надо, отдышаться, иначе сердце разорвётся.

— Значит, зимовать будем вместе, — спокойно сказал пёс. — Не горюй, не пропадём. Гнездо утеплять надо. Лети к Филипендуле в курятник. Натаскай в гнездо куриного пуху себе и мне. Моя подстилка тоже вся прохудилась, зябко спать на голой земле.

Сенька поспешил выполнять поручение Лютого, работал с удовольствием. Так и шнырял туда и обратно, пока не натаскал пуха себе в гнездо и Лютому на целую перину. Лютый пух лапами утоптал, получилось тепло и мягко. Пёс в благодарность делился с воробьём хлебными крошками. Так и жили, пока однажды Сенька не проснулся и не увидел, как из облаков на землю летит множество мелких белых бабочек, похожих на бабочек-капустниц.

«Эх, всю капусту сожрут, — спросонья подумал воробей. — Надо спасти урожай!»

— Ой, — встрепенулся Сенька, — какой урожай?! Его давно собрали.

Воробей выглянул из гнезда и увидел, как бабочки садятся на землю и остаются на ней. Земля становилась белая-пребелая.

— Что это? — изумился Сенька.

— Это снег, — ласково проурчал Лютый.

Сенька с удивлением увидел, как воробьи с соседних деревьев пикировали в бугорки из белых бабочек, кувыркались, шумели. Ему тоже захотелось. Он закопался в сугроб, затрепетал крылышками. Крылья намокли и отяжелели. На влажные Сенькины пёрышки прилипли снежинки. Воробей превратился в маленького снеговика. Лютый осторожно поддел его носом и покатил к своей будке. Не прошло и минутки, как в тепле воробьиное оперенье стало чистым и сухим.

— Давай ещё! — радостно закричал Сенька. Ему понравилась игра.

Так они и гонялись по двору друг за другом, пока на пороге дома не появилась Филипендула.

— Веселитесь, значит? — прошамкала тонкими губами бабка. — Ну-ну.

Развернувшись, она пошла прочь, унося с собой миску с едой для Лютого.

— Сегодня мы остались без обеда, — грустно сказал пёс, — наверное, и без ужина. Ничего, не унывай, будем считать этот день разгрузочным.

Лютый не угадал. Вечером Никитос принёс Лютому миску с едой, а когда собака наклонилась чтобы поесть, Никитос защёлкнул на её ошейнике тяжёлый карабин с цепью. Теперь пёс не мог отойти от будки больше, чем на два метра.

— Нынче ты сам с голодухи съешь свои уши, пёс шелудивый! — торжествующе изрёк мальчишка.

Глава четвёртая.

Не имей сто рублей, а имей сто друзей

Прошла целая неделя с того дня, когда Филипендула и Никитос перестали кормить Лютого. Без воды он ещё обходился, снег лизал, благо, его намело целые сугробы.

Без еды Лютый начал слабеть, почти не выходил из будки, даже голоса не подавал. Бродячие коты, почувствовав волю, свободно расхаживали по двору Филипендулы. Рылись в мусорных вёдрах, разбрасывали объедки. Появился и Сильвер. Кот криво усмехнулся:

— Рано или поздно помрёшь от голода. Тогда приду и сожру твоего друга воробья. Жди, серый махор!

Сильвер ушёл. Сенька посидел на ветке своего дерева, успокоился и полетел в школу. Там уже собралось всё птичье сообщество. Шёл урок географии. Птицы увлечённо слушали о дальних странах, о морях-океанах, о полосатых лошадях, о диковинных птицах страусах, которые не умеют летать, но зато отлично бегают. Сенька слушал вполуха, он ждал, когда закончится урок. Воробей нетерпеливо переминался с ноги на ногу. Он любил уроки географии, ни одного не пропустил. Мечтал стать перелётной птицей. Мечтал, как альбатрос полетать над морем, поиграть с волной. Учитель географии так вдохновенно говорил о море и показывал картинки, что море стало Сеньке снится. Будто он сидит на капитанском мостике океанского лайнера. Капитан в белом кителе с блестящими нашивками, в чёрных брюках и чёрной морской фуражке кормит Сеньку с руки крошками от белой сдобной булки. Однако сегодня было не до мечты, звонок, наконец, прозвенел, и урок закончился.

— Братья! — громче, чем звонок, крикнул Сенька, — Мне нужна ваша помощь!

Птицы, собравшиеся, было, улетать, задержались. Рядом с воробьём сел голубь Пьер:

— Говори, дружище!

— От голода умирает мой друг, пёс Лютый! Его посадили на цепь и не дают еды!

— Мы-то здесь при чём?! — выкрикнул самый крупный воробей, — мы что, кормящие матери?

Договорить ему не дали, здоровяк получил от соседа тяжёлую затрещину. Поднялся шум, визг, драка. Воробьи сбились в кучу. Вся

компания с невероятным шумом и гамом полетела на землю. На земле каждый наподдавал тумаков каждому, после чего драчуны разлетелись в разные стороны. Уселись на школьные подоконники и затихли, будто ничего и не было.

— Мы можем продолжать? — сурово спросил Пьер.

Заводила-драчун первым кивнул в знак согласия.

— Пусть каждый принесёт из еды то, что может унести, — продолжил Сенька. — Нас много, мы сила. Голуби нам помогут?

— Голуби вам помогут, — подтвердил Пьер.

Сенька полетел в дачный посёлок. Там, он знал наверняка, даже зимой дачники жарят шашлык. Маленькие кусочки мяса нанизывают на железный прутик и греют на горячих углях. Мясо получается сочное, пахучее, вкусное. За Сенькой увязался ещё с десяток воробьёв. Прилетели вовремя, дачник только что снял шашлычок с железного прутика. Воришки быстренько похватили кусочки — и были таковы. На тарелке остался одинокий шашлык, а рядом с тарелкой недоумевающий дачник.

Подлетая к своему гнезду, воробей заметил двух голубей. Они за верёвочные хвостики тащили палку сырокопчёной колбасы. Колбаса болталась, как переключатель качелей, лететь было трудно, голуби мешали друг другу крыльями, но угощение не бросали.

Каково же было удивление Сеньки, когда он обнаружил рядом с собачьей будкой внушительную горку разнообразной еды. В горке был и сыр, и хлеб, и мясо, торчали даже конфетки в фантиках. Но украшением горы был единой откусанный бутерброд с красной икрой, его принёс голубь Пьер. Он выхватил его из руки толстого дядьки как раз в тот момент, когда тот, зажмурившись от удовольствия, решил откусить бутерброд во второй раз.

Лютый лежал в будке, высунув довольную морду наружу и сыто улыбался. Сенька поднёс кусочек жареного мяса прямо к носу пса:

— Ты объелся, что ли? — удивился воробей.

— Я наелся, Сенька. Почти семь дней не ел. Сейчас наелся. Спасибо тебе, друг!

Сенька засмушался. Птичье сообщество целую неделю кормило собаку. Кормило, несмотря на сопротивление бабки Филипендулы и Никитоса. Бабка целыми днями бегала по двору с веником, пыталась отогнать настойчивых птиц, а внучок садился в кусты и стрелял из рогатки. Руки его тряслись от злости, поэтому он ни разу не попал.

От хорошей еды Лютый окреп, глаза его засияли, шерсть стала шелковой. Теперь Сенька мог спокойно улетать в школу.

Сколько всего нового узнал воробей за время учёбы, не счесть. В его заветной тетрадошке не одна страница была изрисована синими палочками. А на сегодняшнем уроке истории воробей узнал, что задолго до рождения Сеньки, его мамы и мамы его мамы, и даже бабушки его бабушки на земле была страшная война. Раньше воробей

думал, что ужаснее оружия, чем рогатка, люди не придумали. Оказалось, что это не так. Люди однажды обозлились друг на друга и понаделали много разного оружия. Одни делали оружие, что бы нападать, другие — чтобы защищаться. Самые злые без спросу пришли на чужую землю на танках, приплыли на кораблях, прилетели в самолётах. Они стреляли из пистолетов и автоматов, бросали бомбы, взрывали мины. Гадко стало на земле. Сенька поражался, зачем люди убивали друг друга, разве мало места, чтобы жить, не мешая и не обижая соседа.

С этими нерадостными мыслями воробей полетел в своё гнездо. По дороге Сенька встретил голубя Пьера:

— Присядь, дружище, на ветку, надо поговорить. Ты в гнездо?

— Да, — насторожился Сенька. — Что-то случилось?

— Тебе не надо туда лететь, — продолжал Пьер. — Там нет больше твоего дома. Филипендула пригласила лесорубов, они срубили дерево.

Сенька задохнулся от горя.

— В мой дом пришла война?! — спросил воробей, заливаясь слезами. — А как же Лютый? Он на цепи...

Пьер не дал Сеньки договорить.

— Тебе не надо туда лететь, дружище, там нет больше собаки. Филипендула привела в дом живодёров-собачников, и они увезли Лютого.

Сенька окаменел.

— Они убили его?

— Пока нет. Пока Лютый сидит в клетке, — голубь с надеждой посмотрел на Сеньку.

— Думай, воробей, как его освободить. Ты обязательно придумаешь! У тебя умная

голова! Там много собак, очередь до Лютого дойдёт дня через три. Сенька заметался:

— Мне срочно надо на живодёрню проводи меня, Пьер!

Лютый лежал в тесной, грязной клетке. Таких клеток на живодёрне было много, они стояли в несколько ярусов, и во всех были собаки. Клетки закрывались не на замки, а на тяжёлые гнутые крюки. Сенька попытался снять крюк, но ему не хватило сил.

— Не упирайся, Сенька, — остановил воробья голубь Пьер, — крюки — не твоя забота. С крюками справятся мои голубята. Ты придумай, как отвлечь живодёров от клеток.

— Лютый, — тихо позвал собаку воробей, — Лютый, ты спишь?

— Нет, Семён, — грустно ответил пёс и открыл полные слёз глаза, — жизнь свою окаянную вспоминаю. Я ведь у корабельной собаки родился, прямо в море. Взял меня старый моряк, сошёл на берег и помер. Филипендула соседкой его была. Вроде приютила

меня, сиротинушку, а на деле цепным псом делала. Хотела, чтобы я таким же злющим был, как она и её внучок. Я порядок любил, котов гонял, на людей без дела не бросался. Не получилось стать злым. Скоро нашьют из меня шапок. Откормил ты меня, Сенька, смотри, какая шерсть шелковистая, густая, с переливами. Живодёр сказал, шапки три-четыре получится.

— Стоп! — сурово оборвал Лютого воробей. — И думать о шапках забудь! Мы с тобой ещё море должны увидеть. Спи пока, отдыхай!

Воробей обернулся к голубю:

— Ты видишь тот деревянный сарай, Пьер?

Голубь утвердительно кивнул.

— В этом сарае у живодёров цех. Они там шапки шьют. Мыслишка одна у меня в голове зашевелилась. Надо обговорить с товарищами.

Птицы вспорхнули и полетели к школьному двору. Там, как всегда, собралось всё птичье сообщество. Усевшись на школьном подоконнике, Сенька рассказал, что придумал.

На следующий день, как только солнце встало, голуби парами уселись на крышах собачьих клеток в живодёрне. Они сидели тихо, не шелохнувшись, не курлыча, ждали сигнала. Воробьи тем временем, наоборот, летали, шумели, толкались. Птицы клювиками старательно засовывал в щели между досками сарая бумагу, сухую траву, вату, старые тряпки. Собачники-живодёры пытались отогнать гомонящую ватагу, да разве с такой оравой справишься?

В это же время Сенька и ещё десять воробьёв сидели на заборе живодёрни. Они терпеливо ждали, когда остальные закончат свою работу. Как только ватага, забив все щели, улетела восвояси, Сенька с друзьями поднялся в воздух. Воробьиный путь лежал к автобусной остановке. Там их интересовали только курящие мужчины. Птицы, как фокусники, выхватывали из рук курильщиков непотушенные сигареты и улетали прочь.

Если тлеющий окурочок сунуть в щель, забитую сухой травой, бумагой и тряпками, будет пожар! В этом и состояла мысль, возникшая в Сенькиной голове. Пожар должен отвлечь живодёров от собачьих клеток. Недаром Сенька посещал уроки истории.

«На войне, как на войне», — подумал Сенька, когда услышал истошный крик собачника-живодёра.

— Пож-а-а-р! Кара-у-у-ул!

— Не мы первые начали, — заметил голубь Пьер. — Пора, Сенька, все живодёры тушат пожар. Надо открывать двери.

Голуби разлетелись парами и по команде Пьера разом приподняли тяжёлые крюки на дверях клеток, освободили собак.

— Вперёд, Лютый! — закричал Сенька, примостившись между ушами на голову собаки. — В речной порт! Пусть пока не море, зато вода и корабли. Вперёд, Лютый!

Зиму пёс и воробей подкармливались в порту, весной решили проситься на корабль. Тыкались туда-сюда, везде гнали, не били, но и не привечали.

Однажды, совсем отчаявшись, воробей грустно сказал псу:

— Помнишь, Лютый, когда мы с тобой жили у Филипендулы, я в школу каждый день летал — учился. Попал однажды на урок литературы в старших классах. Учительница читала книгу про Аннушку. Она масло разлила. Помнишь? Я тебе рассказывал.

— Как не помнить, — отозвался пёс. — Крепко мы тогда наказали кота Сильвера.

— Так вот, — продолжал воробей, — ничего я тогда не понял. Видно, не дорос. Но, кое-что в голове осталось. В этой книге один сильно могущественный дядька сказал: «Никогда и ничего не просите! Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами все дадут». Хватит, Лютый, по кораблям шататься, напрашиваться. Пошли на скалу, корабли встречать, может, кому глянемся.

Глава пятая.

Всемирная слава им не повредит

Алексей Михайлович был капитаном большого пассажирского судна. Всю навигацию теплоход возил людей от истока огромной реки до её устья и обратно. Капитан пришёл на судно пять лет назад, после окончания мореходного училища. Мечтал о море, но работал пока на реке, чтобы набраться опыта управления судном и командой. Три года Алексей Михайлович был старшим помощником капитана, а теперь второй год служил капитаном.

Никто на судне не называл Алексея Михайловича по имени отчеству, молод был. Сам капитан не настаивал. Ему нравилось, когда матросы называли его просто капитаном, а старший корабельный состав просто Алексеем. Алексей, будучи ещё семилетним Лёшкой, сбежал из детского дома, куда его пристроила тётка после гибели в автокатастрофе его родителей. Лёшку, голодного, больного, приютил у себя в доме офицер с военного корабля под названием «Лютый». Потом офицер похлопотал, мальчишку приняли юнгой к нему же на корабль. Едва Лёшка подрос, его отправили учиться в мореходное училище. Смыслённый оказался малец. Потом, сколько Алексей себя помнил, он всегда был на воде. Уже, будучи капитаном, знал Алексей Михайлович реку как свои пять пальцев. Мог с закрытыми глазами рассказать, какой утёс появится за поворотом реки, сколько на нём растёт берёзок, сколько лежит камней, где на правом берегу гнездовье цапель, где на левом омут, и какие там водятся сомики.

Однажды Алексей позвал боцмана на капитанский мостик:

— Смотри, боцман, — сказал капитан, вглядываясь в серую прибрежную дымку. — Сейчас за поворотом появится скала.

— Появится, — кивнул боцман, он тоже знал реку как свои пять пальцев. — Куда же ей деться? Она здесь испокон веков.

— На ней будет стоять собака, — продолжал капитан. — Третий рейс её вижу. Стоит, как памятник, не шелохнётся. На голове у собаки сидит птичка. Совсем маленькая, еле видная, наверное, воробей.

— Может, ждёт кого? — предположил боцман. — Собаки верные бывают, вернее людей.

— Знаешь, боцман, — начал вспоминать Алексей, — на военном корабле, где я юнгой служил, держал наш капитан вопреки всем запрета собаку, Сайдой звали. Огромная была, красивая. Порядок любила, всех крыс на корабле вывела. Матросы её, как огня боялись. Чуть что не так, она и укусить могла.

Маяк в ночи первой видела. Если Сайда залает, значит, берег близко. Однажды ошенилась тремя кутятами. Старпом наш тогда со службы уходил, одного кутька забрал, назвал Лютым, в честь корабля. Мне тогда сильно щёночка хотелось, но нельзя было двум собакам на одном судне. Остальных кутят тоже по кораблям растащили. Лютый был особой собакой, у него между ушами большое белое пятно, красавец! Жаль только, старпом, как уволился, так в скорости и помер.

— Эх, ты... — с сожалением воскликнул боцман. — А собака?

— Я к нему домой приходил, хотел собаку забрать. Он ведь одинокий был, ни жены, ни детей. Да куда там! Соседка его, злая такая бабка, даже во двор меня не пустила. Дверь прямо перед носом закрыла, а в щёлочку прошипела, что сдох у старпома шенок.

— Ты поверил? — огорчённо спросил боцман.

— Не поверил. А что делать? Не силой же у старухи щенка отбирать. Смотри, боцман, скала!

Действительно, скала появилась, как только русло реки круто повернуло. На скале, не шелохнувшись, стояла большая лохматая собака с белым пятном между ушами. На этой отметине, так же, не шелохнувшись, сидела маленькая птичка, по виду воробей.

— Позови её, Алексей, — прошептал боцман. — Может, встрепенётся.

— Лютый, Лютый! — закричал, что было мочи капитан.

Собака встрепенулась и, недолго думая, бросилась со скалы в воду. Вынырнув из чёрной воды, подождала, пока воробей усядется между её ушами, поплыла к кораблю.

— Стоп машина! — приказал капитан. — Собака за бортом, будем брать!

Так началась новая жизнь Лютого и его друга воробья Сеньки. Не на море, правда, на реке. Впрочем, ещё не вечер, жизнь длинная, всё ещё может быть.

Когда друзья обустроились на корабле, Лютый заметил:

— Хорошую, однако, книгу читала учительница. Ты не запомнил, как она называется?

— Как не запомнил? «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова, — задумчиво ответил воробей. — Не досор я ещё до неё. Вот перейду в старшие классы, обязательно прочту. Её первую и прочту.

Команда теплохода неразлучную парочку полюбила и всячески баловала, да и пассажиры тоже вниманием не обделяли. Сеньке и Лютому на корабле было хорошо.

Однажды, когда воробей на очередной стоянке отлучился в город и опоздал, Алексей задержал рейс. Сеньке, конечно, попало, но не очень. Он же не просто так в город отлучался, он в школу летал учиться. Школу воробей искал элементарно — где много ребятни, там и школа. Садился на подоконник и слушал.

— Что ты в эту школу летаешь? — недоумевал Лютый, — Не лень тебе таскаться по жаре. Ты и так умный.

— Глупый ты, Лютый, — отвечал ему Семён. — Я умный, потому что учусь. Сейчас я языки разные изучаю.

— А это тебе зачем? — засмеялся пёс.

— Два раза глупый ты, Лютый, — рассердился воробей. — Знаешь, какая самая большая мечта у нашего капитана? Водить суда по морям-океанам. Позовут его скоро на такой корабль. Обходим мы с ним все страны. А как разговаривать будем? Например, в Марселе с французскими воробьями или в Ливерпуле с портовыми английскими собаками. Вот! — поднял вверх указательное пёрышко Сенька. — Никак! Если языки знать, со всем миром можно разговаривать, всех понимать, со всеми дружить.

— Ну ладно, — смилостивился пёс. — Летай в свою школу, изучай языки, может, меня какому научишь.

Навигация на реке заканчивалась. Осень раззолотила лиственной деревья, покрыла лилиями и камышами прибрежные отмели. Вот тогда и случилась на теплоходе беда. Да какая.

Боцман делал плановый обход судна, проверял состояние спасательных средств: лодок, плотов, кругов. Откинул брезент и ахнул — днище лодок оказалось в нескольких местах погрызено. Такие плавсредства не только не спасут, а напротив, могут помочь утонуть, причём очень быстро. Погрызено было и несколько кругов. Боцман кинулся к капитану:

— Алексей, беда! — заголосил боцман. — Лютый лодки, круги грызёт, зубы точит. Надо собаку списывать на берег. Беда сама придёт, если оставишь! Не на чем будет людей спасать, если вдруг что.

— Типун тебе на язык, боцман! — на ходу крикнул капитан, направляясь к лодкам.

Алексей долго осматривал испорченный инвентарь, качал головой, сокрушался:

— Непорядок. — Строго сказал капитан, обращаясь к боцману. — Прикажи плотнику заняться лодками. Только Лютый здесь ни при чём, это крысы. Их с корабля нужно гнать. Этим займётся Лютый. Его мать, Сайда, крыс с корабля гоняла так, что при подходе нашего судна к пирсу даже портовые крысы по щелям конопатились. Не вылезали, пока мы опять в море не уйдём.

Собака поняла задачу чётко.

— Останешься здесь, на палубе. — Приказал Лютый Сеньке. — А я — в трюм.

— Ещё чего! — возмутился Сенька. — Это я умный! Тебе нельзя без меня.

Лютый молча согласился. В трюм они спустились поутру, когда солнце уже встало. Чёрная мгла сменилась на серую.

— Чего пожаловали, гости незваные? — услышали Лютый и Сенька злобный шелест крысиного голоса.

— Вон она, под скамейкой сидит, — прошептал воробей в ухо собаке. — Огромная какая, глаза, как у Филипендулы и голос тоже.

— Тебя Филипендулой зовут? — пошутил Лютый, хотя сердце собаки учащённо забилось, уж очень противной была крыса.

— Меня зовут Зябша! Это знают все! На всех кораблях порта! — прошипела крыса. — Запомните, трюм, камбуз, нижняя палуба — моя территория! Чтобы вас с собачьими мордами и воробьиными хвостами, там, где я, не было. А то...

— А то что? — гордо встряхнув хохолком, спросил воробей.

— Загрызу! Тебя первого, серый махор, загрызу!

— Ой-ой, — засмеялся Сенька, переступая с лапки на лапку на голове Лютого. — Не такие, как ты, звери пытались меня загрызть. Их хвосты до сих пор на заборах болтаются!

Глаза Зябши налились кровью.

— Не знаешь, на кого хвост поднял?! — прошипела Зябша. — Дальше сегодняшнего вечера не доживёшь! Пошли вон!

— Слушай теперь меня, Зябша, — спокойно заговорил Лютый. — Ты погрызла спасательные лодки и круги, навредила людям и тебе придётся сойти с корабля. Прямо сейчас.

Зябша не ответила. Она поняла: эти просто так не уйдут. Крыса подпрыгнула и с открытой пастью полетела прямо на Лютого. Её целью была шея собаки. Много котов на своём веку победила Зябша, перегрызая им горло. Сейчас она была готова биться до конца. Прыжок крысы был прерван неожиданным ударом по её носу розовой тетрадкой. Это Сенька вовремя выхватил её из-под крыльшка и, что было силы, шархнул ею Зябшу по вспотевшему от злости носу.

Крыса шлёпнулась на пол, как подкинутый блин на сковородку. Лютый мгновенно схватил Зябшу за хвост. С добычей пёс помчался на верхнюю палубу.

Здесь он, как вентилятор, раскрутил за хвост ярящуюся крысу и бросил её в реку далеко по ходу корабля.

Зябша тонула. Её медленно затягивало в воронку омута. Она тонула с открытыми глазами — хотела видеть свой предсмертный миг. Внезапно перед ней возник натянутый стальной трос. На тросе крепился ошестинившийся острыми иголками большой металлический шар.

«Привет от Зябши!» — подумала крыса, зло улыбнувшись последней, возникшей в её голове мысли, и перегрызла трос.

Сенька сидел на перилах капитанского мостика, он смотрел туда, куда упала крыса. Воробей ждал, вынырнет Зябша или нет. Вместо крысы по ходу корабля всплыл металлический шар с острыми, как у ёжика, иголками.

— Мина! — закричал воробей. — Лютый, там старая военная мина! Корабль заденет её бортом, и мы все взлетим на воздух. Я такие видел в школе на картинках в учебнике истории.

Лютый в три прыжка взлетел на капитанский мостик и вырвал кусок из красной полосы корабельного флага.

Сенька схватил обрывок, полетел к мине, уселся на острый шип. Теперь мина была видна всем.

Капитан заметил полёт воробья.

— Боцман, мина прямо по курсу! — внезапно охрипшим голосом закричал Алексей. — Право на борт!

— Нельзя, капитан! — остановил Алексея боцман. — Справа и слева мели. Нам можно только вперед. Командуй стоп машинам. Я попробую вплавь отбуксировать её на мель.

— Смотри, там Лютый! — капитан, рукой указал на плывущую к мине собаку.

Лютый, подплыв к мине, осторожно принялся толкать её носом на мелководье.

Сенька корректировал действия собаки:

— Правее, чуть правее, Лютый, заводи её в водоросли, пусть увязнет.

Теплоход, пройдя опасное место, встал на якорь. Капитан вызвал сапёров. Они взорвали мину на безлюдном берегу. За сапёрами на катерах примчались журналисты. Они долго и много фотографировали Лютого и Сеньку. Неразлучной парочке приятно было быть в центре внимания.

— А ты молодец, Семён! — похвалил Лютый воробья. — Вовремя щёлкнул Зябшу по носу тетрадкой.

— Спасибо надо сказать Исааку Ньютону, его третьему закону, — обрадовано зачирикал воробей, — на всякую силу есть своя сила. Я его лишь вовремя применил.

Когда теплоход прибыл в порт, во всех киосках города продавались газеты с портретами Лютого и Семена. «Они спасли нас!» — так называлась статья о собаке и воробье.

Вскоре капитану Алексею Михайловичу прислали письмо с приглашением служить на торговом судне Тихоокеанского флота, сначала в должности помощника капитана. В письмо была вложена страничка из газеты с фотографиями пса Лютого, воробья Сеньки и статьёй «Они спасли нас». На газете красным карандашом имелась приписка: «Их тоже бери с собой. На довольствие поставим. Всемирная слава им не повредит». Подпись: «Капитан».

В квартире Алексея шли сборы. Неразлучная троица собиралась на службу в большой флот. Сенька сунул в чемодан свою розовую тетрадочку. Она стала пухлая, тяжёлая, палочек со знаниями там было много.

— Зачем тебе этот забор из палок? — возмутился Лютый, — ты и так всё помнишь! Брось её здесь, не пропадёт.

— Три раза глупый ты, пёс! — чирикнул воробей, — этот забор из палочек будет охранять тебя и меня всю жизнь! Сама тетрадочка уже один раз помогла нам победить Зябшу, так что не зарекайся.

— Ох, забыл, — почесал лапой за ухом Лютый. — Бери, место не пролежит.

Лютый лениво валялся у входной двери, Сенька скакал по подоконнику и что-то высматривал за окном.

— Мне, кажется, я узнал эту девочку. Ту, что сейчас бежит по двору. Это Василиса, по-маминому, Васюшка.

— Откуда? — лениво потянулся Лютый. — Почему я не знаю?

— Ты читать не умеешь. Учиться ленишься, — попенял Лютому Сенька. — Про неё написано в книжке «Удивительные истории о простых вещах». Васюшка спасёт снежинку, которая станет Звездой Джомолунгмы. Когда Васюшка вырастет, они встретятся.

— Расскажешь как-нибудь? — засыпая, попросил Лютый

Из соседней комнаты вышел Алексей, он был в белом кителе с золотыми нашивками, в чёрных брюках и чёрной фуражке с блестящей кокардой:

— Всё, собрались?! Подъём!

«Только хлебных крошек от сдобной булки не хватает, — подумал Сенька, глядя на капитана, — и моя мечта сбылась!»

Когда неразлучная троица вышла из подъезда, к ним подбежала белокурая кареглазая девчушка:

— Здравствуйте, Алексей, Лютый, Сенька, я о вас в газете читала, — затараторила она, — вы молодцы, о вас знает вся страна. Меня зовут Васюшка. Мне пять лет, у меня выпало сразу четыре зуба, в моём доме живёт собака Сайда, кролик Крош, три красноухие черепахи и попугай Кешка. Мою маму зовут Алёна, а бабушку Мила.

Я тоже завела себе розовую тетрадочку и в ней уже две жирные палочки.

— Что означают эти две палочки? — терпеливо выслушав девочку, спросил Алексей.

— Это значит, что я умею читать и почти хорошо говорю на английском языке, — гордо ответила Васюшка.

— We wish you successes, young lady! — сказал Сенька. (Желаем вам успехов, молодая леди!)

— And to you of a fair wind, friend! — улыбнулась Васюшка. (И вам попутного ветра, друзья!)

И они разошлись по разным книжкам.

Вот так, дружок, теперь ты понял, зачем нужно ходить в школу? Воробей Сенька понял. Но ты ведь не глупее воробья?

Саратов, Россия

Галина Зелёнкина

КАМЕНЬ

Лежал на склоне горы большой камень. Век лежал, два века лежал и никому не мешал. Летом камень грелся на солнышке и умывался дождевой водой, а зимой отдыхал в снежной постели, слушая завывание вьюги и шёпот метели. Но больше всего камень любил раннюю осень. В это время на палитре художницы Природы краски самые яркие и сочные, а птичьи голоса звонкие и пронзительные. Каждая пичужка перед отлётом на зимовку в тёплые края присаживалась на камень и пела ему попеременно прощальную песенку — то весёлую, то грустную. Веселилась птаха оттого, что летит в лето, а грустила потому, что жаль было расставаться с камнем. Цветы, грибы и ягоды тоже любили камень, за которым можно было укрыться от порывов злого северного ветра по имени Норд.

Однажды летом этот самый Норд, который всегда завидовал большому камню, решил его известить. «Нечего ему тут, на моей горе, возлегать. Пусть катится в долину. Там таких камней много, никто и не заметит его отсутствия», — подумал он и стал изо всех сил дуть на камень. Но камень даже не шевельнулся. Понял тогда северный ветер, что ему одному не справиться, и позвал на помощь братьев Норд-воста и Норд-оста. Прилетели братья на зов и стали спрашивать старшего брата, зачем позвал. А тот, в свою очередь, пожаловался на камень. Много чего наговорил с три короба — в руках не унести.

— И чего ты на него взъелся? Лежит и лежит, никому не мешает, — удивился средний брат Норд-вест. — Мы, конечно же, поможем тебе по-братски. Только непонятно, чем тебе камень помешал?

— А я думаю, что Норду уже невольно стало слушать, как птицы поют камню хвалебные песни, а от него прячутся, — заметил младший брат Норд-ост.

— Да! Завидую! — признался братьям Норд. — И зависть эта не даёт мне покоя ни днём, ни ночью. Такой злобой пропитался, что уже сам собой не владею.

— Говори, что делать надо, — просвистел средний брат Норд-вест и стал кружить над большим камнем.

— Я постоянно буду дуть на камень сверху, а вы поочерёдно будете дуть на него справа и слева. Так мы раскачаем камень, и он сам покатится по склону в долину, — предложил Норд свой план изгнания камня с горы.

Ветры со свистом и воем дружно принялись раскачивать камень. От испуга звери, жившие рядом с камнем, разбежались кто куда, а птицы улетели в долину, где слабые порывы ветра не мешали полёту. Большинство зверей спряталось в пещере, находившейся от камня метрах в пятидесяти вниз по склону. Общая беда сплотила животных. «Всегда легче выживать вместе, чем поодиночке». Так думали звери и терпеливо ждали, когда утомятся ветры. Но прошёл день, минула ночь, а ветры всё дули и дули.

— Думай не думай, а кушать хочется, — произнёс бурундук.

И тогда самые отважные звери покинули пещеру, чтобы добыть пропитание для подрастающих детёнышей. И надо же было такому случиться, что едва звери разбежались по сторонам, как ветрам удалось раскачать камень и сдвинуть его с места. Камень закачался и, направляемый дуновением северного ветра, покатился вниз по склону в долину. Так бы и сбылась мечта Норда, если бы не препятствие, возникшее на пути катящегося камня, который запнулся о грудку мелких камней недалеко от входа в пещеру. Камень перевернулся и закрыл собой вход в пещеру.

Очувшись в темноте, обитатели пещеры испугались. Не так страшна тьма, как неизвестность, её породившая. Заплакали детёныши: кто заскулил, кто затыкал, а иные просто завывали от страха. Услышали звери вой детёнышей и побежали к пещере. Глядь, а вход в пещеру камнем завален. Попытались, было, сообща камень сдвинуть. Да куда там! Как лежал, так и лежит. Пригорюнились звери, уселись близ камня на склоне горы и давай думу думать. Так бы и стинули все, если бы не знакомый орёл по имени Глазастик.

Пролетая над склоном горы, тот очень удивился, не увидев камня, на котором любил отдыхать и созерцать окрестности.

«Не иначе как Норд и его братья постарались!» — подумал он и полетел на поиски камня. «Нельзя бросать в беде того, кто тебе

помогает». Такое негласное правило было у орла. Жаль, что не все и не всегда ему следуют. Но это уже вопрос совести, а она, как известно, или есть, или её нет. И, слава Богу, что не у всех совесть отсутствует. В бессовестном мире трудно выживать.

— Что случилось? — послышался клёкот орла над головами пригорюнившихся зверей.

Но те его не услышали, так как в один голос скулили, выли и тывкали, повернув головы в сторону камня, закрывавшего вход в пещеру. Орёл увидел знакомый камень и всё понял. Он опустился на землю рядом с грудой мелких камней и шумно захлопал крыльями. Звери замолчали и стали смотреть на орла.

— Я знаю, как вам помочь, — обнадёжил зверей Глазастик.

Услышав, что не всё потеряно, обрадованные звери наперебой стали спрашивать, что и как. Устроили такой гвалт, что ничего не разобрать. Тогда орёл снова захлопал крыльями, и наступила тишина.

— У подножия горы есть потайная пещера, в которой живёт отшельник по имени Хрон. Никто не знает, кто он такой и откуда пришёл. Но только он сможет из большого камня сделать маленький и, возвратив его на место, вновь сделать большим. Обратитесь к старцу за помощью, — посоветовал зверям Глазастик и, взмахнув крыльями, полетел искать добычу, чтобы накормить своих птенцов.

Проводив орла взглядами, звери стали выбирать послов к старцу. Первым вызвался идти бурундук.

— Я не против бурундука, пусть идёт, — сказал заяц. — Я бы тоже пошёл, только боюсь неизвестности.

— А чего бояться-то? — удивился горностаёй. — Идём-то за помощью своим детёнышам.

— Чего удивляться-то? — вмешалась в разговор лиса, глядя на горностаёй. — Заяц по натуре трус, поэтому всегда всего боится.

— Если ты такая храбрая, то могла бы составить компанию бурундуку с горностаёй, — огрызнулся заяц.

— Запишите меня, — обратилась лиса к росомахе. — Я тоже хочу пойти к старцу.

— Я думаю, что троих послов будет достаточно, — сказала росомаха.

И все звери согласились с ней. Иногда меньшим числом дело лучше справиться.

— Надо же, — с удивлением заметила коза, — не успел никто и глазом моргнуть, как послы исчезли.

— Юркие они, — заметила волчица и глубоко вздохнула.

«Чего это она вздыхает?» — подумала коза и на всякий случай отодвинулась подальше от волчицы. Осторожность никогда не бывает лишней в общении с хищниками.

Но оставим на время зверей горевать у пещеры и последуем за послами. Орёл не сказал, что вход в потайную пещеру, где живёт

отшельник, скрыт зарослями колючих кустарников. Поэтому искать его пришлось методом проб и ошибок. Пока горностаи и бурундуки бегали в зарослях, лиса по привычке занимала выжидательную позицию.

«Пусть горностаи и бурундуки о колючки шубки портят, а я подожду, пока они вход в пещеру не отыщут», — подумала лиса и улеглась на травку близ колючего кустика.

— Да вот же вход! — послышался возглас бурундука.

Лиса, определив направление по звуку, мигом очутилась перед входом в пещеру.

— Чур, я первая! — воскликнула она и, оттолкнув бурундука, проникла вовнутрь пещеры.

— Так нечестно! — возмутился бурундук.

— Где ты видел честных лис? — одёрнул его горностаи. — Пошли за ней, а то наговорит лишнего.

Когда они вошли в пещеру, то бурундук увидел, что горностаи ошибся в своих предположениях. Онемевшая лиса неподвижно сидела перед отшельником.

— Что с ней? — обеспокоенно спросил бурундук.

Хитрая и подлая, но ведь своя. Нельзя оставлять в беде того, с кем в одной связке.

— Ничего страшного, — ответил Хрон, — попросил её помолчать до вашего прихода.

«Какой же он старец? — подумал горностаи, разглядывая отшельника. — У него даже нет седых волос».

Ха! Ха! Ха! — рассмеялся Хрон. — Разве по седине волос судят о возрасте их владельца?

— А вы и мысли можете читать? — испуганно спросил горностаи. — Или это просто совпадение?

— Я много чего умею, — ответил уклончиво отшельник. — В моём мире этим искусством владеют все: и стар, и мал.

— Так вы, значит, из другого мира? — полюбопытствовала лиса, к которой уже вернулись дар речи и способность двигаться.

— Да, я нездешний, — с грустью произнёс Хрон и жестом дал понять, что тема о его происхождении закрыта.

— Меньше будешь знать — лучше будешь спать, — сказал бурундук, глядя на лису с неодобрением.

«Пришли за помощью, а она начинает выпытывать, что, где и как. Не всё ли равно, кто нам окажет помощь?» — подумал бурундук.

— Что надо сделать? — обратился к бурундуку отшельник.

Он с первого взгляда проникся симпатией к скромному зверьку.

— Помогите нам, пожалуйста, отодвинуть камень. Он закрыл вход в пещеру, где остались наши детёныши, — попросил бурундук, и две слезинки выкатились из его круглых глазёнок.

Он отвернулся и смахнул их лапкой.

— Помогу, — ответил Хрон и направился по узкому длинному коридору вглубь пещеры. — Ждите меня здесь, — приказал он зверькам, увидев, что они последовали за ним.

Жаль, что не всем дано умение терпеливо ждать и молча догонять. Вот и лиса извелась вся от нетерпения. То и дело она рыскала по углам пещеры и вынюхивала что-то.

— Не мельтеши! — крикнул горноста́й. — И без тебя...

Он хотел сказать, что у него нервы тоже не железные, и он тоже мог бы бегать по пещере туда-сюда. Но тут появился Хрон с каким-то прибором в руках, и послы стали смотреть на отшельника. Лисе очень хотелось спросить, что за прибор принёс Хрон. Но, наткнувшись на взгляд бурундука, она решила промолчать.

— Идём! — приказал отшельник, и звери послушно последовали за ним.

Выбравшись из зарослей, Хрон и его свита стали подниматься по склону горы. Вдруг лиса вырвалась вперёд и помчалась к камню.

— Вот он! — закричала она.

Звери, сидевшие у камня в ожидании помощи, подумали, что напрасно они считали лису ненадёжным и лживым зверем. На деле она проявила себя с лучшей стороны. А считавшимися надёжными друзьями бурундук и горноста́й почему-то не прибежали первыми. Поэтому, когда они появились на горизонте вместе с отшельником, то всё внимание зверей было обращено только на Хрона. И, когда тот приказал каждому зверьку подойти к пещере и попросить своего детёныша отойти, как можно дальше от камня, то всё было исполнено неукоснительно.

— А теперь и вы отойдите от камня, чтобы не попасть в зону действия лучей, уменьшающих габариты предмета, — посоветовал Хрон, настраивая принесённый с собой прибор.

«Как может эта труба, усеянная огоньками, помочь сдвинуть камень?» — подумала росомаха, с недоверием глядя на отшельника.

В действительности, оказалось, может: не только сдвигать предметы, но и уменьшать их в размерах, чему свидетелями были все звери. Конечно же, не сама труба совершала эти действия, а ослепительные лучи света, исходящие из неё.

Когда большой камень достиг размера маленького камешка, который легко умещался на ладони, Хрон отключил прибор и, подняв с земли камешек, положил его в карман своего скромного одеяния. И, как только он сделал это, родители и детёныши бросились навстречу друг другу.

Отшельник не стал дожидаться, пока звери выплеснут радостные эмоции и успокоятся. Он отправился вверх по склону горы, чтобы отыскать место, где лежал раньше камень. А тем временем хитрая лиса, заметив, что отшельник не стал возвращаться в пещеру,

решила побывать там в его отсутствие. Но, когда она прибежала к входу в пещеру, то вместо него увидела гладкую стену.

— Хитрый Хрон! — воскликнула лиса и быстрёхонько вернулась к лисятам, в одиночестве сидевшим близ груды мелких камней.

— Где все звери? — удивилась лиса.

— Они ушли вслед за отшельником, — ответили лисята.

— За мной! — крикнула детёнышам лиса и побежала вверх по склону, то и дело, оглядываясь, не отстал ли кто из них.

Но, как не спешила лиса с лисятами, к началу действия они всё же опоздали. Подбежав к зверям и Хрону, лиса увидела, что тот уже включил прибор, и под действием лучей, исходящих из трубы, камень стал быстро увеличиваться в размерах.

— Крикните, когда я должен остановиться, — попросил Хрон зверей.

— Я крикну! — откликнулся на просьбу бурундук.

— Да твой голос никто не услышит, — заметила россомаха. — Надо попросить орла. Ему сверху лучше видно.

И все стали просить орла, кружившего над склоном, чтобы он помог отшельнику определиться с размерами камня.

— Его надо сделать больше, но не в высоту, а в ширину, — предложил орёл.

— Зачем? — удивилась россомаха.

— Чтобы Норд и его братья не смогли его сдвинуть, — пояснил Глазастик.

И звери согласились с его предложением. «Какой умный этот Глазастик», — подумал заяц и почему-то вздохнул.

Отшельник усмехнулся и стал увеличивать ширину камня.

— Хватит! — послышался клёкот орла, и отшельник выключил прибор.

— Всё возвращается на круги своя! — произнёс он и, наклонившись к камню, погладил его рукой.

Затем Хрон внимательно оглядел зверей и дал им напутствие.

— Ваше невнимание к Норду породило в нём зависть. Если бы вы иногда хвалили Норда за прохладу, которую он навевает в жаркий летний день, или за то, что он отгоняет от вас назойливых мошек, ему бы не пришлось обращать на себя внимание путём изгнания камня со склона горы. Чрезмерная похвала одного в ущерб самолюбию другого часто приводит к непредсказуемым последствиям, чему вы все были свидетелями. Запомните это и впредь будьте благоумны, — и Хрон удалился восвояси.

Что уж тут скажешь! Ни добавить, ни убавить!

Хорошо, что свет истины всегда пробивает дорогу сквозь тьму невежества.

Кодинск, Красноярский край, Россия

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ВИНОВАТЫ

Виталик сидел в школе и задумчиво смотрел в окно. Прозвенел звонок, и начался урок рисования. Юрий Сергеевич, не спеша, вошёл в класс и объявил: «Сегодня мы с вами будем рисовать тигра».

«Почему именно тигра?» — Виталик поёрзал на стуле.

Время шло, урок подходил к концу, а Виталик всё сидел над чистым листом бумаги. В конце урока Юрий Сергеевич начал собирать рисунки ребят. Дойдя до парты Виталика, он остановился.

— А ты почему не нарисовал? — спросил учитель.

— Я не могу по памяти, — ответил Виталик, — мне бы его с натуры срисовать. Вот был бы здесь тигр — тогда другое дело.

Ребята засмеялись, а Юрий Сергеевич задумчиво произнёс:

— С натуры, говоришь? Ну что же, ладно...

Он быстро вернулся к учительскому столу и объявил:

— Завтра вы не учитесь, и мы всем классом едем в зоопарк.

Он взглянул на Виталика и добавил:

— Будем рисовать тигра с натуры. Урок окончен.

Медленно идя домой, Виталик думал: «Надо же, какой хитрый у нас учитель».

На следующий день весь класс приехал в зоопарк. В зоопарке оказалась не одна, а целых три клетки с тиграми. Ребята сели на скамеечки вокруг клеток и стали рисовать. Один Виталик всё ходил и ходил вокруг.

Юрий Сергеевич подошёл к мальчику:

— Ну что? Вот тигры, как ты хотел, почему же ты не рисуешь?

Виталик показал рукой на клетку, по которой из угла в угол ходил тигр.

— Он же всё время ходит по клетке. Ни минуты не сидит на месте. Как можно работать в таких условиях?

— А ты вон того нарисуй, — Юрий Сергеевич показал на соседнюю клетку, — он всё время лежит и даже не двигается.

Виталик подошёл к клетке, осмотрел со всех сторон тигра и подвёл итог:

— Нет, этого нарисовать просто невозможно.

— Почему? — удивился учитель.

— Вы посмотрите, как он лежит, — возмутился Виталик, — головы совсем не видно, отвернулся к стене. Как его можно нарисовать, когда его даже рассмотреть невозможно.

— Ну, хорошо, — учитель повел мальчика к соседней клетке с полосатым хищником. — Рисуй этого, этот и не бегаёт, и лежит удобно, его очень хорошо видно.

Виталик внимательно посмотрел на тигра и сказал:

— Нет, этого не буду!

— Почему? — не понял учитель.

— Он слишком старый и некрасивый. И вообще мне он не нравится.

Учитель глянул на тигра, потом на Виталика и сказал:

— За этот урок я ставлю тебе двойку.

— За что? — возмутился Виталик, разве я виноват, что обстоятельства так сложились. Вы же видели, я очень хотел его нарисовать. Но обстоятельства сильнее меня.

— Тут не обстоятельства виноваты, а твоя лень. Тебе не хочется работать, вот ты и придумываешь себе оправдания. А обстоятельства тут ни при чём.

Учитель ушёл.

Виталик зло глянул на клетки с хищниками, погрозил всем трём тиграм кулаком и прошипел:

— А всё из-за вас, полосатые. Понаехали тут из своих джунглей. И чего вам там не сиделось. А я тут из-за вас двойки получаю. Эх!..

Ростов-на-Дону, Россия

Владимир Кочетков

СПУТНИК

Спутника, маленькую рыжую собачонку, я помню ещё щенком. Я тогда был дома на зимних каникулах. Школа осталась позади, и я учился в Оренбургской области. Кутёнка принесли к нам, едва он открыл глаза, на пятый или шестой день жизни.

— Берите или утоплю. — Равнодушно заявила хозяйка, угрюмая немолодая женщина.

Щенок был похож на крохотного медвежонка — такие у него были широкие круглые уши. Сходство усиливал большой, чёрный, подвижный нос и толстые мохнатые щёки. Они придавали малышу важный вид. Его нещадно грызли блохи, и от него остро пахло псиной.

— Что же с тобой делать? — осторожно взяла его в руки мама. — Как тебя кормить-то прикажешь? — Кутёк нахмурил брови, вместо ответа посмотрел на новую хозяйку исподлобья и засопел.

Щенка поставили посреди комнаты, он стоял, раскачиваясь из стороны в сторону, озираясь по сторонам и удивлённо тычась

в блюдечко с молоком. Молоко попало ему в нос, и он тут же смешно и чуть обиженно зачихал и зафыркал, а потом оглядел нас всех в недоумении с плохо скрываемой детской обидой. Мама макнула палец в молоко и дала облизать щенку. Тот сначала упирался, отворачивался и даже хмурился, а затем, видимо, понял, что его хотят накормить, судорожно вцепился в палец и стал жадно обсасывать его со всех сторон.

— Ну, вот и хорошо, — улыбнулась мама, и мы поняли, что наш дом пополнился ещё одним обитателем.

Имя ему нашлось быстро — Спутник.

— Мухтаром не назовёшь, — в раздумье почёсывая лоб, сказал мой младший брат Сергей, — больно уж строгое имя. Не на границе всё-таки. И Барбосом как-то стыдно. Слишком по-уличному. Вот Спутник то, что надо!

Родители пожали плечами. Спутник, так Спутник, имя хорошее. Мне показалось, что имя понравилось и псу. Через неделю он отзывался на него, радостно виляя хвостом, и торопился подойти на зов. Свои толстые лапы он ставил носками внутрь, бег его был неуклюжим, сбивчивым, и, помогая себе передвигаться вперёд, он усиленно мотал головой.

Воспитанием нового жильца занялся брат. Едва Спутник чуть-чуть подрос, Сергей завёл ему распорядок дня, стараясь придерживаться его неукоснительно. Пёс редко отлынивал, хотя ему приходилось делать много вещей, абсолютно ненужных дворовой собаке. Например, ходить по буму — горизонтальному бревну, укреплённому на высоте метра от земли. Или останавливаться во время игры, если вдруг раздавалась команда «сидеть», хотя даже хвост у него продолжал крутиться и вертеться сам по себе в этот момент.

Учёба не прошла даром. Спутник скоро приобрёл манеры благородного пса: научился гордо проходить мимо кур, не обращая на них внимания, научился хитрить и демонстративно закусывать губу, если был с чем-то не согласен, и вообще вскоре чувствовал себя полноценным членом нашей семьи.

На ночь его запирали в будке на вертушок, иначе он всю ночь напролёт мог пролаять спросонок, убеждая нас, что не спит и охраняет драгоценный покой.

Он доказал это однажды, когда в тёплую летнюю ночь его оставили незапертым. Спутник вышел во двор, осмотрелся, облаял для начала вечернюю зарю, рыкнул на кур, заставив их нырнуть в курятник, и выгнал за забор воробьёв. Затем улёгся у тарелки с остатками ужина, насупил брови и терпеливо дождался восхода луны. Повыл немного на её появление, а потом долго объяснял соловьям, что настала ночь и пора прекратить пение. Он лалял не зло, но настойчиво до середины ночи. Отец, не выдержал такого испытания, встал и препроводил Спутника в будку.

С тех пор пёс в обязательном порядке сладко спал в закрытой будке каждую ночь и выходил на службу только утром. Перед сном он получал что-то вроде снотворной таблетки: косточку, пирожок или кусок пряника, — и даже обижался, если его отправляли спать без вечернего угощения.

Когда я, отслужив в армии, вернулся домой, Спутник был уже взрослым псом. Меня он невзлюбил. Скорее всего, он ревновал, а может быть, просто удивился, вот, мол, появился неожиданно-негаданно ещё один член семьи, которого все домашние любят и уважают. А за что, мол, такой ему почёт и непонятно вовсе. Поначалу он даже старался меня просто не замечать. Скажем, не отзывался на мой зов. Или начинал внезапно чесаться при моём появлении, а иногда просто с презрением зевал, показывая длинный язык, похожий на влажную розовую тряпку. Даже конфеты из моих рук он брал так, словно делал великое одолжение.

Мы подружились неожиданно. Однажды, когда шли за водой к роднику, я спас его от огромной злой собаки. Мы тогда отправились втроём: я, Сергей и наш пёс. Спутник, хвастаясь, что идёт не один, тьявкал во все стороны от распирившей его гордости и важности. Собаки отвечали ему недружелюбным лаем, но, опасаясь нас, в драку не ввязывались. Не стерпела одна — эта огромная, чёрная, словно цыганская борода, старая псина. Она презрительно посмотрела на нашего провожатого из-под седых бровей, а затем прыгнула навстречу, одним ударом сшибла Спутника на спину и, если бы я не подоспел, ему, пожалуй, не поздоровилось бы. С тех пор он окончательно примирился с моим появлением в доме, хотя настоящей, бескорыстной дружбы у нас так и не получилось.

Спутник был с нами везде: сопровождал в лес, хотя не имел ни малейшего представления о жизни лесных обитателей, бывал на рыбалке и на утренних пробежках. На зарядке он бежал какой-то особой рысцой, быстрой и лёгкой, чуть кося взглядом назад и не допуская, чтобы кто-то из нас вырвался вперёд него. За это мы прозвали его Мирусом Ифтером, по имени эфиопского бегуна-стайера. Спутник принял это прозвище, как должное, и даже отзывался на него. Видимо, он понял наше уважение к тому знаменитому эфиопу, понял, что прозвище вполне достойно его самого.

Иногда Спутника пускали в дом, но он не проходил дальше порога. Он сидел, скромно прижавшись к широкому дверному косяку, терпеливо ожидая дополнительного приглашения. Лишь после того, как приглашение следовало, он проходил в комнату, но медленно и неуверенно, осторожно ставя лапы, словно боясь наследить. Стоило сказать хоть какое-то слово резким тоном, как он тут же поворачивал назад, и удержать его уже не было никакой возможности. Мне кажется, он считал своим настоящим домом двор, он, словно распределил для себя: дом, мол, ваш, а двор мой.

Однажды, во время дальнего зимнего похода в лес, я понял, что пёс стареет. Снегу к февралю навалило много, в лесу и на полях он лежал рыхлыми сугробами. Охотничьи лыжи не держали, во время каждого шага нога проваливалась по колено. Нас прошло трое, и всё равно позади оставалась не лыжня, а измятая снежная тропа.

Сначала Спутник бежал рядом, потом, к середине пути, стал отставать, продолжая прыгать по нашим следам и стараясь не упустить нас из виду. На краю очередной поляны я обернулся. Пёс стоял на месте и смотрел нам вслед. Я позвал его, он попробовал прыгнуть, но не смог. Я тотчас повернул назад. Где-то я слышал, что собаки не знают чувства усталости, и если им надо идти без отдыха, они идут до тех пор, пока выдерживает сердце, а потом ложатся и умирают. Эта мысль, будто огненным лезвием, полоснула меня и я, внезапно испугавшись, прибавил, что есть сил. Спутник ждал, и когда я подошёл, посмотрел мне в глаза. Во взгляде пса была благодарность, смешанная с чувством вины или неловкости за свою беспомощность. Я поднял его на руки и сунул за пазуху куртки. Он снова посмотрел на меня, затем опустил голову и закрыл глаза, а я впервые обратил внимание на его поседевшие брови — до того дня я не задумывался о его возрасте.

На твёрдой дороге он попросился вниз и легко добежал до дома, но в лес с тех пор с нами больше не ходил.

Последний год своей жизни Спутник редко выходил со двора, пожалуй, только, как говорится, «по нужде». Он не изменял этой своей привычке всю жизнь: никогда я не видел, чтобы он справлял нужду во дворе. Но однажды он не смог выйти из будки, не смог переступить высокий её порожек. В тот день Спутник плакал. Его седая, морщинистая морда была мокрой от слёз. Это были слёзы старика прожившего жизнь и осознающего свой конец. Людям, наверное, легче, ведь они знают, что после них на земле остаются их дети и внуки, что со смертью они не исчезают совсем, без следа. Людей помнят, они живут в сердцах тех, кто их любил, и кого любили они. А Спутник просто плакал от старости, от стыда и от бессилья.

С тех самых пор я смотрю вокруг чуть иначе. На животных, на деревья, на людей. Ведь и дерево наполнено жизнью и, наверное, имеет душу — потому-то истекает соком весной, грустит, засыпает в зиму. Не зря большие здоровые деревья, когда их валят, падают на землю со скрипом и стоном, навсегда прощаясь этим криком с миром и жизнью. Но, пожалуй, именно тогда, в тот день, в тот миг, я впервые по-настоящему, сердцем, понял эту простую истину. Истину о единстве всего живого, о доброте, которой можно учиться, и такой короткой нашей жизни.

Сурское, Ульяновская область, Россия

Дара

МАРУСЬКА

На город внезапно опустилась весна. Ещё неделю назад на улицах лежал грязно-серый снег, а сегодня всё вокруг заливает яркое солнце, наполняя воздух, звенящий от щебетанья птиц. Деревья готовы одеться в нежно-зелёные кружевные наряды.

Я гордо вышагиваю по улице, шуряя от яркого света. Вокруг, как и всегда, спешат куда-то люди. Им нет дела до меня, а мне — до них.

Ах да, забыла представиться! Я Маруся. Вот только не надо называть меня Маруськой! Мне это не нравится совершенно. Думаю, когда-нибудь вы видели меня, просто не обратили внимания. Я вообще мало кого интересую...

Ой, я забыла сказать главное! Я кошка. Нет-нет, не просто какая-нибудь кошка, а именно Кошка. С большой буквы «К».

Ну и что, что у меня нет дома! Я гордая и независимая, мне никто не нужен. Я сама по себе. Конечно, иногда бывает одиноко.... Но ведь некоторые люди тоже живут на улице! Хотя да, плохой пример. Их совсем не уважают, так же, как и меня.

Впрочем, я не помню другой жизни, кроме как уличной. Иногда мне нравится мечтать, что я была знатной особой. Кошкой-принцессой, например.... Эй, не надо смеяться, это же просто мечты! Вот всегда с вами, людьми, так: немножечко доверишься, приоткроешь душу, а вы...

Из открытого окна доносится музыка. Такая нежная, старинная... Чужая на этой оживлённой шумной улице. Чужая, как и я.

Я взбираюсь на невысокий забор и бесшумно спрыгиваю во двор. Ну вот, даже стих получился! Всё-таки я поэтичная натура...

Жаль, что некому это оценить.

Гордо приподнимаю голову, проходя мимо знакомого окна. Здесь живёт моя ровесница, жуткая задавака! Ну, конечно, у неё есть и дом, и любящие хозяева, и вкусная еда.... Но это же не повод задирать нос!

Вот и сейчас — я краем глаза успела уловить, как она свысока посмотрела на меня и скрылась в глубине своей комнаты. Хотя, почему это сразу «своей»?! Из своего у неё только миска да подстилка в углу...

Я почти зашипела ей вслед, как вдруг спохватилась. Я что, завидую? И, главное, кому? Ведь у меня, в отличие от всех этих домашних, есть главное — свобода...

Мимо пробежал Тим, редкостный шалопаи и единственный мой знакомый. Мы даже гуляем с ним вместе иногда.... На нашем, кошачьем языке, он предупредил меня, что впереди — опасность. Уличные собаки — на редкость злые и опасные. Он сам едва-едва избежал встречи с ними.

Я лишь фыркаю и бесстрашно иду вперёд. Что мне какие-то собаки? И вообще, я фаталистка. Если уж мне суждено погибнуть в когтях врагов, значит, этого не миновать.

Хотя, в глубине души, я надеюсь, что опасность обойдёт меня стороной. Ведь раньше мне всегда везло, удача никогда не поворачивалась ко мне спиной.

Я пересекла детскую площадку и, уже расслабившись, свернула к гаражам. Эх, зря, зря я потеряла бдительность! Зря понадеялась на судьбу. Везение не может продолжаться вечно...

Их было трое. Огромные, угольно-чёрные, со свалывшейся шерстью, они скалили пасти и щурили глаза. Я отступила назад, но поздно. Они окружали, рыча в предвкушении. Им ведь лишь бы подраться. А то, что враг меньше и слабее их раз в десять, их не волнует. Я сжалась, дрожа. Ну, страшно, мне страшно! Так и быть, признаюсь!

А псы уже близко, вот она — расплата за беспечность! Но я не покажу своей слабости, даже сейчас. Закрываю глаза и приподнимаю голову. Будь что будет!

— А ну пошли прочь! — раздался рядом человеческий голос. Псы залаяли, было, но человек замахнулся в их сторону, оттесняя от меня. Это я видела сквозь маленькую щёлочку прищуренных глаз.

Враги всё удалялись и удалялись, изредка полаивая, не желая сразу признавать поражение. Человек шагнул ко мне, спросил:

— И чья же ты такая, красавица?

Я неуверенно обернулась, ожидая увидеть кого-то за своей спиной.

Это он что, мне?

— Ну, не бойся, иди сюда!

Не бойся? Это он мне?! Да я ничего не боюсь. Ну, или почти ничего...

Приближаюсь к этому странному человеку, в упор разглядывая его. По человеческим меркам он уже преклонного возраста, но всё ещё довольно красив. Глаза добрые, из их уголков маленькими солнышками разбегаются морщинки. Всё лицо его словно светится изнутри добротой.

— Ты, наверное, голодная? — с тёплой улыбкой интересуется человек.

При слове «голод» я жалобно мяукаю и печально смотрю на него. Стоп, я что, жалуюсь? Выпрашиваю у него еду? Боже мой, как стыдно!

— Пойдём, я тебя накормлю! — говорит между тем человек.

Я машинально иду за ним, ещё не до конца осознавая, что именно делаю.

Человек открывает дверь, и я воровато проскальзываю внутрь. Спихатываюсь, принимая независимый вид. Пусть хоть комета на землю свалится, я не должна выглядеть жалко!

Человек открывает ещё одну дверь, и я ощущаю запах дома. Такой непривычный, такой приятный, такой манящий...

— И как мне тебя называть? — ласково спрашивает человек — Ладно, пусть ты будешь Маруськой! Нравится тебе такое имя?

Что?! Маруськой?! Но ведь.... А почему бы и нет? Кажется, этому человеку с добрыми глазами можно довериться!

А он, между тем, уходит на кухню и возвращается с миской. Вкусный, восхитительный аромат достигает моих ноздрей, и я прижимаю уши, глядя на еду. Человек, улыбаясь, ставит миску передо мной. Потом проводит тёплой ладонью по моей шерсти. Я мурлычу и принимаюсь за еду. Мне по-настоящему хорошо, наверное, впервые в жизни.

Насытившись, я ощущаю приятную слабость. Человек усаживается перед камином, задумчиво глядя на пламя. Я робко приближаюсь к нему и устраиваюсь рядом. За окном щебечут птички, шелестит озорной ветерок. Там свобода, шумные улицы и Тим. Но здесь...

— Ну что, Маруська! — прерывает мои размышления человек. Я поворачиваю голову, лениво шурясь. — Согласись, что хоть свобода и хороша, но у любого существа должна быть крыша над головой, свой приют. Там ему всегда будут рады, его защитят и приласкают. Верно я говорю, или нет?

Я зеваю, потягиваюсь и довольно шурюсь. Сегодня изменился привычный для меня мир, изменился мой взгляд на вещи. Я трусь щекой о ногу сидящего рядом мужчины. Впервые я согласна с человеком.

Екатеринбург, Россия

Лина Богданова

ДОБРЫЕ ЛЮДИ

Иван Павлович умер вчера. Скоропостижно. Ничего удивительного — в его-то возрасте!

Но оставшийся сиротой померанский шпиц Штрудель о возрасте хозяина представление имел весьма отдалённое. Как и о смерти. Для него Иван Павлович был единственным, самым молодым, самым добрым и заботливым. И самым живым.

Каждое утро Штрудель получал миску свежесваренных куриных крылышек (общим количеством две штуки) и витаминину. Затем его пристёгивали к поводку и выводили на прогулку. Дворовых собак шпиц не жаловал. А вот с чистокровными общий язык находил.

И хозяин терпеливо высиживал на скамейке в ближайшем сквере около часа, пока Штрудель общался с раскормленными до неприличия пекинесами, излишне нервными чишками и прочей собачьей аудиторией площадки для выгула. Затем, оценив очередную симпатию любвеобильного пса, хозяин провожал хозяйку избранницы до перекрёстка и, чинно раскланявшись, обещал Штруделю обязательно организовать повторную встречу.

На этом утренний променад заканчивался. Иван Павлович уходил по делам, а Штрудель укладывался отдыхать. Какие же сладкие снились ему в это благословенное время сны! Дай бог здоровья хозяину!

Когда часы над холодильником били шесть, Иван Павлович звал собаку на кухню, где угощал каким-нибудь новомодным собачьим кормом. И снова выводил на улицу. На этот раз на другую площадку.

— Для разнообразия, — говаривал хозяин, ласково почёсывая спица за ухом.

Пёс отвечал хвостом, про себя ворча: «Какое уж тут разнообразие...». И убегал принюхаться к всё тем же пекинесам, мопсам и болонкам. Больших собак он вежливо обходил стороной и отчаянно и тайно презирал. Ни за что, просто так... Бродят тут всякие!

Вечер протекал не менее приятно. Что-нибудь вкусенькое из бездонной, как казалось Штруделю, хозяйской копилки. Почёсывание и причёсывание около часа. Диалог у телевизора. Что может быть лучше!

Одно лишь в череде похожих друг на друга (а иных Штрудель и иметь не желал) дней чрезвычайно нервировало пса — Пельмешка. На имена Иван Павлович имел предпочтение гастрономическое. Так сложилось...

Пельмешкой звали пухлощёкую морскую свинку, жившую в картонном коробе под батареей. Отношения с ней у Штруделя не заладились с самого начала. Надо же: чемпион Европы и какая-то безвестная свинья! Пусть даже и морская! Самое обидное, что Пельмешка и сама на близкое знакомство не нарывалась. Отнюдь нет.

Сидела себе в своём жарко натопленном уголке и хрустела. Чем угодно и с раздражающим соседа постоянством. То ли капустным листом, то ли сухариком, то ли вообще — стыд-то какой! — куском картона, выгрызённым из собственной же коробки! Штрудель подбегал порой с намерением прекратить это издевательство. Заглядывал через край, тьякал недовольно. Чихал: помимо всего, ему ужасно не нравились издаваемые Пельмешкой запахи. Ворчал. Даже поскуливал, привлекая внимание хозяина.

Ноль эмоций! Это у Пельмешки. А Иван Павлович понимал его с точностью до наоборот. Подходил ближе, приподнимал очки, неприятно скалился в сторону свинки:

— Ну, и как тут у нас дама поживает? Скучает, поди, в гордом одиночестве? А и зря! Вон кавалер какие кренделя в непосредственной близости выкручивает! Могла бы хоть улыбнуться в ответ...

От таких слов Штрудель терял дар не то что речи, но и вообще всякий, данный ему родителями, природой и создателем дар. С чего он взял?! Да как вообще можно о таком думать?! После ступора пёс уползал под диван, откуда с тоской и болью наблюдал за манипуляциями хозяина. А тот, как нарочно, принимался холить и лелеять безобразно расплывшуюся от бесконечного хруста Пельмешку. Почёсывать!!! Поглаживать!!! И говорить ей всякие там нежные слова! Брал к себе в кресло на добрую половину любимой телепередачи. Подсовывал угощения, переворачивал на спинку, гладил животик...

Самое обидное — Штрудель был сам виноват! Если бы не тявкал почём зря, если бы не привлекал внимания... Но проходил день, и всё начиналось снова. Обида и ревность перерастали почти что в ненависть, а безразличная ко всем внешним раздражителям Пельмешка плевать хотела на соседские чувства!

«Погоди вот, — не раздумал отчаявшийся пёс, — не станет хозяйна, что делать будешь?»

И абсурдная по сути своей мысль сладкой патокой проливалась на израненное сердце, врачевала не хуже хозяйской ласки, вызвала в воображении жуткие картины Пельмешковых страданий...

То ли мечты материализовались, то ли время пришло, но в тот прекрасный осенний день Иван Павлович с постели не поднялся. Штрудель почуял неладное. Принялся жалобно подвывать. Отчасти желая привлечь внимание хозяина, отчасти взывая к совести соседки Клавдии, ежедневно приходящей к Иван Павловичу прибираться. Та не подвела — появилась даже раньше обычного.

С порога позвала:

— Эй, Штрудель? Ты чего безобразничаешь?

Направилась в кухню, вмиг оценила обстановку — время завтрака уже прошло, а ничего так и не тронуту. На цыпочках подкралась к спальне:

— Иван Павлович, Вы где?

Прислушалась. Приложила руку к сердцу. Толкнула дверь. И не заглядывая, принялась поскуливать. Почти, как Штрудель!

— Иван Павлович... да как же это? Ведь говорила Вам: пора к участковой наведаться... С давлением шутки плохи...

Не выдержала, заглянула в комнату. Хлюпнула носом. Потопала к телефону:

— Алё? «Скорая», похоже, плохи наши дела... совсем плохи... Адрес? Записывайте...

А потом в доме всё очень изменилось. Квартира наполнилась чужими людьми, те пахли на удивление противно: Штрудель даже чихать устал, сидя под диваном. Не выдержал, пописал тут же, в самый уголок. А что делать-то? С тоской проследил за уносимым на носилках хозяйским телом. Прокрался в спальню. Повёл носом — ни дать, ни взять — беда приключилась.

Забегал на кухню — так и есть! В миске сиротливо съёжился кусок вчерашнего сыра. Б-р-р! Мерзость какая! Прокрался в гостиную под диван. Немного повздыхал, повёл носом в сторону утреннего преступления. Никогда не позволял себе подобного! Разве что в раннем детстве!

Прилёг, не спуская глаз с единственной знакомой в комнате особы. Племянница Таиса. Да уж... Ничего себе родственница. Являлась пару раз в год. Явно что-то выпрашивая у Иван Павловича. Тот, мягкий добрый человек, доставал из письменного стола конверт с деньгами, покачивал головой, спрашивал о чём-то, похоже, даже уговаривал. Пустое! Таковую уговоришь! Как же...

Теперь вот явилась. Расселась среди комнаты во главе стола. На Иван Павловичевом месте! А вид-то. Вид! Нос разбух. Глаза красные. Тяжёлые веки то и дело сбрасывают громадные капли-слезищи. Прямо на любимую хозяйскую скатерть! Надо же... И у неё беда!

Покосился в угол, там отчего-то покачивалась Пельмешкина коробка. Вот где бедняга! До смерти чужаков боится! Иван Павлович даже от Клавдии её прятал. Та на порог — а Пельмешка уже на балконе воздухом дышит. Нелёгко ей теперь бедолаге. С другой стороны — почему бедолаге? Дамочка та ещё, с прибабасами. Могла бы и привыкнуть за эти годы. К хозяину за день народу захаживает порядочно. Не один и не два... И ведь никаких поползновений в сторону Её Величества. Ишь, как колотится! Ещё короб перевернёт, тогда жди беды. Один раз с хозяином её два дня искали. И прославленный померанский нюх не помог! Да что там нюх! Пельмешка удосужилась весь дом своим запашком наполнить. Штрудель старался от смрада этого держаться подальше. И не слишком усердствовал в поисках. Тоже мне, женщина! Чтобы так пахнуть!

Стоны и всхлипы, частично насквозь фальшивые, вскоре надоели. Утренняя прогулка, видимо, не состоится. Штрудель поворочался, пару раз пискнул пожалобней (вспомнил хозяина). Да и себя пожалеть не грех. В такой-то ситуации! Повозился, укладываясь поудобнее. И уснул.

— А, вот ты где, дармоед линючий! — Клавдия тыкнула в размякшее ото сна тельце веником. — А ну, выметайся! Не то весь дом загадишь! Пошли на двор, чтоб тебя! Навязался на мою голову..

Штрудель обиженно зарычал — такого ещё никто в его жизни себе не позволил! Надо же! «Дармод». Да ещё «линючий». Опять же, плюс веник... Он помедлил, раздумывая, заползти ли вредной бабе назло в самый угол. Или всё же выйти.

Прогуляться перед сном. Прогуляться хотелось. Очень. Да и из угла попахивало... Да уж, не сдержался — кого тут винить? Разве что себя...

Нехотя выполз из укрытия. Поджал хвост, так, на всякий случай, а вдруг Клавдия веником по спине пройдёт. С неё станет... Поводок противно щёлкнул у самого уха: «Эй, поосторожней!».

Улица встретила его мощными порывами ветра и противным мелким дождиком. И тут не везёт! Штрудель насутился и потянул тётку со двора — настал час посещения дальней собачьей площадки.

— А ну, цыть! — рявкнула Клавдия. — Куда прёшь? Так я тебя и повела по проспектам! Туточки садись!

И рванула поводок на себя. Штрудель пискнул от обиды и разочарования. Но деваться было некуда. Пополз в отгороженный шатким штакетничком палисадник. Стыдливо оправился. И тут же был выволочен на асфальт.

— Сделал дело? Ну, и давай домой!

Дома его ожидал ужин. Толсто нарезанные ломти варёной колбасы. Той ещё свежести... пёс отвернулся. И чихнул для пушшего эффекта.

— Ах, так! — взорвалась Клавдия. — Да я к тебе больше ни ногой! Живи, как хочешь! Ишь ты, переборчивый какой! Хозяин так ел, а ты... Ну, и помирай с голоду! Вместе и похоронят!

По поводу «похоронят», Штрудель не понял. Слово в обиходе хозяина и прочих известных ему людей произносилось редко. И как-то беспочвенно. А вот интонации не обещали ничего хорошего. Вспомнился колючий веник. И лужа в углу. И что-то ещё, очень обидное, противное и даже опасное. Пришлось снова поджимать хвост и в таком неприглядном для кобелька виде ползти под диван. И когда всё это кончится!

Наконец дверь в прихожей хлопнула. Клавдия ушла к себе. Штрудель подождал немного. И выполз на белый свет. Впрочем, свет оказался не совсем белым. Скорее, даже совсем не белым. Скорее, даже наоборот. Лишь фонари за окном отсвечивали в полутьме мягким жёлтым светом. Впрочем, Штрудель в цветах совершенно не разбирался. Кажется, даже не различал.

Прошёлся по комнате. Заглянул в спальню. Тихо. Пусто. Грустно. Вернулся в кухню. Вдохнул над миской. И принялся за колбасу. Конечно, не курица. Но есть, в принципе, можно. Съел почти всю. Вспомнил о Пельмешке.

«Вот дура-то! Даже поесть сама не может!» Задумчиво взглянул на последний кусочек. Отнести что ли? Отнёс.

«Что мы не люди? Ну, в смысле...»

Бедолага спала, уткнувшись в гору опилок. В коробке, кроме них и растерзанных картонных клочьев, ничего не было. Похоже, скопленные за жизнь продуктовые запасы свинка уничтожила в один присест. На нервной почве. Зря... Теперь, похоже, не до запасов. Штрудель опустил колбасу рядом с трепещущим от неровного дыхания жирным Пельмешкиным боком и ушёл к себе.

Коврик показался ему слишком пыльным. Ещё бы! Хозяин по три раза на дню это великолепие — чистейший плюш с атласной обшивкой и кисточками по углам — на балконе вытряхивал. А теперь...

«Спи уж, философ, — вздохнул Штрудель и улёгся по центру. — Завтра что-нибудь придумаем...»

Снилось ему что-то удивительно приятное. Кажется, Иван Павлович сподобился отвести его к озеру. В кои-то веки! Штрудель такие прогулки обожал. Свежий воздух, простор — не то, что на тесной собачьей площадке (и никаких поползновений в прочие стороны). Биологическое разнообразие. Городскому не чета. Одних только водоплавающих видов пять!

Водоплавающих Штрудель уважал. Очень. Вот и теперь, не обратив никакого внимания на цветущие и соответственно пахнущие растения, на катающихся по озеру на лодках и катамаранах отдыхающих, даже на прогуливающих неподалёку собак, помчался к берегу. И принялся дурашливо потягивать, привлекая внимание лебедей. Те, естественно, все эти несерьезные поползновения проигнорировали. Гордые птицы! Но Штруделю и того было достаточно. Приобщился, так сказать.

И он, радуясь более чем скромному приобщению, переключился на чаек. Вот где контакт обещал быть! И случился!

Птицы всполошились. Забили по воде крыльями, сгучились подальше от берега. Самые впечатлительные поднимались в воздух и нарезали круги над нарушителем их водоплавающего спокойствия. Что-то кричали возмущённо. Пикировали едва ли не на покрытое рыжим пушком темечко. А Штрудель аж визжал от удовольствия! Подпрыгивал, клацал зубёнками в надежде ухватить хоть пёрышко. Самозабвенно рычал, скалился.

— Одно слово — охотник! — восхищался наблюдавший за собачьими танцами Иван Павлович. — Горжусь!

Да за такие слова Штрудель и взлететь бы рад. И взлетел бы. Если б мог. А хорошо было бы взлететь! В самый раз, между прочим. Потому как чайки, уставшие воевать со странным, так воинственно настроенным существом, собирались перелететь в более тихое место. И допустить этого Штруделю, ох, как не хотелось!

Он даже прекратил прыгать. И почти — лаять. Лишь хвост дёргался в беспрестанном желании. Доброжелательно же дёргался! И почему эти глупые птицы не понимают, что доброжелательно?

— Эх, упустишь сейчас, брат, свою добычу! — всплеснул руками хозяин. — Помочь тебе, что ли?

«А и помоги, коли не жалко!» — дёрнул хвостом Штрудель.

И помчался вслед за благодетелем. А тот намёк понял. И принял меры. Полетел вдоль берега. Догоняя чаек. Быстрее. Ещё быстрее.

«Ну же, ну! — выписывал кренделя хвост. И сам Штрудель уже начинал подтягивать: — Ннуи же! Ннуи же!»

И бежал всё быстрее. Догоняя хозяина. И догнал бы... если б не во сне. А так... Только сейчас заметил он, что Иван Павлович не просто так бегаёт. Действительно летит. Всё выше, выше... даже чайки отстали, с удивлением глядя на взмывающего к небесам человека. А Штрудель остановился как вкопанный. Понял, что... Вернее, ничего не понял. А ещё вернее, не пожелал понимать. Потому как... не пожелал и всё.

Пёс заворочался. И открыл глаза. Вздыхнул:

«А как хорошо всё начиналось!».

Снова вздохнул. Утро начиналось не так, как всегда. Впрочем, вчера нечто подобное уже случилось. Но хоть Иван Павлович был. А теперь... Шпиц на всякий случай заглянул в хозяйскую спальню. Пусто... Что и требовалось доказать.

Сгонял на кухню. И здесь то же самое. Благо, хоть вода в мисочке не высохла. Полакал. Так, безо всякого удовольствия. Но надо же что-то делать! Побродил по комнатам. Заглянул к Пельмешке. Спит! Кто бы сомневался!

А вот колбасы нигде не было.

Вернулся в кухню. Тявкнул пару раз пожалобней — не нарывать же на очередную грубость. Подождал. Ничего. Ещё пару раз тявкнул. Потом завыл. От скуки, немножко от тоски. И самую малость от безысходности.

«Сработало. Явилась, милочка, не запылилась».

— Плачешь, малый? А и поплачь, может, легче станет. Нема твоего кормильца. Сутки уж, как нема. Что ты будешь делать?

Клавдия протянула по пушистой спинке шершавой ладонью. Заглянула в холодильник.

— Ша тебе курятины сварю, не пропадать же добру!

Штрудель завил хвостом, немного презируя себя за непотребное угодничество. Сел. У балконных дверей. Замер в ожидании.

Соседка принялась хлопотать. Тщательно приноживалась к извлекаемым из холодильника продуктам. Морщилась. Покачивала

головой. Что-то откладывала в сторону. Что-то сразу в помойное ведро. Стучала ложкой, помешивая бульон. Разговаривала сама с собой. Пёс предпочитал не вслушиваться, изредка взмахивая хвостом, дабы закрепить отношения. То и дело слатывал слюну. И многозначительно вздыхал, поглядывая на двери.

— А и пошли, — поняла намёк Клавдия. — Как же я забыла?

Прогулка оказалась по-вчерашнему короткой. До палисадника и обратно. И ведь не поспоришь! Да и не хотелось Штруделю спорить. Не то настроение. Совсем не то.

Он ополовинил крылышко. Благодарно лизнул чужую ладонь. Уселся у балкона в ожидании. Соседка завернула отобранные продукты в фартук и ушла.

Пёс выхватил из миски недоеденную косточку и отнёс в коробку к Пельмешке. Та высунула нос, смешно сморщилась, но подаяние приняла. Отнесла в уголок и зарыла в картонных клочках. Про запас, должно быть. Шпиц удивился: свинка ела раза в три больше него, а тут... Впрочем, у него самого тоже не было аппетита. Вот вернётся хозяин...

Пёс покатал, безо всякого настроения, по ковру мячик. Запрыгнул с кресла на подоконник. С полчаса любовался на серый осенний пейзаж за окном. Машины... машины... толпа незнакомых, явно безразличных к жизни людей... старая бабка с такой же старой болонкой на поводке... скука, в общем. Но все лучше, чем ничего...

Вечером он доел курятину и с минуту дышал свежим воздухом всё в том же палисаднике. Если так дальше пойдёт... Додумывать не хотелось... Штрудель вздохнул, выудил из-под ковра кусок задохшего сыра и отнёс Пельмешке. Та, похоже, с утра не просыпалась.

«Нам бы её проблемы!» — вздохнул несчастный пёс и пошёл укладываться.

Благо, хоть сегодня Клавдия сподобилась и вытряхнула его лежанку с балкона. Даже выбивалкой стукнула. Кажется, их отношения начали налаживаться. Придётся терпеть...

Назавтра его разбудили чужие шаги. Надо же, так крепко уснул! Нехорошо. Да и снов никаких не видел. Непорядок...

Штрудель потянулся разок-другой. Вздохнул. Вышел в прихожую. Нет, не Иван Павлович. Всего лишь племянница. С Кладвией. Та, молча, подхватила Штруделя под живот и понесла на двор:

— Гуляй, сиротинушка!

Собака вильнула хвостом. Заглянула в глаза соседке. Отбежала в сторонку. Присела.

— Ещё гуляй.

Можно?.. Штрудель махнул хвостом и тявкнул с благодарностью. Обежал песочницу, затем обнюхал качели... С минуту исследовал

ближний кустарник. И совсем, было, повернул к собачьей площадке, как услышал недовольное:

— Ишь разбежался! Домой давай!

А в доме уже собирался народ. Большой частью совершенно Штруделю незнакомый. Только что соседи да старый Иван Павлович приятель. А так...

Из кухни тянуло всевозможными вкусностями. Пёс с надеждой рванул туда. Нет, не хозяин. Здесь суетились какие-то парни в белых жакетах.

— О! Какие у нас гости! — запищал один из них треснутым высоким голосом. — Сём, угости-ка!

Второй кинул в собачью миску кусок котлеты. Штрудель хотел гавкнуть, но вспомнил, что выделываться не перед кем. Ограничился ворчанием.

— Ого! Да ты парень с характером! Иди, поешь! Вкусно-о-о.

Подошёл. Понюхал. Пахнет неплохо. Лизнул. Съедобно. Даже очень съедобно.

— Вот это дело! Сём, подкинь ещё чего!

Вторую половину котлеты он отнёс в стоящий за занавеской короб. «Опять спит! Ну и нервы!»

«Впрочем, и к лучшему, не хватало ещё бабских истерик!»

Между тем в гостиной продолжался важный разговор. Присутствующие, помянув усопшего тихим добрым словом, перешли к насущным проблемам.

— А с квартирой что делать станешь? — спросила Клавдия. — Могу племяннику предложить. Мужик в разводе. По чужим углам мотается. Сговорились бы.

— Нет, спасибо, — помотала головой наследница, — у меня на неё другие планы. Сделаю ремонт и продам. Чтоб не дёргаться с разными там налоговыми и милициями. Деньги в дело вложу. У меня бизнес на ладан дышит. Будет от дядюшки подарок.

— Да он и так тебя не обижал, — поджала губы Клавдия. — То подарки привозил из-за границы. То деньги давал. Я-то знаю.

Штрудель вжался в свой коврик, стараясь не дышать. Значит, всё-таки конец! Эх, Иван Павлович, Иван Павлович! Как же я без тебя? Повернулся к занавеске, вздохнул, исправился. «Как же мы без тебя? Что делать будем? Как жить? И вообще...»

И вновь мысль осталась неоконченной.

От стола к шпичу метнулся маленький белобрысый пацанчик. Глухонемой сосед Вовчик шести лет. Замычал по-своему, по-немому. Затыкал пальчиком, взывая к матери. Та поднялась. Присела у коврика.

— Нет, сынок, мы так не договаривались! Его ж кормить надо и выгуливать. А я целыми днями работаю плюс садик твой за три-девять земель. Да он с тоски умрёт!

Из-за соседских спин выглянула раскрашенная в разные цвета хитрая женская физиономия:

— Кто у нас там? Котик?

Тут толпу растолкала круглощёкая девочка в розовом платье:

— Ой, собачечка! Манюсенская! Мам, давай возьмём! Ну, мамочка...

Штруделя слегка перекосило от её визга. «Надо же...»

Раскрашенная дамочка отрицательно покачала головой и скривилась, будто лимон целиком проглотила:

— Ну что ты, доченька! Какие могут быть собаки в нашем доме? Не хватало ещё блох или шерсти. Смотри, какой лохматый.

— Ну, мам! — топнула ножкой в розовом чулочке девочка. — Хочу!

«И что за дети пошли?»

— Собачку-то пристроить надо бы, — пропела Клавдия. — Мне-то за ним недосуг приглядывать. Своих дел полно. А взять не смогу. У мужа аллергия на шерсть.

— Нет проблем, — подала плечами Таиса. — Породистых собак теперь сбывать несложно. А Штрудель у нас чемпион. За его щенков тысячу евро дают. А то и больше. И премии на конкурсах. Дядюшка за три года успел на машину скопить. Жаль, так и не купил... А собирался, на своём авто по Европам гораздо проще путешествовать. И они где только не побывали.

— Как это тысячу евро? — запоздало вошла в курс дела раскрашенная в пух и прах мамаша. — Неужели целую тысячу?!

Она обласкала пса новым, совершенно иным взглядом. Теперь в её подрисованных серым, голубым и даже фиолетовым глазах прочитывалась смесь удивления, интереса, почти любви.

— Доченька, а давай посмотрим на собачку. Тысяча, говорите? Так он же мальчик... щеночков не рожают... жалость-то какая!

— Ну, за него я планирую взять не менее трёх с половиной. Просить буду пять, чтоб уж наверняка. А что касается щенков... их Штруделю за каждую вязку отдавали. Кто одного, а кто и двух сразу. Как уж Иван Павлович договаривался.

— Да что Вы говорите? Надо же! Такой махонький! И такая прибыль.

Теперь в глазах незнакомки заплясали композиции цифр и арифметических знаков. Дама судорожно подсчитывала что-то в уме. Подсчитала. Окончательно сменила гнев на милость:

— А знаете, пусть он пока у нас поживёт. Ну, пока Вы покупателя найдёте. А там, глядишь, мы и сами... да... вполне возможно... купим пёсика. Уж больно хорош. Правда, доченька?

Доченька завизжала от восторга, что вынудило Штруделя заползти под диван. Собаке хотелось плакать. А ещё лучше бежать куда глаза глядят. Да куда бежать-то?

Глухонемой Вовчик разочарованно — понял всё — помычал и отошёл к окну. Здесь на комодке стояла коллекция автомобильных моделей хозяина.

— Вовчик! И думать не смей! — прикрикнула на него соседка. И, оправдываясь, повернулась к племяннице. — Вы уж простите, мал ещё, понимать.

— Да и пускай возьмёт! — смиловилась та. — Дядюшке бы приятно было!

— Да как-то неудобно... — смутилась соседка. — Вовчик...

А Вовчик уже переключился на картонную коробку, обнаруженную за занавеской.

— Ммм! — призывно мычал он, прижимая руки к груди и с умилением глядя на морскую свинку. — Мммм!

— И думать не смей! Сейчас вот домой отправлю! Ишь, освоился в гостях! Воспитываю, воспитываю. Стыд-то какой, честное слово!

— Ммм! — просил Вовчик, тыкая пальцем в недра коробки. — Ммм...

— Вы уж простите нас! Ребёнка одна воспитываю. Деть некуда. Пришла вот. Теперь и самой неудобно. Не умеет пока вести себя при посторонних. Вы мне номер могилки подскажите? Я навещать Иван Павловича буду. Хороший был человек. Душевный. С Вовчиком несколько раз помогал. Деньгами опять же... Ну, упокой, Господи, его душу! А мы пойдём... Пошли уж, горе мое! Пошли. От греха подальше.

Вовчик идти не желал. Упирался. Звал мать в заветный угол. Пытался вырваться.

И только одному Штруделю была понятна причина: мальчику понравилась Пельмешка. «Собаку ему взять не разрешили, а свинку могли бы. Жаль, не разобрались».

Вскоре все участники печального события разошлись.

Штруделя увела дама с визгливой девочкой.

Клавдия перемыла посуду. Посетовала, что брать остатки еды с поминок плохая примета, а осталось-то, осталось сколько! Пошуричала пакетами. Вынесла мусор. И квартира опустела.

Дня через три, выбрав свободную минуту, Клавдия заглянула снова. Вытерла пыль. Проветрила комнаты. Под батареей обнаружила картонку с ворохом обгрызенной бумаги и какую-то пушистую игрушку.

— Надо же, совсем из ума выжил старик! Игрушки по помойкам собирать начал! Ох, что ж с нами старость делает?

Вынесла коробку на двор, поставила у мусорных контейнеров. Ушла.

Есть ведь на свете добрые люди! Жаль, что не все. И жаль, что не всегда.

Вовчик с мамой возвращался с дневной смены. Впрочем, у мамы их было сегодня целых две. А Вовчику вполне хватало одной. В своём далеком, на редкость молчаливом детском саду. Домой идти тоже не хотелось. Дома та же тишина. Мама на кухне. Он наедине с игрушками. И так каждый день... Грустно...

Последние дни ему особенно грустилось. После поминок у Ивана Павловича. Как же ему тогда хотелось взять себе собаку! И ещё ту смешную пушистую живелинку, что обнаружилась под батареей. Она так смешно поводила носиком. И жевала картонку. Голодная, должно быть, была. Хорошо, что Вовчик под шумок стянул со стола две печенюшки и бросил в коробку. А мама толком даже подойти не дала! Вот если бы... Малыш шмыгнул носом и побрёл дальше. К своему привычному одиночеству.

Приближалась зима. К вечеру подморозило. Вчерашние лужи покрылись хрустким ледком. Вовчик не слышал, но точно знал, что хрустким. Жизненный опыт.

Он потянул маму за руку — хочу, хочу, хочу. Мама потянула обратно — вот ещё, не дай бог поскользнёшься! И всё-таки Вовчик настоял на своём. Хотя бы разок.

Разок получился так себе. Мальчик благополучно прокатился по первой ледяной дорожке. А на середине второй растянулся, больно ушиб коленку. Едва не расплакался. Сдержался — в другой раз мама ни за что не позволит. Третью обошёл стороной. На всякий случай.

Сторона пришлась как раз на мусорные баки. А куда деваться? Не звать же маму. Да и обходить по кругу стыдно. Сам напроился.

Проезжавшая мимо машина удобно высветила ему дорогу. Ага! Здесь ещё одна ледяная дорожка. А вот справа пройти вполне получится. Если сдвинуть прогрызенную в нескольких местах коробку. Кстати, коробка отчего-то показалась Вовчику знакомой.

Очень даже знакомой. В груди разлилось что-то томительно сладкое. Или горькое — кто разберёт? Малыш нагнулся. И почти увидел в неясном свете далёкого фонаря ту самую, смешную и пушистую, живелинку.

— Ммм! — позвал он.

— Опять двадцать пять! — возмутилась мама в некотором отдалении. — Пошли уж, горе моё!

— Ммм! — потребовал Вовчик. Даже ножкой топнул, чего никогда не бывало.

— Это ещё что за фокусы? — удивилась мама. — А ну, пошли!

Мальчик стоял на том же месте.

— Ушибся, что ли? — женщина сменила гнев на милость. — Сейчас помогу. Говорила же! Как бы самой не грохнуться.

Она обошла скользкие места и приблизилась к сыну. Взяла за руку.

— Ммм! — упорствовал Вовчик, указывая свободной рукой на коробку. — Ммм!

— Да слышали уже сто раз, — проворчала мама и наклонилась. — Да, старая история. Это кто ж хомячиху на погибель выбросил? И что за люди! Ни стыда, ни совести!

— Ммм! — умолял мальчик.

— Вот ещё! У нас что, похоронное агентство на дому? Да она сдохла пять раз, а если и не сдохла, то вот-вот... Ты на что нарываешься?

Женщина толкнула ногой коробку. Малыш бросился на защиту. Выхватил из картонного мусора невесомое пушистое тельце, прижал к груди. Заплакал в голос.

— И не надейся! Не растрогаешь! Мы калачи тёртые, — мать настаивала на своём. — Брось сейчас же!

И тогда Вовчик зажмурился, изо всех сил прижал к себе холодное тельце и выдавил неразборчивое:

— П-п-жалуста...

Мать опустила прямо на коробку:

— Сыночка... Да как же это...

Прошло месяца два со дня похорон.

Штрудель почти освоился на новом месте. Лишь по вечерам, оставшись один на один со своими воспоминаниями, он поглядывал на луну, либо просто на плывущие в темноте косматые обрывки облаков и едва слышно скулил, оплакивая безвременно ушедших Иван Павловича и Пельмешку. Как же хорошо жилось им вместе! А теперь... теперь ему приходится жить за всех троих. Нелёгкое это дело...

Новая хозяйка всерьёз взялась за его раскрутку. Даже имя сменила. Теперь Штрудель назывался в соответствии с паспортом, международного, кстати, образца. Руди Голд Чемпион. Не больше и не меньше!

Еду он получал отменную. Витамины и пищевые добавки — и того лучше. На прогулки выходил в новеньком, мерцающим стразами ошейнике. В строго определённые часы. И на хорошо устроенные площадки. С лесенками и затейливыми лабиринтами. С чистопородными шпицами и чихами — и чтоб никаких болонок поблизости!

Хозяйка обзавелась семьёю адресами, по которым Штруделя Руди Голд Чемпиона с нетерпением ожидали владелицы шпицев женского пола. И намеревалась в ближайшее время приобрести в личное пользование «своего красавчика» чемпионку голубых кровей.

— Стану заводчицей, — нарочито бесстрастно делилась она планами с приятельницами, сидя в любимом кресле и полируя свои и спицевы ногти стеклянной пилочкой. — Дело выгодное, я уже всё подсчитала. Благо, дом свой, никто не помешает.

В глазах хозяйки мелькали уже знакомые единицы, нули, плюсы и минусы вместе со скрюченными знаками самой конвертируемой валюты мира. Шпиц шурился. Стараясь не выдавать своего пренебрежения — чем бы дитя не тешилось.

Вообще-то хозяйка изменилась в лучшую сторону. Перестала экспериментировать с косметикой — как-то очень к месту сделали ей замечание на одном из собачьих показов. И визгливую дочку отучила голосить почём зря. И чесать Штруделя Голд и так далее за ушком, почти любя, стала. Что и говорить, встречаются порой добрые люди.

Вовчик добрым не был. Он был самым обычным мальчиком. Потихоньку навёрстывал упущенное. И откармливал едва не погибшую от голода и холода Пельмешку. Просто потому, что так хотел. И ещё потому, что Пельмешку ему было жалко.

Да и Пельмешка теперь не была Пельмешкой. Она вообще никем не была — ни Вовчик, ни его мама не догадались придумать ей имя. Да и вообще. Они до сих пор пребывали в полной уверенности, что в их квартире поселился хомяк. А что касается размера... никто из них не догадывался, что имеют место стандарты и в хомяковых размерах. Впрочем, и безо всяких размеров им жилось теперь очень хорошо.

Во-первых, Вовчик начинал разговаривать. Во-вторых, его перевели в ближайший к дому садик, что сэкономило около двух часов их семейного времени. А в-третьих, в их дом пришла любовь. Называлась эта любовь Пельмешкой. Но никто, кроме нее самой, об этом не догадывался.

Каждый норовил первым угостить малышку капустным листом и почистить засыпанную за день картонными стружками коробку. Каждый старался ухватить её под пухлый животик и уложить себе на колени, чтобы на протяжении всего вечернего телепросмотра чувствовать живое тепло рядом. Каждый стремился рассказать ей перед сном свои новые тайны и мечты. И пожелать напоследок спокойной ночи.

Мимо проплывали косматые обрывки облаков, где-то совсем рядом сопел во сне маленький Вовчик, чуть поодаль ворочалась в кровати его строгая мама. Пельмешка, выспавшаяся за день, в очередной раз переживала. Всё сразу. И нечаянно выпавшее на её долю счастье. И разлуку с прежде почти любимыми Иван Павловичем и Штруделем. Были, конечно, в их отношениях и свои проблемы. Но...

«Эх, молодость, молодость...» — сказала бы Пельмешка, если б могла.

А так... просто подумала. Уползла в укромный уголок своей новой коробки и принялась хрустеть спрятанным накануне сухариком. Жизнь продолжалась. И продолжалась очень приятно!

Гродно, Беларусь

СОДЕРЖАНИЕ

Николай Зайцев	
Кара-Валун.....	7
Анна Виноградова	
Пашкины дороги	9
Дарья Караулова	
Мама.....	19
Алла Бойцова	
БесТолковый словарь моей жизни.....	22
Светлана Шушкевич	
Чёрное море	58
Татьяна Сенчищева	
Новогодняя история, или Счастье для снегурочки.....	66
Елена	
Пари	71
Артём Межурецкий	
Полюбившаяся песня	79
Мазут	
Бармен.....	80
Ирина Василькина	
История одинокого человека	87
Надежда Кутуева	
Выслушать человека	105
Николай Культияпов	
Красный следопыт.....	109
Дракон	
Человек-легенда.....	124
Валерий	
Чёрный рояль.....	127
Сергей Маркелов	
Дашкино чудо	128

Галина Зелёнкина	
Добрая кукла Маша	133
Илья Криштул	
Соперницы.....	136
сивер	
Хранители космоготики	138
Дмитрий Кудрец	
Шишуня из Шишунов.....	171
Алёна и Людмила Бессоновы	
Жил-был воробей, или Зачем нужно ходить в школу	240
Галина Зелёнкина	
Камень.....	261
Татьяна Сенчищева	
Обстоятельства виноваты	267
Владимир Кочетков	
Спутник.....	268
Дара	
Маруська	272
Лина Богданова	
Добрые люди	274

ЛИТЕРАТУРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ КОНКУРС «ДОБРАЯ ЛИРА»
(ПРЕМИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПРИЗНАНИЯ)

Собрание произведений
лауреатов и дипломантов 2013–2014 гг.

НАСТЯ, ВОВЧИК, БАФ, ШИШУНЯ
И БОЛЬШОЙ ПЁС С ВОРОБЬЁМ МЕЖДУ УШАМИ

*Алёна и Людмила Бессоновы, Лина Богданова, Алла Бойцова, Валерий,
Ирина Василькина, Анна Виноградова, Дара, Дракон, Елена,
Николай Зайцев, Галина Зелёнкина, Дарья Караулова, Владимир Кочетков,
Илья Криштул, Дмитрий Кудреи, Николай Культяпов, Надежда Кутуева,
Мазут, Сергей Маркелов, Артём Межурецкий, Татьяна Сенчищева,
сивер, Светлана Шушкевич*

Редактор-составитель *Елена Хозяинова*

Компьютерный макет Натальи Пашковской

Сдано в набор 11.09.14. Подписано в печать 02.10.14.
Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Тираж 500 экз.
Заказ № 3571.

ООО «Издательство “Лема”»
199034. Санкт-Петербург, В.О., Средний пр., 24